АКАДЕМИЯ МАГИИ
ОЛЬГА ПАШНИНА
ШКОЛА ТЕМНЫХ
АНГЕЛ ШТОРМА
В ДУШЕ КАЖДОГО АНГЕЛА ПРЯЧЕТСЯ ДЕМОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сначала я была изгоем, а теперь стала самой популярной адепткой Высшей Школы темных. Почти что темной королевой. Но стала ли я от этого счастливее? Нет. Учеба отнимает все силы, магия растет с каждым днем, а страх перед темным богом изматывает. Кейман Крост, директор школы и мой опекун, совсем не жаждет раскрыть тайны прошлого моей души. И где искать выход? В любви? В ненависти? Какое будущее меня ждет? Чем придется за него заплатить и буду ли я готова к таким жертвам?

- Ольга Пашнина
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

Ольга Пашнина
Школа темных. Ангел шторма

Глава 1

– Кейман меня убьет.

– Ты сказала это раз десять с того момента, как сюда приехала. Деллин, муза моя, не вертись!

Марьон порхал над мольбертами, бросал на меня задумчивые взгляды, изредка загадочно вздыхал и вообще был погружен в рабочий процесс. Позади него Брина ди Файр с наслаждением лопала что-то, очень отдаленно напоминающее ананас. Если бы ананасы вообще были с длинными кудрявыми листьями-лианами и фиолетовой мякотью.

– Не как приехала, а с тех пор, как вы сказали, что я буду представлять нижнее белье.

– Не нижнее белье, а спальную коллекцию!

– А это не одно и то же?

– Муза моя, нижнее белье – это то, что на тебе надето под этой идеальной, созданной руками лучшего портного и разумом лучшего модельера сорочкой. Это не какие-то там пошлые панталоны, это пеньюар. К тому же он достаточно закрытый.

– Снизу. А сверху – достаточно открытый.

– Если где-то убыло, значит, где-то прибыло, – философски сообщил художник – и перешел к другому мольберту, контролировать один из пяти саморисующих карандашей.

– Поэтому и говорю, что Кейман меня убьет. Я клялась больше не изображать в рекламе темную богиню.

– Ты ее и не изображаешь.

– Ага, теперь она изображает томную богиню. – Брина довольно захихикала.

– Тебе и не надо больше, все равно публика тебя уже запомнила.

– Знаешь, Марьон, как говорят в народе: «я тебя не забуду» – звучит романтично, а «я тебя запомнил» – угрожающе. Мне бы все-таки хотелось первого.

– Вот в этой коллекции тебя точно не забудут. Не вертись и смотри на луну. Загадочнее. Еще загадочнее! Деллин, да не таким голодным взглядом же…

– Тогда скажи ей, чтобы она перестала есть!

– Всё! – сдался бедняга. – Перерыв! Красавицы, в море не лезть – сорочки испачкаете. Если будете перекусывать, накиньте рубашки, не хватало нам еще пятен от пудинга на дорогущей коллекции, которая, между прочим, держится в строгом секрете!

Из чистой вредности я показала Марьону язык. Когда я озвучила леди Найтингрин, что готова еще поработать моделью с

тем условием, что никогда не предстану больше в образе Таары, она жутко обрадовалась и тут же предложила поехать на Силбрис, чтобы отрисовать там ее новую, секретную и грозящую стать настоящей бомбой Штормхолда коллекцию. Поразмыслив, я решила, что всеми лапами за.

Во-первых, посмотрю чудный тропический курорт, о котором так мечтал магистр Симон.

Во-вторых, интересно, что там за такая новая коллекция.

В-третьих, не буду мучить Кеймана своим присутствием в его доме.

Ну и в-четвертых, разве от такого гонорара отказываются?

Вот так вот оно все и получилось… как всегда, впрочем.

В дом идти не хотелось, да и есть тоже. Разморит, потянет в сон: за два дня организм так и не перестроился на южные время и климат. А Марьон хотел отрисовать светлые наряды до того, как мы загорим и станем неотличимы от южанок с бронзовой кожей.

Поэтому мы сели на пляже. Есть фиолетовый ананас и тренироваться томно смотреть на луну.

– Ты на какую смотришь? – спросила я.

– На Таару, – ответила Брина.

В ответ на мой удивленный взгляд пояснила:

– Прошу ее позаботиться об Эйгене.

– Она же ушла из вашего мира.

– А вдруг нет? Если ушла, то я ничего не теряю. А если нет… вдруг услышит? И поможет ему? Мне хочется верить.

– Да. Мне тоже. Поделись секретом, как ты уговорила брата отпустить тебя работать на Рианнон?

Я не знала о приезде Брины. Отоспавшись после перелета и восхитившись волшебной природой Силбриса, я сидела на веранде, потягивая прохладный сок, когда наследница ди Файров ураганом ворвалась в мой отпуск и превратила тоскливое уединение в шумный девичник. Жаль, Аннабет не было рядом. Но Ленард нашел для нее хорошую работу, и все лето подруга зарабатывала на наряд мечты. Я знала, что про Бал Огня думали сильно заранее, но не предполагала, что настолько.

– О, я применила самую сильную женскую магию.

– Ревела?

– Врала. Задвинула пламенную речь о том, как мне грустно и одиноко, как я чувствовала себя несчастной и беззащитной, как боялась, что не смогу защитить сестренку, ну и все в таком духе. Сказала, что работа поможет мне снова почувствовать себя нужной. Сначала радостно сообщила, что планирую работать разносчицей в ресторации. Потом, когда братик вспомнил все походы со своими дружками в злачные места и изрядно сбледнул,

добавила, что еще леди Найтингрин приглашала меня на показ. Ну и дальше он почти умолял поехать на Силбрис.

– Врешь, – с подозрением прищурилась я.

– Немного. Я сказала, что буду подавальщицей, Бастиан сказал «нет», я обиделась и сказала, что поеду на Силбрис, к подруге. Вот и все.

– Он тебя убьет.

– Да, и заметь – я не твержу об этом каждую минуту. Умрем вместе, а на надгробиях нарисуют нас в ночных сорочках.

Брина фыркнула и вгрызлась в сочную мякоть фрукта.

– Ты ему так и не рассказала о нашем путешествии на Землю?

– Меньше знает, крепче спит. – Брина отмахнулась.

– А что насчет его пребывания в виде проекции?

– И не подумаю. Зачем?

– Затем, чтобы он хоть человеком стал. Брина, имей совесть, он же снова меня начнет травить!

– Не начнет, я же с тобой теперь дружу. Бастиан не выносит моих слез, так что даже и не подойдет к тебе. Делл, ну зачем ему знать, что там было? Он не сможет ничего поменять. Помолвку с принцессой нельзя разорвать. А я не хочу, чтобы все усложнилось. И тебе не советую, хотя, конечно, дело твое.

– Усложнилось что?

– Мне показалось, ты ревнуешь.

– Чушь, – фыркнула я. – Твой брат может жениться на ком хочет. Просто я не хочу снова оказаться объектом травли. Мне кажется, я заслужила такую малость.

– Не окажешься. Я гарантирую. Бастиан сейчас занят, учится жить с новым сердцем.

Я с любопытством взглянула на Брину. До сих пор никто мне так и не объяснил, что с собой сотворил Бастиан ради того, чтобы очнуться. Для всех он просто взял и выздоровел, триумфально вернувшись на Выпускном Балу. Но я помню ужас в глазах и голосе Брины, когда она увидела, что в ящике. Помню пульсирующее, словно состоящее из огня, сердце, усыпанное искрами.

– Почему ты так отреагировала на посылку Киглстера? Что особенного в пересаженном сердце? На Земле такие операции делают массово.

Брина долго молчала, и я успела пожалеть, что затронула непростую для нее тему. Могла бы быть и потактичнее, она едва не потеряла брата.

– Ты знаешь, кто такие демоны? – вдруг спросила она.

– Смутно, что-то читала у Симона на парах. Они полукровки, почти вымерли, живут уединенно, магией не обладают, но от

природы имеют ряд способностей.

– Ну да. Демонов у нас не любят. Их очень мало, но у них жуткие традиции и ужасные порядки. Это существа, подвластные темному богу, одни из немногих выживших. И у них есть ритуал, обращение в демона. Они используют его крайне редко, в основном с теми, кто им так или иначе дорог. Например, для высших демонов, бывает, крадут девушек, чтобы обратить их и сделать наложницами. Ну, конечно, король пытается все это пресечь, да и в Штормхолде их не так много, в отличие от Джахнея. Так, что-то я отвлеклась… ритуал обращения – это то же самое, что сделал Бастиан. Наживую жертве вскрывают грудную клетку и заменяют человеческое сердце на сердце демона. Так человек становится одним из них.

– Фу, – я почувствовала, как меня замутило, – есть окончательно перехотелось. Но Бастиан же не использовал сердце демона.

– Хуже. Он использовал сердце дракона. Киглстер – охотник за древностями, маг-артефактолог. Оказывается, он давненько уже нашел заброшенный храм под песками Джахнея. В храме очень хорошо сохранилось тело одного из последних драконов. А сердце… сердце еще работало. Такого еще не находили, если бы Киглстер сдал сердце короне, он бы получил баснословные деньги, но… он написал королю огня. И предложил отдать сердце безвозмездно в обмен на попытку возрождения драконов. Бастиан отказался, а потом… ну дальше ты знаешь. Вместо того, чтобы выращивать драконов, Бастиан пересадил сердце себе. Теперь оно работает, но…

– Но?

– Человек, обращенный демоном, получает его имя не просто так. Он становится его половинкой, частью его души. И далеко не всегда остается собой. Чужая кровь меняет, чужое сердце может превратить в монстра. Поэтому я боюсь за брата. Он хотел жить… но какой ценой, Делл? Чем он расплатится за новое сердце?

– Мне жаль. Но ты ведь знаешь, его бы никто не смог переубедить.

– Да. Не злись на него, Бастиану рано пришлось стать во главе рода. Это непросто. Когда он умирал, я старалась не читать газеты, потому что они едва ли не плясали от радости. Особенно те, что контролируются Уотерторнами. Сейчас будет немного проще… с молодым королем огня можно было играть, но с женихом принцессы будут считаться. Другим королям придется принять Бастиана, если они не хотят лишиться поддержки короны. Ну и его величеству выгодно быть тестем Бастиана, так его можно держать под контролем и быть уверенным, что наш род

не пойдет против короны.

Я многозначительно хмыкнула. Да, конечно, как будто Бастиана остановят родственные связи.

– Бастиан женится на Катарине, и это выгодно всем: Бастиану, королю… а Катарину никто не спросил.

Брина фыркнула:

– Ой, да она от счастья должна была умереть, когда узнала! В Штормхолде королей свергают с завидной регулярностью. А вот королей стихий… род может прерваться, но сбросить ди Файров с наших позиций невозможно. Катарина тоже не дура, она понимает, что в случае нового свержения ей лучше быть леди ди Файр, а не опальной принцессой. Выйдет замуж и родит ребенка в рекордные сроки – тогда… ой, Деллин, прости, я не подумала, что тебе будет неприятно.

– Мне нормально, Брина, я в курсе, что в браке случаются дети.

А иногда там случается некоторое дерьмо. Однажды в книжке с легендами я до него дойду и узнаю много нового про богиню, чья звезда сейчас освещает мне пляж.

– В общем, Крост сильно помог нам, устроив помолвку…

– Вы что, молились, чтобы Бастиан женился?

– При чем здесь молитвы? Я про Кеймана Кроста. Это он устроил помолвку, когда Бастиан пришел в себя, он поговорил с ним и убедил, что единственный шанс сохранить род – это встать за спину короля. Ну и с его величеством тоже долго беседовал. Убеждал, что для Катарины нет лучшей партии.

У меня непроизвольно открылся рот, потому что я… нет, у меня ведь не могло быть глюков? «Об этом мне ничего не известно», – так сказал Кейман, когда я спросила про Бастиана, лежа в больнице! Он врал, что ничего не знает, а сам подрабатывал свахой…

Ничего, я и до него в книжке дойду. Там наверняка о божественной сущности (или сучности?) повелителя стихий много интересного написано.

– Год будет не из легких.

– Когда бывало иначе? – Брина пожала плечами.

К нам уже спешил Марьон с новой порцией холстов. Время перерыва вышло, пришла пора работать и зарабатывать. На платье для Бала Огня, на крупицы для занятий, на артефакты для прошлогодней семестровой, на подарки к Празднику Зимы, ну и так, по мелочи… подлатать крылья к новому сезону и нанять киллера для Кеймана. Убить не убьет, но, может, хоть нервы помотает.

Хотя… Я посмотрела на тонкое кружево сорочки. Может, с

«помотать нервы» я и сама справлюсь.

Силбрис поразил меня спокойствием и размеренностью. Здесь мягко шумело море, воздух был наполнен ароматом экзотических цветов, а дом, что арендовала Рианнон для съемок, напоминал сказочный белоснежный замок. Легкий, с тонкими, словно из кружева, колоннами, аккуратными балкончиками и парящим над садом фонтаном, брызги которого приятно освежали жарким днем.

Иногда я думала о том, что Рианнон неспроста решила устроить съемки именно здесь. То есть, конечно, девушки в кружевных сорочках на фоне моря и звездного неба – это красиво. Но в прошлый раз Марьон вполне справился с божественными локациями и без натуры, отрисовав меня в студии и добавив фон. Мне казалось, вся эта поездка случилась не только с одобрения, но и с побуждения Кеймана. Иначе почему он так легко меня отпустил?

После того, как Марьон закончил, я сразу отправилась к себе, чтобы принять душ и почитать перед тем, как сонное зелье сделает свое дело. Свободного времени было более чем достаточно: утро принадлежало мне, с утра всегда рисовали Брину, затем вечером, на закате, позировала я, и ночью – мы обе. По задумке леди Найтингрин мы с Бриной были чем-то вроде инь и янь. Она – трепетная нежная девица, встающая с рассветными лучами, я – дерзкая оторва, гуляющая на закате. Ну и ночью мы – фруктовый сад… в смысле, такие разные, но обе – в пижамах от модного дома Найтингрин.

Будем надеяться, Рианнон знала, что делает. Потому что во Флеймгорде я видела такие плакаты… такие каталоги, с такими шикарными девушками! Не говоря уже о рекламной индустрии Земли.

Но море и воздух действительно творили чудеса. После того, как я чуть не убилась, вычерпав всю силу на защитное поле для школы, резерв восстановился буквально на следующий день после прилета сюда. А до этого никак не мог вернуться к первоначальному значению несколько недель. Это я не говорю о том, что в идеале он бы должен расти.

После душа я забралась в постель и, поколебавшись несколько минут, все же достала из тумбочки книги. Когда Сайлер их только подарил, времени все как-то не было. А потом не было желания, я еще надеялась, что Акорион просто исчезнет из моей жизни и читать легенды о темном боге не придется.

Но вместо этого в мою жизнь пришли Крост с Таарой, а значит, информация не повредит. Но на всякий случай я книги все равно спрятала и тайком утащила на Силбрис, чтобы прочесть

вдали от Кеймана. Глупо, но мне казалось, что Кейман знает обо мне все и может видеть, чем я занимаюсь, даже когда находится за несколько сотен километров от дома.

Что здесь у нас? Сборник стихов древних поэтов… красиво, наполнено отсылками к легендам, но на данный момент не совсем то, что нужно. Магические существа… я мельком пробежалась по оглавлению и замерла, когда палец остановился на главе о драконах.

– И про демонов есть…

Что за фрукт этот король и почему ему пришло в голову подарить мне именно эти книги?

Третья – сборник легенд – оказалась чем-то вроде «Некрономикона» Штормхолда. Открывая ее, я чувствовала, как бешено бьется сердце. Книга была старой, наверняка ручной работы. Я поразилась детализированной иллюстрации, панораме Штормхолда. Черной тушью художник нарисовал целый мир на сдвоенном листке бумаги. Особенно мощно смотрелись почти черные тучи, прорезаемые молниями.

Первая глава звалась «Рождение Штормхолда» – и вопросы появились почти сразу. Почему, если в мире есть Бавигор, Джахней, Силбрис, – все говорят о нем как о Штормхолде? Вопрос был сразу же записан в блокнотик, который я бережно прикопала под подушкой. Учиню по приезду Кейману допрос с пристрастием. Или начну слушать лекции, на которые хожу.

Итак, рождение Штормхолда. Когда-то давно, когда мир был высохшей пустыней, небеса вдруг разверзлись, и разразился шторм такой силы, что весь мир был охвачен молниями. Одна из молний попала в изломанную трещинами сухую землю – и из нее забила струя воды. Вторая молния попала в скрюченное дерево – и оно вспыхнуло, за несколько секунд превратившись в пепел, а огонь перекинулся на землю и, подхваченный ветром, понесся по Штормхолду. В месте, где встретились четыре стихии, в огромном кратере от небесного удара (Метеорит? Отдельный вопрос – что было до рождения Штормхолда и откуда там высохшие деревья?), родился бог стихий и грозы Крост.

– Что-то мне кажется, я сейчас прочитаю историю в духе древнегреческих мифов… и будет большой удачей, если никого не съедят.

Несколько веков стихии бушевали в Штормхолде, пока, наконец, Крост не создал людей. Там, где молнии попадали в землю, появлялись месторождения чистой магии. В каждого человека Крост вложил по крупице – и вскоре мир наполнился людьми. Они рождались из магии и умирали, растворяясь в ней. А бури все так же бушевали над новым миром, и после одной из

них бог грозы и стихий услышал плач.

Неподалеку от скалы, где бог создал свой замок, молния ударила в землю, оставив безобразную черную расщелину. И в этой расщелине надрывались дети: мальчик и девочка. Крост принес их домой и рассмотрел в каждом бездну магии, не виденной им прежде. Ведомый интересом и опасениями, Крост оставил детей у себя, мальчика назвав Акорионом, а девочку – Таарой.

– А, так вот откуда карма опекунства, – хмыкнула я. – Как говорил Фрейд, все мы родом из детства. Или это не Фрейд говорил?

Дети росли, становясь все сильнее и сильнее, а Крост изучал их силу. Она была так велика и опасна, что бог был вынужден признать: в тот вечер он нашел не человеческих детей. Он нашел равных себе, богов, которые в один день должны были плечом к плечу вместе с ним править Штормхолдом.

Таара должна была стать его женой, а ее брат – другом и соратником.

– Это ты хорошо, Чебурашка, придумал…

Мне вдруг очень захотелось что-нибудь съесть. Вкусненького, сладкого, с кофейком или соком. Мозг, похоже, перегрелся от этого псевдосказочного бреда и требовал углеводов. В расщелине он себе жену нашел… оставил бы там, проблем бы меньше было.

За дверью послышались шаги. Всего несколько, словно кто-то подошел к моей двери и остановился.

– Брина? – позвала я.

В ответ – тишина, и я почувствовала, как липкие мерзкие щупальца страха снова проникают за грудину, оплетают сердце и неприятно сжимаются.

– Деллин…

Этот шепот я узнаю из тысячи, даже если грянут залпом сотни пушек, я все равно различу его среди грохота. Он звучит не только в реальности, но и в моей голове, каждую ночь звучит, каждое утро. Голос въелся, впитался, вместе с кровью течет по моим венам.

Акорион научил меня жить оглядываясь, но еще я поняла, когда выходила к его птицам, что прятаться и дрожать за закрытой дверью всегда страшнее. Поэтому я вскочила с постели и распахнула дверь, в то время как рука уже тянулась к браслету с крупицами.

Но в коридоре было пусто.

– Черт, – пробормотала я, потерев глаза, – я уснула?

Ответом, конечно, стала тишина.

Но даже если я вдруг задремала за книжкой, забыв принять

зелье, и мне снова приснился Акорион, сон сняло как рукой. Можно было, конечно, увеличить дозу, но меня так напичкали этими зельями в лазарете, что хотелось хоть немного отдохнуть и не просыпаться с абсолютно пустой и глупой головой.

При виде книги к горлу подкатила тошнота. Решив, что трактат о воспитании проблемной жены прочту попозже, я спустилась на кухню. Долго смотрела в шкаф, выбирая между печеньем и конфетами, а потом поняла, что хочу пряников. Как делала мама: имбирных, с какао и хрустящей белой глазурью.

Рианнон разрешала хозяйничать на кухне, и в первый день я приготовила так полюбившуюся Брине маргариту. Так что вряд ли леди Найтингрин станет возражать, если я сниму стресс за готовкой. Благо продуктов было в достатке, хватило бы на целый мешок пряников. И имбирь здесь жаловали: с ним получался потрясающе вкусный и, как ни странно, освежающий фруктовый коктейль.

Физическая работа успокаивала. Я старалась не думать ни о чем, кроме теста, хотя черные окна и виднеющийся в дверном проеме кусочек темной гостиной так и навевали жуткие мысли.

Но я заставляла себя думать о пряниках, Бале Огня, до которого еще учиться и учиться, о новых предметах, ну и обо всяком таком… насущном.

Под конец, когда пряники остыли, а я сидела, сосредоточенно расписывая их разноцветной глазурью, спустилась Брина. За окном занимался рассвет, а значит, ей скоро предстояло изображать счастливую, едва проснувшуюся красотку.

– Что ты делаешь? – хмуро поинтересовалась она.

– Пеку имбирные пряники. Мне не спится.

– У тебя плохое настроение?

– С чего ты взяла?

Брина подошла к столу.

– Даже не знаю… потому что это, – ткнула в ближайший пряник, – имбирный гроб. Это – имбирное надгробие. О, а это сердечко? Ты для него черную глазурь замешиваешь?

– Я сделала имбирный цветочек.

Брина скептически хмыкнула.

– Для имбирной могилки? Значит, ты все же расстроилась из-за брата?

– Да при чем тут твой брат? – с раздражением отмахнулась я. – Весь мир вертится вокруг ди Файров, конечно. Пусть женится на ком хочет, счастья ему и здоровья в личной жизни. Дело не в нем.

– Тогда в ком?

– В Кеймане.

– В Кеймане? – Брина поперхнулась чаем. – Это ты для него кладбище глазурью покрыла?

– Нет. Не знаю. Я… вообще не понимаю.

– Оч-ч-чень содержательно. Что случилось, Делл?

– Когда я вернулась в школу, у нас кое-что произошло. И теперь я не знаю, как себя с ним вести.

– Кое-что – это то, что я думаю?

– Вряд ли. – Я улыбнулась. – Между нами ничего нет, если ты об этом.

– Тогда?..

– Я поклялась, что сохраню эту тайну. А теперь она не дает мне покоя. И я хочу с кем-нибудь поговорить, но не с кем, а Кейман… с ним не могу.

– Я ни демона не поняла! – призналась Брина. – Но могу тебе сказать, что иногда лучшая тактика – это переждать бурю. Да что там… это почти всегда лучшая тактика. Начнется учеба – и ты забудешь обо всех тайнах, уж магистры в этом году постараются. Поэтому просто дай себе отдохнуть. Так… вот демон, я опаздываю, Марьяна просила подойти пораньше, чтобы сделать прическу. Все, до встречи в обед, не забудь, что мы идем купаться!

– Брина! – позвала я, когда та уже была в дверях. – Ты ничего не слышала ночью?

– Нет. А что такое?

– Ничего. Просто показалось. Удачного позирования.

– Сделай хоть один веселый пряник, Шторм!

Нормальные у меня пряники. Жизненные.

После обеда над островом сгустились тучи и начал накрапывать легонький дождик. Казалось, что вот-вот раздастся гром, и на Силбрис обрушится шторм.

– Придется отменить рисовку, – сокрушенно покачала головой Рианнон.

– Это не я, – непроизвольно вырвалось у меня.

К счастью, никто не обратил внимания.

Марьяна тут же уломала Брину и Марьона смотаться в ближайший город и отдохнуть в минеральных термах, а я поняла, что из дома сегодня не выйду. Возьму жизненные пряники, заберусь в постель, буду пить чай, читать о сотворении мира и лениво смотреть в окно. Устрою себе выходной.

– Точно не хочешь? – Брина крутилась перед зеркалом, перебирая платья.

– Точно. Я устала. И не очень люблю жару.

– Дело же не в жаре. А в расслаблении… массаже, масочках всяких. Легком ужине на террасе с видом на море. И бокале

золотистого вина из Джахнея.

– Откуда там вино, это же пустыня?

– Понятия не имею. Но зато теперь ясно, почему такое дорогое. В последний раз спрашиваю: точно не пойдешь? Будешь лежать и страдать по директору школы?

– Не страдаю я по директору школы!

– Значит, по моему брату.

– То есть вариант, в котором я просто устала и хочу побыть одна, ты не рассматриваешь?

– Нет. Но настаивать не буду. Сиди со своим пряничным гробиком и наращивай лишние килограммы. А мы пойдем в термы, будем пить, веселиться и расслабляться до утра!

Она схватила платье – мое, кстати, подаренное Рианнон на окончание учебного года – и была такова. На миг я даже пожалела, что отказалась. Может, если бы удалось развеяться в городе, я бы выкинула из головы всякую ерунду и хотя бы на пару дней превратилась в обычную Деллин. Потому что сейчас я реально понятия не имела, кто я такая и для чего живу.

– Деллин? – Рианнон заглянула в комнату. – Ты не поехала с ребятами?

– Я немного устала, решила побыть дома. Это проблема?

– О, нет, это милость богов, посланная мне, – улыбнулась леди Найтингрин. – Сегодня на ужин придет один человек… спонсор и один из важных заказчиков дома моды Найтингрин. Раз уж ты здесь, не присоединишься к нам?

– О… мне кажется, не стоит.

Меньше всего мне хотелось сидеть на официальном ужине и слушать нудные разговоры о делах, продажах и перспективах модного бизнеса в Штормхолде. За год в школе меня худо-бедно научили контролировать эмоции, неплохо управляться с крыльями, плохо – с деревянным мечом, еще хуже варить зелья и сносно использовать крупицы магии.

А вот этикету обучить забыли. И правилам поведения в высшем обществе. Порой это мешало куда больше, чем магическая безграмотность.

– Деллин… ты не представляешь, как твое присутствие поможет на встрече. Продемонстрировать спонсору жемчужину новой коллекции… Прошу тебя, пару часов. Это исключительно приятный молодой человек, к тому же, насколько я знаю, холостой.

– Ладно, – со вздохом сдалась я, – надеюсь, демонстрировать новую коллекцию не нужно?

– Нет. Но надень какое-нибудь красивое вечернее платье. И собери волосы, тебе очень идет.

Ну вот, теперь и Рианнон заделалась в свахи. И почему бесхозную девицу девятнадцати лет все так и норовят выдать замуж? Я вот замуж не хочу. Я хочу в кроватку, есть пряники и читать страшную книжку. Чтобы потом бояться выползти в ночи за водичкой. Кстати, надо будет запастись.

К вечеру хандра прошла, я начала волноваться. Это был второй по счету выход в роли модели дома Найтингрин. Не такой дикий и напряженный, как первый, на показе, но все же после перерыва в полгода я мандражировала. И это мне еще предстоит показ коллекции, которую мы с Бриной представляем.

Я сомневалась, что Бастиан ее отпустит. Да он, когда узнает, живьем съест каждого, кто видел его сестру в ночной рубашке. А она еще собирается разгуливать так при гостях! Среди которых будет и Арен Уотерторн…

Перед зеркалом я замерла и чуть было не выронила расческу. Боги, надеюсь, гость Рианнон – не Арен. Если эта водная сволочь снова попадется мне на глаза, гроза за окном быстренько перейдет в мое не совсем полное и не совсем осознанное распоряжение. И тюкнет его молнией по макушке.

Самым мучительным оказался выбор платья. Что надеть на полуформальный ужин со спонсором? Почему меня никто этому не учил?! Легкое летнее платьице, одно из тех, что в самый первый день купил Кейман? Какое-нибудь из подарков? Или покупок, что я делала в городе?

Наверное, стоило проявить солидарность и выйти в наряде от модного дома Найтингрин. Вспомнилась, как нельзя кстати, первая встреча с Сайлером и черное платье, которое выбрал Кейман. Я до сих пор помнила его взгляд, правда, тогда мне показалось, что дело в платье и цвете, а теперь все воспоминания приобрели особый оттенок.

В качестве компромисса решила надеть темно-синее короткое платье из плотной, но легкой ткани. Ну и добавила красную брошку, купленную за копейки в одной из многочисленных лавочек Силбриса, – уж очень запала в душу абстракция с камушками и стразами.

А дома хранились подарки Акориона, украшения из коллекции Таары. Листая книгу, я видела некоторые из них. Художник рисовал причудливые амулеты и гребни на полях в качестве декора, а еще автор посвятил им целую главу. Мне стоило огромных усилий читать все по порядку, не прыгая по книге от одной главы к другой.

К слову, об амулетах. Повинуясь интуиции, которая уже даже не казалась странной, я взяла защитный амулет Кеймана и сунула его в карман – к платью он не подходил, а защитных свойств от

нахождения в кармане не терял.

Взглянула на себя в зеркало, осталась довольна внешним видом и улыбнулась отражению. Так часто бывает: сначала не хочется куда-нибудь идти, а потом проникаешься моментом, пробуешь веселье на вкус и удивляешься сама себе. И зачем быть такой букой?

В общем, я спускалась вниз в прекрасном настроении и уже предвкушала вкусный ужин, приятную беседу и умиротворяющий шум дождя за окном. Здесь, у моря, дождь имел особые запах и вкус.

– Деллин! – просияла Рианнон, увидев меня на лестнице. – Ты чудесно выглядишь, дорогая! Дэвид, идите сюда, взгляните на нашу звездочку.

Я замерла на предпоследней ступеньке. Сердце снова пропустило удар, подарив очередной всплеск тревоги. Томительная неизвестность длилась всего несколько секунд, а потом к лестнице подошел мужчина. В темных брюках и светлой рубашке с небрежно закатанными рукавами, он бы мог стать мечтой любой флеймгордской красотки.

Но на самом деле он был кошмаром. Затянувшимся плохим сном. И еще немножко темным богом.

– Рад с вами познакомиться, Деллин. – Акорион протянул руку, всерьез надеясь, что я вот так просто вложу в нее ладонь и спущусь прямо в объятия монстра.

– Деллин? Детка, ты в порядке? Боги, ты же почти ничего не съела за обедом. Я совсем забыла дать распоряжение горничной, чтобы отнесла тебе чай с бутербродами. Милая, нельзя быть такой застенчивой. Дэвид, прошу извинить, Деллин совсем недавно с нами работает и еще не освоилась.

– Рианнон, – усмехнулся Акорион, – я почему-то уверен, что бедняжка боится набрать лишние килограммы.

– Уж кому-кому, а Деллин это не грозит, она ведь адептка Школы Темных.

– Вот как. Одаренная, должно быть, девочка. Из хорошей семьи.

– Я сирота, – отрезала я, спускаясь.

Леди Найтингрин натянуто улыбнулась. Она еще не понимала, что происходит, но чувствовала нутром повисшее в воздухе напряжение.

– Пойду распоряжусь насчет ужина. Деллин, Дэвид – не скучайте.

Едва Рианнон скрылась, Акорион в мгновение ока очутился возле меня. Воздух в легких закончился, я попыталась было отшатнуться, но темный бог удержал, перехватив меня за талию.

– Спокойно. Дай-ка мне вот эту штуку…

С этими словами он сунул руку в карман моего платья и почти заботливо убрал вытащенный кулон Кеймана в нагрудный карман рубашки.

– Верну в конце встречи. Давай-ка договоримся, любовь моя, вот о чем. Рианнон – безумно приятная женщина. Джорах много рассказывал о своей любимой тетушке. А я люблю хорошую компанию за вкусным ужином. Поэтому вечером ты побудешь очень хорошей девочкой, а ночью – очень плохой, и тогда мы не повторим историю с твоей школой. Рианнон талантливый модельер, но, увы, никудышный маг. А потом могут вернуться леди ди Файр и эти очаровательно веселые ребята… ни к чему тебе волноваться и смотреть на всякие ужасы, которые я могу придумать, да?

Я стиснула зубы. От всепоглощающего ужаса, лишающего разума, меня спасла лишь необходимость контролировать эмоции, чтобы дом не вспыхнул от неудачного электрического разряда вместе со всеми нами.

– Так что, Деллин? Вечер… ночь со мной – и все живы, здоровы, а утром я верну тебе кулон, и расскажешь нашему общему другу, как тебе было со мной хорошо. Что скажешь, любовь моя?

– У меня есть выбор?

– За кого ты меня держишь? Разумеется, есть. Тебя я в любом случае не трону, а значит…

Акорион улыбнулся и почти ласково поцеловал мне руку, от чего по телу прошла ледяная дрожь.

– Все зависит лишь от того, сколько в тебе от Таары. Она бы предпочла смотреть… а ты?

– Не трогай их.

– Как пожелаете, миледи. Кстати, ты действительно чудесно выглядишь. Мне всегда нравилось в тебе сочетание нежной красоты, молодости и чувственности. С опытом женщины хорошеют… но есть что-то возбуждающее во взгляде невинности, да?

– Мне больше нравилось, когда ты изображал порядочного.

– Это было так скучно, – поморщился он. – Идем, тебе надо присесть, ты и вправду бледная. Пожалуй, бокал вина не помешает. Расслабься, Деллин… демоны, как же непривычно называть тебя этим именем! Ты знала, что так мы хотели назвать нашу дочурку?

Я. Больше. Ничего. Не. Хочу. Знать.

Где там эта хваленая защита Кеймана?! Он клялся, что меня будут охранять, как принцессу, а пока что даже табличку

«осторожно, злая собака!» на ворота не повесили. Как же хорошо, что Брина уехала. Увидь она Даркхолда, мне было бы сложнее.

Нельзя надеяться на Кеймана, надо что-то придумать. Дать знать как-то Рианнон, чтобы ушла из дома и увела прислугу, и…

И что? Вступить в борьбу с Акорионом?

– Ужин будет через несколько минут, – вернулась сияющая Рианнон. – Деллин, ты как? Все в порядке?

Акорион улыбался. Вежливо, тепло, как подобает улыбаться малознакомому мужчине в компании девушки, которую ему только что представили. Но мне в этой улыбке чудилась угрожающая гримаса.

– Все нормально, Рианнон. Я просто не выспалась.

Ситуация почти безвыходная. Хотя вариантов масса: я могу устроить скандал, изобразить обморок, попробовать вызвать Кеймана, сбежать, ударить молнией в люстру и уронить ее на Акориона. Могу выиграть бой, но победа в войне уже практически за ним, потому что я попалась. Можно каждый раз угрожать мне одинаково и получать свое.

А разыгрывать равнодушие уже поздно. Не поверит.

И что делать? Поступить по-студенчески, нажраться и стошнить ему на брюки, а потом отрубиться на полу в коридоре? Это я могу, и даже магия не потребуется.

Принесли закуски. Вместо того чтобы наслаждаться тарталеткой с овощной пастой, я рассматривала Акориона. Если отвлечься от реалий, то сейчас он выглядел как самый обычный житель Штормхолда. Богатый житель, хорошо одетый и… Мой взгляд упал на руки мужчины. Ни на одном запястье я не увидела браслета. Боги, ну почему Рианнон не обращает внимания на мелочи? Почему она так беспечна?

– Значит, Деллин – ваша восходящая звездочка, – усмехнулся Акорион. – Я был впечатлен образами темной богини, Деллин. Где вы черпали вдохновение?

– Читала книги. Таара – интересная личность.

– Вот как? Просветите? Я не увлекаюсь древними легендами, но буду рад послушать. Как вы уловили суть своего персонажа?

– Она была шлюхой.

– Деллин! – Леди Найтингрин поперхнулась вином.

Акорион довольно расхохотался.

– Полно, Рианнон. У Деллин свежий взгляд на вещи. А может, все не так страшно? Может, боги обладали некоторым… отличным от людей образом жизни? И все это было для них обычным делом?

– Тогда почему Таара сошла с ума, а Крост ее убил?

– Интересный взгляд на события. Еще вина?

– Да, пожалуйста.

– Отличный напиток, Рианнон. Десять лет выдержки… идеален к морепродуктам.

– Именно их я и заказала на ужин.

Леди Найтингрин украдкой бросила на меня суровый взгляд, который, впрочем, только раззадорил. Похоже, пить оказалось плохой идеей. У меня отключились тормоза, и появилось острое желание зубами вцепиться в горло мужчины, что сидел напротив меня. Это он убил Эйгена и Надин, чуть было не убил Бастиана, использовал меня, чтобы вернуться в Штормхолд. Не Джорах Оллис, который был просто марионеткой. Вот оно, зло в чистом виде, сидит и с легкой улыбкой потягивает вино, не забывая меня рассматривать.

Не тот момент, чтобы быть паинькой и не перечить взрослым.

– А вы? Какими судьбами на Силбрисе? – поинтересовалась я. – Работа?

– В какой-то мере. Так, кое с кем встречался. И потом… это место имеет особое значение для меня. Его обожала сестра. Она его создала.

– Ваша сестра была ландшафтным дизайнером? – Я хмыкнула.

Он даже не стал отрицать, что выражение «ландшафтный дизайн» ему знакомо.

– Что-то типа того. Она любила море, я часто возил ее сюда. Шторм над темными волнами… потрясающее зрелище. Здесь неподалеку есть скала, с которой открываются невероятные виды. Деллин, после ужина, я надеюсь, вы составите мне компанию и пройдетесь по местам моей юности.

– Ну, если гроза утихнет…

– Я на вас надеюсь.

В этот момент мне почудилось, что я разговариваю с Кейманом. Точно так же, намеками, двусмысленными фразами, недомолвками. Называется, почувствуй разницу. Кейман хоть и воспитывал с высоты своего божественно-директорского опыта, но не угрожал. А от Акориона буквально исходили волны чего-то темного и пугающего.

Некоторое время, минут пятнадцать, показавшиеся мне вечностью, мы просто ели горячее. Кто-то ел, а кто-то ковырялся вилкой в креветках под сливочной шапкой и уныло молился Кросту.

Ну… если фразу «Да чтоб ты сдох, скотина такая, вылези из койки Ясперы и помоги мне!» вообще засчитают за молитву.

Значит, Силбрис создала Таара… черт, это первая связующая с богиней ниточка, которую я прочувствовала. Я вспомнила

острова, природу, убаюкивающий шум моря и подумала, что это место никак не вяжется с богиней смерти и хаоса. Оно теплое, почти идеальное.

Когда принесли десерт – нежный и теплый сливочный крем с золотистой корочкой, Акорион вдруг поднялся. Я вздрогнула, что снова не укрылось от взгляда Рианнон.

– Прошу меня извинить за наглость, леди, однако я счел невежливым явиться в гости без небольшого сюрприза. Деллин, прошу…

Я получила небольшую узкую коробочку, сантиметров пять шириной, а Рианнон – бутылку какого-то напитка насыщенного фиолетового цвета. Боги… если я сегодня выживу, то разобью эту бутылку ко всем чертям, неизвестно, что он туда подмешал.

– Не стоило, – с трудом выговорила я. – Принимать подарки от незнакомого мужчины немного… неловко.

– Бросьте, Деллин, мне кажется, мы с вами знакомы уже несколько жизней. Откройте. Я не знал, что вы адептка школы, но подумал, что вам может понравиться.

Закладка. Слава богам, не украшение, не какая-нибудь мерзость. Просто серебряная закладка в виде перышка, инкрустированная камнями – такими же, как на украшениях, что Акорион присылал раньше. Я готова поклясться, что закладка из коллекции Таары, но прикосновение к холодному металлу не рождает внутри никаких чувств. Просто безделушка… древняя, безумно ценная, но пустая.

– Благодарю.

– Очень красивая, Дэвид. У вас тонкий вкус. – Леди Найтингрин просияла.

Зачем-то вместо того, чтобы убрать закладку обратно в коробку, я сунула ее в карман платья. Без кулона там было как-то пусто.

– Гроза утихла, – улыбнулся Акорион. – Рианнон? Деллин? Что насчет прогулки?

– О, – рассмеялась леди Найтингрин, – я уже слишком стара для вечерних променадов. Деллин, покажи Дэвиду сад. А затем возвращайтесь, я распоряжусь насчет кофе и сырной тарелки. Здесь неподалеку отличная сыроварня.

– Рианнон, – Акорион склонил голову, – боюсь, после прогулки я должен буду вернуться в гостиницу, где остановился. Ночью это делать небезопасно.

– Дэвид, вы можете остаться у нас. Я распоряжусь, чтобы для вас приготовили комнату.

– Не надо! – вырвалось у меня. – То есть… я имею в виду, у господина Даркхолда наверняка много дел, а мы его отвлекаем.

– Я был бы рад, Рианнон. И еще больше был бы рад увидеть, как вы переносите созданные шедевры на бумагу и как Деллин воплощает новые образы. Как спонсор вашей коллекции, я ведь могу одним глазом взглянуть на утреннюю работу, верно?

– Вам можно все, Дэвид. Не рискуйте, пользоваться магией в нетрезвом состоянии опасно. Оставайтесь.

Ха! Надо будет выпустить ее с этой лекцией к нам в школу, ибо адепты на трезвую голову на вечеринках принципиально не колдуют. И ничего, пока все живы, только чуланы да люстры страдают.

– Тогда позволю себе наглость и воспользуюсь гостеприимством. Деллин, так что насчет прогулки? Проветрить голову после вина, пообщаться в неформальной обстановке, обсудить варианты… дальнейшего сотрудничества.

– Только не уведите у меня модель, Дэвид. Я буду разочарована, если вы узнаете все мои секреты и откроете свой модный дом.

– Рианнон, вы неподражаемы, и я не смею даже дышать в сторону вашего гения.

– Меня сейчас стошнит, – себе под нос пробормотала я.

Может, и впрямь лучше выйти на воздух.

Руки дрожали, когда я ступила на крыльцо и вдохнула запах дождя. Гроза закончилась, оставила после себя влажную листву, прохладу и темные пятна водорослей на пляже. Я медленно брела к самой кромке воды, надеясь, что она немного успокоит.

Это непросто. Контролировать чувства, чтобы не вышло беды, переживать наяву те десятки снов, в которых я всегда была во власти темного бога. Но в то же время это отвлекало, не давало погрузиться в пучину отчаяния. Я шла и думала о том, как сохранить человеческий облик, как не превратиться в прежнюю версию собственной души.

А не о том, как мне страшно рядом с Акорионом.

– Хватит, любовь моя, прекрати шипеть и царапаться. Ничего не изменить, ты же и сама понимаешь. Я останусь рядом с тобой, у нас уговор. Тебе меня не обыграть, не смутить, не удивить дерзостью. Та вспышка во сне… когда ты нашла Джораха – она была интересным опытом, но не думаешь же ты, что я допущу подобное?

Я сжала закладку в кармане платья и стиснула зубы.

– Что за ночь… здесь они волшебные. Я помню, как ты сказала, что хочешь создать место, где мы будем только вдвоем. Это был твой сюрприз мне… прекрасные острова, на которых мы провели множество часов любви. Здесь я дарил тебе крылья.

– Что тебе нужно? Чего ты хочешь, Акорион? – спросила я.

– Я же сказал. Тебя.

– Я в глобальном смысле. Какая цель всего этого? Свести меня с ума? Досадить Кейману? К чему ты стремишься, где видишь себя в конце?

– А ты не понимаешь?

Он поравнялся со мной и, наплевав на сопротивление, взял за руку. Со стороны мы смотрелись как парочка влюбленных, прогуливающихся вдоль берега. Хотя мне повезло, что территория дома, что снимала леди Найтингрин, была закрыта от посторонних и на пляже в такой час нам никто не встретился.

– Я хочу вернуть свой мир, Деллин. Свою жизнь. Все, что он отнял. Я хочу силу. Власть. Статус бога. Любимую женщину. И мести. За сотни лет, проведенных в этой помойке под названием Земля. За отнятую магию. За то, что моя сестра, моя любовь, в теле восемнадцатилетней девчонки, испытывает ко мне отвращение. За то, что ОН катается как сыр в масле. Вот чего я хочу. И ты либо будешь моей… я сделаю все, чтобы была моей. Либо не будешь ничьей, и в особенности, Таара, ты не достанешься Кросту.

Я вырвала руку из его почти железной хватки, отскочив на полметра. Нога увязла в песке, я чуть было не упала, но, коснувшись пальцами кромки воды, устояла.

– Я не она! – рыкнула с такой ненавистью в голосе, что в воздухе вспыхнули знакомые искры.

– Пока нет. Но это ненадолго. Я верну твои воспоминания, я верну чувства ко мне, верну твою власть, моя девочка. Будет больно… сложно… но ты поймешь. Однажды ты поймешь: что бы я ни делал, я делаю это для тебя. Иди ко мне, я не могу ждать ночи, я столько лет не мог тебя коснуться!

С этими словами Акорион сомкнул пальцы на моем запястье и притянул к себе. Показалось, руку обожгло раскаленным железом. Холодные твердые губы впились в мои жестким поцелуем, лишенным даже капельки нежности. Слова явно расходились с делом, любимую женщину так не целуют. И хоть у меня совсем мало опыта, всего два поцелуя на счету, и оба – с разными мужчинами, каждый был лучше, чем этот.

Меня захлестнуло смесью паники и злости, физическая беспомощность выводила из себя, и к ней же примешивалась магическая – Акорион обхватил мое запястье как раз поверх браслета, от чего крупицы больно врезались в кожу. Он, может, и не обладал мощью бога, не восстановил свою силу до конца, но на Земле не пренебрегал спортом. Я могла бесконечно пытаться вырваться из стальной хватки.

Он крепче прижал меня к себе – и бедро что-то укололо.

Закладка! Я сунула ее в карман, особо не думая, зачем она мне нужна, просто убрала с глаз подальше. А сейчас вцепилась, как в спасательный круг.

И когда Акорион языком раздвинул мои губы, я вытащила закладку, а затем размахнулась с такой силой, что чуть было не упала в обнимку с темным богом. Серебро врезалось в шею мужчины, пробило кожу – и черная кровь хлынула на светлую рубашку. Акорион выругался и отшатнулся, а я судорожно вдохнула воздух, доступа к которому лишил поцелуй. Поморщившись, Акорион вытащил из шеи закладку и зажал рану рукой.

– Зря. – Он сплюнул на землю.

Во взгляде не осталось даже притворной заботы.

– Теперь я не буду так нежен…

– Как и я, – раздался спокойный голос Кеймана с непривычными нотками ледяного металла.

Акорион расхохотался. А кровь все стекала между пальцами на белый песок – и дымилась.

– Так и знал, что помешаешь нашему празднику. Крост… знаешь, я тебе даже рад. Ностальгия накатывает… честно говоря, надеялся, что ты не явишься. Впрочем… неужели ты не скучал? Смотри… мы снова здесь, я, ты и Таара. Скажи, хотя бы часть тебя хочет ее как раньше?

Кейман сделал несколько шагов вперед, оттеснив меня за спину.

– Деллин, иди в дом, – бросил он мне.

Акорион снова рассмеялся, воздел глаза к небу и вздохнул.

– Как это трогательно! Какая забота. Готов закрыть ее своим телом… расплачиваешься за нож в спину? А ведь она тебе доверяла… любила. Несмотря ни на что, любила тебя, а ты ее предал. Давай спросим у малышки Деллин, помнит ли она, как умирала у тебя на руках? Пока еще нет, но ведь это вопрос времени, не так ли?

– Делл, иди в дом.

Я развернулась, сделав несколько неуклюжих шагов по песку. Теперь дрожали еще и ноги, кратковременный всплеск адреналина сошел на нет, оставил мне выжженное поле вместо решимости.

– Что, он изобразил добренького бога, и ты поверила? Рассказал тебе трогательную историю, как я соблазнил его жену, свел ее с ума, и ему пришлось ее убить? Красиво, не спорю. А хочешь мою версию событий? Она как-то больше близка Тааре… уж поверь.

– Деллин, уходи! – рявкнул Кейман.

Но я почему-то застыла, чувствуя, как ноги утопают в мокром рыхлом песке.

– Расскажи ей, Крост! О том времени, когда тебя все устраивало. Когда ты был совсем не против…

Я не выдержала первой. Растерла между пальцев крупицу, взмахнула рукой, отправив в Акориона сразу пучок молний. Бога откинуло назад, он перестал прижимать руку к шее – и кровь хлынула ручьем. Меня замутило.

Пошатываясь, Акорион поднялся.

– Я предупредил тебя, любовь моя. Если узнаю, что ты с кем-то… бойня в школе покажется тебе возней в песочнице по сравнению с тем, что я сделаю.

Он растворился в черной дымке, поднялся в воздух бесплотным туманом – и вскоре исчез, оставил только ночь и звезды над головами. И медленный, размеренный шум моря.

– Ты опоздал, – спустя долгую минуту произнесла я.

– Мне нужно время, чтобы добраться, я не появляюсь из воздуха по мановению волшебной палочки.

– Тебе не кажется, что ирония здесь неуместна?

Кейман устало потер глаза рукой.

– Прости. Я не выспался.

– А я не высплюсь сегодня. И еще ночей двадцать… Как он попал в дом? Как наплевал на всю твою хваленую защиту?! Кейман, что мне теперь делать, да он будет зверствовать, пока я не соглашусь на все его условия!

– У него не так много сил. Деллин, Акорион использовал Оллиса не только потому, что был заперт на Земле, но и потому, что у Оллиса были деньги, сила, доступ к артефактам. Нужно время, чтобы бог восстановился. Сейчас Акорион опасен, но победим.

– И ты ждешь, пока он станет всесильным. На кой? Чтобы сражаться на равных? Еще бы белую перчатку приготовил, на дуэль его вызвать.

– Я тоже восстанавливаюсь. Как и Акорион, я сотни лет не использовал большую часть собственной силы. Мне нужно время, и вопрос только в том, кто использует это время эффективнее и победит.

Мы замолчали. Небо снова затягивали тучи, и я была не уверена, что в том нет моей вины. Но вряд ли смогла бы успокоиться, вернуть чистое небо и пойти спать после встряски, устроенной темным богом.

– Что он имел в виду? Про вас с Таарой? Кейман, я все равно узнаю, Сайлер подарил мне книгу легенд. Может, в ней и нет всей правды, но точно есть отдаленно напоминающая ее ложь.

– Я наделал много ошибок, Деллин. За некоторые из них плачу до сих пор. За некоторые заплатила Таара. Ну а некоторые ударили даже по тебе. Я не горжусь прошлым, но в нем было всякое. Если хочешь – читай свои книги и расти ненависть ко мне. Но некоторые вещи я хочу оставить себе. Тебе эти знания только причинят лишнюю боль.

Я с шумом сглотнула и отвернулась к морю. Только бы успокоиться, посмотреть на волны, закрыть глаза – и очутиться там, где нет никаких забот, нет этой чертовой сложной жизни, в которой над головами окружающих тебя людей не висит строка состояния с уровнем их «хорошести».

В руке все еще сжимала закладку со следами темной крови. Они блестели в звездном свете, напоминая вкрапления черного опала, которым было щедро инкрустировано украшение.

– Это тоже из ее коллекции? – спросила я, протянув закладку Кейману.

– Да.

– И зачем он их мне таскает? Сразу весь ящик вернуть не может?

– Он играет. Это же Акорион.

Это прозвучало так, словно я прекрасно знала, кто такой Акорион. Мол, ну что ты хочешь, вспомни, он всегда таким был. А я-то не помню! И не уверена, что хочу.

– Больше никогда не буду к тебе приставать, – задумчиво хмыкнул Кейман, очищая закладку. – И ди Файра предупрежу. Ты сможешь закончить работу завтра и вернуться в школу? Там будет проще тебя защитить. Я не должен был отпускать тебя сюда, но надеялся, здесь ты восстановишься быстрее.

– Думаю, смогу. Ты заберешь Брину? Я не хочу ее здесь оставлять.

– Конечно. Идем в дом, уже поздно. Тебе надо успокоиться.

– Вряд ли я сегодня усну.

– Я с тобой посижу. Все будет нормально.

Не будет. Мы оба это знаем, но продолжаем играть в игру «правда или ложь». Будет как угодно: хорошо, плохо, просто по-другому, но нормально уже не будет. Да что вообще нормального может быть в мире, где надо платить, чтобы долбануть током гребаного психа, который к тебе пристает?!

Была бы я богиней, давно бы уже раздала всем неограниченный запас магии.

– Как хорошо, что ты всего лишь адептка, – хмыкнул Кейман.

Я что, сказала это вслух?!

Глава 2

Школа, школа, я скучала…

О, этот запах новых знаний и горелого дерева. Хотя нет… просто горелого дерева, знаниями во внутреннем дворе и не пахло, зато печально догорал стул, в котором мы с Кейманом опознали один из предметов мебели комнат отдыха. Вокруг, конечно, никого не было, но если всмотреться в окна второго этажа, то можно было увидеть кучку любопытных глаз.

– Н-да. Отпуск кончился, – мрачно хмыкнул директор. – Добро пожаловать в ад.

– Да ладно, не такие уж мы и плохие. Просто своеобразные.

– К слову, о своеобразии. Давай-ка я напомню тебе правила. Не прогуливать. Не филонить. Не дерзить магистрам. Контролировать магию. Не использовать магию для сведения личных счетов. Не нарушать правила. Не сбегать из школы. Не скрывать от меня важную информацию. Не…

– Э, хватит, хватит! У меня пальцы на руках закончились. Я поняла, буду самой прилежной адепткой на свете.

– Долго?

– Что долго?

– Я хоть до кабинета успею дойти?

– Тебе бы все издеваться.

– Я бы не издевался, если бы вы не давали повода. Нужно напоминать, что при других адептах я все еще магистр Крост?

– Не волнуйся. Я не буду называть тебя Кейманом, посреди пары выпытывать правду о бурном прошлом моего второго я, обзываться на Ясперу драной козой и…

– Ты называла Ясперу драной козой?

– Пока нет, но очень хотелось, – призналась я.

– Боги, Шторм…

– Ты сейчас к кому обращаешься?

– К себе! – Кейман почти рыкнул, впрочем, как-то беззлобно. – И ты еще спрашиваешь, почему тебе ничего не рассказывают. Да вот поэтому! Все, сгинь с глаз моих!

– Нет, погоди, а Рианнон? Что ты ей сказал про Акориона? Он очень странно себя вел.

– Да ничего. – Кейман пожал плечами. – Сказал, что господин Даркхолд разделяет взгляды ее племянничка и чтобы впредь, прежде чем подвергать жизни моих адептов опасности, советовалась со мной. Она прониклась. Много рыдала, правда, больше потому, что накрылся показ с твоим участием.

– А он накрылся, да?

Я не то чтобы была фанаткой подиума, но, если уж быть честной, за эту работу хорошо платили. Лучше, чем Аннабет за разнос кружек с пивом в таверне. Терять работу было жалко. С другой стороны, а что придет в голову Акориону, если во Флеймгорде анонсируют показ со мной в главной роли? Об этом страшно думать.

– Если я найду время, чтобы обеспечить безопасность – то не накрылся. Но ничего не обещаю, без моего присутствия никакой щит не сработает. А я пока не знаю, будет ли время зимой. Но лучше, чтобы никто не рассчитывал – тогда внезапно свалившаяся радость будет… гм… радостнее. Но если хочешь правду, то мне интересно, зачем тебя продвигает Уотерторн. Очень интересно.

– Меня продвигает Уотерторн?!

– Да. Это он финансирует новую коллекцию Найтингрин и твой контракт.

– И вы ему позволили?

– Я что, зверь – лишать тебя зарплаты? К тому же мне очень интересно, какая у него выгода. Учитывая, что он держит это в секрете.

– Вы… ты… нельзя использовать меня, чтобы добраться до Уотерторна! И вообще… кто бы говорил про игры. Акорион по сравнению с тобой – пятилетка с ведерком в песочнице.

– Сурово. Но справедливо. Все, Шторм, развлекайся в рамках устава. А я пошел искать истребителя антикварной мебели.

– Вы же поменяли мебель зимой.

– А в отчете напишем – антикварной, – хмыкнул Кейман и был таков.

Я брела по коридорам школы, наслаждаясь возвращением. К собственному удивлению, действительно наслаждаясь: несмотря на то, что здесь со мной происходили далеко не всегда хорошие вещи, школа как-то незаметно стала домом. Особняк Кеймана воспринимался гостиницей, дом, что снимала Рианнон на Силбрисе, – тем более. А здесь меня ждала родная комната… с новой люстрой.

Сейчас разберу вещи, составлю список покупок, потом приберусь немного и полетаю, если тренер Вингорд разрешит и откроет спортзал. Вечером с работы вернется Аннабет, и мы немного погуляем, обсудим каникулы, подарю ей целую кучу сувениров с Силбриса. Занятия начнутся только через неделю, а значит, у меня есть куча времени, чтобы прийти в себя после встречи с Акорионом и настроиться на учебу.

– Шторм! – услышала я, когда уже почти взялась за дверь, ведущую в жилое крыло. – Погоди! Деллин!

Парень, что почти бегом несся по лестнице, был мне не

знаком. Точнее, я замечала его пару раз среди водников, но даже не знала его имени. Симпатичный, длинноволосый, с косой – любая девчонка позавидует, – но при этом спортивный и с удивительными глазами бирюзового цвета. Никогда таких не видела, даже рот открыла.

– Привет, – улыбнулся он.

– Привет, – несколько настороженно ответила я. – Чем могу помочь?

– Хотел поздороваться. И вообще… позвать тебя куда-нибудь.

– Куда?

Боги, я – самая тупая адептка на свете! И если до пенсии я не успею выйти замуж и мой род прервется, это будет не личная трагедия, а этап эволюции.

– В город. Поужинать, сходить на танцы. Пока учеба не началась. Что скажешь?

– Я… э-э-э…

– Вот! Я все достал, – просиял парень, извлек из внутреннего кармана пиджака сложенные вдвое листы и протянул мне. – Как просила.

Что именно я просила у совершенно незнакомого водника, не знаю, но на всякий случай развернула листы и вчиталась.

«Я, Бастиан ди Файр, глава дома огня и адепт четвертого курса факультета огня Высшей Школы Темных, милостиво дозволяю адепту третьего курса факультета воды Высшей Школы Темных Габриэлу Сайзерону пригласить на свидание и осуществить действия романтического характера по отношению к адептке второго курса факультета темной магии Высшей Школы Темных Деллин Шторм…».

– Это что, шутка? – Я вскинула голову, раздумывая, внять ли просьбам Кеймана и не устраивать драку в первый же день в школе и, как полагается уверенной в себе девушке, посмеяться.

– Нет! – горячо заверил Габриэл. – Просто… ну, мы с парнями говорили о тебе, я сказал, что ты мне нравишься. Ты в прошлом году отшила Сандера и сказала, чтобы он принес письменное разрешение от Бастиана. Я подумал, тебя это развеселит. Я тебя обидел?

– Нет, – фыркнула я с изрядной долей облегчения. – И что, ди Файр всерьез это писал?

– Ну… он пытался послать меня, но я умею быть очень настойчивым. К тому же я хоть и не огненный король, но мой отец в Совете Магов, так что… сходим куда-нибудь?

– Ладно. Давай.

– Завтра? В шесть вечера, скажем? Встретимся у ворот. Поужинаем где-нибудь, а потом посмотрим на шоу фонтанов. В

этом году оно нереально красивое! Договорились… я побежал на тренировку. Кстати…

Габриэл усмехнулся.

– Подпишешь один экземплярчик разрешения? Верну ди Файру, а то он что-то слишком счастливый ходит.

Во мне все же жила неуверенная в себе девочка, которую ни разу не звали на свидание. И сейчас у этой девочки отключился мозг вместе с засевшими в нем словами Акориона. Только когда довольный Габриэл ушел, сжимая в руке подписанный мной с особым удовольствием листок, в голове всплыл голос из кошмаров.

Если узнаю, что ты с кем-то… бойня в школе покажется тебе возней в песочнице по сравнению с тем, что я сделаю.

Черт! Ненавижу этот мир.

Пришлось отложить распаковку вещей, развернуться и направиться к Кейману. Когда я, постучав, вошла, он как раз насыпал сахар в большую чашку с кофе.

– У меня проблема, – выпалила я.

Кейман замер над чашкой и стоял так, наверное, с минуту. Решал: то ли еще сахарку добавить, то ли меня убить.

– Я даже отпить не успел!

– Меня пригласили на свидание.

– Да, это действительно проблема. Хочешь, чтобы я набил ему морду?

– Я хочу сходить на свидание.

– Ты хочешь сходить на свидание, тебя на него пригласили – я пока не вижу проблемы. Дать тебе мастер-класс? Рассказать о способах предохранения? Озвучь, пожалуйста, что от меня требуется.

– Акорион, – напомнила я.

Плюхнулась в кресло напротив стола и потерла глаза.

– Ты же слышал, что он сказал. Если увидит меня с кем-то… я не могу рисковать жизнью Габриэла.

– А, Сайзерон… иными словами, ты хочешь спросить, могу ли я сделать так, чтобы наш общий друг не добрался до твоего парня?

– Ну… в общем да, – призналась я. – А ты можешь?

– Я могу сделать так, что он не узнает о вашем свидании, но тебе это не понравится и будет напоминать скорее свидание в тюрьме. Подумай, настолько ли сильны твои чувства к этому воднику. Ну и я не могу бегать за ним по пятам вне учебного времени. Хотя мальчик из хорошей семьи, его охраняют. Если ты не будешь целоваться с ним на сцене концертного зала во Флеймгорде…

– Но мы же оба понимаем, что Акорион мог найти кого-то, чтобы следить за мной.

– Что ты хочешь от меня услышать? Мог. А мог и не найти. Он может придумать тысячу причин для оправдания преступлений. Не на того посмотрела, не с тем погуляла, не так оделась. Решай сама, хочешь не жить и бояться или жить и рисковать.

– Ладно, – вздохнула я, – откажу ему. Буду учиться, учиться и учиться, пока Акорион не сдохнет от скуки во время слежки за мной и не запретит ходить на пары.

О том, что мне захочется ходить на свидания и влюбляться, я как-то не думала. И что настороженность по отношению к темной иномирянке сменится интересом – тоже. А теперь чувствовала себя так, словно всем детям достались рождественские подарки, а меня просто мимоходом погладили по голове. Выходя из кабинета Кеймана, я живо представила, как счастливые Брина и Аннабет танцуют на Балу Огня с парнями, а я жмусь к столику с едой и заливаю слезами жульен.

Кто бы мог подумать, что проблема действий романтического характера будет близка бывшей богине. Не на это, надо думать, рассчитывало мироздание, отправляя Таару в… ну, в меня, в общем.

Но с каким же удовольствием я шла на ужин! Предвкушая встречу с Аннабет, обсуждение нового года, обмен новостями и подарками.

Школа наполнялась незнакомыми лицами: уже прибывали первокурсники. Я едва успела более-менее запомнить основных адептов своего курса, а часть из них уже ушла. И вот на смену ей приехали молодые маги. Когда-нибудь (если Акорион не прикончит меня раньше) я тоже стану той девушкой, которую первокурсники не успели запомнить, а она уже получила диплом. В оптимистичной вселенной. В пессимистичной ее не успели запомнить, как уже выгнали.

– Деллин!

Аннабет влетела в столовую, чуть не снеся один из столиков, и повисла у меня на шее. – Ты вернулась! Так рано! А говорила, что приедешь к самому началу занятий!

– Закончили раньше, я решила не заезжать во Флеймгорд.

– А где Брина?

– Обещалась быть, но, может, мать не отпустила. Приедет. Уж за нее точно можно не беспокоиться, теперь ди Файр ее не отпустит.

Я не удержалась и нервно оглянулась на столик, за которым обычно восседала компания огневиков. За полгода я отвыкла

видеть там Бастиана, его не было и сейчас, но воображение уже рисовало первую встречу. И никак не могло определиться с ее исходом. Поздороваться? Спросить, как дела? Проигнорировать? Прилично ли вообще игнорировать парня, который был смертельно болен и таскался за тобой привидением?

– Ты видела расписание? – спросила Аннабет, когда мы сели.

– Уже? Почему так рано?

– Не знаю. Возьми в стеллаже, там должен быть и твой экземпляр.

Ого… расписание так расписание. Вряд ли у меня останется время думать о свиданиях и страданиях. Основной курс темной магии, расширенный курс зельеведения, расширенный курс артефакторики, расширенный курс чуждой магии, изучение темных существ и…

– Предсказания?! – удивилась я, вернувшись за столик. – Они серьезно?!

– Да, это раздел светлой магии, мы должны иметь о нем представление.

– А еще крылогонки, бои, физподготовка и… А что такое магическая безопасность?

– Не знаю. – Аннабет пожала плечами. – Она у всех появилась, раньше не было, старшекурсники ничего не знают. Ого, Делл… это Бастиан!

Подруга подскочила к окну, увлекая меня за собой. У ворот школы неспешно опустился экипаж, запряженный грациозными огненными лисицами. С расстояния и высоты было сложно рассмотреть темную фигуру огневика, подошедшего к карете, но все же я слишком долго пробыла рядом с ди Файром, чтобы не узнать его. Парень открыл дверцу кареты и протянул руку неизменно идеальной Брине.

Ее было совсем не узнать: длинное черное платье, туфли на высоком каблуке, роскошные локоны и кокетливая темно-красная сумочка. Огненная принцесса прибыла в школу… а я помню, как она вечером, перебрав с силбрисским вином, случайно бултыхнулась в бассейн.

– Он ее любит, – немного завистливо проговорила Аннабет.

– Да. Любит.

– Интересно, как он будет жить с драконьим сердцем? Сильно изменится?

– Вряд ли он сообщит об этом нам.

– А Брина? Ей, надеюсь, можно будет с нами говорить?

– Почему ты спрашиваешь об этом меня? Я не знаю, что в голове у Бастиана. Вряд ли что-то хорошее, но посмотрим. Я рада, что он жив, правда рада. И даже буду рада, если будет счастлив. А

если при этом он еще и от меня отстанет…

Аннабет обернулась и ойкнула, я повернулась вслед за ней.

За нашим столиком сидел какой-то ушастый темноволосый парень и стремительно поглощал закуску с общей тарелки, не обращая внимания на жестокий и холодный мир вокруг.

– Извините, – осторожно позвала его подруга, – а вы кто?

– Рет. Рет Вакон.

– А-а-а… что вы делаете за нашим столиком, Рет?

– Сижу.

Буду звать его Рет Лаконичный.

– Но мы не приглашали вас за наш столик.

Парень оторвался от овощных рулетов и недовольно на нас посмотрел.

– Я поставил свою табличку в ячейку. Чего тебе еще надо?!

– Но мы не принимали предложение, здесь куча свободных столиков!

– И это место занято, – добавила я.

На нем сидела призрачная задница Бастиана. Вдруг реальная решит приземлиться сюда же?

– Насрать. – Рет Лаконичный, недолго думая, сгреб остаток рулетов себе в тарелку.

– Эй! Я даже не попробовала!

– Жвальцем не щелкай.

Черт, я слишком много времени провела в компании Рианнон и Брины. Я стала далека от простого народа. Именно поэтому стояла открыв рот и щелкала жвальцем, пока мои рулеты исчезали в топке нового самопровозглашенного соседа.

Как назло (а по-другому в этой школе в принципе не бывает), именно в этот момент в столовую вошли Брина с Бастианом. И полбеды, если бы они направились к своему столику, но нет! Или у ди Файра в одном месте взыграло желание поздороваться, или…

Брина с любопытством заглядывала брату через плечо, пока тот сверху вниз мрачно смотрел на нашего нового соседа. Тяжелая рука огневика опустилась тому на плечо и сжала. Рет перестал жевать.

А потом… полетел. Бастиану ничего не стоило сбросить его со стула так, что Рет пролетел добрые несколько метров и врезался в столик на противоположной стороне от прохода.

– Это место моей сестры, – сообщил Бастиан, не оборачиваясь.

А затем – я на всю жизнь запомню эту сцену – заботливо отодвинул стул для Брины, дождался, пока она сядет, и, не взглянув на нас с Аннабет, удалился за привычный столик, где

уже ждали товарищи по курсу.

– Кхм… – Аннабет задумчиво смотрела ему вслед. – Мог бы и рулеты уж тогда вернуть.

Я смотрела, как Рет неуклюже поднимается и, прихрамывая, бредет к ближайшему свободному столику. На миг мне показалось, что он готов броситься в драку, но в драке с Бастианом он вообще не имел ровным счетом никаких шансов.

– Как думаешь, я должна была вмешаться? – спросила, закусив губу.

Почему-то было стыдно.

– Зачем? – хмыкнула подруга.

– Ну… не знаю, я вроде как в прошлом году была на его месте…

– Что, тоже сожрала все чужие рулеты и посоветовала не щелкать жвальцем первой встречной девчонке?

– Ну…

– Как у вас весело, – хмыкнула Брина. – А я уж было подумала, вы променяли меня на это ушастое.

– Это мы подумали, что ты променяла нас на компанию брата. Как он отпустил тебя за наш столик? – спросила Аннабет.

– Я думаю, им есть что пообсуждать без посторонних ушей. Младшая сестренка, таскающаяся за братиком, – это мило, но еще и очень жалко. Я решила посидеть с вами. Обидно, что рулетиков не осталось.

Брина фыркнула. Грязные тарелки перед ней исчезли, и появилось горячее.

Странно было видеть рядом Аннабет и Брину. Эти две девчонки – из разных миров. Аннабет за месяц с лишним активной работы еще сильнее похудела, на руках появились мышцы. Она больше не распускала волосы, а (по привычке, наверное) собирала их в высокий пучок. Ела быстро, как я в свое время на работе. Полчаса на обед, из которых пытаешься сохранить каждую минуту, чтобы почитать или вздремнуть.

Брина ужинала неспешно, то отвлекаясь на пейзаж за окном, то улыбаясь собственным мыслям. Она отличалась не только от Аннабет, но даже от себя самой в нашу первую встречу. Тогда она показалась отстраненной, печальной и высокомерной, а сейчас, когда Бастиан поправился, расцвела и превратилась в принцессу из сказки. Пожалуй, мне бы тоже хотелось кого-то любить так же сильно.

– Как твой брат? – спросила Аннабет. – Как он себя чувствует?

– Бастиан не делится с нами своими ощущениями. – Брина пожала плечами. – Это не женское дело – спрашивать о здоровье

главы рода. Ну… так принято.

– Как ты живешь с этим шовинистом? – скривилась я.

– На самом деле брат боится показаться слабым. Он несет ответственность за нас, за род, за магию огня. Это непросто, я полагаю. Но, хочется верить, с ним все будет нормально. По крайней мере, он все еще мой Бастиан.

– Да, это точно. – Я снова не удержалась и покосилась на столик огневиков.

– А когда свадьба с принцессой? – тем временем Аннабет продолжала допытываться.

Я же чуть не подавилась фасолиной. Как всегда бывает, именно в тот момент, когда я задержала взгляд на их столике, Бастиан посмотрел на сестру. Встретился взглядом со мной и вопросительно поднял брови, мол, чего тебе? Но я сейчас смотрела не на него, я рассматривала соседей и…

– Брина, а твой брат ничего не помнит о том времени, когда был вне тела?

– Нет, а что?

– А ты рассказывала ему про улетную вечеринку в часовне?

Подруга прекратила жевать и слегка покраснела. Ну да, мы договаривались ее не вспоминать, но сейчас исключительный случай!

– Нет, конечно! Я же не самоубийца.

– Тогда почему за столиком Бастиана нет тех парней, кто был в часовне? За исключением – угадай кого? Угадала, Оливера, который помогал тебя вытаскивать.

– Ну… может, Оливер ему и рассказал?

– Может быть…

Ага, конечно, я прямо представляю этот разговор. Бастиан, привет, мы тут пытались устроить групповушку с твоей сестрой, но я честно не хотел, поэтому, когда запахло жареным, встал на сторону добра. Можно мне остаться за твоим столиком?

– Интересно, где остальные.

– Ты что, думаешь, что Бастиан врет? – Брина нахмурилась.

– Я?! Да я, по версии Кеймана, вообще не думаю!

Когда я отвернулась, Бастиан еще смотрел. На меня или на Брину – вопрос, требующий отдельного и очень тщательного осмысления.

Назавтра решили отправиться в город днем. Аннабет закончила работу и взяла неделю, чтобы подготовиться к учебному году, у меня не было ни тетрадей, ни светлых крупиц, которые требовались для предсказаний. У Брины было все, но прогуляться по магазинам – святое.

А сегодня разбрелись спать. Я малодушно сбежала в комнату

размышлять о том, как бы тактично отказать Габриэлу. Сказать, что не готова к отношениям? Боги, да он же мне не к алтарю идти предлагает. Сослаться на занятость? Ага, и пойти с Бриной и Аннабет тратить деньги.

А может, сказать правду? Ну… условную, конечно. Оллис мертв, но об этом никто не знает. А значит, поехавший магистр вполне может сослужить мне хорошую службу. И заодно Габриэл будет предупрежден. Мало ли где он там трепался о своей симпатии… я могу на него даже не смотреть, Акориону и слухов достаточно.

Я сама не заметила, как уснула, лежа на постели прямо в платье. Надо было раздеться, но сон, подкрепленный зельем, сморил так неожиданно и сладко, что шевелиться было бы преступлением. Может, свою роль сыграло то, что перед сном я думала об Акорионе, а может, что собиралась снова почитать о Тааре, но мысли как-то плавно перетекли в образы, а образы превратились в сны.

Кажется, реальность кто-то обработал в фотошопе. Обесцветил, перекрутил контрастность, добавил в палитру красок окружающего мира побольше серого – и запустил в нее меня.

Вокруг – долина. Красивая, с редкими домиками, вдалеке виднеется какой-то замок, он стоит словно на утесе, острые пики башенок пронзают низкие свинцовые тучи. Я никогда не видела этот замок, но в круглом окошке, едва виднеющемся отсюда, горит свет.

Ветер почти сбивает с ног, мелкие капли дождя бьются о кожу хлестко и болезненно. Я закрываю плечи руками, но открытое платье совсем не защищает от дождя. А еще дрожит земля.

Я ощущаю вибрацию сначала отдаленно, скорее внутренней тревогой, нежели телом, но из слабой дрожи она стремительно превращается в настоящее землетрясение. То тут, то там, из безобразных, хаотично разверзающихся трещин, наружу выходят уродливые, скрюченные черно-серые деревья. Словно изъеденные радиацией или еще боги знают какими ужасами, они за считанные минуты превращают долину в неприступный клочок земли, со всех сторон закрытый живой стеной деревьев.

Одно из них прорывается наружу прямо рядом со мной – и я падаю навзничь, пытаюсь отползти и не попасться хищным корням. Огромное, в два раза выше меня, с неестественно выгнутыми ветками, напоминающими костлявые руки какого-то монстра.

С оглушительным треском ствол рассекает трещина, и на

влажную серую траву падает кулон с черным опалом на толстой серебряной цепочке. Камень кажется непривычно ярким в черно-сером мире.

Потом я понимаю, что дождь идет в реальности.

Несколько минут я пыталась заставить себя открыть глаза, смахнула мокрые пряди с лица и закашлялась. Непонимание произошедшего вкупе с совсем не летней ночной прохладой вызвало крупную дрожь. Я растерянно огляделась и поняла, что стою на самой опушке леса, что прилегает к школе.

– Шторм! – донесся откуда-то издалека знакомый голос.

И как Кейман узнаёт, когда со мной что-то случается? Следит, что ли?

– Что ты здесь делаешь?!

Судя по виду Кроста, первым его намерением было сорвать с ближайшего куста пару веток и высечь меня как следует, но потом он заметил босые исцарапанные ноги, ошалевший взгляд и нахмурился.

– Это что, – стуча зубами, спросила я, – новые грани темного дара? Лунатизм?!

– Ты спала? Что тебе снилось?

– Не знаю… что-то мрачное. Деревья… жуткие, черные, из-под земли. И кулон… он выпал из дерева. Черт, ничего не понимаю. Как голова болит…

Последнее получилось ну очень уж жалобно.

– Ты принимала зелье?

– Принимала.

– И все равно снились сны? Да… придется нагрузить тебя еще одним предметом, Шторм. Будешь учиться управлять сознанием во сне. Добавлю тебе в расписание. В ночь на выходной жду в кабинете.

Вдобавок к голым ногам и мокрым волосам у меня еще и рот открылся. Нет, индивидуальные занятия с Кейманом в прошлом году я пережила. А это что, новый уровень? НОЧНЫЕ индивидуальные занятия с Кейманом? Боги, только бы никто не узнал!

– Идем. Холодно.

Кейман шагнул ближе, намереваясь взять меня на руки. В голове тут же вспыхнула до неприличия яркая карикатурная картинка: как адепты, прилипнув к окнам, с интересом наблюдают за тем, как я верхом на директоре еду из леса.

– Нет уж, спасибо, хватит с меня. Пешочком пойду.

– Как скажешь. – Кейман пожал плечами.

Мы неспешно двинулись к школе. Неспешно, потому что быть

независимой женщиной я передумала минуты через две, после третьего впившегося в ногу камня. Но еще оставалась девушкой гордой, поэтому молча ползла, стиснув зубы так, что они грозили раскрошиться. Вряд ли Кейман всего этого не понимал, но справедливо решил, что спасение утопающих – дело ног самих утопающих.

– Что значит этот сон? Я видела замок и долину…

– Какой замок? Опиши.

Вот как может девушка из двадцать первого века описать замок? Большой, каменный, башенки такие вау, а окошечко такое вжик. Об архитектуре Штормхолда я знаю еще меньше, чем о земной.

– Стоял на утесе, над долиной. С круглым большим окном на центральной башне.

– И вокруг деревья?

– Только начали расти. Я видела, как они пробиваются из-под земли. Мерзкие такие, жуткие.

– Акорион строит себе дачу, – усмехнулся совершенно не к месту Крост. – Во время войны он сделал замок своей резиденцией. Восстанавливает утраченные позиции.

– Давай его выманим и убьем, а?

– Я начинаю тебя бояться. Хотя вру… я давно тебя боюсь. Убить бога не так-то просто. Это ты у нас человек и можешь покинуть мир, заразившись лесной лихорадкой от какого-нибудь гнилого корня, а с Акорионом все сложнее. Его можно запереть на Земле, меня – в подземном мире, тебя – в кладовке со швабрами. А вот убить… нас нельзя, а тебя жалко.

– Но Таару же ты как-то убил.

Кейман едва заметно поморщился, а я испытала нечто похожее на мрачное удовлетворение. Да, я буду ездить по больной мозоли каждый раз, когда его прошлое будет ездить по моей. Когда не смогу пойти на свидание, потому что неадекватный бог угрожает каждому, кто ко мне прикоснется. Когда буду ползти из леса с раскалывающейся головой после мерзкого и мрачного сна.

– Это сложно объяснить.

– Не сомневаюсь.

– Способы есть, нужно оружие, но его больше не существует. Я его уничтожил.

Недальновидненько. Зато очень в духе смертных – психануть, натворить дел, а потом думать, как все вернуть обратно. Даже легче стало, в чем-то Кейман совсем не отличался от людей. И от меня.

Когда мы подходили к школе, взгляд невольно взметнулся

вверх, к окнам директорской комнаты. Интересно, он специально выбрал себе апартаменты с видом на задние ворота, чтобы приглядывать за ушедшими в самоволку адептами?

А еще там горел свет, и я отчетливо увидела женский, удивительно знакомый силуэт. Ноги к этому времени так ломило и жгло, что я не удержалась от подколки:

– Я испортила магистру Ванджерии свидание?

– Ты привнесла в него определенную нотку интриги.

– Да, а в свое мне еще предстоит эту интригу развеять.

– Если ты о Сайзероне, то можешь держать театральную паузу еще неделю. Твой воздыхатель наказан и лишен прогулок в город за подожженный антикварный стул.

– Габриэл поджег стул?!

А таким прикольным парнем показался.

– Если тебя это утешит, то отчасти это произошло случайно. Но за то, что баловался с артефактами и попался, – получил. Видишь, как удобно, проблема решилась сама собой.

– Да уж, – пробурчала я. – Удобнее только магазин на диване. Можно я схожу полетаю? Не хочу спать.

– Нет.

– Но почему?!

– Потому что я не хочу будить тренера, чтобы он за тобой присмотрел. А сам планирую… м-м-м…

– Интриговать с Ясперой дальше, я поняла.

– Мы обсуждаем учебный план.

– Очень смешно.

– Я вообще-то серьезно.

– Обсуждайте что хотите. Если мне нельзя летать и спать, тогда я пойду… не знаю, попрактикуюсь в магии.

– Демоны, ну зачем я открыл эту школу?! – Кейман обратил взор наверх.

Как будто оттуда ему кто-то мог ответить.

– Хорошо. Иди, полетай. Но если ты грохнешься и умрешь, я не буду заказывать оркестр, а тихонько закопаю в школьном лесу.

– Договорились. Кстати… у Таары был кулон?

– Кулон? – Кейман нахмурился. – Их были сотни. Почему ты спрашиваешь?

– Видела его во сне. Он вывалился из расколовшегося дерева. С черным камнем, как те, что присылал Акорион.

– Нарисуй, я посмотрю. Но не помню, чтобы какой-то из них имел особое значение.

«Посмотрю в книжке», – подумала я, а вслух очень вежливо попрощалась и очень быстро ушла – пока Кейман не передумал разрешать мне летать. Откровенно говоря, засыпать снова было

страшно. Повезло, что я отрубилась в школьном платье, а не то Кейман ловил бы меня по лесу в пижамке. Надо записать на видном месте: не спать голой!

Я быстро переоделась в спортивную форму, схватила крылья и понеслась в зал. Час-другой полетаю, вспомню навыки, утраченные за лето, потом успею принять душ до очередей и отправлюсь на завтрак. Затем будет поход в город, а к обеду начнет клонить в сон так, что я вернусь в школу, упаду на постель и просплю в аккурат до следующего утра. Без снов и блужданий.

В спортивном зале горел слабый свет, как будто из всех светильников включили только парочку, или… или в воздухе зависли два огненных шара, освещая угол с манекенами для отработки ударов мечом. Первым порывом, когда я узнала в полуобнаженном парне ди Файра, было бесшумно развернуться и сбежать, но где я и где «бесшумно»? Дверь, которую я слишком сильно толкнула, ударилась о стену – и Бастиан обернулся.

Даже в слабом желто-оранжевом свете от его огня я увидела длинный тонкий шрам, пересекавший грудину. Вне сомнений, мой взгляд ди Файр заметил.

– Что тебе здесь надо? – поинтересовался он.

– Это общий зал. Я пришла потренироваться.

– В три часа ночи?

Я многозначительно кивнула на истерзанный манекен и меч, зажатый в руке огневика. Пожав плечами, Бастиан вернулся к своему занятию. Мне как-то расхотелось летать, но уйти сейчас – значит, признать поражение. Так что я отошла в конец зала и расправила крылья.

Вряд ли в этом году меня возьмут в команду. В прошлом взяли – и что из этого вышло? Все соревнования провалялась в лазарете. Тот оглушительный провал мне будут припоминать еще долго. А в новом учебном году наверняка придет куча талантливых первокурсников.

Но крылья и любительские тренировки никто не отбирал. Главное, не сносить на лету всяких там огненных королей. Хотя его величество что-то на этот раз молчит. Молотит по несчастному манекену и молчит. Удивительно, как Бастиану за почти полгода комы удалось сохранить такую форму. Казалось, он стал еще шире в плечах. А может, то была иллюзия от бликов огненных шаров.

Я злилась, что вновь и вновь косилась в его сторону. Сбилась с набора высоты и чуть было не полетела камнем вниз, едва успела повернуть, делая твиззлы, кувырнулась в воздухе, потеряла ориентацию и почти распласталась по оконному стеклу. Кейман был не так уж и далек от истины, опасаясь, что я здесь

убьюсь.

Неожиданно в зале стало темно – хоть глаз выколи. Я резко затормозила, воздух в легких кончился, и понадобилась пара секунд, чтобы вернуть голос.

– Эй!

– Что? – раздалось из темноты.

– Свет!

– Это был мой свет. Я закончил. Мне что, факелом поработать, чтобы ты поразвлекалась, Шторм?

– Мог бы предупредить. Куда мне теперь садиться?

Серьезно, я так увлеклась твиззлами, что понятия не имела, в какой стороне зала нахожусь. Через пару минут глаза, конечно, привыкнут к темноте, различат в ней очертания окон – и худобедно я опущусь, но ведь бесит же! Нельзя отключать свет у человека, который парит под потолком.

– Ладно, если я врежусь в скамейки или манекены, отмазываться будешь ты.

Ну да, ну да, конечно. Если бы я всерьез еще в это верила…

– Ладно, спускайся, я тебе скажу, если ты налетишь на что-нибудь.

– А подсветить ты мне не можешь?

– Это не так весело. – Я прямо услышала, как Бастиан усмехнулся.

– Дебил, – буркнула я и полетела в противоположную от него сторону. Медленно и вытянув руки.

Можно было попробовать зажечь свет своими крупицами, но мне надо было поддерживать крылья – магия заканчивалась быстро и жаждала новых крупиц.

Наконец пальцы коснулись холодного окна. Я помнила, что под ним пара скамеек, поэтому опускалась аккуратно. Наконец ноги коснулись твердой земли, крылья уменьшились – и у меня получилось зажечь свет. Бастиан, покатываясь со смеху, стоял у стенки.

– Ты как моль у окна. Гигантская моль в поисках щели… или шубы – со спины не понять.

Я его жалела? Расспрашивала Брину о его самочувствии?

– А ты себе только сердце пересадил? – бросила я, проходя мимо. – О других органах не думал?

Ди Файр увязался за мной, медленно оттесняя к ближайшей двери.

– А все другое у меня нормально работает. Хочешь, покажу?

– Я про мозги, дурак!

Но Бастиан уже не слушал, впихнул меня в одну из примыкающих к залу комнат, где хранились скакалки, мячи и

прочая ерунда, и вжал в стеллаж. Нижняя полка больно впилась в задницу, верхняя – в затылок. Я как раз вознамерилась сказать все, что об этом думаю, как рука парня зажала мне рот.

– Тихо! – прошипел Бастиан. – Слушай!

Я честно попыталась вслушаться в звенящую тишину, нарушаемую лишь нашим дыханием и моим колотящимся сердцем. Но то ли впившаяся в нежное место полка не давала открыться нужной чакре, то ли голос в голове Бастиана слышал только Бастиан. Может, это побочка после пересадки? Вряд ли здесь хороший наркоз. Дали по темечку, да прооперировали, пока не проснулся.

Я с силой оторвала руку огневика от лица.

– Чтобы я что-то услышала, нужно что-то сказать. И вообще мне больно!

– Я тебе ничего не делаю!

– Ты – нет, а полка – да.

Бастиан недоверчиво заглянул мне за плечо. Потом чуть пододвинул меня и… просунул ладонь между полкой и моей задницей. Удобно, ничего не скажешь, а тепло-то как!

– Вообще это не самое лучшее решение…

– Тс-с-с! Вот! Слышишь?

Теперь, прислушавшись, я действительно услышала голоса, которые тотчас узнала. В этой школе ночью хоть кто-нибудь спит? Хотя Кейману и Яспере сегодня не удалось отчасти из-за меня. А именно их голоса мы и услышали. Что они делают возле спортзала, Кейман ведь знал, что я там!

Мы с ди Файром дружно прижались ушами к двери, чуть приоткрыв ее.

– Оставь ее в покое! – Голос принадлежал Кейману. – Она ребенок.

– Она не ребенок! Она прекрасно знает себе цену и пользуется своим влиянием на тебя!

– Ты тоже знаешь себе цену! И я на многое закрываю глаза, позволяя тебе куда больше, чем прочим магистрам, но я уже говорил, чтобы ты держалась от нее подальше, Яспера!

– Зато ты держишься к ней поближе. Хорошо! Ладно… твоя взяла. Она останется здесь. Значит, уйду я.

– Не дури.

– Не могу я! – Голос магистра Ванджерии сорвался. – Не могу больше! Все, хватит, я устала. Поеду… не знаю, как-нибудь устроюсь.

– Ты ничего не забыла, Яспера? Ты наказана, и тебя не трогают лишь в том случае, если находишься рядом со мной. Я твое отсутствие скрывать не смогу. И что, снова прятаться? Снова

лазить по помойкам? Напомнить, в каком состоянии я тебя нашел? Напомнить, как с голоду подыхала или спала на улице? Снова туда хочешь?

– Нет, – грустно ответила Яспера.

Я ощутила приступ иррационального стыда, хотя, если вдуматься, ничего такого Яспере не сделала. Ну что она ко мне привязалась? Потому что в прошлой жизни я была бывшей ее любовника? Или в моей прошлой, а его нынешней… жесть, как все сложно!

– Нет, – передразнил Кейман. – Успокойся. Смотри на нее другими глазами.

– Это какими? Твоими? Приставать к ней начать?

– Я к ней не пристаю. Это во-первых. А во-вторых, уйдешь – проиграешь, а она даже не оценит победы. И кому будет лучше, если умрешь где-нибудь от голода? Или вернешься к нему?

– Я не хочу к нему…

– Вот и все. Успокойся. Три года – и ее здесь не будет.

– Она всегда будет.

– Тебя же бесит не ее существование, а ее присутствие. Потерпи три года, я сделаю так, что вы не будете пересекаться.

– А если ты не победишь?

– Тогда исчезнет весь привычный мир, и она в том числе. Будет ли тебе разница, с кем бок о бок жить в аду? Идем, я еще лелею надежду съесть ужин до рассвета. Давай-давай, идем, я сказал, оставь в покое девчонку, ее и так все кому не лень уже пнули.

– Ну, я вот не пнул, я даже погладил, – хмыкнул Бастиан.

– Себя погладь. Интересно, о ком они говорили, кто этот «он», к кому не хочет возвращаться Яспера?

Я задала вопрос вслух случайно, скорее самой себе, но, к собственному удивлению, вдруг услышала ответ от ди Файра:

– О демоне, который ее обратил. Они редко отпускают жертв. Полагаю, он найдет ее, едва дамочка обрежет поводок, который держит Кейман.

У меня не осталось слов. И от пренебрежительного про «поводок», и от того, что огненная скотина даже не скрывала факт обладания информацией, которую просто так, не будучи призраком, не добыть. И от того, что меня все еще не выпускали из кладовки.

– Можно? – Я многозначительно покосилась на дверь.

После короткой паузы Бастиан равнодушно пожал плечами.

– Пожалуйста. Кстати, если тебе интересно, в драке между Ванджерией и тобой я ставлю на магистра. Опытные женщины всегда выигрывают.

Захотелось в него чем-нибудь кинуть, но в руках была лишь колба с крылышками. А их стало жалко.

Подслушанный разговор никак не выходил из головы. Яспера любила Кеймана, это было очевидно, любила так сильно, как он ее любить не мог. А еще была к нему привязана, не только эмоционально, но и законом. И демон, ее обративший, вероятно, имел какую-то власть и претендовал на нее, а Кейман мог ему противостоять.

Вот только совершенно непонятно, чего Яспера хотела сегодня от меня, потому что точно так же, как она привязана к демону, ее обратившему, я привязана к Кейману Кросту. Если уйдет она – окажется на улице. Уйду я – у Акориона. И жалко в этом случае только Кроста.

Я снова не смогла заставить себя прочесть еще одну главу из книги легенд. Просто переоделась (мельком подумав, не лечь ли спать в ботинках, чтобы не простыть, блуждая босиком по холодной земле) и отрубилась, едва голова коснулась подушки. На этот раз до самого утра, когда колокол поднял на завтрак и начался отсчет второго курса в Высшей Школе Темных.

С неба хлопьями валит снег. До зимы еще далеко, но день выдался удивительно холодный и промозглый одновременно. Снежинки не успевают таять, присоединяясь к собратьям на земле, покрывают белым ковром улицы Флеймгорда. А когда попадают на черный ворс плаща мужчины – мгновенно испаряются с едва заметным дымком.

Скоро полночь. Он ждет у пороховой башни, курит и задумчиво смотрит в небо на три луны, три спутника, один из которых сияет так, как раньше.

Кейман Крост не верит собственным глазам. Наверное, если бы кто-то сказал ему, что звезда Таары с новой силой сияет на небе, он бы рассмеялся, но… она действительно своим светом заливает столицу. Редкие прохожие удивленно таращатся в небо.

Кейман поднимает руку – и свет звезды концентрируется вокруг нее, обретает форму, сплетается в тонкую нить души. Пока еще едва заметную на контрасте черной кожаной перчатки. Нить совсем маленькой девочки…

Значит, где-то сейчас раздался первый крик малышки, которая еще не знает, что носит душу богини. Которая с удивлением смотрит на мир вокруг и понятия не имеет, как поменяет его своим рождением.

Крост оборачивается от резкого звука – и успевает увидеть темную фигуру, метнувшуюся в тень какого-то подвала. Снег под ногами хрустит, не давая ему приблизиться бесшумно, но девчонке,

что прячется от него, съежившись в углу, некуда бежать, как бы ни была она напугана.

– Не бойся, я тебя не обижу.

Замерзшая, худая до невозможности. Спутанные волосы когда-то, пожалуй, были красивого темного цвета. Руки и ноги исцарапаны, а платье давно превратилось в обноски. А еще в глазах застыл страх. Обреченный, привычный страх. Он уже стал ее частью, так же, как и голод, как выживание на улице.

Если она просидит здесь всю ночь, то замерзнет насмерть. Много таких бездомных в свое время нашли вечный покой на заснеженной улице города огненных магов.

– Идем. – Кейман протягивает руку.

Девчонка молчит, смотрит большими глазами и вжимается в стену еще больше.

– Ты здесь замерзнешь. Идем, я накормлю и дам поспать. Ну же, не бойся. Как тебя зовут?

Молчит, и тут он понимает почему. Призрачная надежда в глубине бездонных глаз то гаснет, то вспыхивает с новой силой, но она не может ответить, не обнажив длинные звериные клыки, не может дать руку, не выпустив острые стальные когти.

– Я не боюсь демонов, – улыбается Крост. – Идем со мной. Хуже тебе уже не будет.

Она медленно протягивает ладонь, вжимая когти, как кошка.

– Мое имя Кейман. Я работаю на короля. Давай познакомимся? А то король не разрешает мне приводить неизвестных девушек в дом. Говорит, это вредит репутации.

– Яспера. Меня зовут Яспера.

А голос у нее красивый. Совсем не демонический, чистый. Как будто не ей разрезали грудину и вырвали сердце наживую.

Глава 3

– Адептки ди Файр и Шторм, позвольте поинтересоваться причиной опоздания.

– Я заканчивала проект по артефакторике, – быстро ответила я.

– А я… – Брина замешкалась на пару секунд и мучительно покраснела.

Странно, такое поведение как-то не вязалось с невозмутимой и спокойной огненной принцессой. Даже мне стало интересно, где она была.

– Я проспала, – как-то чересчур поспешно ответила она.

Мы юркнули за последнюю парту, где Аннабет держала два места.

– Я уж думала, вы не придете, – шепнула она.

– На первую пару в семестре? У Кеймана? Общую? Ха!

Таинственная «магическая безопасность» стала для всей школы не только новым предметом, но и общим. На лекции теперь собирали всех, от первого до четвертого курса каждого из пяти факультетов. Кейман должен был читать по две пары в неделю, и все время до начала занятий школа гудела.

О том, что новый предмет связан с трагедией в школе, не догадались разве что дубы в магической роще, да и то потому, что с некоторых пор их обнесли гигантским забором и поставили предупреждающую табличку. Но чему именно будут учить, никто не догадывался.

Кейман дождался, пока адепты, отвлеченные нашим появлением, угомонятся, и продолжил. За его спиной, за кафедрой, сидела Яспера, со скучающим видом подпиливающая сломанный ноготь.

– Что ж, рад поздравить вас с началом нового учебного года. Для кого-то это первый шаг в изучении магии, собственных резервов и многогранного мира вокруг, для кого-то год станет выпускным…

Кейман многозначительно посмотрел на Бастиана, который расположился на втором ряду в окружении друзей.

– В связи с последними событиями Совет Магов принял решение, что каждый из адептов обязан прослушать курс магической безопасности. Хотя лично я искренне полагаю, что уж к четвертому курсу подобные вещи нужно понимать на интуитивном уровне. Но, как оказалось, не все из вас понимают даже такие простейшие вещи, как «не снимай браслет с крупицами», «держи запас магии», «не выходи из дома без

браслета» и «не вычерпывай резерв до дна». Поэтому в течение года рассмотрим с вами основные моменты магической… ди Файр, вам неинтересно? Я понимаю, что вас лично охраняет служба стражи дома огня, и я бы отпустил вас с этих занятий, но, боюсь, если сделаю это, вы разнесете всю школу. Если у вас вопрос – задавайте, а если нет, извольте помолчать. До момента, когда я вручу вам диплом, еще целый год.

Огромная аудитория вмещала несколько сотен адептов, так что до нас не доходила болтовня Бастиана, однако то, что он мешал Кейману, лично меня не удивило.

– Да, пожалуй, вопрос есть. Вам не кажется, магистр, что несколько опрометчиво смотреть свысока на всех адептов? Неужели вам не приходит в голову, что адепты младших курсов вашего презрения еще не заслужили, а претензии в адрес старших курсов немного… устарели?

– Ой мамочки, – прошептала Аннабет. – Что он творит?

– Уж точно не интересы первых курсов защищает, – ответила я.

– Выражайтесь яснее, ди Файр. Искусство дипломатии будете оттачивать в работе. И поднимитесь, вас плохо видят задние ряды.

Бастиан поднялся, нарочито медленно повернулся кругом, дабы его рассмотрел всякий желающий, и продолжил:

– Хорошо, я выражусь конкретнее, и, думаю, многие меня поддержат. С самого первого дня мы слушаем, какие мы бездари, занозы в одном месте, неучи и так далее. Вы, магистр, ведете себя с нами так, словно отбываете наказание, преподавая в школе, а между тем вы призваны Советом Магов не сражаться с нами и не унижать, а… ну, скажем, помогать и развивать, верно?

Кейман сложил руки на груди, прислонился к колонне и усмехнулся. Ему было интересно.

– Допустим.

– Неужели каждый из присутствующих, без исключений, – бездарь, не способный на простейшие умозаключения? Здесь присутствует, например, моя сестра, которая считалась в Школе Огня не обделенной талантом адепткой. И у многих, кто сейчас со мной согласен, аналогичные мысли. Я призываю вас, магистр, не говорить с позиции бога. Вы ведь всего лишь директор.

Все. Я сейчас утеку под лавочку и там впаду в истерику.

– Ты предлагаешь мне говорить с позиции равного тебе, Бастиан? Но мы не равны. Как минимум в статусе в рамках данного, – Кейман обвел взглядом аудиторию, – заведения.

– Нам это не известно.

– Что ты имеешь в виду?

– Брина, твой брат сошел с ума? – Аннабет обеспокоенно повернулась к подруге. – Мы теперь никогда дипломы не получим?

– Я имею в виду, что директор Школы Огня – известный маг огня, автор нескольких артефактов, зарегистрированных в Совете, известный научный деятель, автор статей, книг. Директор Школы Света – член Совета Магов, советник короля, изобретатель множества лечебных зелий. А о вас мы ничего не знаем. Ни научной деятельности. Ни изобретений. Ни подвигов. Я пытался найти о вас информацию, магистр, да вы буквально вышли из темноты двадцать лет назад, создав Школу. Или вот что вы скажете о ней?

Бастиан ткнул пальцем в Ясперу, которая от такой наглости аж пилку выронила.

– Почему она – магистр? Где ее магистерская научная работа? Какую школу она заканчивала? Аналогичные вопросы я мог бы задать Джораху Оллису, но, к сожалению, не задал. Почему человек, который обучает самых нестабильных магов Штормхолда, оказался ненормальным? Кто отвечает за подбор магистров в этом заведении? И кто докажет, что преподают действительно превосходящие нас маги. А не равные или, что еще интереснее, более слабые?

Кейман слушал пламенную речь с вежливым любопытством, как заботливый отец слушает рассказ ребенка, вернувшегося из школьной поездки.

– И как же вы предлагаете установить эту истину? Как, по-вашему, ди Файр, магистры должны доказать свое превосходство, при условии, что у них нет ни времени, ни желания писать дурацкие статьи на тему «как соединить крупицы огня с темными крупицами и не превратиться в астральную проекцию»?

– Устроим состязание.

– Что?

– Состязание. Магистры против адептов. По разным дисциплинам. Соберем по команде и посоревнуемся.

– И что станет призом?

– Если победят адепты, то сессию всем без экзаменов.

– А если магистры – то без дипломов?

– Идет.

Народ неодобрительно загудел. Хотя нет, вру, часть загудела очень даже одобрительно, уже охваченная азартом, а вот та часть, что не слишком верила в Санта Клауса, чудеса и победу адептов в этом состязании, изрядно напряглась.

– Ладно, – Кейман постучал карандашом по столу, – угомонитесь. Отбирать дипломы не будем. Отдуваться за всех

будет инициатор. Давайте так, ди Файр. Я приму ваш вызов. Условия будут такие: это… мм-м… мероприятие не мешает учебному процессу и проходит в специально отведенные выходные дни, и если вы проиграете, уберетесь из школы без диплома и записей о том, что вы когда-то мозолили мне здесь глаза.

Брина ахнула и вцепилась пальцами в столешницу. Единственный здравомыслящий человек в этой безумной семье, потому что Бастиан хмыкнул и крепко пожал предложенную Кейманом руку:

– Идет!

– Брина, что он творит? – Я повернулась к сестре Бастиана.

– Почему ты спрашиваешь меня? Я понятия не имею! Он… не был таким.

Ну, с этим я бы поспорила, но все же следовало признать: Бастиан был заносчивым, порой жестоким, самонадеянным, раздражающим. Но глупым не был никогда. На что он рассчитывал, бросая вызов Кейману? Неужели не понимал, с кем вступает в противостояние? А если понимал, то зачем дергал тигра за хвост?

Пока я над этим размышляла, Кейман с Бастианом перешли к деталям.

– Выбирайте дисциплины, – сказал директор.

– По очереди, – ответил Бастиан.

– Хорошо. Бои на мечах.

– Зельеварение.

– Нейтрализация темных существ.

– Захват флага.

– Преподавание.

– Что?

– А что? – хмыкнул Крост. – День самоуправления. Вы так часто срываете занятия, наверняка уверены, что можете провести их не хуже. Вот и проверим.

– Хорошо. Тогда магический поединок.

– Идет. Думаю, хватит. Сделаем упор на качество, а не на количество. Шесть магистров против шести адептов. Прошу вас, адепт ди Файр, выбирайте свою команду. Моя вполне очевидна.

Яспера улыбнулась уголками губ и продолжила заинтересованно рассматривать Бастиана. Будто видела его впервые и… он ей даже нравился. Мне очень захотелось кинуть в нее ботинком, не дожидаясь начала поединков, боев и прочих соревнований. Но это, во-первых, было бы неспортивно, а во-вторых, я в этом бедламе не участвую!

– Значит, так, – Бастиан оглядел аудиторию, – Сайзерон.

Габриэл холодно и решительно кивнул.

– Марс.

Мощного вида четверокурсник с факультета огня поднялся и позволил всем себя рассмотреть.

– Берген.

Этого воздушника я знала – мы были в команде по крылогонкам.

– Кристоф.

В принципе, Бастиан шел логичным путем. Габриэл с факультета воды и капитан школьной команды по игре в захват флага, Марс – огневик и спарринг-партнер Бастиана на боях, Берген – воздушник, член команды по крылогонкам, ну а Кристоф с факультета Земли и лично мне не особо знаком, но его выбор никого, похоже, не удивил. Бастиану осталось взять кого-нибудь с факультета…

– Шторм.

– Чего? – вырвалось у меня.

Потом душа затребовала крови и справедливости – и я бросила в Бастиана карандаш. Тот с ядовитой ухмылочкой его поймал и шутливо мне поклонился. Брина предусмотрительно сгребла с парты все вещи, которые могли бы сойти за орудие убийства.

– А отказаться можно?

– Нет, – отрезал Кейман. – Вам, адептка, никак нельзя. Куда же мы без вас?

Срочно! Научите меня владеть мечом, я их обоих прирежу!

– Методистка составит расписание. Все вопросы касательно этого… мм-м… мероприятия – строго во внеучебное время. А сейчас придется поверить в мой авторитет, открыть тетради и записать тему сегодняшней лекции. Конспекты в конце года буду проверять! Будут доказательством того, что вам объясняли элементарные вещи. Открыли? Записываем. Базовые принципы личной магической безопасности. Базовые принципы общественной магической безопасности. Итак, браслет с крупицами на ваших запястьях – не только красивая цацка, но и весьма опасная вещь…

Я едва дождалась перемены и, как только прозвенел звонок, вскочила с места, слетела двумя прыжками по ступенькам и оказалась напротив Бастиана. Кейман с Ясперой не стали выходить из аудитории на время перемены, но, казалось, не обращали на нас никакого внимания.

– Ты что творишь?!

– Что такое, Шторм? Я, вообще-то, оказал тебе честь. Взял в команду сильнейших.

– Дурнейших! Что за цирк? Ты всерьез решил рисковать дипломом… ради чего?

– Ой, только не надо гундеть, как мамочка. Какое тебе дело до моего диплома, Шторм?

– Такое, что, не дайте боги, тебя оставят на второй год, и я буду вынуждена лицезреть твою рожу на два семестра дольше. Не делай из меня идиотку, я прекрасно знаю, что ты все помнишь. Зачем ты это устроил?

– Чтобы дольше проводить время с тобой и быть ближе, разумеется.

– Опозориться в схватке с директором школы – не лучший способ заигрывать с девушкой. Купи лучше пряники. А потом отнеси их невесте.

– А что это тебя так волнует моя невеста? У тебя есть парень, подумай, как сделать так, чтобы его не лишиться.

– Я так надеялась, что ты хоть немного изменишься, – вздохнула я.

– Ну, хорошо. Давай изменимся и начнем называть друг друга ласковыми прозвищами. Или, если хочешь, я могу называть тебя…

Что-то в глазах Бастиана подсказало, что сейчас у него вырвется совсем не ласковое прозвище. Удивительно, как мой мозг порой отказывался думать в принципе, а порой принимал мгновенные решения и просчитывал ситуацию наперед. Может, я и сдам предсказания… хоть на троечку.

– Скажешь хоть слово, я воткну в тебя карандаш! – пригрозила я.

В этот же момент адепты дружно замолчали, и мой звонкий голос прозвучал особенно отчетливо.

– Так, перерыв окончен, – быстро произнес Кейман. – Адептка Шторм, вернитесь за свое место. Ну, или садитесь рядом с адептом ди Файром, но карандаш в этом случае придется ему подарить.

Весело ему. Легко жить, когда ты бог. Ну хорошо, может, и не очень легко, но Кейман и без божественной сущности знает и понимает куда больше моего.

К слову, как и Бастиан, похоже. Я не захотела услышать, как он меня собирался назвать, и часть меня до сих пор надеялась, что это нечто интеллектуальное и остроумное вроде «мышь тупая», но другая часть – та, которая отвечает за своевременную реакцию мозга, – окончательно поняла, что Бастиан знает куда больше, чем говорит.

Кажется, с чего мне так переживать за противостояние с преподами? Ну опозорюсь пару раз, подумаешь. Ежу понятно, что

ди Файр для того и включил меня в команду. Они все проиграют Кейману в любой из дисциплин, но вопрос ведь в том, достойно ли проиграют. И это точно не про меня. На поединке с мечами я двину себе в глаз деревянным (в лучшем случае) мечом, на зельеварении будет чудо, если не взорву котел, а что такое нейтрализация каких-то там существ – вообще не имею понятия!

– Слушай, – шепнула я Брине, – что такое нейтрализация темных существ?

– В Штормхолде, да и не только, водится куча всяких темных тварей вроде мантикор или… не помню, как та ерунда называется, бронированная и с кучей лапок.

– Фу.

– Ну да. Темные маги часто зарабатывают тем, что разбираются со всякими тварями. Но уметь нейтрализовывать их должны все маги.

– И как мы будем соревноваться, если я понятия не имею, что у вас водится и каким «Фейри» его выводить?

– Адептка Шторм, – услышала я ласковый и от того очень угрожающий голос Ясперы. – Вы правда не понимаете, почему к вам все время придираются, как вы утверждаете?

– Я такого не утверж…

Поймала взгляд Кеймана, быстро заткнулась и сделала вид, что капец как увлечена переписыванием схемы с доски. Буквы по-прежнему скакали по бумаге, по доске, рябили, издевались. Но даже Яспера уже смирилась с тем, что мой конспект никогда даже не приблизится к идеальному.

После пары я задалась лишь одной целью: поймать Кеймана и поговорить. Это удалось сделать в переходе между ученическим корпусом и преподавательским. Увидев меня, директор как-то обреченно осмотрелся, не нашел способа сбежать и остановился.

– Сегодня ее замечание было справедливым. Ты болтала.

– Я не об этом.

– У тебя сейчас артефакторика. Ты должна сдать летнюю работу.

– До нее еще есть время. Я жажду ответов.

– Жаль, что не на учебные вопросы.

– Зачем ты это устроил?

– Устроил что?

Бессмысленный какой-то разговор. Кеймановский… вот есть Броуновское движение молекул, а есть кеймановский разговор – такой же хаотичный и непонятный.

– Соревнование, эти… я не знаю, как сказать. Конкурсы?

– Так это идея ди Файра. Спроси у него… хотя, похоже, ты пыталась.

– Зачем ему это?

– А так не понятно? – Кейман усмехнулся.

– Мстит за устроенную с принцессой помолвку?

– А… – Мне показалось, магистр даже как-то сник. – Ты в курсе. Да, отчасти и мстит, я полагаю. Отчасти ищет повод подобраться к тебе. Плюс новое сердце, в крови огонь, равных нет, дракон в нем жаждет соревноваться с равными.

– А в тебе кто жаждет избивать малолетних? Зачем ты согласился?

– Затем, что это полезно, забавно. Иногда мы устраиваем внутришкольные турниры, в которых участвуют и магистры. Почему тебя это так злит?

– Потому что это смотрится так, словно мы хотим всем что-то доказать и обыграть тех, у кого учимся.

– Да! Да! Наконец-то ты это поняла. Вы ДОЛЖНЫ нас обыграть. По всем фронтам должны превзойти, в этом смысл обучения! Вы берете то, что мы даем, за счет молодости и гибкого ума овладеваете этим в совершенстве – и мы становимся устаревшим поколением. Это так работает. А вы что делаете? Изобретаете артефакт, чтобы… как это на твоем языке… фотографироваться в туалете?

– Ничего не для этого, – пробурчала я.

– Угу. Я так и поверил. Ты слишком драматизируешь. Если ди Файр хочет вызова – пусть будет вызов. К тому же он прав. Набирать магистров исходя из собственных соображений – моя привилегия от короля. Многие из них даже не имеют степеней… а некоторые, к сожалению, не имели мозгов и жили по указке извне.

– Вызов с риском для диплома?

– Ты что-то сильно волнуешься за диплом ди Файра. Милая моя, кто мне разрешит не выдать этому паршивцу диплом, скажи мне на милость?

– А… – Я так и осталась стоять с открытым ртом. – Но… как… да у тебя вообще никакого авторитета не будет, если мы проиграем, а Бастиан получит диплом!

– Вот поэтому иди и спасай мой авторитет. Готовься к победе, Шторм. Выше нос, мотивация – главное. Вы же команда! Демон, куда смотрит ваш капитан, это его речевка!

Усмехнувшись напоследок, Кейман, уже направляясь по коридору в корпус, помахал мне рукой. Наверное, я никогда не пойму мотивов его поступков и слов, а делиться со мной Крост не станет. Жаль, что нет конкурса по стендапу – Кейман бы там сто процентов взял все призы.

Итак, мне все-таки придется поучаствовать в каких-то

соревнованиях, да еще и в компании пяти парней. И против магистров школы. И… и все, на этом можно заканчивать. Кейман не видит ничего плохого в том, что адепты проиграют преподам, Бастиан в принципе не задумывается о таких вещах, как поражение. Но ржать над нами будут долго.

Хотя если я сейчас не повторю речь по проекту, ржать надо мной начнут гораздо раньше ожидаемого.

Приличную часть лета я потратила на то, чтобы допилить злосчастный штормграм до приемлемого вида. Потратила весь остаток заработанных на образе Таары денег, выпила пару литров зелья от головной боли и часами воевала со скачущими буквами, пытаясь выстроить их в нужную последовательность. Мне дали целое лето на доделку проекта, поэтому нужно было сделать его не просто «лишь бы сдать», а блестяще.

С блеском были проблемы – я все еще нервничала, отвечая на занятиях. Разве что у Ясперы больше злилась и сейчас бы предпочла защищать проект ей, а не магистру.

Поэтому, когда я вошла в аудиторию и увидела дикую толпу народа, меня охватила паника. Почему вместо десяти человек из моей группы здесь человек пятьдесят?!

– А…

– Делл! – Аннабет радостно помахала рукой. – Я тебе место заняла.

– А что происходит? Почему здесь весь второй курс?

– Потоковая лекция. Теперь лекции будут на весь курс, а практики – по группам.

– Вот черт… значит, мой проект на сегодня отменяется?

Семестровая – это же практика, да?

Трижды «ха-ха». Магистр Дайндри вошел, как всегда неспешно поднялся на кафедру и удовлетворенно хмыкнул, оглядев заполненные адептами ряды парт и скамеек.

– Р-р-рад пр-р-риветствовать вас на втор-р-ром кур-р-рсе и, в частности, на р-р-расшир-р-ренном кур-р-рсе ар-р-ртефактор-р-рики.

Блин, хорошо, что он только на слух картавит, если бы так и писал – мы с дислексией сошли бы с ума.

– Сегодня у нас будет ор-р-рганизационное занятие: р-р-расскажу, какие темы затр-р-ронем в пер-р-рвом учебном блоке, выдам задание на семестр-р-р и заодно заслушаем доклад адептки Штор-р-рм. Она должна пр-р-редставить нам свой пр-р-роект, котор-р-рый не завер-р-ршила в пр-р-рошлом году ввиду… мм-м… объема задачи и некотор-р-рых личных обстоятельств. Вер-р-рнее, сначала мы заслушаем доклад, а потом – задание. Что ж, адептка Штор-р-рм, пр-р-рошу. Пр-р-редставьте нам свой пр-р-

роект, и подтвер-р-рдим вам авансовую оценку за пр-р-рошлый год.

Кто-то в толпе хихикнул. Магистр задумчиво на него посмотрел.

– Вам смешно, молодой человек? Лучше пр-р-редставить нор-р-рмальный пр-р-роект и получить оценку сейчас, чем сдать то, что вы сдали летом.

На негнущихся ногах я вышла к доске и развернула бумагу, в которой лежал многострадальный артефакт. Сколько же крупиц, денег и материалов я на него извела!

Во Флеймгорде, в магазинчике на окраине, я нашла идеальные пластинки из темного стекла, на которые хорошо ложились магические краски. Заказала серебряный резервуар для них, чтобы магия не разрушала картон или глину. И резаком, выпрошенным у Кеймана под честное-пречестное слово, что я никому и ничего им не отрежу (даже себе), разделила экран на две части, скрепив серебряными же болтиками. Получился такой себе стеклянный планшет, немного странного вида – но зато волшебный.

– Здравствуйте. Меня зовут Деллин Шторм, я – адептка второго курса факультета темной магии. Представляю доработанный проект по артефакторике: сложносоставной артефакт с заданной функцией. В прошлом семестре я создала «Штормграм» – артефакт, запоминающий и при помощи специальных красок передающий показанное ему изображение. За лето я доработала артефакт, добавила все задуманные функции и готова продемонстрировать, что это такое.

Народ смотрел с интересом, и это немного придало уверенности. Игрушка вышла действительно хорошая – по крайней мере, внешне. Только бы нормально сработала! Я достала из упаковки вторую пластинку и хрустальный накопитель – дорогую штучку, ставшую весомым аргументом в решении еще поработать на Рианнон.

– Это – накопитель, используется для запечатывания иллюзий, образов и предсказаний. Я использую его как хранилище информации, которую получает мой артефакт.

Боги, я несла какую-то сбивчивую чушь! Нечеловеческим усилием заставила себя успокоиться, вспомнить план речи и начать по порядку.

– Итак, есть два человека и два артефакта у них…

– Адептка, возможно, стоит пр-р-ригласить для демонстр-р-рации кого-нибудь из зала?

Аннабет тотчас вскинула руку. К ней присоединилась какая-то знакомая с факультета воды – и они обе встали по разные

стороны от меня, взяв по штормграму.

– Допустим, Аннабет хочет поделиться изображением чего-то… аудитории, например. Она поднимает штормграм так, чтобы в стекло было видна нужная картинка. Добавляет в резервуар для красок крупицу – и картинка появляется на стекле.

Аннабет проделала все сказанное, продемонстрировала всем изображение класса с адептами на стекляшке и стала ждать дальнейших указаний.

– Я расширила палитру красок и добавила несколько зелий, которые позволяют их смешивать, так что теперь штормграм может воссоздать почти любой цвет и картинки получаются четче.

Спасибо Марьону за подсказку.

– Второй обладатель артефакта…

Я замялась, потому что не знала имени девушки.

– Мария, – представилась она.

– Мария не знает, что Аннабет хочет передать ей изображение, она сейчас может сама запечатлевать что-то свое. Но когда Аннабет свайпает… то есть, проводит пальцами по экрану, будто смахивая краску, – изображение появляется на артефакте Марии. Так можно показывать друг другу какие-то интересные вещи… это фактически аналог мгновенных писем-свитков, которые используются магами для экстренной связи. Только картинками…

Задние парты, конечно, болтали и скучали, но по большей части народ с интересом тянул шеи и таращился на собственное изображение. Здесь почти не было фотографии, в основном потому, что она никому была не нужна, технология не прижилась, как у нас не прижились какие-нибудь дирижабли, но почему не использовать ее для развлечения? Это хотя бы интересно.

– Стекло штормграма разделено на две части. Самая большая, верхняя, – непосредственно артефакт, пластинка для изображения. А прямоугольная нижняя – для текстовых заметок. После того, как Аннабет передала для Марии изображение, Мария хочет ей что-нибудь написать. Ну, не знаю… «займи мне место на первой парте». Для этого можно взять небольшое перо, спрятанное за резервуаром с красками, – и написать нужное сообщение.

Несколько секунд – и на артефакте Аннабет загорелись ярко-синие буквы.

– Аналогично можно написать ответ.

– Хор-р-рошо. И зачем же вам накопитель? Пока что я не понял его назначение.

Кивнув, я достала из сумки третий штормграм.

– Накопитель используется для хранения образов,

предсказаний. В основном в искусстве: в театрах, в цирке, поскольку позволяет быстро извлекать нужные эффекты, различные иллюзии и так далее. Также используется в королевских хранилищах, а еще его чуть измененный вариант выдают иномирянам – он помогает быстрее выучить язык и убирает барьер в общении, преобразуя речь иномирянина в привычную вам… нам… всем, в общем. В моем проекте он нужен, чтобы некоторое время хранить образы и… я сейчас покажу, что это значит.

На этот раз я не стала ничего запечатлевать, просто открыла резервуар, бросила туда крупицу и, после того, как с изображения сошел красочный дымок, продемонстрировала проявившуюся картинку: изображение, сделанное Аннабет, и подпись Марии к нему чуть пониже.

– Если Мария сделает новое изображение, то оно также появится здесь.

– Вопр-р-росы у аудитор-р-рии?

– А как понять, кто какое изображение сделал?

– Здесь видно значок с номером штормграма. Но можно вместо номера поставить имя человека, которому принадлежит артефакт.

– А сколько артефактов можно связать?

– Столько, сколько позволяет накопитель. Без него только два.

– А какая себестоимость?

– Не могу сейчас сказать, но могу подсчитать к следующей паре.

– А зачем он нужен?

– Это развлекательная сфера.

– Это игрушка?

– В какой-то мере. Но можно придумать и более серьезные поводы для использования.

– Списывать на экзамене, – подсказал кто-то.

– Не советую, – добродушно хмыкнул Дайндри.

– Вряд ли получится запечатлеть мелкие буквы и схемы, – добавила я. – У него небольшая точность, рассчитан на природу и картинки с людьми.

Да, я изобрела соцсеть для картиночек. И, что бы там ни говорил Кейман, мне совсем не стыдно, потому что это первая магическая штука, над которой я работала, которую сделала сама, и плевать, что она бессмысленная и вообще не совсем придуманная мной.

– А сколько изображений может храниться в накопителе?

– Этот не слишком дорогой, не больше сотни. Однако в

салоне, где я его купила, есть экземпляры, в которые поместится несколько десятков тысяч. Однако плюс накопителя в том, что он возобновляемый. Можно очистить его и начать все заново. К сожалению, очищать выборочно такие кристаллы нельзя.

– Спасибо, адептка. Пер-р-речислите, пожалуйста, список ар-р-ртефактов, котор-р-рые вы использовали.

А дальше – вопросы по теории, сверка с заданием, замечание за то, что накопитель не входил в список доступных частей, мой ответ, что покупать запчасти тоже не возбранялось, а доступа в школу у меня летом не было, оценка не снижена, подпись в ведомости поставлена, а я – свободна.

И только после звонка, когда мы записали новое задание (ко всеобщему счастью на этот раз был просто реферат) и попрощались с магистром, ко мне подошла одна из адепток с факультета огня. Я не знала ее имени, но саму запомнила, ибо девица часто крутилась вокруг Лорелей и во всем подражала старшей подруге, даже прическу делала такую же.

– Шторм… Деллин, то есть.

– М? – Я подняла голову.

– Ты можешь сделать мне такой?

– Что?

– Этот твой… грымграм, или как там? Я хочу себе пару таких. Сможешь сделать? Я заплачу, сколько скажешь.

– Бери, – я растерянно протянула ей две штуки, – мне он не нужен. Оплатишь материалы, и все.

– А накопитель? Картинки будут сохраняться, да?

– Как хочешь. – Я пожала плечами. – Можешь купить свой, я покажу, как связать его с артефактом.

– Отлично! – просияла девчонка. – Я на третьем этаже, пятая дверь справа. Когда посчитаешь, сколько я должна, – заходи.

И унеслась, прижимая к груди две несчастные стеклянные пластинки.

* * *

К ужину вывесили традиционное объявление о Бале Огня. Учебный блок только начался, а школа уже гудела: кто что наденет, кто с кем пойдет. После тренировки по крылогонкам я уныло плелась в комнату, чтобы принять душ и отправиться поесть, когда услышала свое имя в толпе гудящих адептов.

Габриэл, распихивая растерянных первокурсников, которым старшие ребята-водники показывали магических водных птиц, спешил ко мне.

– Привет! Слушай, прости за сорвавшийся выходной, я… так получилось, в общем.

– Расслабься. На меня тоже навесили кучу заданий.

– Давай выберемся на следующих выходных? Ну или когда меня освободят от наказания. Я клянусь, что ни единым словом и делом не вызову на себя гнев преподавательского состава!

Ну вот, а я надеялась избежать этого разговора. Хотя надеяться, что Кейман будет наказывать на все выходные Габриэла до тех пор, пока у того не случится амнезия, было довольно жестоко.

– Слушай, – вздохнула я, – наверное, мы не сможем пойти в город и… вообще гулять.

– Из-за ди Файра?

– Что? Нет! Бастиан здесь ни при чем. Но есть другие… ммм… люди, которым не понравится, если я появлюсь на публике с кем-то… не пойми меня неправильно, я просто не хочу, чтобы ты пострадал.

– Ты об Оллисе сейчас, да? Я слышал, что он к тебе неровно дышал, но думал, это слухи.

– А цветы в холле? О них вся школа говорила. И это верхушка айсберга… пока его не поймают, я не могу ходить на свидания.

– Деллин, я не боюсь сумасшедших магистров. И меня хорошо охраняют, мой отец в Совете Магов, помнишь?

Я помнила, правда, что это значит, как-то не улавливала. А сейчас вдруг уловила и залилась краской с ног до ушей! Это же я перед Советом Магов в бассейне плавала… голая. Блин, может, у них там смены есть? И по счастливой случайности мой стриптиз не выпал на дежурство отца Габриэла? А то веселенькое может получиться знакомство с родителями: тот момент, когда отец парня знает о тебе чуть больше, чем парень.

– Деллин… – Габриэл помахал у меня перед носом. – О чем задумалась?

– Да так, ерунда в голову лезет. Прости меня, Габриэл. Я правда с удовольствием, но не хочу рисковать.

– Ну, хорошо, а в школе он тебя достать не сможет?

– Теоретически нет.

Хотя кто его, Акориона, знает. Достал же через Оллиса. Что помешает использовать кого-то из адептов, чтобы шпионить за мной и сейчас?

– Тогда я могу пригласить тебя на Бал Огня?

В прошлом году я, кажется, мечтала об этом знаменательном моменте и сейчас была готова разреветься от досады. Стоило, наверное, отказаться, вспомнить об осторожности, посоветоваться с Кейманом и вообще разыграть умудренную жизненным опытом

женщину, но на миг я представила, как буду стоять у стеночки, смотреть, как Бастиан танцует с невестой, Брина – с каким-нибудь шикарным парнем-старшекурсником, да еще и едва успевает отбиваться от приглашений… и мозг отключился.

– Хорошо. Бал Огня – это хорошо.

Габриэл просиял.

– Вот и супер! Кстати… ди Файр просил передать, кого увижу: в выходной собираемся для обсуждения стратегии состязания.

– Выходные в компании Бастиана… буду зачеркивать числа в календарике розовым карандашиком.

– Я тоже там буду, – многозначительно хмыкнул водник.

– Хорошо, буду зачеркивать их не до конца.

В глазах Габриэла явно промелькнуло непонимание. Он никак не мог врубиться, говорю я серьезно или снова шучу, и мне стало стыдно. Вот чем виноват симпатичный парень в том, что я обиделась на ди Файра?

– Прости, – вздохнула я, – всего слишком много. В прошлом году я была кем-то вроде странной не особо любимой зверушки, а сейчас такое количество внимания, что нервная система не выдерживает.

– Я тебе по секрету скажу, что вся… ну а если не вся школа, то половина так точно, видела твой щит из молний в прошлом году. И если в том, что директора Кроста вряд ли получится обыграть, никто не сомневается, то на остальных магистров ставят с опаской. Ну и, конечно, я не первый, тебя пригласивший. Так что, едва появилось подтверждение, сразу же рванул, пока никто не успел вперед.

– Это приятно. – А вот эта фраза получилась уже без сарказма.

Все же в общении с парнями у меня было опыта столько же, сколько в горных лыжах, – ровно ноль. Поэтому я неловко улыбнулась, а сама едва не вспотела от мысли: «Как теперь попрощаться?!» К счастью (а может, и нет), какая-то девчонка избавила меня от необходимости придумывать, что мне пора.

– Деллин? Ты же Деллин Шторм?

– Да.

Тоже хочет пригласить меня на бал?

– Ты продала Марси свою пластинку. Можешь продать мне две?

– Прости, у меня было всего три, осталась только одна.

– А сделать еще сможешь? Я заплачу.

– Увы, – я беспомощно развела руками, – никак.

– Жа-а-аль… – Девчонка поникла.

– Погоди! – Габриэл поднял руку. – Подожди здесь, ладно? Мы на секунду отойдем.

Пользуясь моим ступором, водник отвел меня чуть в сторонку и тихо сказал:

– Делл! Ты что? Тебя просят сделать за деньги что-то магическое! Это очень круто!

– Да, это мой проект по артефакторике, только я сделала его для прикола.

– Какая разница? Он приносит деньги! Адептам приходится разносить пиво, чтобы заработать, а ты можешь делать это прямо в школе!

– А это разрешено?

Я живо представила Кеймана, орущего что-то вроде «Это не базар, а учебное заведение!».

– Да, если законно. Лесса делает украшения, она училась у отца работать с полудрагоценными камнями. Стефан работает с кожей. Они все берут деньги за работы. Если не устраивать рынок и не продавать незаконные штуки, не перепродавать крупицы, то никто и слова не скажет. Один раз Стефану даже заказали кожаные чехлы для переноски колб с крыльями, после победы на чемпионате Штормхолда по крылогонкам.

– Ну… может быть. Но я все равно не успею делать штормграмы для всех желающих. Если не сдам экзамены, меня летом опекун пожить не пустит, наверное. А заданий куча… еще тренировки по крылогонкам и боям, еще теперь это состязание. И у меня дислексия, я не могу за часик сделать все задания и заниматься хобби. Так что увы, придется им как-нибудь без штормграма.

– Н-да… и вправду, расписание дикое. – Габриэл задумчиво закусил губу. – А ты можешь обучить кого-нибудь, как делать эти штормграмы?

– Да, наверное.

– Тогда предлагаю сделку. Ты обучишь меня, как их делать, а деньги пополам.

Я рассмеялась.

– Тебе что, отец денег не дает?

– Дает, – ничуть не смутился Габриэл. – Но всегда хочется больше. Это во-первых. А во-вторых, я люблю мастерить что-нибудь руками. Успокаивает. Да ладно, Делл, рано или поздно кто-нибудь стащит твой доклад у магистра и сделает все по инструкции. Получит кучу денег, а про тебя никто и не вспомнит.

– Хорошо. Валяй, делай, что хочешь, я расскажу.

– По рукам!

Габриэл буквально светился от счастья, девушка убежала,

окрыленная обещанием получить новую игрушку, а я отправилась размышлять о жизни сначала в душ, а затем и на ужин, где Брина уныло ковырялась в тарелке с говядиной. Она вообще ненавидела говядину, но сейчас превзошла саму себя.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Бастиан выбрал для Брины спутника на Бал Огня, – просветила Аннабет. – Какого-то парня с факультета Земли. Из хорошей семьи, лояльной Эрстенни. Теперь Бастиан у нас дружит с другими королями. И Брина должна помогать политике брата.

– Мило. А ты хотела пойти с кем-то другим?

– Я хотела выбрать сама, – буркнула Брина. – И я вообще не собиралась никуда ходить. Я не хочу. И не пойду, даже если Бастиан притащит меня туда силой.

– Ты ему сказала?

– Нет.

– Ну, правильно. Меньше знает, крепче спит.

– Я думала, все изменится! Я ждала, что брат станет главой рода и будет… не знаю, другим! Что он очнется, и все станет проще!

– Да, я тоже. Но давай не будем придерживаться презумпции виновности. Может, он не знает о твоем нежелании идти на бал? И думает, что так отвлечет тебя, развеет…

– Ты сама-то в это веришь? – Брина брезгливо отодвинула тарелку и взяла кружку с чаем. – Он не взял меня в свою команду! Не взял! Меня! Сестру! Я – первая по старшинству сестра ди Файров, я учусь в той же школе, мои оценки не хуже, я умею больше, чем все адепты моего курса! И что, я недостойна войти в команду брата? Потому что я женщина?! Ладно, тогда чем я хуже тебя?!

– Тем, что над тобой ржать опасно. Половину школы разорвет от выбора между «поржать над неудачниками, которых разгромили преподы» и «нельзя ржать над сестрой огненного короля».

– А над Бастианом можно?

– Ну… один раз даже полезно. Да брось, Брина, мы все понимаем, зачем я нужна в команде. Твой брат сводит счеты с Кейманом и не может перестать издеваться надо мной. Если бы он ненавидел тебя – ты была бы в команде. А так… там парочка его друзей и мы с Габриэлом. Я – потому что бешу, а Габриэл – потому что испытывает ко мне симпатию.

– Он обещал, что все изменит! – От полноты чувств Брина даже топнула ногой – и несколько соседних столиков притихли. – Это он выбил у отца разрешение на мою учебу! Это он обещал, что я получу диплом и работу, что со мной будут считаться, что я

стану его правой рукой! И что теперь?

– Не думала, что когда-нибудь буду защищать Бастиана, но поговори с ним, прежде чем впадать в уныние, – сказала я. – Он заносчивый, невыносимый, напыщенный и самодовольный идиот, но порой у него действительно есть план и он даже работает.

– А если нет? Если мой брат уже не тот человек, к которому я привыкла? Если драконье сердце его изменило?

– С ним все равно придется учиться жить. Ты же не можешь сдать тиару огненной принцессы и стать бродячей певицей. Поговори с ним. И попробуй сохранить отношения. Не у многих есть брат, который готов костьми лечь, чтобы спасти сестру.

На самом деле я бы от такого точно не отказалась.

После ужина пришлось прочитать параграф в учебнике для Ясперы. К вечеру дислексия особенно активно себя проявляла. Буквы не просто прыгали и менялись, они устроили целый спектакль, довели меня почти до истерики и так и не сложились во внятное подобие текста. Психанув, я взялась за легенды. Просто чтобы немного отдохнуть, почувствовать, что это такое: нормально читать и не мучиться.

Закуталась в теплое одеяло, приоткрыла окно, чтобы проветрить комнату перед сном, и погрузилась в чтение. Одновременно интригующее и пугающее.

«Богиня смерти и хаоса» – так называлась глава. Очевидно, посвященная становлению Таары. Согласно легенде, дети, найденные Кростом неподалеку от его замка, постепенно набирались сил. Росли, глядя на опекуна и учителя, искали себя, учились управляться с магией, которая оказалась для Кроста новой, – темной магией, крупицы которой Таара бережно собирала в большую резную шкатулку – подарок Кроста на один из дней рождения.

Меня поразило описание Таары, а когда я перевернула страницу и увидела иллюстрацию, обалдела еще больше. Если верить конкретно этой главе, светлее и добрее девушки было сложно отыскать во всем Штормхолде. Она обожала природу, часами бродила по территории замка Кроста, тащила в дом всю живность и развлекалась тем, что выводила заблудившихся путников из леса. Не хватало только единорога, блюющего радугой на ромашковом поле. Как-то не вязался этот образ с легендами про циничную стервозину, развязавшую кровавую войну на пару с братцем.

Но на самом деле книжка так ярко описывала странную, но притягательную божественную жизнь, что я почти ощутила запах утренней росы и прохладу горного ветра. Почти оказалась там – в далеком прошлом, превратившемся в легенды.

– Что у тебя здесь? – Я слышу голос Кроста и быстро смахиваю слезы. Мне не хочется, чтобы он видел, как я плачу. – Таара? Что случилось? Ну-ка, повернись… покажи…

Я знаю, что он не уйдет, поэтому поворачиваюсь и раскрываю ладони, на которых лежит крошечная птица с красивыми синими перьями. На самых краешках они чуть отливают бронзой, сверкают в солнечном свете и кажутся волшебными. Птица еще дышит, но с каждой минутой жизнь утекает из нее, я чувствую, она струится между пальцами и растворяется в воздухе.

– Лесная кошка разворошила гнездо, – говорю я. – Съела все яйца, а птицу я успела отбить. Ты можешь ей помочь?

– Нет. – Крост с сожалением качает головой. – Ее судьба определена. Я не могу вмешиваться в жизнь и смерть.

– Так жалко. Она не заслужила такой смерти.

– Это природа. Есть хищники, есть их жертвы. Птица не заслужила смерти в лапах лесной кошки, а лесная кошка не заслужила умереть от голода.

– Видел бы ты ее! Сытая толстая морда! Готова поклясться, ей просто хотелось полакомиться!

– Не переживай, Таара. Иногда так бывает. Птице повезло, что она умирает в твоих руках.

– У нее такие красивые крылья… – шепотом говорю я.

А потом смотрю в небо, на облака, на кроны деревьев. Несбыточная мечта – хоть раз подняться в небо, узнать, что чувствуешь, когда мощные крылья несут тебя навстречу свободе.

– О чем ты думаешь? – спрашивает Крост.

– Что я была бы не против родиться птицей. Наверное, летать очень здорово…

Малышка в последний раз вздрагивает в моих ладонях и затихает. Нет, я поймаю эту кошку и поселю в замке, чтобы она не смела больше разорять чужие гнезда. Буду кормить ее сама, сделаю настоящим домашним зверем.

– Дай-ка сюда, – просит Крост, забирает у меня птицу и проводит над ней рукой.

Клубы синего дыма окутывают крошечное тельце, сверкающие искорки поднимаются к небу, растворяются в нем. Кожей я чувствую тепло магии Кроста, а потом, когда дымок рассеивается, изумленно ахаю: рядом с землей в воздухе парят красивые синие крылышки, отливающие бронзой.

– Поднимись, – говорит Крост.

Я послушно выпрямляюсь, с интересом наблюдая, как он держит на ладони крылья, как подносит их ко мне и легким движением ладони прикладывает к спине. Туда, где платье совсем

не закрывает кожу, и от прикосновения по телу проходит волна дрожи.

В следующий миг я чувствую… крылья? За спиной медленно расправляются два красивых огромных крыла.

– Ну вот… тебе не страшны никакие лесные кошки.

– Они… они настоящие?! Я смогу летать?

– Да, Таара, ты можешь летать. Только будь осторожна. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Спасибо! – Я бросаюсь на шею Кросту, а в следующий миг уже взмываю в воздух.

Поднимаюсь над долиной все выше и выше, пока замок не становится игрушечным, пока взору не открывается бескрайнее пространство Штормхолда. На миг меня охватывает страстное желание устремиться вперед, навсегда покинуть родной дом и попробовать на вкус свободу. Но что-то заставляет остановиться и просто смотреть.

Может, здравый смысл, а может, магия бога стихий, против которой у меня нет никаких шансов.

Глава 4

К выходным я имела в активе: ноющие мышцы после первых тренировок по боям, ворох заданий, «неуд» от Ясперы, грядущий сбор команды Бастиана, огромное желание все выходные пролежать под кроватью и вылезать лишь ради чего-нибудь вкусненького и…

– Шторм! – Кейман поймал меня в саду, когда я бродила по тропинкам в ожидании Аннабет и Брины – мы вместе должны были пойти на ужин. – Есть разговор.

– Мм-м?

Мы несколько дней не виделись, и, если честно, я к этому успела привыкнуть. Учеба, учеба и ничего кроме учебы – разве не этого хотел Крост? Я, как прилежная девочка, хожу на пары, выполняю задания, пью сонное зелье, не гуляю ночами по саду и даже ни с кем не подралась, если не считать первокурсника с факультета Земли, которого мне поставили в пару на практике по боям. Но с ним мы даже в конце посмеялись, правда, немного неловко.

– Я должен нервничать из-за того, что твой проект по артефакторике гуляет по рукам?

– Э-э-э… – Я малость опешила. Сколько экземпляров Габриэл сделал и продал?

– Как минимум пять девиц из числа огневиков притащили твои штормграмы на пару.

– И что они с ними делали?

– Ничего. Поэтому я и спрашиваю у тебя. Ты, когда тащишь в наш мир изобретения своего, последствия немного просчитываешь? Очень надеюсь, что да, потому что я как-то не успел изучить влияние таких штук на общество.

– Ну-у-у… я не думаю, что он приживется. В вашем мире столько крутых игрушек, что пластинка с картинками – не более чем забавный аксессуар на недельку-другую.

– И много удалось заработать?

– Их продает Габриэл. Я ему разрешила и показала, как делать штормграмы. А сама учусь и не отвлекаюсь на глупости.

– Вытираю скупую слезу умиления, – фыркнул Кейман. – Тогда переходим ко второму вопросу. Ты помнишь, что я назначил тебе занятия по контролю за снами?

– Да…

– Сегодня вечером в моем кабинете. Не опаздывай, пожалуйста, будь ровно к одиннадцати.

– Я не могу!

Лицо Кеймана приобрело такое выражение, словно я сказала что-то очень глупое и сейчас он ждал, когда же я это осознаю.

– Бастиан собирает нас, чтобы обсудить испытания… не смотри так! Ты сам на это согласился, если я пропущу сбор, то мне жить не дадут спокойно!

– Приходи после собрания.

– А если оно закончится позже одиннадцати?

– Это как это оно может закончиться позже одиннадцати, если отбой в десять? – ласково поинтересовался директор.

– Хорошо. А если оно закончится в десять, а продлится до одиннадцати, что делать?

– Все равно придешь. У меня не будет другой ночи для занятий, надо начать как можно скорее, если не хочешь снова развлекаться во снах. Кстати, теперь мы плавно подошли к последнему вопросу. Вот. Это прислали на твое имя.

Он извлек из кармана пиджака небольшую коробочку, заботливо обернутую черной бумагой.

– Акорион? – упавшим голосом поинтересовалась я.

– Да. Я проверил. Никакой магии. Если хочешь, могу выбросить.

– Нет уж. Дай сюда. Посмотрим, чем на этот раз порадует. Вот бы начал высылать деньгами, а то хранить все его… Ого. Ни фига себе. А я думала, такое запрещено приносить в ваш мир…

Хотя Акориону все равно плевать на все запреты.

– Плеер?

Кейман – бог тактичности, сделал вид, будто понятия не имел, что внутри коробки. Я же настолько не ждала увидеть вещь из своего мира, что долго не решалась взять в руки крохотный серебристый айпод.

– Разве в этом мире работает техника?

– Иногда. Только ее негде заряжать, здесь нет аккумуляторов, розеток и всего, что нужно для работы ваших технологий.

Я сунула наушники в уши и включила плеер. Экран приветливо загорелся, и сердце дрогнуло, когда я услышала знакомые ноты. На ум пришла дикая догадка, и я тут же ее проверила, пролистав плейлист до конца.

– Ну и что? Надиктовал тебе признание в стихах?

– Это мой плейлист. Музыка, которую я слушала перед тем, как ты забрал меня. Он следил за мной все время. И хорошо изучил.

– Давай. Я выброшу. – Кейман протянул руку.

Я вцепилась в плеер так, словно он был спасательным кругом в море с бушующими волнами. Неожиданно для самой себя мысль о том, чтобы отдать его, вызвала внутри протест.

– Извини… я просто соскучилась по музыке. Можно мне оставить его на пару дней?

Несколько долгих секунд Кейман всматривался в мое лицо, потом равнодушно пожал плечами.

– Как знаешь. Только ты сейчас возвела опору для моста, Деллин. Осторожнее с Акорионом. Он умнее и беспринципнее.

– Если я возьму плеер, случится что-то плохое?

– Нет. Но если плеер станет первым кусочком мозаики доверия к Акориону – тогда ты проиграла.

– О каком доверии может идти речь по отношению к человеку… существу, который убил моих друзей?

– Ты мыслишь с высоты своего положения. У тебя есть друзья, ты неплохо учишься, есть работа, достаток, необходимые для комфортного существования эмоции. Акорион сделает все, чтобы подвести тебя к мысли, что только рядом с ним будет хорошо. Просто будь осторожна. И чуть умнее, чем ждет Акорион.

– Я постараюсь, – вздохнула я, убирая плеер в сумку.

Как оказалось, я сделала это весьма вовремя, потому что сначала среди деревьев мы услышали чей-то голос, затем различили в мешанине звуков мое имя, а потом увидели Габриэла, спешащего ко мне.

– Фух, еле нашел! – пытаясь отдышаться, сказал он. – Аннабет подсказала, иначе так бы и бегал по жилому… ой… магистр Крост. Добрый вечер.

– Адепт Сайзерон. – Кейман хмыкнул. – Добрый, добрый. Как поживает отец?

– Все в порядке, спасибо. Передавал вам привет и благодарил за подарок к юбилею. Магистр… могу я забрать Деллин на ужин? У нас сегодня собрание.

– Разумеется. Не забудь то, о чем я говорил, – напомнил Кейман мне и неспешно направился по аллее куда-то в глубину сада, возможно к многострадальной часовне.

– Зачем ты меня искал?

Габриэл по-хозяйски взял меня за руку, но вырываться я не стала, только нахмурилась.

– Идем, ди Файр просил явиться пораньше.

– Но ужин…

– Там поедим. Идем, я предупредил твоих подруг.

К счастью, на пути нам почти никто не встретился: и магистры, и адепты разбрелись по столовым. В животе жалобно урчало, я безумно хотела есть, но спорить, кажется, было бесполезно. Может, удастся быстро отвязаться от компании Бастиана и урвать остатки ужина в столовой?

Когда Габриэл постучал в дверь огневика и та открылась,

впуская нас внутрь, я поняла, что надежды напрасны. Я вообще не ожидала, что мы будем собираться в его спальне. Почему не в учебке? Или не в саду? Мест, что ли, других нет?

Об этом и спросила Габриэла.

– В других местах нас могут подслушать. Ди Файр серьезно относится к обсуждению.

Да, а еще – к нарушению правил, потому что это совершенно точно входит в пункт про благо… какое-то там поведение, в общем.

Его комната была, пожалуй, раза в полтора больше моей, хотя по меблировке почти не отличалась. Стол был передвинут к кровати, вокруг составлены стулья из учебки, а на столе ровными рядами стояли бутылки с перечным пивом, что подавали в одной из таверн города. Тарелки с закусками источали божественные ароматы, но вместо того, чтобы обрадоваться неожиданно свалившемуся фуршету, я поморщилась.

– Ты что, хочешь вылететь из школы до проигрыша? Умно – пожалуй, это единственный способ избавить себя от позора.

– Ой, Шторм, только не нуди, – Бастиан отмахнулся. – Тебе-то что до моего отчисления? Не хочешь пить – закрой рот и ешь.

– Может, обсудим то, зачем собрались? – осторожно предложил Габриэл, пока напряжение в воздухе не переросло в очередное противостояние.

Все же присутствие в команде Габриэла оказалось неоспоримым плюсом. Или я ему и впрямь нравилась, или водник просто был воспитан чуть лучше огненного короля. Габриэл заботливо усадил меня на постель, пододвинул тарелку и положил в нее кучу вкусностей, явно привезенных из ресторана в городе.

Пиво мне сегодня не светит: если Кейман унюхает запах алкоголя, то будет всю ночь гонять меня по саду. А вот поесть… да почему бы и нет, раз уж его величество вытащило меня с ужина.

Мне было слегка неуютно одной среди пятерых взрослых парней, практически мужчин. Невольно вспоминалась Брина, и в голову лезли разные странные мысли. А меня кто-нибудь спасет, если что?

Хотя ладно, я себя сама спасу, крупицы все еще при мне, а если довести до нужной кондиции – и они не понадобятся. Но хотелось верить, что Бастиан все же не такой ублюдок, каким хочет казаться.

– Ну что, все в сборе. – Огневик обвел взглядом компанию. – Методистка сегодня передала мне расписание соревнований. До Бала Огня у нас две дисциплины. Преподавание и бои на мечах. К

ним и будем готовиться. Крост взял в команду Яспер, Ленарда, Майлза, Уорда и Бергена.

Бергена? Мне казалось, в нашей команде тоже есть какой-то Берген…

– Надеюсь, – словно прочитав мои мысли, произнес Бастиан, – тебе, Берг, не надо напоминать, что на войне вы с отцом на разных сторонах?

– Будь спокоен, – усмехнулся воздушник. – У меня свои резоны. Если выиграю у отца, получу один из семейных артефактов. Я в деле.

– Хорошо. Шторм, тебя тоже касается. Зарабатывать конфетку у опекуна будешь в другой раз.

Очень захотелось кинуть в него бутербродом, но голод оказался сильнее.

– Итак, что мы знаем о противнике? Крост однозначно уделает нас в преподавании и нейтрализации темных существ, а вот в остальных дисциплинах у нас есть шансы, если не щелкать клювом.

– Ты надеешься одолеть директора в магическом поединке? – покачал головой Габриэл.

– И в боях?

– Оставьте это мне, – отмахнулся Бастиан. – Ваша задача – остальные. Если даже я продую, можем выиграть общий счет. Главное понять, с чем мы имеем дело. С Кростом все понятно, он темная лошадка, но работал на короля и, думаю, не просто так получил его благосклонность. Ленард – среднячок. Крепкий, сильный, но вряд ли намного сильнее большинства из нас.

При этих словах он посмотрел на меня и хмыкнул.

– Берген, Майлз – ничего особенного, Майлза я как-то уложил на лопатки летом, когда он вывалился тренироваться вместе с нами. Берген неплох в магии, в бою никогда не видел. С Уордом надо быть внимательнее. Отморозок тот еще, играть честно не будет. Марс, на боях Уорд однозначно твой.

Огневик кивнул с невозмутимым видом: его куда больше интересовало пиво с окороком, чем обсуждение будущих состязаний.

Бастиан развалился в кресле напротив и, улыбнувшись собственным мыслям, отхлебнул кроваво-красный напиток прямо из горла.

– Остается Яспера.

При этом так многозначительно посмотрел на меня, что захотелось выругаться.

– Что ты знаешь о Яспере, Шторм? Есть полезная информация?

– Ненавидит плохой почерк и обожает красивые конспекты.

Улыбка у меня получилась больше похожа на оскал, но ди Файра просто так не пронять. Он вообще сильно изменился с нашей первой встречи. Пожалуй, в чем-то я понимала Брину, в Бастиане чувствовался совсем другой человек. Да и человек ли?

– Понятно. Что ж, ты большая девочка, к бою с Ясперой подготовься сама.

– Почему я должна биться с Ясперой?

– Это очевидно, потому что вы обе – женщины. Ты предлагаешь поставить против тебя Кроста? Или мне выйти против Ясперы? Но чтобы тебе не было обидно, так и быть, преподавать будешь против Кроста.

– Чтобы мне не было обидно, отчислись сам.

– И этой девушке я зарабатываю халявную сессию, – усмехнулся Бастиан.

– Ребят, давайте к делу, – осторожно подал голос Габриэл.

– Хорошо. Завтра я всех жду на тренировку по боям. Хочу посмотреть, на что вы способны и чему вас научить. И завтра же хочу видеть ваши планы по дню самоуправления.

– А кто будет оценивать преподавание? – спросил Кристоф.

– Мы пока что решили так: есть тема, по ней проводится занятие, в конце по этой теме задание. После чьей пары народ справится лучше, за тем и победа. Нам надо выбрать предметы. Для чистоты эксперимента пары у одной и той же группы первых курсов. Габриэл, Берген выбрал магическую историю, ты в ней рубишь. Ванджерия взяла нейтрализацию, ее возьму я, хватит с вас отдельного испытания по ней. Уорд – защиту от чуждой магии; Крис, твоя тема. Ленард – зельеведение. Берген – у тебя пятерик был, так? Вот и берешь. Марс и Майлз займутся физподготовкой. А Шторм и Крост у нас поработают преподавателями артефакторики. С вас на завтра тема занятия и примерный план. Посмотрим, на что вы способны.

– Эй, – шепнул Габриэл, – ты чего кипятишься? Он же капитан. Ему положено командовать.

– Знаю. А я нестабильная темная. Мне положено кипятиться. Я даже во время инициации почти вскипятила целый бассейн…

– Остальное обсудим после первых двух этапов.

– Будешь? – Габриэл открыл новую бутылку и протянул мне.

– Нет, спасибо.

– Ты совсем не ешь. Я ведь сдернул тебя с ужина. Не обращай внимания на ди Файра. Сейчас он заткнется, и поболтаем.

– Эй, голубки, вас, может, в комнату Марса пустить? Она как раз сейчас свободна. Правда, Марс – неряха тот еще, но кроватку для вас, я уверен, разгребет в своем сраче.

В воздухе запахло электричеством. Я быстро выхватила у Габриэла из рук бутылку и сделала несколько больших глотков. Приятное расслабление немного уняло внутри магию. Ну и заодно развеселило Бастиана. Если он не прекратит, собрание превратится в посиделки в трансформаторной будке.

– После бала работаем над захватом флага. Кто ни разу не играл?

Из присутствующих руку подняла только я. Теоретически я знала правила: две команды, каждая ставит флаг, нужно успеть захватить чужой флаг раньше противника. Но на практике слабо представляла, как это происходит.

– Значит, устроим тестовую игру. У тебя будет одна попытка научиться. По шансам я прикинул так. В преподавании мы однозначно проиграем. В боях на мечах и захвате флага мы фавориты: преподы, конечно, не последние маги в этой деревне, но они сутками сидят в своих кабинетах, зарывшись в книги. Так что в спорте они нам не конкуренты. Нейтрализация… я так понимаю, Шторм, ты и здесь не рубишь.

– Ты сам взял в команду второкурсницу, – напомнила я. – Теперь пожинай плоды.

– Обязательно. Нейтрализация у тебя только на третьем курсе, так что кое-кого ждут индивидуальные дополнительные занятия в моем обществе.

– Я могу ее обучить, – подал голос Габриэл.

А вот теперь запахло паленым. В прямом смысле – и сейчас глоток пива сделал уже Бастиан. Эдак мы дружно напьемся, и в кабинет Кроста я попаду по неожиданной причине…

– Будешь учить – не забудь предохраняться. Значит, нейтрализация под вопросом, у них в команде два темных, у нас одна – и та необученная. Посмотрим, как пойдет. Зельеварение… народ, преподы эти зелья лет сто не варили, поэтому я на вас рассчитываю. И магический поединок.

Бастиан обвел всех мрачным взглядом.

– Мы не победим «в лоб». Если просто выйти и переть всем резервом на Кроста, резерв быстро кончится, а с ним и шансы на победу. Поэтому думайте. Думайте о сильных сторонах, о том, как именно мы можем победить. Ищите то, что даст преимущество. Это будет последний этап, поэтому думайте о нем заранее и очень усердно. Три победы, два поражения – от поединка зависит и наша победа. Выходим, делаем то, что нужно, получаем сессию и идем ко мне на свадьбу гулять, как в последний раз. Всем все понятно?

Мне было непонятно, можно ли не ходить на свадьбу, но почему-то вдруг не к месту подумалось, что Катарина

обязательно меня пригласит. И придется искать пару, а потом несколько часов слушать «горько» и выкупать первый кусок торта… хотя вряд ли здесь есть традиции Земли. Главное, чтобы меня не определили в подружки невесты, красоваться в ряду девиц в одинаковых платьях на свадьбе огненного короля и принцессы Штормхолда я точно не хочу.

Всеобщее обсуждение превратилось в праздную болтовню. Никаких вопросов на повестке дня не осталось, так что парни просто пили пиво, ели и болтали обо всякой ерунде, слушать которую мне не слишком-то хотелось. И я бы с удовольствием ушла, если бы до одиннадцати еще не оставалось время, а Габриэл не развлекал вопросами.

– Какое у тебя будет платье? Чтобы я угадал с рубашкой и цветами.

Платье… бал… вот черт, еще же наряд! Нужно поговорить с Рианнон, она обещала подыскать что-нибудь из старых запасов. В то ателье, где в прошлом году по мановению мизинчика бывшей подружки Бастиана мне отказали, я точно не пойду. Правда, во Флеймгорде я прикупила пару красных платьев, которые теоретически сошли бы для бала, но они были какими-то обычными, совсем не праздничными.

А так хотелось сказки.

– Еще не купила.

– Когда купишь – намекни, что к нему подойдет. Отец учил, что на первом свидании нужно порадовать девушку. А не вручить пыльный веник и приставать весь вечер под столом.

Главное, чтобы он не заманивал меня в подсобку и этот самый веник не пытался поджечь, остальное я переживу.

Когда стрелка приблизилась к одиннадцати, я откашлялась и поднялась.

– Благодарю всех за содержательную беседу, но вынуждена вас покинуть. Очень много заданий.

Одновременно поднялся и Бастиан, чем привел меня в крайнюю степень подозрительности.

– Провожу даму, – усмехнулся он в ответ на мой вопросительный взгляд.

Габриэл даже встать не успел, состроил за спиной ди Файра рожу и подмигнул мне, а потом отвернулся – Марс отвлек разговором. И я снова осталась один на один с огненной скотиной. Причем в прямом смысле этого слова.

Мы вышли в коридор, щелкнул замок на двери.

– Я вообще-то знаю дорогу.

– Я в курсе. Хочу удостовериться, что ты не побежишь к папочке докладывать о нашем разговоре.

– И что мне мешает дойти с тобой до комнаты, а побежать позже?

– Очень надеюсь, что здравый смысл.

– Бастиан, мне не нравится идея соревнования с преподами, но раз уж оно случилось, я не собираюсь подставлять вас и подлизываться к директору. Хорошего же ты обо мне мнения, раз считаешь, что я заложу вас Кейману.

– Влюбленные девушки порой не следуют логике.

Я закатила глаза. Даже отвечать на это не буду, ведет себя как дурак. Еще бы за косичку подергал.

– Знаешь, это не совсем мое дело, но… поговори с Бриной. Ты отдалился, и заметно, что она переживает. Находишь ей пару на бал, раздаешь указания, не берешь в команду… по-моему, за игрой в войнушку со мной и директором ты забыл о том, что обещал сестре. А может, что она у тебя вообще есть…

– Как давно я не напоминал тебе не лезть в мою семью?

– С тех пор, как перестал быть собой. Я, конечно, та еще оптимистка, но даже я вижу, что ты проснулся совсем не Бастианом. И это довольно обидно, потому что прошлый огненный король был поприятнее.

От комнат огневиков до той части, где жила я, было всего ничего: спуститься по лестнице да дойти до конца коридора. Мы остановились у двери, я прикидывала, как бы юркнуть в спальню и не запустить следом явно настроившегося на бурный скандал ди Файра, а он смотрел так, словно я только что оскорбила всю его семью до седьмого колена. Эта презрительная холодная усмешка вызвала у меня желание двинуть ему по морде!

Ведь были же, были моменты, когда он казался нормальным парнем! Почему очнулся снова форменной скотиной-то?!

– Я проснулся другим? Я изменился? А может, это вы смотрите, как на восставшее умертвие? Может, это вы дергаетесь, ожидая, что я превращусь в монстра из детских страшилок? Может, вы сами решили, что я буду другим, – и ничего не хотите видеть? Только не говори, что это не так. Брина хочет назад своего любимого братика? Может, она тогда перестанет смотреть на меня с ужасом?! Может, при виде этого… – Бастиан вдруг рванул пуговицы на рубашке, и я отпрянула. Полы белой ткани разошлись, обнажив грудь и пересекающий ее шрам. – …вы перестанете содрогаться? Нет? Тогда хватит ныть, что я изменился. Да, твою мать, я изменился, потому что сдох. С того света прежними не возвращаются. Тебе ли не знать, верно?

– Я не знала, что Брина тебя боится…

– Вот именно, Шторм. Ты ни хрена не знаешь. Но тебе обязательно нужно всех облагодетельствовать, чтобы все знали,

какая ты хорошая, чуткая и понимающая. Чтобы все восхитились: надо же, она добра даже к ди Файру, а в нем вообще не осталось ничего человеческого…

– Ты передергиваешь.

– Ага, каждый вечер, когда о тебе думаю…

Размахнувшись, я влепила придурку пощечину и, вскрикнув, отдернула руку: кожа была безумно горячей, словно раскаленной. Ладонь покраснела и заныла.

– Если я так тебе ненавистна, что же ты всеми силами стараешься держать меня поближе? Взял в свою команду, приглашаешь на посиделки и пьянку, собираешься индивидуально тренировать?

– А это, – Бастиан улыбнулся, – секрет. У меня много сюрпризов. Для каждого участника этой истории.

– О чем ты?

– Узнаешь. На Балу Огня.

Взял мою руку, мягкими движениями пальцев успокаивая боль от ожога, и несколько театрально поцеловал тыльную сторону ладони.

– До завтра, Деллин Шторм. Не забудь о тренировке и надень что-нибудь облегающее. Хоть какое-то удовольствие от занятий с тобой.

Специально для него за ночь найду самый дурацкий тренировочный костюм. Через дорогу от отеля был какой-то магазинчик, который постоянно рекламировала ростовая кукла гуся. У него была самая дебильная рожа на свете, а еще он неуклюже перетаптывался с ноги на ногу и порой бился клювом о рекламный щит. Мне срочно нужен портал на Землю! Почему Акорион не может прислать мне костюм гуся? Это что, так сложно – понять, что девушка, которая тебе нравится, хочет быть плюшевой птицей?

Во всяком случае, это менее унизительно, чем быть Деллин, над которой завтра целый час тренировки будет издеваться огненный король.

Самое противное, что я и вправду пойду сейчас к Кейману. И если Бастиану в голову придет светлая мысль за мной проследить, я вряд ли доживу до сессии. Что хуже: навлечь на себя гнев директора или стать врагом и предателем номер один в глазах Бастиана ди Файра? Вопрос риторический. Хочется верить, меня не станут привязывать голой в столовке. Ну или хотя бы ананас дадут – им и отобьюсь.

Я шла к Кейману как настоящий шпион. Оглядывалась, пряталась, если слышала чьи-то шаги, и на всякий случай держала в руках учебник по артефакторике. Мол, заниматься иду,

никак не спится. Но, похоже, в кои-то веки школа спала. Никто не шатался по ночным коридорам, не пил в часовне Кроста, не совращал невинных огненных принцесс. Почти идиллия… которую вероломно нарушала только я.

– Ты опоздала, – сообщил Кейман, не поднимая головы от бумаг.

– Я… мм-м… воспитывала Бастиана.

– А алкоголь – часть воспитания? Ты на личном примере показывала, как вредно пить?

– Я чуть-чуть. В целях спасения пяти человек от неконтролируемого всплеска магии.

– Постарайся в следующий раз использовать более традиционные способы.

– Хорошо.

– Ложись.

У меня открылся рот. И забыл закрыться, потому что, инстинктивно обернувшись к дивану, я увидела там вполне милые подушку и одеяло.

– А…

– Сейчас мы будем учить тебя контролировать сны и видения. Ты ляжешь на диван и будешь стараться уснуть. Я введу тебя в транс, схожий с тем, что возникает во время твоих снов, – и будешь учиться их контролировать и из них выходить.

– А как?

– Увидишь. Ложись.

Пришлось разуться, снять пиджак и забраться под одеяло. Я мысленно посетовала, что не захватила пижамку: спать в платье было неудобно и как-то странно. Да и вообще кабинет директора не располагал к расслаблению.

– Я не могу уснуть.

– Старайся.

– А если не получится?

– Значит, будешь вечно бродить во сне по лесу и натыкаться на елки. Если будешь со мной болтать, ничего не получится совершенно точно. Отвернись и спи.

Насупившись, я уткнулась носом в спинку дивана. Постаралась думать о самых скучных вещах на свете: закончившихся чернилах, задании по зельеведению, подарках на зимний праздник. Но в голову, словно назло, лез Бастиан со своим обещанием показать кузькину мать на балу Огня, Брина с ее страданиями. Почему она боится брата? Что в нем изменилось настолько сильно?

Потом мысли переключились на Акориона, и я сама не заметила, как вполне логичные и стройные рассуждения

превратились в мешанину бреда и обрывочных образов. А потом…

Потом я вдруг оказалась в длинном светлом коридоре. Отчасти происходящее вокруг напоминало непрогрузившуюся локацию в компьютерной игре: постепенно обстановка обрастала деталями, появлялись люди, стены словно двигались, меняясь, превращаясь из коридора в небольшую больничную палату.

– Где мы? – услышала я голос Кеймана.

Он с интересом рассматривал больничный интерьер.

– Это сон? – спросила я.

– Транс. Но твои сны той же природы. Чтобы контролировать их, нужно понять две вещи. Первая: эмоции во сне – первый шаг к неприятным последствиям. Вторая: нужно понимать, почему ты видишь тот или иной сон. Вне зависимости, кошмар это от недосыпа перед сессией или наведенные образы от Акориона. Итак, где мы?

Пришлось признаться, потому что место я узнала сразу, едва очутилась в нем. Оно и раньше мне снилось, правда, сны о Тааре вытеснили эти воспоминания. Пожалуй, я была этому даже рада.

– В больнице. На Земле.

– Есть идеи, почему ты здесь?

– Да, здесь мама… лежала перед смертью. Я была рядом с ней.

Словно услышав меня, сон начал меняться, и пустая прежде палата обросла деталями. Столик у окна с одинокой ромашкой – на большой букет у меня не нашлось денег, да и ромашку я сорвала по пути в больницу, украдкой. Шкаф, кресло, зеркало с умывальником. Я с ужасом ждала, когда появится больничная койка, и, когда это произошло, закрыла глаза.

– Деллин…

Мамин голос резал наживую.

– Не хочу, – вырвалось у меня.

Развернувшись, я почти выскочила из палаты – удержал Кейман.

– Нельзя.

– Это мой сон! В нем можно все!

– Тогда ты проиграла. И сейчас в реальном мире встаешь с постели и несешься куда глаза глядят. Это сон, Деллин, это прошло.

– Вот именно, прошло! Почему я должна снова это переживать?!

– Деллин, детка, ну зачем ты так рано пришла? В школе, наверное, еще уроки…

Крост силой развернул меня обратно к койке. Пришлось

взглянуть – и снова окунуться в ужасы тех месяцев. Когда казалось, что будущего просто нет, что пока мама жива, я улыбаюсь и дышу, а потом не захочу оставаться одна, исчезну вместе с ней – и так будет лучше. Зачем миру необразованная девочка, не умеющая читать?

– Привет, мам.

– Как у тебя дела, дорогая? У тебя есть покушать? Ты хорошо питаешься?

– Все хорошо, мама, миссис Данвелл присматривает за мной. Не волнуйся.

– Такой день хороший. Погуляй немного, ты бледная. Плохо спишь?

– Уроков много. Пишу реферат по холодной войне.

– Какая ты у меня умница.

Она закашлялась, и я инстинктивно потянулась к тумбочке за стаканом с водой. Прошло столько лет, а реакция сохранилась.

– Так странно… – Ее взгляд затуманился. – Умирать в этом мире… я бы очень хотела увидеть, как ты взрослеешь…

– Увидишь, мам. Тебе сделают операцию. И все будет хорошо.

– Не сдавайся, Делли. Ни за что не сдавайся, что бы ни случилось. Я всегда буду рядом. Даже если меня не станет, я буду с тобой… в каждой крупице…

К черту! Я не могу снова это слышать, особенно теперь, когда слова мамы не кажутся лихорадочным бредом, когда они имеют смысл.

Откуда только силы взялись: отпихнула Кеймана с прохода и вылетела в коридор. Секунда – из белоснежного он превратился в жуткий тоннель с хлюпающей под ногами грязью. А затем снова стал больницей. Я брела вперед, не разбирая дороги из-за слез на глазах.

Так нельзя. Нельзя без предупреждения выбрасывать меня в прошлое, ставить на место себя же и снова прокручивать все кошмары, сбывшиеся наяву.

Возле кабинета врача я остановилась. Кажется, в тот день я тоже к нему зашла, а он с кем-то разговаривал. И я сидела почти час в коридоре, на скамейке, рассматривая черные полосы на кроссовках, думая, что раньше мама бы убила за это и как же мне хотелось получить нагоняй! За кроссовки, за сломанный телефон, за подгоревшую яичницу… снова стать девчонкой, у которой одна ответственность: пытаться более-менее сносно учиться, насколько позволяет диагноз.

Тогда я не слышала, с кем и о чем говорит врач, а сейчас подошла поближе.

– Шансы невелики. Боюсь, мисс Шторм недолго осталось. Вы

выбрасываете деньги на ветер, мистер Даркхолд.

– Я озвучил вам свою позицию. Они обратились в фонд, фонд обратился ко мне. И я готов оплатить операцию мисс Шторм. На условиях полной анонимности, разумеется.

– Что ж, это ваше право, Дэвид. Мы отправим вам счета на оплату. Ее дочке повезло, что вы наткнулись на их обращение.

– Да. Везучая девочка.

Услышав шаги, я обернулась. Показалось, Кейман смотрел с сочувствием, и стало тошно.

– Это правда? Он оплатил операцию?

– Не знаю. Это твое подсознание, а не мое. Может, ты что-то слышала, но не поняла, ибо не знала об Акорионе. Может, все наложилось и ты придумала этот эпизод. Я не знаю, Деллин, на этот вопрос при всем желании не отвечу.

– Ее операцию действительно кто-то оплатил. Анонимность – нормальная практика. Я не надеялась, когда обращалась в фонд, но кто-то оплатил все счета. Правда, операция только отсрочила все на пару месяцев…

– Она молодец. Сбежала с тобой в другой мир, выжила там, вырастила тебя так, как не смог бы вырастить я.

– Ты собирался меня растить?

– Не знаю. – Кейман пожал плечами. – Таару я растил. Получилось не очень.

– Почему?

– Потому что она хотела свободы, а я хотел ее. И считал, что я сильнее, старше, умнее, а там, куда она рвалась, ей непременно сделают больно. Я посадил ее в золотую клетку, замкнул ее мир на себе, а когда ей удалось вырваться, случилось то, что случилось. Не факт, что с тобой не получилось бы так же. Педагогика – не совсем мое.

– Вокруг меня постоянно происходило что-то… мироздание подбрасывало намеки. А я не видела, не понимала, не замечала.

– Ты жалеешь, что попала в Штормхолд?

– Нет. Я жалею, что, попав в него, не стала такой, какой хотела меня видеть мама.

– Она хотела видеть тебя живой. Поэтому и сбежала. Все остальное – мелочи.

Декорации снова начали меняться. Отвернувшись от Кеймана, я вытерла слезы и выдохнула. Наверное, хуже кошмара сознание не подкинет, с остальным я справлюсь.

Уж с праздничным актовым залом – точно. И Балом Огня, который гремел и сверкал сейчас вокруг нас. К потолку поднимались огненные цветы, в центре гимнастка лихо жонглировала горящими сердцами. Стайки наряженных адепток

возбужденно переговаривались и хихикали в ожидании начала танцев.

– Деллин!

Сквозь толпу ко мне подбирался… сердце екнуло, замерло – и забилось сильнее. Эйген.

– Делл! Как же я по тебе скучал! – улыбнулся он.

Потом осмотрел меня и нахмурился.

– А где твой костюм?

В зале воцарилась тишина. Все взгляды обратились ко мне, а я мучительно покраснела. Странное ощущение: щемящее болезненное сожаление при виде мертвого друга и жуткая паника от мысли, что я пришла на бал без наряда.

– Я… э-э-э… костюм… он здесь, я просто… вот!

Подняла руку с зажатым в ней костюмом – и пространство взорвалось диким гоготом. Я крепко сжимала гигантского плюшевого гуся, который печально свисал под действием проклятой силы тяжести. Тяжелый, тварь, аж рука задрожала.

– Это… – Я растерянно обернулась к Кейману.

– Да, я понял. Что-то из разряда женских кошмаров. А почему гусь?

– Просто давай сделаем вид, что этого не было, ладно?

Зал и люди вокруг вновь превратились в бесформенное пятно. Только на этот раз я ощутила сожаление: растерянность и страх прошли, а с Эйгеном я поговорить так и не успела. Пожалуй, я до конца не осознала, что это всего лишь сны.

– Где это мы? – спросила я, когда поняла, что мы с Кейманом стоим на балконе какого-то замка, а впереди простирается красивая долина, окруженная горным хребтом.

Не получила ответа, оглянулась – и увидела, что Кейман заметно напрягся.

– Что? Это не мой сон?

– Это не сон. Воспоминание.

Он кивнул на что-то позади меня. Вновь обернувшись, я увидела… себя.

То есть, конечно, это была Таара. Совсем непохожая на девушку с рисунков в книгах. В светлом платье, с игривой, слегка растрепанной косой. Грустная, какая-то потерянная. На миг показалось, будто у нас общие эмоции: меня захлестнуло тоской.

– Таара?

Акорион выглядел моложе. Так странно: я никогда не задумывалась, до какого момента взрослеют боги. Кейману на вид было лет тридцать, может, тридцать пять, если хорошо сохранился. И в моих снах он выглядел так же, как сейчас. А Таара смотрелась совсем девчонкой, и Акорион совсем не

напоминал взрослого и опытного (пусть и поехавшего крышей) мужчину. Пожалуй, поставь рядом с ним Бастиана, забудь о характерах обоих – и можно любоваться на симпатичных парней.

– Что происходит? – почему-то шепотом спросила я.

Хотя это ведь мой сон. Хочу – ору, хочу – с балкона прыгаю. Хотя последнее лучше все-таки не делать.

– Я не знаю. Это то, что происходило без меня.

– А почему я не на ее месте? Не как в прошлых снах?

– Потому что ты – не она.

Черт, а для Кеймана это вряд ли просто. Сколько лет прошло? Сотни, должно быть. Я с ужасом окунулась в совсем недавние события, а он сейчас смотрит на прошлое, с которым попрощался. На живую и здоровую Таару, жену, которую убил собственными руками, на непримиримого врага.

Знать бы, как выйти из этого сна, потому что я не уверена, что хочу вот так подглядывать за прошлым своей души.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Акорион. – Я думал, готовишься к свадьбе.

Таара лишь повела плечом и снова уставилась в даль.

– Ты не хочешь этой свадьбы?

– Я не знаю чего хочу, – тихо сказала она.

– Не любишь его?

– Он вырастил нас. Как можно его не любить?

– Ты ведь понимаешь, о чем я.

– Я не знаю! Я не видела ничего, кроме замка, тебя, Кроста… я люблю и это место, и наш дом, но меня тянет к ним, понимаешь? К смертным… я смотрю туда, на драконов, поднимающихся у горизонта, и до ужаса хочу хоть глазком взглянуть на их мир.

– Крост считает, тебе пока небезопасно выходить.

– Я знаю, что он считает. Он запер меня от всего мира… как будто я не могу решать. Как будто я его собственность. Сначала воспитанница, потом жена… а я даже не знаю, что у меня за сила. Зачем она мне дана, на что я способна. Кто наши родители, Акорион? Откуда мы появились? Если Крост говорит, что в нас течет божественная кровь, откуда мы? И что должны сделать в этом мире?

– У меня нет догадок.

– И у меня, но я бы очень хотела узнать. Прежде, чем пообещать себя ему, я бы хотела понять, что отдаю в дар.

– Ты не обязана становиться его женой. Вообще чьей-либо… уходи, если хочешь.

Она невесело рассмеялась.

– Крост убьет меня, если я сбегу.

– Да плевать, Таара! Мы с тобой знаем, к чему все идет. Я выучусь и отправлюсь к смертным исполнять его волю, а ты будешь рядом, как любимая игрушка.

– Не говори так… Крост любит меня.

– Любит, я ведь не спорю. Но если тебе его любовь не нужна – беги. Сейчас беги, пока не стало поздно. Смотри свой мир, тянись к смертным, исследуй силу. Беги.

– А ты?

Акорион пожал плечами и усмехнулся – а вот усмешка со временем не изменилась. Возможно, на меня действовало то, что я уже знала о темном боге, но казалось, что в нем уже в это время горела ненависть к Кейману.

– Я хочу остаться здесь. Пока что…

– Ты объяснишь ему, почему я ушла? Я очень хочу сказать сама, но…

– Не отпустит. Я объясню. Бери крылья и уходи. Однажды мы с тобой обязательно встретимся, и ты расскажешь мне кучу интересного о мире, который увидела.

Объятия Таары и Акориона напоминали обычные объятия брата и сестры. Меня передернуло от совершенно не братского интереса, который Акорион в реальном мире проявлял ко мне. Да, я уже не его сестра, но ему и сестра, кажется, не мешала. Или легенды снова преувеличили, и ничего, кроме тесной связи близнецов, между ними не было?

Акорион покинул балкон, оставив Таару в одиночестве. Затаив дыхание, я ждала, что она сделает. Хотя и знала, что вряд ли решится: ведь за Кроста она все же вышла и прожила с ним достаточно долго. Значит, не сбежала, значит…

За спиной богини раскинулись крылья. Немного неловко, поддерживая длинные юбки платья, Таара взобралась на перила, расправила крылья и прыгнула вниз. Мое сердце ушло в пятки в унисон с прыжком. Я хорошо помнила это ощущение. Когда внутри все замирает, когда воздуха в легких почти нет. Но секунды страха сменяются чувством полета – и внутри все ликует.

Часть меня поняла, что будет дальше, а другая все еще жаждала увидеть на фоне трех лун изящный силуэт с большими крыльями.

Над долиной раздался крик. С балкона мне было очень хорошо видно, как Таара опускается на землю, а охваченные синим пламенем крылья быстро превращаются в горстку пепла, буквально осыпаясь ей под ноги.

– За что?! – крикнула она.

– Тебе так ненавистен брак со мной, что ты решила сбежать?

На секунду почудилось, что это говорит Кейман за моей

спиной. Но он молчал, невидящим взглядом уставившись в одну точку где-то вдали. Говорил другой Кейман, хотя вряд ли тогда он уже носил это имя. Крост стоял внизу, неподалеку от осевшей на землю девушки, и в глазах не было ни привычной иронии, ни задумчивой серьезности. Только холод и, возможно, гроза – в воздухе пахло озоном и дождем.

– Я хочу свободы! Хочу учиться! Узнать, для чего я родилась, откуда появилась, на что способна! Хочу увидеть мир смертных!

– Ты могла попросить.

– Ты бы никогда не разрешил.

– Ошибаешься. Тебе, Таара, можно все… было до этого момента.

– И что теперь? Запрешь меня на тысячу замков? Возьмешь на алтаре, наплевав на чувства?

А вот такая Таара, пожалуй, укладывалась в образ, сложившийся у меня в голове. Лишь отчасти, но все же в ее облике появилось что-то безумное. Наверное, в этот вечер она ступила на путь, который ее в итоге и убил. А Кейман не заметил.

– Ты свободна, – после долгой паузы сказал он. – Можешь идти куда хочешь. Ступай в мир смертных, и я забуду о твоем существовании. Либо возвращайся в замок и становись моей женой.

Она нервно оглянулась на темную стену леса.

– Верни мне крылья!

– Нет.

– Я не пройду через лес без них, я не смогу!

– Крылья были подарком. Ты отказалась от них в тот момент, когда решила сбежать.

Он ушел. А Таара смотрела вслед полными слез глазами и только растерянно водила рукой по пеплу от крыльев. Ветер подхватил несколько чудом уцелевших перьев, понес в сторону леса, закружил вместе с первыми опавшими листьями – и растворил в темноте.

С трудом, пошатываясь и дрожа, Таара поднялась на ноги. В последний раз обернулась, будто прощаясь. И медленно двинулась к замку.

Из окна самой высокой башни на нее не отрываясь смотрел Акорион.

Я открыла глаза и уставилась на люстру. Она мигнула, затем еще раз – и погасла, погрузив кабинет Кеймана во мрак. Когда я схватилась за спинку дивана, чтобы подняться, – меня ударило током. Концентрация напряжения в воздухе была адовая, и это не для красного словца. Наверное, к выходу стоило идти осторожненько, мелкими шажками, дабы не отправиться в

лазарет по вине шагового напряжения.

Голова гудела, как будто я всю ночь плясала в клубе. Хотя на самом деле прошло не больше часа, о чем свидетельствовали часы на стене.

Кейман сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, и задумчиво смотрел куда-то поверх моей головы. Внутри у меня поселились странные чувства… обида, страх, обреченность. Это были не мои эмоции, и хоть я знала, откуда они взялись, справиться не могла.

Поднялась, шатаясь, подхватила туфли и побрела к выходу, едва разбирая дорогу.

– Не хочешь обсудить? – услышала за спиной голос Кроста.

– Нет.

– Вообще мы ради этого собрались.

– Хорошо. После того, как она вернулась, ты отказался от свадьбы?

– Нет.

– Тогда я не хочу обсуждать.

– То есть ты даже не дашь мне возможность объясниться и просто уйдешь?

Я устало пожала плечами, вновь отворачиваясь.

– Ты же ушел. Она тоже не смогла объясниться.

Мне не должно быть дела до печалей девушки, которая жила за несколько сотен лет до меня. Не должно быть дела до ее истории, тем более что я знаю, как она закончилась. Но почему-то есть. Как будто я испугалась свадьбы с Кростом, как будто я пыталась сбежать и почти ощутила вкус свободы, как крылья вдруг отобрали, сожгли вместе с наивностью.

Возможно, потому, что у меня тоже отбирали крылья. Хоть и не за столь безрассудный поступок.

Кейман поступил так, как поступает родитель, с мыслью «потом скажешь мне спасибо». Каждый раз, когда мама удерживала меня от какой-нибудь глупости, казавшейся самым важным делом на свете, мне думалось, что мир рушится. Что именно сейчас жизнь совершила поворот не туда.

Только у Таары она, похоже, действительно его совершила. Неужели нелюбовь к Кросту толкнула ее в объятия Акориона? Она все еще ничем не напоминала поехавшую крышей богиню, но сейчас я ей еще и сочувствовала, что пугало.

Хотя сочувствовала – не то слово. Сегодня мне показалось, что между мной и прошлым воплощением души куда больше связи, чем хотелось бы мне или Кейману.

Не хотелось возвращаться в комнату. Я вряд ли усну в ближайшие часы, помимо эмоционального возбуждения я

чувствовала еще и страх вернуться в один из наведенных снов. Ни в больнице у мамы, ни на балу Огня в компании мертвого друга, ни уж тем более в далеком прошлом я не хотела оказаться.

Поэтому вместо перехода из преподавательского корпуса в учебный свернула к лестнице, ведущей в холл. Отперла массивные двери и вышла на улицу. В это время осени еще стояли теплые дни, а ночи, хоть и веяли прохладой, пока что позволяли гулять без теплого плаща. На полпути к корпусу я вдруг резко развернулась и рванула в сад.

В темноте аккуратные дорожки выглядели совсем иначе – зловеще, тревожно. Ежась и нервно оглядываясь, я брела сама не зная куда, просто дышала холодом, прокручивала в голове увиденные сцены и впервые за много лет чувствовала себя абсолютно потерянной.

Акорион оплатил мамину операцию. То есть Дэвид Даркхолд, как он называл себя на Земле. Зачем? Следил за мной, не выдавая присутствия, ждал, чтобы использовать малейший шанс на возвращение. Почему не выдал себя? Боялся, что Кейман, забирая меня, прихлопнет его мимоходом?

А если бы он тогда ворвался в мою жизнь, я бы, может, не была сейчас адепткой Школы Темных. В семнадцать очень легко поверить взрослому мужчине, протянувшему руку помощи. И сложно – мрачному магу, в первую встречу предложившему секс за деньги. И снова «зачем». Чего Кейман добивался, бросая эту фразу?

– Делл?

От неожиданности я подпрыгнула и обернулась.

– Габриэл? Что ты здесь делаешь?

Водник слегка виновато улыбнулся и пожал плечами.

– Трезвею. Перебрали с парнями. Решил пройтись. Что случилось? Ты плакала? На тебе лица нет.

Я с удивлением обнаружила, что щеки действительно мокрые, а ресницы слиплись от слез. И наверняка потекла тушь. Зря я боялась ночного сада, это меня здесь должны бояться.

– Тебя Бастиан обидел? Что он сказал?

– Нет. Нет, Бастиан здесь ни при чем.

– Ты замерзла. Вот, возьми.

Он стянул с плеч куртку и накинул на меня. Она еще хранила чужое тепло, которое совсем не грело.

– Посидим? – Габриэл кивнул на скамейку вдалеке.

Мы неспешно направились туда. Наверное, неплохо, что я его встретила. Бродить одной ночью по саду – не самый лучший способ разгрузить голову.

– Так что случилось-то? Расскажешь?

– Нет, прости. Это довольно личное.

– С опекуном проблемы?

– Скорее у него со мной. Ему попалась отвратительная подопечная.

– Да ладно тебе, Делл! Что такого ты сделала? Попало за посиделки? Так при чем здесь ты? Ди Файр все организовал, ты же не знала. Ну не бежать же, в самом деле, закладывать всех директору. Крост не дурак вроде.

– Ему плевать на пьянки. Просто… я не должна была случиться. Ему меня навязали, заставили воспитывать, а я так долго была одна, что терпеть не могу, когда меня воспитывают. Всем было плевать, когда у меня не было жилья, страховки, родных, когда я сутками драила комнаты в гостинице. Зато когда открылся дар – и школа, и полное обеспечение, опекун с огромным домом. И я должна всех слушаться. А это непросто. И когда не получается… я чувствую себя… не знаю, как будто мне стыдно за то, что я вообще существую.

– Ага, я тоже постоянно ловлю себя на мысли, что не соответствую отцу. Он в моем возрасте уже и то делал, и другое мог. А я вот… – Габриэл фыркнул. – По саду гуляю. Это проблема большинства в школе. У нас у всех родители или опекуны ждут, что мы будем не хуже них. Но знаешь, что самое веселое? Что никто не знает, какими они были в наши двадцать. А кто знает, тот молчит. Да и вообще, лично я не просил себя, такого неидеального, заводить. А ты просила опекунство?

– Нет.

– Ну, вот и пусть не ноет. Легко опекать кроткую благодарную сиротку, которая сначала смотрит на тебя восхищенными глазами, а потом выходит за тебя замуж.

Я вздрогнула и покосилась на парня. Акорион и Кейман сделали меня подозрительной. Это ему сейчас к слову пришлось или прозвучал какой-то намек?

– Гораздо сложнее вытащить взрослую девушку, из одинокого подростка превратить ее в ограненный алмаз. Выпустить мага. Пусть старается. Ты не делаешь ничего, за что тебя нужно ругать. Ты хорошо учишься, твоя сила растет, ты востребованная модель модного дома, а еще ты скоро заработаешь кучу денег на изобретении, потому что у меня два десятка заявок на штормграм.

– Да ладно!

– Ага, – Габриэл просиял, – завтра пойду в город, за материалами. И из Флеймгорда кое-что пришлют. Хочешь чай?

Это он так зазывает к себе в гости? Нет уж, на это я точно не куплюсь, по крайней мере не в этот вечер.

– Ладно, погоди, сейчас покажу фокус.

Габриэл резко сорвался с места и исчез где-то в кустах. Я слышала шорохи и его задумчивое бормотание, потом раздалось торжествующее «Ага!» – и парень вернулся с пучком какой-то травы.

– Чабрец. Его выращивает препод зельеведения.

Становится все интереснее.

– И где ты возьмешь воду?

Габриэл рассмеялся, вручил мне пучок приятно пахнущей травы и снял с браслета крупицу, которая на его ладони превратилась в небольшой гейзер. Я все еще недоумевала, как именно он собирается делать чай, но вот вода обрела форму немного кривоватой, будто керамической, чашки и заледенела. А в ней образовался кипяток, от которого в воздух поднимался пар. Габриэл протянул чашку мне, и я осторожно коснулась идеально гладкого льда.

– А почему он не холодный?

– Секрет фирмы, – довольно ответил водник. – Заваривай и пей. А то еще простынешь.

С первым глотком внутри потеплело. Чабрец приятно пах, кипяток согревал, а забавная ледяная кружка совсем не таяла ни от горячей жидкости, ни от касания рук. Мы сидели на скамейке, молчали, я пила чай, Габриэл рассматривал кроны деревьев. И, пожалуй, я была рада, что встретила именно его. Вряд ли у меня получится однажды хоть с кем-то поделиться происходящим, но поддержка, пусть даже от парня, который и на сотую долю ничего не знал, оказалась кстати.

Потом чай кончился, а кружка растаяла, в считанные секунды испаряясь в воздухе. И мы двинулись к школе, предчувствуя скорый рассвет. Я не стала противиться, когда Габриэл взял меня за руку, а у дверей жилого блока обняла его на прощание. На большее не хватило смелости и уверенности в том, что стоит, но воднику оказалось достаточно. Ну или он умело сделал вид.

– Увидимся завтра на тренировке. Ох, и пропущу я пару ударов из-за этой пьянки…

Да и я вряд ли буду свежа и бодра. Даже если и удастся уснуть, в моем распоряжении часа три, не больше. Интересно, при попытке проспать тренировку Бастиан будет громко кричать? Или ограничится тихим спокойным кровавым убийством?

Бесшумно, чтобы никто не выглянул на звук открывающейся двери и не сочинил обо мне новую сплетню, я прошмыгнула в комнату. От того, чтобы заорать при виде Кеймана, сидящего на постели, удержало только нечеловеческое самообладание. Но сердце ушло куда-то в желудок и там истерично стучало.

– Я была в саду, – на всякий случай поспешила предупредить прежде, чем получила очередную работу после занятий.

– Я знаю.

Каким-то непривычным был Кейман. Задумчивым, что ли? И даже не стал ругать за ночное шатание, хотя в другой раз непременно напомнил бы и о правилах, и об уговоре.

– Давно ты здесь?

– Не знаю, пару часов.

Неужели я так долго болтала с Габриэлом? Время пролетело как один миг.

Открыв шкаф и спрятавшись за дверцей, я принялась переодеваться в пижаму. На душ сил уже не было, усталость навалилась так неожиданно и с такой силой, что я едва умудрялась держать глаза открытыми.

– У нас было много хорошего. Мы прожили много лет вместе, и не всегда было так, как в день свадьбы. Она увидела мир, своих обожаемых драконов, познакомилась со смертными. Только крылья так и не получила.

– Почему?

– Я не давал. А как сделать самой, она не знала.

– Акорион… дарил ей крылья, я видела во сне, еще на первом курсе.

– Да. Он всегда давал ей то, что она хотела. Не всегда, правда, во благо. Но зато искренне.

Я наспех, кое-как заплела волосы в косу и села на постель, рядом с мужчиной. Несколько минут мы молча смотрели на противоположную стену, как будто там вот-вот обещались появиться инструкции касательно дальнейшей жизни. И какая-нибудь высшая сила расскажет, как надо жить.

– Есть еще что-то о жизни Таары, что произведет на меня похожий эффект?

– Очень многое.

– И ты мне не расскажешь?

– Не знаю. Расскажу, возможно.

– Ага, а возможно, нет – и тогда ценная информация снова свалится на меня, как сосулька с крыши.

– Оставь мне право на личную жизнь, – проворчал Кейман. – У тебя же она есть. Ты не рассказывала мне о том, как целовалась с ди Файром.

– Откуда ты… Да он сам виноват! Впрочем, ладно. Я зато рассказала о Габриэле.

– И то исключительно потому, что боялась за его жизнь. Кстати, в этом свете крайне интересен факт умалчивания информации о Бастиане.

Насупившись, я полезла под одеяло. Просто из вредности, показать, что это вообще-то моя комната и совершенно напрасно он тут сидит, как хозяин. И, кажется, совсем не собирается уходить.

Потом, немного подумав, я спросила:

– Почему я чувствую почти то же самое, что и она? Какое мне дело до девушки, которая жила за сотни лет до меня?

– Не так-то просто отмахнуться от пережитого душой опыта. Отношение к окружающему миру, к некоторым его вещам идет в том числе и из прошлых воплощений. Кто-то беспричинно ненавидит зиму, кто-то – собак. А ты вообще ходячий сгусток эмоций, тебя из равновесия способен вывести даже палец, особенно если он показан определенным человеком.

– Неправда!

– Кто снес ди Файра на крыльях? Кто поджег чулан со швабрами?

– Не я! Я его почти потушила…

– Это я его потушил, не надо здесь присваивать чужие заслуги. Идем дальше, что там у нас?

– Я заступилась за Эйгена. И ужинала с Акорионом, чтобы он не навредил Рианнон. И еще я защищала школу от этих тварей, которых он напустил. А еще…

Нет, про новую коллекцию Найтингрин не стоит, пожалуй. Про штормграм тоже. А больше заслуг и нет вроде как… ну, Брину спасла, но о таком директору школы не рассказывают.

– То-то и оно, – правильно истолковав паузу, усмехнулся Кейман.

– Если Акорион вернет мне память Таары, что произойдет? Я перестану существовать? Превращусь в нее?

Вопрос, который я боялась задавать самой себе, вырвался случайно, под влиянием момента.

– Не знаю. Такого никогда не случалось. Тысячи шарлатанов по всему миру утверждают, что помнят предыдущие воплощения, но все они – лжецы и мошенники. Поэтому сложно сказать, что случится. Но воспоминания – это еще не все. Сейчас у тебя есть воспоминания Таары. Из снов, из увиденного сегодня. Они превращают тебя в нее?

– Нет… наверное. Мне кажется, что я просто подсмотрела за чужой жизнью.

– Ну, вот тебе и ответ. Чтобы Деллин исчезла и появилась Таара, нужно куда больше, чем замочная скважина в чужую жизнь.

– Когда вырасту, напишу трактат «Влияние памяти на формирование личности».

– Ты диплом сначала напиши. Кстати…

Кейман поднялся, и только тогда я заметила у его ног небольшую коробку, которую он взял и протянул мне.

– Ты задала высокую планку в прошлом году. Гуся на балу не примут.

Я даже не успела ничего сказать, как дверь за Кейманом закрылась. Осталась наедине с ночью, собственными мыслями и таинственной коробкой. В такие моменты во мне просыпался ребенок, которому никогда не перепадало много подарков. Сейчас мне казалось, что в детстве я была в выигрышном положении: дети, которые получали все и сразу, не умели так радоваться Рождеству, маленьким сюрпризам и заветному торту на день рождения.

Конечно, в коробке было платье для бала. Соответствующее всем правилам: нежного бежевого цвета с изящным красным кружевом поверх. Воздушные рукава, плотно облегающий тело верх, летящая, даже, пожалуй, пышная юбка из нескольких слоев полупрозрачной ткани. И – отдельная любовь – открытые плечи. Не знаю, где и как Кейман купил это платье, но в моем личном рейтинге платьев оно стояло сразу за самым первым. Тем, сине-красным, в котором я впервые отправилась на бал. Оно запало в душу и уже никуда не денется.

Я так и уснула, обнявшись с платьем, на этот раз крепко и без снов. Даже, пожалуй, слишком крепко.

Глава 5

– Шторм! – услышала я сквозь сон. – Поднимайся.

В такие моменты, когда тело расслаблено, а мозг еще в отключке, очень сложно бывает сдерживаться. А еще организм всеми силами стремится снова уснуть, и…

– Кейма-а-ан! – провыла я. – Ну дай поспать еще чуть-чуть…

Что-то пошло не так. И это «что-то» – мое развитие, потому что только я могла ляпнуть это в присутствии Бастиана, который незнамо как попал в мою комнату утром и выглядел… в общем, вряд ли огневик приперся пожелать мне доброго утра.

– Ты не явилась на тренировку! – объявил он, когда я открыла глаза.

Вот черт!

– Дай мне десять минут, я сейчас собе…

– Ну уж нет.

Бастиан склонился над постелью, подхватил меня на руки – и на этом последние надежды на доброе утро иссякли, потому что дальше он взвалил меня себе на плечо, как мешок с картошкой (хотя вряд ли огненный король хоть раз таскал картошку), и понес прямо в пижаме к выходу.

– Бастиан! – взвизгнула я. – Положи на место! Слышишь? Ты что, ненормальный?! Дай мне одеться! Я сейчас приду на твою тренировку! Ди Файр! Псих неадекватный! Верни, откуда взял! Бастиан! Я тебя сейчас за задницу укушу, тоже тренировку пропустишь!

Но как бы я ни извивалась, как бы ни брыкалась и ни била (мне казалось, очень больно) ему по спине и филейной части, Бастиан невозмутимо и целеустремленно шагал сначала к лестнице, потом вниз, через холл и на улицу. И хоть большая часть школы была на завтраке и мы повеселили лишь парочку припозднившихся адептов, я была бы не собой, если б из-за поворота не вывернул Кейман.

– О, – весело хмыкнул он, оценив конструкцию, – адепт ди Файр. Адептка Шторм… Спешите на завтрак?

– На тренировку, – хмуро буркнул Бастиан.

– О, так вы еще надеетесь победить? Вот с этим? – Кейман многозначительно кивнул на меня.

Как бы так извернуться, чтобы украдкой показать ему кулак?

– Ну что ж, удачной тренировки, молодые люди. Не забудьте… э-э-э… принести адептку и на само испытание тоже.

– Непременно, – холодно ответил Бастиан, и меня понесли дальше.

Прямо на улицу, под теплые лучи осеннего солнца и прохладный ветерок. На площадке, где при хорошей погоде (что случалось не так уж часто) проходили тренировки, уже собрались все остальные. И никого в пижаме – даже обидно. И стыдно немного, обещала ведь явиться и так позорно проспала.

Одно радовало: я уснула не в кокетливой кружевной сорочке, подаренной после съемок Рианнон. Только чудо спасло меня от эротичненького выхода на глазах у всей школы. Хотя скорее не чудо, а стеснительность: переодеваться в присутствии опекуна в шелк и кружево я не рискнула. Поэтому надела штаны и милую рубашку без рукавов красивого темно-синего цвета. Стильно, смело и верхом ехать удобно.

– Сайзерон, – Бастиан поставил меня на полянку и кивнул воднику, – займись.

– Я хочу одеться, – сказала я.

– Перехочешь. Ты опоздала на полчаса. Бери меч, вставай к Сайзерону и покажи, на что ты способна.

«Шел бы ты», – подумала я, но устраивать спектакль для всей школы, которая наверняка сбежалась к окнам, чтобы на нас посмотреть, не стала. Марс и Берген уже сошлись в поединке, и от их мечей в буквальном смысле летели искры.

Габриэл протянул мне меч и будто бы обеспокоенно взглянул.

– Ты в порядке? Хочешь, я принесу тебе одежду и… – Он опустил глаза на мои ноги. – Обувь?

– Все нормально. Давай начнем. Может, нас отпустят пораньше, и я смогу досмотреть сон.

Хотя и здесь было на что посмотреть. Большинство парней предпочитали тренироваться без рубашек, хотя тренер за такое нещадно наказывал. Габриэл был приятным исключением: он занимался в свободной черной майке. Толстая коса парня могла сойти за дополнительное оружие, но его, казалось, совсем не волновала опасность, что противник намотает шевелюру на меч.

А еще Габриэл поддавался.

Я не была сильна в боях на мечах. По большей части потому, что девушек в этом виде спорта почти не было, и зачастую я оставалась без партнера и просто лупила по манекену, стараясь повторять то, чему учил тренер. Но даже мне со скудным опытом реального боя было ясно, что водник намеренно позволял мне делать хорошие удары и если все же парировал, то мягко. Рядом Бастиан сбил с ног Кристофа, а я даже не пошатнулась, когда Габриэл ударил мечом.

Нахмурилась. Просить не поддаваться? Тогда я улечу в ближайший овраг, наверное. Но ведь Яспера не будет давать мне

форы, а я понятия не имею, как ее победить.

Хотя ладно, о победе речь не идет. Просто не опозориться и продержаться хотя бы пару минут.

– Эй! – рявкнул Бастиан. – Что за брачные игры?! Сайзерон!

Огневик бросил Кристофа и направился к нам. На кубиках пресса блестели капельки пота, а еще я вдруг поняла, почему его так бесит внимание к себе после пробуждения. Шрам действительно притягивал взгляд, у меня внутри что-то сжималось, когда я видела белую полосу на загорелой коже. С другой стороны, если бы он не хотел, чтобы его рассматривали, мог бы надеть рубашку. А еще с одной стороны – они все могли бы приодеться, потому что я среди них единственная девчонка и я вообще таких красивых парней в таком ракурсе и количестве никогда не видела.

– Ты что, первый раз меч держишь? – Бастиан рыкнул на водника. – Что ты ее поглаживаешь? В койке будешь нежничать, это тренировка, а не танцы, твою мать! Иди к Кристофу.

– Ди Файр, она же девчонка!

– И что? Мне ей выдать веер и маленькую голосистую собачку? Давай топай.

И уже мне бросил:

– Возьми меч.

Ну вот, сейчас я точно окажусь в овраге. В пижамке, босиком, с ощущением абсолютной спортивной неполноценности и на глазах у всей школы. Я посмотрела на окна, чтобы убедиться, что за нами наблюдают, и случайно скользнула взглядом по преподавательскому корпусу. Кейман даже не скрывал, что смотрит из окна своего кабинета.

Что ж, есть шанс, что Бастиан меня не добьет. И что я в процессе никого не задену магией, потому что очень сложно одновременно контролировать эмоции, силу, меч и следить за движениями противника.

Мне хотелось хоть пару минут выстоять против Бастиана, хотя боями он занимался куда дольше меня. Признаться честно, я никак не ожидала, что он начнет с простых ударов. Когда встретила первый, едва устояла на ногах, руку заломило, а в ушах появился противный звон.

– Ай! – невольно вскрикнула я и потерла запястье.

– А ты считаешь, Ванджерия будет бить вполсилы?

Что правда, то правда, Яспера лупанет от души, такой шанс она не упустит. Надо делать так, как учил тренер… это не сложно.

Следующие удары были не менее болезненными, но уже не сопровождались тревожным ожиданием. Закусив губу, я следила

за обманными маневрами ди Файра, то и дело вскидывая меч зря.

– Губу не прикусывай, – бросил он мне.

И вдруг легонько ударил краешком деревянного меча по подбородку. Так, чтобы навсегда отбить желание совать что-то в зубы во время боя. Стало обидно. Не столько от боли, сколько от того, что такое глупое замечание оказалось справедливым.

От простых ударов мы перешли к сериям, я то и дело пропускала выпады, но на свое счастье была юркой и гибкой: там, где не удавалось парировать, получалось увернуться. Но сколько же завтра на мне будет синяков! Как на жертве домашнего насилия.

Пропустив стремительное движение, я получила удар под коленки и шлепнулась на землю. Кто-то из собравшихся вокруг нас зевак радостно заржал.

– Я победил, – усмехнулся Бастиан.

– Велика заслуга, – пробурчала я.

Потом огневик, к моему удивлению, протянул руку. Вообще так было принято, победивший всегда помогал подняться проигравшему, но я, честно говоря, уже забыла, что мы тренируемся, и не ждала следования правилам.

– Еще раз.

Мысленно я застонала. Руки едва удерживали меч. А настоящий тяжелее раза в два, а то и больше! И длиннее, кажется, правда, с настоящим я упражнялась всего пару раз. Тренер явно справедливо опасался выдавать толпе буйных адептов реальное железо.

Вокруг собиралось все больше и больше народу. Только не в меру раздутая гордость не давала мне всех разогнать. Не могу же я стесняться проигрывать на людях! Или могу? Но ведь проиграть опытному спортсмену не зазорно. Да еще и парню. С сердцем дракона. А я в пижаме…

– А он знает, как поставить девушку на колени! – крикнул кто-то.

– Люблю новую форму девчонок, сразу видно, у кого рабочие коленки!

Я обернулась, чтобы запомнить шутника и убедиться, что узнала голос. Ничего, с Корви мы на паре встретимся, пообщаемся.

В этот же момент, когда я всматривалась в толпу, Бастиан пошел в атаку. Я не видела его, но нутром почувствовала движение, вскинула руку, и… там, где мечи столкнулись, молнии и огонь на миг слились в единой вспышке, осветив поляну, где мы тренировались. Народ мгновенно затих, а Габриэл и остальные на всякий случай отошли.

Магия рвалась наружу, текла по руке, превращала обычный деревянный меч в грозное оружие, сопровождающее каждый удар разрядом электричества. Усмехнувшись, Бастиан снял с браслета крупицу – и его меч охватило пламя, не причиняющее дереву ни малейшего вреда.

Очень захотелось сказать: «Э, ты чего, я же не специально» – и рвануть к замку, подальше от пылающей фигни, но вредность и пресловутая гордость не дали. Вместо позорного отступления я, неожиданно даже для себя, пошла в атаку.

Это была стремительная, но очень эффектная схватка. Огненный и электрический мечи сталкивались с оглушительным треском, а магия освещала вспышками пространство площадки. Над школой сгустились черные свинцовые тучи, от былого солнышка не осталось и следа. В тревожной грозовой тьме вспышки смотрелись особенно яркими и пугающими.

Но мне нравилось ощущение контроля над спонтанной магией. Я не брала крупицы, не успокаивала себя, умоляя не нервничать и не злиться. Я использовала силу эмоций далеко не впервые, но так осознанно и с удовольствием, пожалуй, в первый раз. Недостаток умений компенсировали гибкость и странное чутье: порой я знала, куда ударит ди Файр, прежде чем он это делал.

Огненный меч скользнул по предплечью, оставив несильный, но ощутимо болезненный ожог. Улучив момент, я со всей силы пихнула Бастиана ногой в грудь, отчего тот отшатнулся. Мой меч ударился об его, молния вспыхнула прямо над нашими головами, а трава под ногами загорелась.

– Заканчиваем, – раздался голос Кеймана.

Я растерянно оглянулась, но не увидела в толпе директора. И этот миг растерянности решил итог схватки: Бастиан выбил из моей руки меч, а когда я в последнюю секунду изогнулась, чтобы уйти от удара, схватил за руку и прижал к себе спиной, одной рукой сдавив мою грудную клетку так, что даже вдох было сделать проблематично.

– Я победил, – довольно произнес он.

– Яспера так точно делать не будет, – недовольно сказала я. Подумав, добавила: – Надеюсь. Потому что иначе у меня возникнет много вопросов.

Я чувствовала, как бьется его сердце, а мое вообще зашлось в истерическом ритме, после такой-то нагрузки! Сегодня я поняла, что до сих пор на тренировках халявила от души. Зато не ударила в грязь лицом. И пусть Бастиан победил дважды, я хотя бы не убегала от него по поляне с истошным визгом, подпрыгивая от ударов мечом по пятой точке. А такая картина мне в голову, что

скрывать, приходила.

– Расходимся, расходимся! – услышали мы голос тренера Вингорда. – Ди Файр, ваше время вышло. У меня сейчас подготовка к турниру. Давайте, давайте, пока дождя нет!

Я виновато посмотрела на тучи, собравшиеся над школой. Теперь сомнений в том, что постоянные грозы и штормовые ливни отчасти моих рук дело, уже не было.

– Вы в цирк, что ли, пришли? – Бастиан выпустил меня и принялся отчитывать остальных. – Какого демона вы не работали?! Если бы я хотел устроить для вас спектакль, то нарядился бы в жопу дракона и бегал по лесу. Завтра после ужина на этом же месте. Все слышали?

Я бы на их месте его послала, но, похоже, парням было стыдно, ибо они действительно забыли друг о друге и вместе с остальным народом проникли зрелищем.

Стоять на улице без движения стало холодно. Я убрала меч в сундук, который Марс и Кристоф собирались отнести в инвентарную комнату, а потом направилась к школе по холодной траве. Краем глаза заметила, как Бастиан идет следом, но совершенно не ожидала, что мир вдруг снова перевернется – и я опять окажусь на чужом плече.

– Э-э-э… Поставь меня на место! Бастиан! Я же не манекен!

Надо было говорить по дороге сюда не «верни меня на место», а «верни меня к морю и сделай все домашние задания» – кто же знал, что огненный король проявит такое великодушие и соизволит оттранспортировать меня обратно.

Я правда ждала, что по дороге мы снова встретим Кеймана, но нет, все оказалось гораздо хуже. Следом за нами из столовой вышли Брина и Аннабет. Они, кажется, сначала даже не узнали меня, а потом дружно зашлись в припадке хохота.

– Делл! Куда идешь?

Две гадины засеменили следом.

– Пойдешь в город? – спросила Аннабет.

– Поедешь скорее, – фыркнула Брина. – Правда, там дождь собирается. Давай прикрепим к братику козырек?

– Хочешь бутерброд? – Аннабет протянула мне унесенный с завтрака сэндвич, и я поняла, что до ужаса голодна.

– О, спасибо! В город пойду. Только приму душ и переоденусь.

Есть, вися вниз головой, было неудобно, а при попытке поднять корпус я получила вполне ощутимый и обидный шлепок по мягкому месту. Неудобно ему! Надо же!

В отместку вытащила из бутерброда весь ненавистный лук и запихала придурку в задний карман.

– Что это ты там делаешь? – с подозрением спросил Бастиан.

– Ничего. Просто висю.

Просто висение превратилось в подозрительное, когда Аннабет и Брина свернули на свой этаж, а огневик бодро прошел мимо моей двери и направился к той, что была в конце коридора.

К душевой.

– Э-э-э, я не согласна!

Как будто хоть кому-то есть дело, что там вещает мешок с картошкой на спине. Картошка, может, тоже не согласна ни в пюрешку, ни в бульон, ни даже обзаводиться аппетитной золотистой корочкой. А ее все равно почистят, нашинкуют и уложат в сковородку. Тьфу, ерунда какая, меня вроде по голове сегодня не били.

– Ну хватит, я поняла! На следующую приду вовремя! Слышишь? Поставь меня, а то сейчас кровь к голове окончательно прильет, и я или отключусь, или меня стошнит.

Скрипнула дверь душевой и – ох, счастье-то какое! – мир вернул ориентацию. Вверху – потолок, внизу – пол, посередине я. От неожиданности я пошатнулась, схватилась за стенку и зло зыркнула на ди Файра исподлобья.

Ну и что? Начнем позорную драку в душевой? Я могу, у меня в некоторые моменты начисто отшибает инстинкт самосохранения и инстинкт сохранения нервов Кеймана.

– Тебе надо уяснить два момента, – с гаденькой ухмылочкой сказал Бастиан. – Первый: в боях не используется магия от слова «совсем». Если ты применишь ее на турнире, тебе засчитают поражение, и я просто так это не оставлю. А второй: если хочешь, чтобы на каждую тренировку я вытаскивал тебя из постельки, позаботься, чтобы я тебя туда и укладывал накануне. А теперь – в душ и можешь спать дальше.

С этими словами он коснулся камня, активирующего душ, – и меня окатило холодной водой, от чего я взвизгнула. Видимо, брызгами окатило и Бастиана, потому что он заботливо сделал водичку потеплее – и свалил. Неспешно, насвистывая какой-то незамысловатый мотивчик.

Мне хотелось рвать и метать, но еще больше хотелось полотенце и чистую одежду. Но заботливость нашего огненного капитана пока еще находилась в демо-версии, и мне предстояло уникальное приключение. Или попробовать высушить одежду магией (и не спалить в процессе всю школу), или шлепать до комнаты в мокрой пижамке, на радость случайным зрителям.

За небольшим окошком душевой виднелась поляна, на которой Вингорд гонял первокурсников. Тучи так и не разошлись. Закрыв глаза, я представила, как небо разрезает молния, как над

школой проносится раскат грома, и яркая вспышка зловеще освещает силуэт замка.

И, к собственному удивлению, через пару секунд представленная картина воплотилась в реальности. Не то чтобы я удивилась – связь погоды над школой с силами, доставшимися по наследству от Таары, была уж слишком очевидной. Но все равно стало как-то жутко. До какого момента способности будут расти? Я человек, в отличие от Кеймана и Акориона, рассчитан ли вообще человеческий организм на такие магические нагрузки? Зря они игнорируют науку, я бы почитала пару исследований.

Но боги храните Брину! Когда я уже примеривалась к крупицам и пижаме, именно Брина осторожно постучалась в душевую и позвала:

– Делл? Ты здесь?

– Здесь! А вот тебе лучше быстренько сбежать, может, успеешь спастись, если я подожгу школу…

– Не надо ничего поджигать, я тебе принесла полотенце.

Я тут же открыла дверь, впуская подругу. Вид у нее был развеселый.

– Откуда ты узнала, что я здесь?

– Ой, ну неужели ты думала, что нам не интересно, куда вы пошли? Мы за вами проследили, увидели, что вы идете к душевой, и поспорили, выйдете ли оттуда вместе. Я проиграла Аннабет двадцатку. Боги, я плохо знаю собственного брата! Но когда Бастиан быстренько свалил, а ты все не появлялась, я решила, что ты либо рыдаешь там в уголочке, либо не можешь выйти. В обоих случаях полотенце бы пригодилось.

– Спасибо! Твой брат – придурок, я проспала тренировку, и он меня наказал.

– А… ты, к слову, не слышала новость.

– Какую?

– Бастиан не идет на Бал Огня. Принцесса не сможет составить ему пару, и он отказался от билета.

– Ну хоть что-то хорошее за день случилось.

Брина иронично подняла бровь.

– Да? И ты ничуть не расстроена?

– Брина, я иду на бал с очень хорошим симпатичным парнем, мне подарили шикарное платье, а теперь еще и твой брат не станет меня там доставать. И прекрати так на меня смотреть и ухмыляться. Я, конечно, в вопросах любви и отношений профан, но даже я не могу не замечать твои намеки. День, когда я подумаю о твоем брате как о мужчине, обведут в календаре черным цветом. Ясно?

– Да.

У сестры Бастиана сделалось такое лицо, которое обычно делают дети, когда мама говорит что-то вроде «Никогда не ходи без меня на пляж!». За этим «да», как правило, правды немного, но всем хотелось бы этого не замечать.

– Так ты пойдешь в город?

– И ты не будешь ехидничать на тему тренировки, ставить на меня деньги и рассказывать, куда еще не собирается или собирается идти твой брат?

– Клянусь зачетом по теории магии! Только магазины, мороженое, фонтаны и абсолютная романтическая нейтральность!

Прозвучало не слишком убедительно, но после бодрого утра мне было просто необходимо развеяться. Ну и докупить кучу всякой ерунды, зайти к Рианнон и вообще вдохнуть свежий, немного пахнущий дождем и озоном воздух свободы.

Тучи над школой так и не рассеялись, а когда мы вышли, и вовсе начал накрапывать мелкий моросящий дождик. Тренер, ругаясь совсем неподобающим преподавателю образом, загонял очередную группу первокурсников в зал. Странно, но я наблюдала за этим с легким удовлетворением.

Большая часть тех, кто хотел, уже ушла в город, дорога от школы была совсем пустой. Уже на подходе слышалась музыка: шоу фонтанов все еще работало. Мы болтали, бесились, бегали друг за другом и бурно спорили, где и когда хотим пообедать. Я бы полцарства отдала за что-нибудь съестное! Хотя у меня и четверти этого самого царства не было.

В выходной народ заполонил улицы. На тех, что стали площадкой для лотков и палаток, было не протолкнуться. Брина и Аннабет еще успевали поглядывать по сторонам, присматривая покупки, а я с трудом протискивалась к центральному фонтану. Когда наконец очутилась рядом, выдохнула. Окатило приятной прохладой и брызгами.

– Ой, хочу шарманку! – выдала Брина ко всеобщему удивлению и унеслась к очередной палатке.

Я только надеялась, что эта шарманка будет не размером с баян и нам не придется тащить ее на плече так же, как Бастиан тащил меня на тренировку.

А потом я вдруг поняла, что счастлива. Глобально все довольно непросто и радоваться нечему, но все равно другой жизни я себе не пожелаю. Год, прошедший с моего появления в Штормхолде, я воспринимала как что-то неизбежное, но малоприятное. С лозунгом «так и быть, что с вами делать, буду жить здесь» изучала новый мир, а оказалось, что он совсем не новый. И я на своем месте.

Есть крыша над головой. Учеба и перспективы (часть из которых, правда, не радужная, зато другая внушает оптимизм). Друзья. Работа. Какие-то мелочи, желания. Раньше я смотрела на таких, как Брина, с легкой завистью, а теперь тоже могла купить шарманку. Если бы хотела купить шарманку. Слабо представляю себе, как можно ее использовать.

Пока я, прикрыв глаза, наслаждалась атмосферой праздничного города, в мой идеальный мир ворвался совсем не идеальный голос. Он развеял приступ счастья и буквально силой вернул меня в реальность.

– Деллин Шторм. У меня есть к вам разговор.

– Господин Уотерторн.

А я уж начала было забывать о нем! Сколько мы не виделись? С зимы?

– Позвольте угостить вас кофе, Деллин. Нам есть что обсудить.

– Извините, господин Уотерторн, я занята.

Настырный водник, вместо того чтобы раствориться в толпе, взял меня под руку и силой поднял. Да что они все меня тягают, как плюшевого медведя-то! Короли стихий, мать их! И это я только с двумя знакома, но уже впечатлений до конца жизни. Про остальных и думать не хочется, но почему въедливый голосок внутри твердит, что однажды придется?

– Деллин… – неожиданно серьезно, без иронии и надменности сказал водник, – я не отниму у вас много времени. Мне действительно есть что сказать.

И что-то в его голосе заставило поверить, я коротко кивнула и окинула взглядом площадь. Свободных безлюдных мест не наблюдалось, но достаточно было уйти на десяток шагов в какой-нибудь побочный тупик, и можно было спокойно говорить. Пока я прикидывала, куда отойти, Уотерторн с раздражением бросил:

– А тебе чего? Я хочу поговорить с ней, а не с тобой.

Растерянная Аннабет остановилась в паре шагов от нас, открыла рот и удивленно захлопала ресницами.

– Вы как-то не очень хорошо начинаете со мной говорить.

– Беседа не для посторонних людей. Я хочу поговорить с вами, а не с неизвестными мне девицами.

– Не очень-то вежливо так обращаться с девушкой, которую опекает ваш друг, – сказала я, мрачно наблюдая, как Аннабет стремглав несется к палаткам.

На миг показалось, что на лице Уотерторна мелькнула тень, но почти сразу он снова надел привычную холодную маску. Мы отошли туда, куда не доходил шум от ярмарки, и я приготовилась слушать. Хотя к такому сложно приготовиться.

– У нас был крайне интересный разговор с господином Даркхолдом, – начал Арен. – Вам известен этот человек?

– Возможно. – Я пожала плечами, но не сомневаюсь, что водник почувствовал, как я напряглась.

– Он рассказал нам очень много интересного, показал… мм-м… некоторые границы своих возможностей. А еще в ходе встречи он сделал всем королям предложение. Присоединиться к нему – либо же выступить против и лишиться всего, включая жизнь.

– Смело. Но чего вы хотите от меня?

– Проблема в том, Деллин, что сейчас я нахожусь в крайне щекотливом положении. Буду честен: я не хочу оказаться на стороне проигравшего. Эрстенни верят Даркхолду и готовы присягнуть на верность ему. Ди Файры никогда не позволят темному властвовать над ними. Остаемся мы с фон Эйрами, однако воздушники слабы. И передо мной возникает дилемма. Принять сторону ди Файров, во главе которых мальчишка, неопытный король и нестабильный маг. Или Эрстенни, довольно сильного магического рода.

– Вы ко мне решили обратиться за советом? Я не очень понимаю…

– Все зависит от вас, Деллин.

– Мне сказать вам, как поступить?

– Скажите, как поступите вы.

– Меня никто перед выбором не ставил.

– Но вы выступите против Даркхолда?

– Господин Уотерторн, почему вы задаете эти вопросы адептке-второкурснице? Вы всех в школе планируете опросить или есть какие-то критерии?

– Я знаю о вас куда больше, чем вы думаете Деллин. А еще знаю, что Даркхолд буквально вами одержим. И, думается мне, вы – его сильное и слабое место одновременно. Жажда обладать вами толкает его, вдохновляет. Но страсть слепит, и вы можете стать той, кто нанесет решающий удар. Вы ведь не просто так появились в нашем мире. Смотрите, как все интересно, Деллин. Есть короли воды, огня, земли и воздуха. Есть никому не интересные светлые маги, которые носятся со своими прорицаниями и целительством. А место короля тьмы свободно. Даркхолду оно не нужно, он стремится к былому величию, но появление темной королевы могло бы склонить чашу весов.

– Я перестала вас понимать, – с трудом произнесла я. – Давайте без кружавчиков. Чего вы хотите от меня и что конкретно вы знаете?

– Я знаю, кто такой Дэвид Даркхолд. Я знаю, кто вы такая,

Деллин. Догадываюсь о некоторых секретах Кеймана Кроста. И я хочу знать, собираетесь ли вы вступить в борьбу.

– Вам солгали. Я обычная студентка и ничего не смогу противопоставить темному магу с поехавшей крышей. Даже если он мной одержим.

Я развернулась, чтобы снова очутиться на людной площади и, быть может, взять стакан глинтвейна – то ли в переулке гулял сквозняк, то ли вдруг стало не по себе.

– Это вам солгали, Деллин. И солгут еще много раз. Решение принимать придется. Если вступите в борьбу сейчас – получите мой род в союзники. Если нет… вы окажетесь вдвоем с ди Файром против темного бога и двух могущественных магических семей. Двое детей против тех, кто владеет миром.

– То есть если я пообещаю вам… я даже не понимаю, что именно должна пообещать, – то я не ребенок, а если откажусь, то резко в него превращусь?

– Вы останетесь ребенком, Деллин, но это тот случай, когда капля переполняет чашу. Потенциал, заинтересованность сильных Штормхолда и ваша значимость для Даркхолда могут сыграть важную, если не главную, роль.

– И вы ждете от ребенка взвешенного решения?

Уотерторн посмотрел на меня с ироничным прищуром.

– Я жду любого ответа. Я умею анализировать.

Теперь настал мой черед щуриться и прикидывать, что сказать. Можно было развернуться и уйти, но это красноречивее любых слов. А можно было открыть рот и ляпнуть лишнего – и снова поиметь кучу проблем. Какой из этих вариантов лучше, я не решила, но все же сказала:

– Нам не по пути с господином Даркхолдом, и он должен об этом догадываться. Меня вряд ли будут спрашивать, хочу ли я вступить в борьбу, однако вам, лорд Уотерторн, я тоже не доверяю. С одинаковой вероятностью вы можете и вправду хотеть выступить против Дэвида, а можете уже стоять за его спиной и шпионить для хозяина.

– Я слишком ценю свой род, чтобы заниматься примитивным шпионажем. Однако я выяснил, что хотел, и спешу откланяться. Возвращайтесь к подругам, Деллин. Впереди непростые времена. Для нас всех…

Осталось мне догадаться, что именно понял Уотерторн, потому что без посторонней помощи это сделать вряд ли получится. А значит, снова идти к Кейману, снова слушать что-то вроде «подумаешь, всем хочется выжить, все сейчас будут искать союзников».

Но вот что интересно. Акорион сделал королям предложение.

Вряд ли давно, Арен бы нашел меня раньше. Но и не только что, потому что без подготовки водник бы не пришел. Когда? Ставлю зуб на то, что после нашего ужина. Невольно я подтолкнула его к активным действиям.

А вот молчание Бастиана удивило. Если Уотерторн узнал обо мне, узнал об одержимости Акориона, то что говорить о парне, который прошлое полугодие провел в виде призрака, а в этом взошел на трон и лично пообщался с темным богом.

Как же все сложно! Надо будет спросить у Кеймана о других домах стихий. Я знаю водного короля, огненного, но вот о королях земли и воздуха почти не слышала. Только забавную на слух фамилию и короткую заметку в учебнике.

– Ты в порядке? – спросила Брина, едва я подошла. – Что хотел Арен?

– Как всегда. Играет в игры.

– Против Бастиана?

– Если бы я знала, Брина. Уотерторн не говорит всего. А знает очень много.

Арен делал намеки относительно моего происхождения задолго до того, как я обо всем узнала сама, и даже до того, как Акорион пришел в Штормхолд. Так что как минимум в этом он сегодня лгал, о Тааре и Кросте водник догадался достаточно давно.

После короткой и по большей части необходимой прогулки я потащила девчонок обратно в школу. Оставила их в комнате отдыха рассматривать покупки и сторожить мои свертки, а сама направилась в директорский кабинет, пока не начался ужин и Кейман не сбежал в столовую, куда был закрыт вход адептам.

Впрочем, он вряд ли собирался уныло жевать запеченный куриный рулет, ибо когда я постучалась и сунула нос за дверь, то обнаружила там Кеймана, Ясперу и накрытый на двоих столик с вином.

– Ой… – По взгляду магистра Ванджерии я поняла, что гори он огнем, этот Штормхолд!

Лучше Акорион захватит мир, чем я отхвачу от разъяренной демоницы.

– Я потом зайду.

– Стоять! – рыкнул Кейман.

Даже мысли не возникло ослушаться. Я замерла на пороге.

– Ну? Что у тебя?

Я, слегка краснея, осторожно покосилась на Ясперу. Что ей можно рассказать? Подружка Кеймана знает больше, чем остальные магистры, но насколько? Но Крост правильно интерпретировал мой взгляд и со вздохом попросил Ясперу уйти.

Я поспешно освободила проход, но даже этот несомненно полный уважения к старшим жест не спас положение: если бы Яспера владела магией огня, меня бы уже поливали из графина.

– Вина? – участливо поинтересовался Кейман.

– Да ну, я же не самоубийца.

Во-первых, пить в кабинете директора, а во-вторых, из бокала, который предназначался другой.

– Тогда излагай. Почему у тебя такой вид, словно ты увидела очередное привидение?

– Потому что я не хочу становиться ничьей королевой.

– Да, я тоже всегда мечтал быть принцессой. Правда, с возрастом понял, что это не так уж и весело: а ну как выдадут замуж за какого-нибудь придурка?

– В городе я встретила Уотерторна. Акорион выходил на связь с королями и сделал им ультимативное предложение.

Вот сейчас с лица Кеймана исчезла ирония: он выпрямился в кресле и приготовился слушать.

– Бастиан его послал, воздушники вроде как тоже. Земля однозначно за Даркхолда, а вот Уотерторн сомневается и требует с меня принять чью-то сторону и… мм-м… заграбастать себе темную магию так же, как они прихватизировали месторождения крупиц стихий.

– Что ты ему сказала?

– Что с Акорионом нам не по пути, но и Уотерторну я не доверяю. Он сказал, что услышал все, что хотел, и ушел. Теперь меня не покидает ощущение, что я, в отличие от лорда, вообще ничего не услышала.

– Что-то такое я предполагал. Акорион собирает себе команду мечты, тактика имеет право на жизнь.

– Почему ты не занимаешься тем же?

– Что известно Уотерторну? – Кейман проигнорировал мой вопрос.

– Он намекнул, что достаточно. И о сущности Даркхолда, и о моей. И намекал раньше, еще на зимних каникулах.

– Готов поставить что угодно: Арен давно выбрал сторону и теперь активно подбивает клинья к Акориону через тебя. Возможно, он что-то знает, нахватался по верхам и пытается играть. Уотерторн неглупый маг, он знает, что из игры в армию темного бога придется выходить, и постарается сделать это без потерь.

– Что мне-то с этим делать? – спросила я.

– Ну, – Кейман хмыкнул, – есть два варианта.

– И чем они отличаются?

– Сложностью. Первый – то же, что и сейчас. Учиться,

дипломатично отвечать всем, что сначала сессия – а потом интриги. А второй – выпытать у своего огненного приятеля, что все-таки вывалил на них Акорион. Надо сказать, я почти зауважал ди Файра. И с удовольствием бы послушал, в каких именно выражениях тот его послал. Можешь заняться. И еще, Шторм, вытрави из себя этот оленячий взгляд и трогательно закушенную губу. Иначе тебя раскатают на дне самоуправления, адепты не терпят преподавателей-оленят.

– Как ты вообще можешь думать обо всякой ерунде, когда здесь такое… – пробурчала я.

– У королей стихий не было, нет и не будет единства. Бастиан никогда не забудет, как со счастливым «гыгыканьем» его хоронили всей компанией. Уотерторн ведет свою игру не потому, что влюблен в Акориона. Эрстенни мечтают как минимум о контроле над Штормхолдом, им надоело, что огонь и вода обладают большим весом; а фон Эйры… ни я, ни Сайлер не ждали, что все короли, обнявшись, проголосуют против нашего темного друга. К счастью, в мире и без них полно сильных магов, которых не устроит восхождение Акориона. Но это не твоя забота, сосредоточься на испытаниях, учебе и бале Огня. Тем более что тебе есть с кем туда идти.

«И главное, чтобы об этом не узнал Акорион», – подумала я.

– А теперь я, с твоего позволения, все же поужинаю. Правда, что-то мне подсказывает, что уже один…

И такая тоска промелькнула в голосе Кроста, что мне действительно стало стыдно! И еще немного злобно: я снова получила указание «учиться и не лезть в дела взрослых». Явно до первого же следующего привета от Тааринога братика.

Легко Кейману сказать, иди и учись, а еще выясни кое-что у Бастиана! Взял бы да выяснил сам… правда, шансов, что огненный король скажет хоть слово директору, еще меньше, чем на то, что Бастиан разоткровенничается со мной.

Глава 6

Вниманию адептов Высшей Школы Темных Штормхолда!

На этой неделе состоится День Самоуправления. На целый день адепты примерят на себя роли магистров, и только в ваших руках их победа в общешкольном магическом конкурсе. Дирекция школы приглашает вас посетить следующие лекции:

«Нейтрализация темных существ третьего уровня в условиях ограниченного магического баланса» – лекцию ведет адепт факультета огня Бастиан ди Файр.

«Эпоха ментализма: Штормхолд и Силбрис. Ключевые отличия и сходства» – лекцию ведет адепт факультета воды Габриэл Сайзерон.

«Противостояние воздушной магии» – лекцию ведет адепт факультета земли Кен Кристоф.

«Запрещенные зелья» – лекцию ведет адепт Мейл Берген.

«Открытая тренировка по водным спускам» – занятие ведет адепт факультета огня Остин Марс.

«Смертельные артефакты» – лекцию ведет адептка факультета темной магии Деллин Шторм.

Такие объявления появились в холле в начале недели. День самоуправления был чем-то новеньким для школы: никогда еще адептам не разрешали порулить. На этот день отменили все лекции, оставив лишь обязательные тренировки и отработки, а взамен взяли с каждого адепта обещание посетить хотя бы одну лекцию из предложенных.

Ну и я готовилась еще и к этому, естественно. Быстро пожалев, что взяла сложную и неприятную тему. На самом деле я хотела научить всех делать штормграмы, именно этот план сунула Бастиану на проверку, но возмутился Габриэл.

– А деньги?! Делл, я зарабатываю для нас деньги, а ты хочешь научить всех своей фишке?

– Он прав, – хмыкнул тогда Бастиан. – Не могу оставить в голоде и нищете ваших будущих детишек. Выбери другую тему.

Габриэл слегка сник под моим недовольным взглядом, но сам предложил взять смертельные артефакты – самые мрачные и серьезные магические девайсы, покоряющиеся лишь избранным. Именно их использовал Оллис по указке Акориона. Начав готовиться, я слабо представляла, какой пласт не самых простых воспоминаний поднимут мрачные и тяжелые описания смертельных магических игрушек.

Моим оппонентом стал Кейман, по правилам (хотя я так и не узнала, кем они были установлены) он должен был взять тему, радикально отличающуюся от моей. И я после каждой пары будто невзначай проходила мимо доски, надеясь, что там вывесят и темы лекций магистров.

Жизнь в Школе Темных, как всегда, бурлила и неслась куда-то, совершенно неясно куда, снося на своем пути всех зазевавшихся.

По большей части народ радовался. Ну когда еще можно побыть полноправными хозяевами в школе? Помимо известных состязательных лекций адептам разрешили составить меню на весь день, установить более позднее время отбоя, отменить форму – и вообще, как следует развлечься. Наверное, Кейман все же понимал в педагогике в разы больше меня, потому что на школу все это подействовало как укол успокоительного. Народ радовался, предвкушал, кое-кто светил штормграмами и обменивался картинками.

Мы готовились к выступлениям, и чем ближе было мое, тем сильнее я впадала в панику. За день до наших пар Кейман и компания провели свои лекции, но я почти никуда не попала: собственные пары и тренировки никто не отменял. На контрасте со мной Крост выбрал артефакты природного происхождения и рассказывал о колдовских деревьях, исцеляющих реках и прочей ерунде, о существовании которой я даже не подозревала.

Результаты теста по итогам лекции держали в секрете, но директор весь остаток дня ходил крайне довольный собой. Я же попала только на лекцию магистра Ленарда, который рассказывал о зельях индустрии моды и развлечений. Очень интересно, надо заметить: чем только не пропитывали ткани модельеры. Нужно будет спросить Рианнон, что использует она. Явно ведь пригодится на будущих курсах.

Чем ближе было мое выступление, тем становилось страшнее. До сих пор я считала, что волнение перед публикой у меня средней тяжести, но в этот раз… внутренности скрутило в тугой узел еще на завтраке, и даже Брина заметила, что я непривычно бледная.

– Ты в порядке? Не успела подготовиться?

– В порядке. То есть… не знаю. Страшно.

– Да брось, ты же отвечаешь на парах.

– Это другое! Что мне делать, если они не будут менять слушать? Если начнут смеяться? Там ведь будут и старшекурсники! А преподов не будет…

– Будет Бастиан. При нем никто и не пикнет.

«Кроме него самого», – подумала я, но промолчала.

С каждой новой минутой меня все сильнее тошнило от одной мысли, что я окажусь перед аудиторией и буду вести лекцию. Не отвечать, путаясь в заученных фразах из учебника в надежде на оценку, а доносить новую информацию. Стоять на месте препода…

Когда я вошла в аудиторию, то обомлела: свободных мест не было. А за парты, которые едва вмещали четырех адептов, набилось по пять-шесть человек. Народ сидел даже на ступеньках, и… мне до безумия захотелось развернуться и сбежать! Звонка еще не было, я открыла тезисный план.

Буквы пустились в пляс, я не понимала ни единого слова, и паника захлестнула так быстро, что не оставила шансов. Подумав, что лучше я отключусь в туалете, чем на глазах у всех, стараясь не нестись сломя голову, я вышла в коридор, юркнула в закуток с умывальником и прислонилась к зеркалу, тяжело дыша.

– Шторм? – спустя пару минут услышала голос ди Файра. – Долго тебя там будут ждать?

Попробовала распрямиться и поняла, что не могу. Не могу выйти туда и выступить, я еще никогда так не паниковала, даже в школе. Хотя маме часто приходилось настраивать меня на доклад или презентацию. Она обычно давала какие-то дежурные советы, убеждала, что все получится, и сам ее голос действовал магически.

– Я не могу… – тихо прошептала я.

– Что? – Бастиан удивленно поднял брови.

– Я не могу… прости. Не могу читать лекцию.

– И почему же?

– Просто не могу! Мне жаль, ты зря взял меня в команду.

– Шторм, что за детский сад? У твоего «не могу» есть причина?

– Да! – не выдержала я. – Она называется страх! Я не умею выступать, не умею вести лекции, я собственный план прочитать не могу! Не вижу ни строчки, не смогу написать на доске ни одного символа, а если попробую, все будут ржать, потому что я почти не умею писать, когда волнуюсь. Потому что ты был прав, я не колдунья, а уборщица. Не создана для того, чтобы учиться. И не могу… не могу рассказывать им, от чего погибли их товарищи.

Боги, эта тирада вырвалась у меня против воли, я совершенно не планировала рассказывать ди Файру о страхах! На миг захотелось жалости, чтобы кто-нибудь обнял, погладил по голове и сказал, что это не конец света. Что не умея читать можно получить образование, что необязательно писать что-то на доске, что никто не будет надо мной смеяться, даже если на самом деле все это ложь.

Но Бастиан, конечно, не торопился заключать меня в объятия. Да и вообще выглядел несколько удивленным, будто испугался девушку, вот-вот готовую заплакать. К моему удивлению он вдруг сказал:

– Хорошо.

– Что? – Я моргнула, забыв и о слезах, и о щемящей жалости к себе.

– Хорошо. Боишься – не выступай. Не ходи туда, возвращайся к себе.

– Серьезно? А… что будет с испытанием?

– Ничего, засчитают тебе поражение, и все.

– И ты не обрушишь на меня всю мощь своей ненависти?

– Зачем?

– А зачем ты делал это на первом курсе?

– Придумай сама. Так что ты не уходишь? Иди. Я сам скажу, что лекции не будет. Давай, Шторм, иди к себе, в постельку, спать.

– В чем подвох?

– Ни в чем.

Бастиан рассмеялся.

– Неужели ты не понимаешь, что любая издевка, которую я только могу придумать, чтобы тебя достать, меркнет рядом с позорным бегством с лекции? Мне не надо будет наказывать тебя, это сделает вон та толпа, которая пришла посмотреть на новую королеву школы.

– Шел бы ты… со своими коронами.

– Они видели, на что ты способна, – пожал плечами ди Файр. – Люди тянутся к проявлениям силы. Можешь уходить, только будь готова, что вернешься к тому, с чего начинала. Станешь изгоем… ошибок здесь не прощают.

– Тебе бы в психологи, – пробурчала я. – У тебя бы все клиенты крышей поехали.

– Так я иду и говорю, что лекции не будет?

– Иди…

Я на секунду зависла, но все же не удержалась:

– В задницу.

Поправила косу и побрела в аудиторию. Бастиан, конечно, скотина, но кое в чем он прав: трусость не простят. И Яспера порадуется…

– Кхм… здравствуйте, мое имя Деллин Шторм, и тема сегодняш…

Никто не слушал. Народ смотрел на меня, как на диковинную зверушку, переговаривался, посмеивался, но никак не хотел затыкаться и внимать.

– Я прошу тишины…

Ага, с таким же успехом можно попросить метнуться в буфет и купить мне булочку. С той лишь разницей, что кто-нибудь да метнется.

Постучала карандашом по парте. Поймала насмешливый взгляд Бастиана, который сидел за первой партой, сложив руки на груди. Мне показалось, он неосознанно (а может, и вполне сознательно) копировал Кеймана.

– Да помолчите вы сорок минут!

Я почувствовала, как внутри зарождается злость, и вдруг подумала: а почему, собственно, я должна сейчас сдерживать эмоции вместе с магией, если что-то меня бесит? Молния сверкнула под потолком, люстра опасно закачалась. Народ притих, а в воздухе отчетливо запахло дождем.

– Спасибо. Итак, сегодняшняя лекция будет посвящена смертельным артефактам. Считается, что артефакторика – наука, больше свойственная светлым магам, а оттого не слишком сильная. Однако всякий, кто погружался в историю магии чуть глубже, чем…

Бастиан демонстративно зевнул, а я запнулась. Кое-где послышались смешки. Народ пришел на шоу, а не на лекцию – поняла я. Просто хотели посмотреть, опозорюсь или нет и как мы с ди Файром будем вести себя в одном помещении.

А к черту. Гулять так гулять.

– Смертельные артефакты, все до одного, впервые были изготовлены богом тьмы Акорионом. Секрет большинства из них утерян. В последний раз на территории Штормхолда артефакты использовались Джорахом Оллисом, магистром Школы Темных. Число жертв достигло двух десятков. Артефакты не входят в обязательную программу, поэтому, когда мы с ними столкнемся, вспоминать будет нечего.

– Столкнемся? – хмыкнул кто-то.

– Двадцать человек столкнулись. Где гарантия, что среди нас нет новой двадцатки?

Какая-то девочка за первой партой ойкнула и невольно придвинулась к Бастиану в поисках защиты. Тот с подозрением на нее покосился, но с места не сдвинулся.

– Главная опасность артефактов в том, что они могут быть совершенно любой формы. Вы не распознаете смерть в обычном карандаше, в колечке с бриллиантом, в браслете с крупицами. Поймете, только когда против вас его используют, когда прочувствуете его действие.

– Какое? – спросила Аннабет.

– Их довольно много. Самые безобидные начисто лишают

воли, заставляют делать все, что прикажет владелец артефакта. Самые жуткие могут уничтожить изнутри, разорвать сердце, переломать все кости. Окунуть в кошмары и свести с ума или вычерпать всю магию до дна и обратить против вас. На создание такого артефакта требуется огромная сила.

Я не буду говорить, что Оллис никогда сам не создал бы ни одного такого артефакта. Что Акорион сам выбирал, как и от чего будут умирать адепты в школе. И еще я никогда не спрошу Бастиана, против какого артефакта выступил он, но даже сейчас вижу в его глазах что-то темное. То, из-за чего он здесь: воспоминания о смерти не вызывают в нем страх или боль, они рождают ярость, которую он сейчас совершенно спокойно держит в узде.

– Использование смертельных артефактов жестоко карается законом. А еще требует особой осторожности, потому что обратить артефакт против себя так же просто, как убить с его помощью другого. И это – единственный способ победить. Играя против такого артефакта, не получится разоружить противника и сдать страже. Только убить, причем именно тем способом, которым он собирался убить вас. Но это очень сложно… практически невозможно.

У адептов не было шансов. Ни у Надин, ни у Эйгена. Я пожалела о том, что взяла эту тему, в тот момент, когда читала о действиях артефактов и невольно представляла тот вечер. Мне казалось, однажды Акорион обязательно покажет все, что там происходило, и к страху бродить во сне добавился еще и страх увидеть в нем чужое прошлое.

Закоулки темной магии, в которые я окунулась всего на мгновение, да и то поверхностно, поразили жестокостью и извращенной фантазией, будто тот, кто создавал эти игрушки, был совершенно безумен и специально придумывал все новые и новые мерзкие способы убийства. Поверить в то, что Акорион, который делал смертельные артефакты, и Дэвид Даркхолд, оплативший лечение мамы, – один человек, было сложно. И невольно думалось: не этого ли он добивался?

Когда я закончила лекцию и собрала бланки с ответами на тест, то поняла, что если сейчас же не присяду и не выпью воды, то грохнусь в обморок. Лицо горело, голоса почти не было, и все, что я чувствовала, – это смертельная усталость и желание забиться в самый темный угол комнаты, где нет ни людей, ни прыгающих перед глазами букв.

Я устало потерла глаза, в которые словно насыпали песка.

– Делл! – ко мне из толпы адептов вырвались Аннабет и Габриэл.

– Здорово! И жутко… – покачала головой подруга. – Мне было не по себе.

– Да, – кивнул Габриэл. – У Кроста, конечно, опыт и язык подвешен, но что ни говори, а слушать про злобную разрывающую внутренности куколку интереснее, чем про речку, исцеляющую раны, или деревце, которое любит пялиться на голых баб. Так, нам пора! Бастиан велел всем собраться у него, будем ждать результатов теста и этапа. У нас появились хорошие шансы на победу.

Пришлось снова извиняться перед Аннабет, что окончательно перестало мне нравиться. Вместо того, чтобы проводить время, которого и так мало, с подругой, я тусуюсь в компании пятерых парней, часть из которых увидела-то в первый раз неделю назад.

В комнате Бастиана ребята уже накрыли небольшой перекус, и я с удивлением поняла, что голодна. Пока все делились впечатлениями от проведенных лекций, я задумчиво поглощала мясной рулет и думала над очень интересной мыслью.

Кейман не дурак, с этим сложно спорить. Он преподает лет двадцать, что для бога, конечно, не срок, но вот для преподавателя – еще какой. И неужели ему и в голову не пришла мысль, что на фоне лекции про смертельные артефакты, темного бога и ужасы его магии рассказ о колдовских дубах, музыкальных ручейках и целительных алтарях будет бледнее?

Вопрос хороший. Только кто на него ответит?

Поев, я поняла, что не могу больше сидеть: спина адски устала еще после тренировки, да и спала я всего пару часов, настолько сильно волновалась. Откат наступил так внезапно, что я сама не поняла, как свернулась клубочком на постели, где сидела, положила ноги на Габриэла и пригрелась под его теплыми ладонями. Так и отрубилась – в чужой комнате, в неудобном узком платье, с растрепанной косой и четким ощущением, что зря я вообще это сделала.

Удивительно, но я спала довольно неплохо, без приключений. Снилась, конечно, всякая ерунда, но не такая выматывающая, как обычно. Проснувшись, я поняла, что уже глубокая ночь. И еще что выспалась. Ну и что платье задралось так, что видно не только коленки, но и бедра, поэтому прежде, чем подняться с постели, я принялась его одергивать.

– Эй, детка, полегче, это не двуспальная кровать.

Заорав от неожиданности, я лягнула воздух перед собой и услышала сдавленное «Ох!». Вспыхнул свет, и моему взору предстал Бастиан, сложившийся пополам.

– Даже не знаю, что опаснее: повернуться к тебе спиной или другими стратегическими местами, – прохрипел он.

Часть меня посочувствовала огневику, а вот вторая злорадно посмеялась. Правда, про себя. Во избежание.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовалась я.

– Я?! Живу! А вот ты почему спишь здесь – хороший вопрос.

Тут я вспомнила, что отрубилась днем совсем не у себя на постели, залилась краской и отползла к стене. На небольшой кровати нам было катастрофически мало места. Вообще неясно, как мы ночью-то уместились?

– Не мог разбудить?

– Да тебя вообще никто не мог разбудить! Мы думали, ты сдохла.

– И часто ты в постельке трупы хранишь?

– Надеялись, что еще оживешь.

– Не мог отнести в комнату?

– На глазах у всей школы? Ща-с-с-с! Я почти женат, Шторм! Имей совесть.

– А, то есть если я выйду от тебя посреди ночи растрепанная, это совсем не подозрительно.

– Нет, если перестанешь так истерично орать.

Я прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза. Надо приходить в себя, сонливость еще не слетела, и весь мир, ограниченный комнатой Бастиана, казался подернутым дымкой.

– На вот, – ди Файр потянулся к столу и взял с него папку, – результаты от методистки.

Табличка с итогами тестов и лекций меня слегка отвлекла. Марс провалился с треском: нормативы на его паре физподготовки сдала едва четверть адептов. Магистр Майлз справился намного лучше, не сдавших у него было двадцать человек из шестидесяти. Ленард, конечно, сделал Бергена, который, говорят, растерялся еще сильнее, чем я. А вот Кристоф принес нам первый бонус: магистр Уорд разбирался в воздушной магии так же, как я – в людях. Габриэл продул магистру Бергену, все же три курса Школы Темных не могут тягаться с опытом и страстью к истории. Я дошла до своей фамилии и затаила дыхание.

– Офигеть!

Не поверила своим глазам.

– Серьезно? Восемьдесят два процента против семидесяти девяти? У Кеймана сдавших меньше? Не может быть!

– У него на лекции половина потока спала, – ответил Бастиан. – И сам, казалось, вот-вот отрубится. Неудивительно.

– И тебя это не настораживает? Веришь, что Крост проиграл мне просто потому, что плохо подготовился к лекции?

– Верю, что у него есть свой план и свои цели относительно

состязания. Но пока не понял, какие именно.

Табличку замыкали Бастиан и Яспера, и если при виде галочки напротив собственной фамилии я удивилась, то, прочитав результаты этой парочки, уронила челюсть на постель.

– Ноль?! У Ясперы ни одного сдавшего?! Такое вообще бывает?

Бастиан довольно фыркнул.

– О да, если ты – всеми ненавидимая стерва, не жди поддержки со стороны студентов. Эти оценки не идут в журнал и не влияют на годовые. Вот она, народная любовь.

– Да она им потом устроит!

– Всей школе? Удачи. Как бы то ни было, у нас три на три. Пока ничья.

Кейман в уме – в то, что он не специально проиграл, я как-то не верила.

– Все! Поздравляю! – Я бросила папку обратно. – Выпусти меня!

– Не хочу. Я голый.

– Врешь!

– Снимай одеяло, проверим.

Я опасливо покосилась на огневика, но на всякий случай решила не проверять. Подползла к краю кровати и неловко перевалилась через его ноги, стараясь одновременно делать это изящно и не задрать подол платья. Надо думать, его величество порадовался неожиданному спектаклю.

– Ладно, Шторм. Если ты принесешь нам балл победы и на боях, я придумаю для тебя подарок.

– Даже боюсь представить.

Туфли нашлись под кроватью, пришлось лезть за ними и следить, чтобы платье снова не задралось. Вылезла я оттуда, по-моему, еще более взъерошенная и запыхавшаяся, но хотя бы не пыльная, и на том спасибо. Стараясь сохранять, насколько было возможно, гордый и независимый вид, я обулась и поковыляла к двери.

– А спокойной ночи не пожелаешь? – крикнул мне вслед Бастиан. – Слушай, а можно я буду рассказывать, что ты со мной спала?

В этот же момент я открыла дверь и встретилась взглядом с Кейманом, которого уж где-где, а на пороге комнаты Бастиана видеть не ожидала. Крост явно слышал последнюю реплику ди Файра, потому что удивленно приподнял брови и неторопливо осмотрел меня с ног до головы.

– Вот! Можешь начинать рассказывать! – Я закатила глаза. – Магистр Крост, а что вы здесь делаете в такой час?

– А вы? – ехидненько поинтересовался Кейман.

Я впала в задумчивость.

– Ну вот видите. Похоже, никто из нас не готов отвечать на вопросы. Сделаем вид, что ни вас, ни меня здесь не было?

– Совет да любовь, – буркнула я и протиснулась мимо директора в коридор.

Хотя все же было любопытно. Зачем Кейман явился к Бастиану? Уж точно не затем, чтобы поздравить с ничьей.

– Шторм! – донеслось из коридора, когда я уже почти была на лестнице. – Будешь подслушивать – узнаю и накажу.

– Не больно-то и хотелось!

А точнее, не догадалась. Теперь уж и пытаться не стоит. Может, Бастиан разболтает Брине? Или Габриэлу? Черт, Габриэл… ну вот что за сволочь? Оставил девушку в копытах огненного козла. Мог бы отнести в комнату, ну или хотя бы третьим улечься. Как я после такого предательства пойду с ним на Бал Огня? Хотя Бастиан туда не пойдет, значит, у Габриэла не будет шанса забыть меня в неположенном месте.

Черт, аж самой смешно. Не студенческая жизнь, а дурдом на прогулке.

Я бы с удовольствием погуляла, проветрила голову и побродила по саду, но, опасаясь столкнуться с возвращающимся из гостей Кейманом, отправилась сразу к себе. Вся одежда, волосы и даже кожа пропитались запахом огненного придурка. Он обожал тяжелые пряные ароматы, пах, как рождественский пирог без сахара, и теперь казалось, что я никогда не смогу смыть с себя этот запах. Боги, я проспала почти восемь часов рядом с ним! И ни разу не забеспокоилась. Хм… Деллин, у тебя еще есть шанс вернуться и доспать все, что Акорион отнял.

Войдя в комнату, я смачно выругалась и десять раз пожалела, что припомнила темного бога: на постели лежала небольшая черная коробка с красно-оранжевой лентой. Записка на банте гласила:

«К сожалению, в такой важный день я далеко, но знай, что мыслями я с тобой, любовь моя, и всегда болею за твою победу. Я надеюсь, ты не пойдешь на бал одна? Найди себе пару, иначе мне придется отменить свои планы».

Я уже знала, что увижу в коробке, поэтому доставала платье с каким-то чувством обреченности и уныния. Красивое… дерзкое, вполне в стиле Акориона: из тонкой темно-красной кожи с черно-синими кристаллами в виде языков темного пламени. Очень короткое, больше напоминающее пиджак, чем платье магического, на минуточку, мира. Если в платье Кеймана я смотрелась воздушной принцессой, то в этом могла бы смело

брать по сотне за ночь. Играть в Джулию Робертс не хотелось, но что-то подсказывало, что придется.

– Когда же вы все оставите меня в покое! – простонала я, падая на кровать.

Пережить Бал Огня. Потом Зимний Праздник. Праздник Земли. Выпускной. И потом еще два раза, правда, в следующем году Бастиан уже не будет адептом школы. Акорион вот только вряд ли добровольно свалит на Землю крутить коровам хвосты. А однажды – здесь я не строю иллюзий – случится большой «бум», и темный бог пойдет войной на бывшего опекуна. Интересно, я хотя бы успею доучиться?

* * *

Утром, в кои-то веки не опаздывая из-за попытки доспать невыспанное, я лениво брела по коридору к столовой и размышляла о грядущем дне. Большая тренировка по крылогонкам, потом пара у Ясперы (и, чувствую, легко она не пройдет), потом обед, две пары у Кеймана, тренировка по боям у Бастиана, домашние задания и очередная ночь. Сегодня мне казалось, два платья в шкафу прожгли в нем дырку и смотрят на меня из темноты, причем смотрят так укоризненно, словно шепчут: «Вляпалась, Деллин! И что теперь будешь делать?»

Уже у самых дверей столовой я вдруг увидела Габриэла и вспомнила вчерашнее пробуждение.

– Эй, ты выбрал не самый лучший способ сообщить девушке, что не идешь с ней на бал.

– Что? – Габриэл поперхнулся. – С чего ты взяла? Да я всю ночь думал, что тебе такого подарить в честь первого свидания…

– Тогда зачем ты бросил меня вчера у Бастиана?

– Я тебя не бросал, Делл! Ты же…

Габриэл умолк и вдруг покраснел.

– Демон… я ходил за пивом, а когда возвращался, встретил Бастиана и остальных внизу. Они предложили пойти в часовню, выпить там и прогуляться. Он сказал, ты пошла к себе, спать. Ты что, так и спала у него?

Я многозначительно промолчала.

– Он тебе что-нибудь сделал?!

– Не волнуйся, даже одеялком укрыл. Но знаешь, мог бы хоть постучаться ко мне, проверить. А вдруг я сдохла?

– Ты шевелилась. И, когда я снимал с тебя туфли, посоветовала мне засунуть все подарки себе в… неважно, в общем. И я всю ночь не спал, пытаясь придумать что-нибудь…

– Мягкое?

– Полезное. Ты теперь не пойдешь со мной на бал?

– Я не знаю, – вздохнула я, – пойду ли на него вообще. Зашиваюсь с учебой и тренировками. Посмотрим… ой, извини, я на минуточку отойду, ладно? Встретимся за обедом.

Возможно, мне показалось, но я, кажется, слышала голос Кеймана из-за приоткрытых дверей, ведущих в гостиную. Крост действительно там был, обсуждал что-то с магистром Ленардом. А увидев меня, жестом велел ждать. Минут пять я задумчиво рассматривала портрет Сайлера, а потом удостоилась божественного внимания.

– Ну? Что у тебя опять?

– Зачем ты ходил к Бастиану?

– Поговорить.

– О чем?

– О Брине. У нее падает успеваемость.

– Почему ночью?

– Потому что мне так захотелось. Еще вопросы?

– Акорион прислал мне посылку. Платье для бала. И записку с советом найти себе пару. Я так и не поняла: он не хочет, чтобы я пошла одна, или хочет?

– Он сам, думаю, не очень понимает. Он просто играет, Деллин, как кот с мышкой. Лапой ее туда-сюда – и ловит.

– Значит, мне вообще не стоит идти? Подвергать Габриэла опасности?

– Габриэл – взрослый мальчик. Его отец предупрежден, что охота за детьми всех влиятельных магов Штормхолда рано или поздно начнется. Акорион не всемогущ. Сейчас он маг. Да, сильный, да, хитрый, но пока что не всемогущий. А еще он найдет тысячу поводов, чтобы убивать. Придешь ты с кем-то на бал, не придешь, Акорион все равно придумает, на кого напасть и кого запугать. Вестись на провокации… ты не можешь играть с ним бесконечно, потому что он будет заходить все дальше и дальше.

– У тебя все так просто.

– А что делать? Тебя нельзя запереть в подвале, хотя я бы голосовал за этот вариант. Не подводи саму себя к безумию. Акорион – та еще мерзость, но управлять твоей жизнью – слишком жирная привилегия для него.

– Еще вопрос.

Кейман тяжело вздохнул и с тоской посмотрел куда-то в сторону преподавательского корпуса. Наверное, там сейчас тоже сервировали завтрак.

– Почему ты выбрал заведомо проигрышную тему? Ты же знал, что слушать страшилки про смертельные артефакты будут

охотнее, чем лекцию о колдовских дубах. И позволил мне выиграть. Зачем?

– Встречный вопрос, адептка Шторм. Почему вы считаете, что преподаватель – это тот человек, который разжует вам все, положит в рот и подскажет, как проглотить?

– В каком смысле?

– Думай, Шторм, думай. Если ты не научишься определять мотивы действий окружающих и просчитывать их цели, то единственный способ для тебя выжить в Штормхолде – это выйти удачно замуж. А судя по месту, где мы с тобой вчера пересеклись, это тебе не светит.

– Да что ты все время издеваешься-то!

Я топнула ногой и показательно надулась. Две первокурсницы, выскочившие из жилого крыла, с интересом на меня взглянули.

– А чтоб вам жизнь усложнить. Давай, детка, вводные у тебя есть. Ответ на твой вопрос лежит на поверхности, достаточно включить голову. Не забудь про занятия по контролю за снами. В конце недели я тебя жду.

А уж я-то как жду. И это даже без сарказма: посмотреть еще пару историй из жизни Таары я бы не отказалась. Уж очень знания о ней оказывались полезными.

Не всегда приятными, порой пугающими, какими-то одновременно своими и чужими, но зато после них Кейман превращался в человека и даже что-то рассказывал. Эти воспоминания перемалывали мне душу, зато выковыривали Кроста из раковины. Не знаю, правда, почему меня это радовало.

Брина и Аннабет уже сидели за столиком в столовой. Когда я вошла, что-то напрягло, но что именно – я сообразила не сразу. Когда села и пододвинула к себе пузатый глиняный чайничек с ягодным отваром, Брина лукаво стрельнула в меня глазками и мурчащим голосом поинтересовалась:

– Тебя можно поздравить?

– С тем, что не грохнулась в обморок на глазах у половины школы? Да мне медаль дать надо!

– Да кому интересны ваши медали? Вот!

С этими словами она извлекла из-под стола… штормграм.

– Ты что, и себе купила?

– Ну да. Они у многих есть. Ты посмотри, кто здесь!

Чай попал не в то горло, и я закашлялась. Картинка на «экране» штормграма изображала меня. Сонную, взъерошенную, босиком идущую по коридору – туфли я сняла, когда поняла, что слишком натерла ногу.

– Ну? И с кем адептка Деллин Шторм провела ночь? С

Габриэлом сложилось?

– Нет!

– С Бастианом?! – слегка обиженно ахнула Аннабет, вероятно от того, что узнала новость не первой.

– Нет!

– Что, с директором? – поморщилась Брина.

– Да хватит вам! Я просто уснула. Не спала всю ночь перед лекцией и отрубилась, пока парни праздновали. Потом они пошли бухать в часовню, а я доспала и отправилась к себе. Кстати, Брина, намекни брату, что однажды Кросту надоедят их пьянки в святилище.

– Богу? Или директору?

– Да обоим! Откуда в штормграмах появилось мое изображение? Кто снимал?

– Не знаю. Но с утра это увидели все.

Вот теперь я поняла, что именно смутило в столовой! Не было ни одного столика без штормграма. Небольшие пластинки с резервуарами краски были, конечно, не у всех, но уже у очень многих. И сейчас столовая Школы Темных ничем не отличалась от столовой какого-нибудь универа: сонные студенты уныло жуют блинчики и пялятся в планшеты.

– Мама дорогая… Кейман меня убьет.

– Да он тебя уже раз десять должен был убить, – отмахнулась Брина.

– Лучше думай о Яспере, – добавила Аннабет. – Мы видели ее с утра. Первым, кто на нее наткнется, можно уже заказывать место на кладбище.

– Все. – Я отодвинула тарелку с блинчиками. – Вы мне окончательно испортили аппетит. У меня пара после тренировки.

– Ну, извини. – Брина пожала плечами. – Зато я впервые рада, что брат не позвал меня к себе в команду. Хоть Ванджерия ничего у нас и не ведет, не хотела бы я даже попадаться ей в коридорах. Хотя признаюсь честно: в Школе Огня было скучнее.

– Ладно. – Я поднялась. – Пойду на экзекуцию. Отпрошусь с тренировки пораньше, чтобы принять душ и явить приличный вид перед магистром. Ну и надеяться, что мне хотя бы дадут попрощаться…

Честное слово, в такие моменты Яспера мне кажется страшнее Акориона, Уотерторна и Бастиана вместе взятых.

Попрощаться не дали никому. Яспера распахнула двери аудитории с такой силой, что они едва не двинули ей же по носу, отскочив от косяка. Мы подпрыгнули, Корви уронил штормграм и смачно выматерился. Удивительно, но ему за это даже не прилетело. Зато магистр Ванджерия громко и с мстительным

удовольствием сообщила:

– Зачет!

– Всем? – робко высказал кто-то надежду.

– Маловероятно. Достаем листы и убираем с парты конспекты и учебники. Двадцать минут пишем, потом отвечаем устно. Начали! Вопросы…

Магистр взмахнула рукой.

– Перед вами.

Пиши – не пиши, а все равно меня ждет неприятная защита билета, больше напоминающая допрос. Однако я честно старалась вспомнить все, что учила накануне, и даже сумела написать более-менее аккуратно. За лето я вывела идеальную формулу работы: быстро записываю все мысли на древнем языке, включив «внутреннюю богиню» (боги, когда я читала ту книгу, я представляла себе в качестве внутренней богини мультяшную смешную девицу, а не кровожадную психопатку со страстью к странным связям). А потом, бросив все силы на почерк и борьбу с дисграфией, переписываю нужную информацию. За двадцать минут я бы не успела, если бы Яспера не оставила самый лакомый кусочек напоследок. Один за другим мои однокурсники уходили – кто-то с печальной парой в журнале, кто-то со спасительной тройкой. Когда за Корви закрылась дверь, я, вздохнув, пошла к кафедре – сдаваться.

Мы словно играли в какую-то странную игру, делали вид, что все в порядке и обжигающей ревности между нами не существует.

– Нестабильность темной магии классифицируется по нескольким признакам, среди которых…

Яспера сидела откинувшись на спинку стула, смотрела в одну точку, словно меня здесь и не было.

– Нестабильность темной магии, в отличие от магии стихий, способна к спонтанным деструктивным проявлениям, и поэтому…

– Знаешь, почему меня передергивает, когда я слышу твое имя? – вдруг спросила магистр Ванджерия.

От неожиданности я подавилась концом предложения и прикусила язык.

– Потому что мир без тебя был бы в тысячу раз светлее. Потому что существо, которое создало самых мерзких тварей, живет лишь тобой. И, наконец, потому что ты портишь все, к чему прикасаешься. Каждую секунду своего существования.

– Я не просила быть тем, кем являюсь.

– Никто не просит. Только кто-то спасает мир, а кто-то создает тварей из бездны…

– Я – не она.

– Это тебе Кейман сказал? Пытается выдать желаемое за

действительное?

– Пытается не гнобить собственную студентку за то, чего она не делала.

– Я имею право тебя ненавидеть. Ты создала мир, в котором мне нет места. Ты создала тех, кто может творить все, что им вздумается, безнаказанно. Ты предала своего бога, и именно ты – причина всего…

Яспера махнула рукой по столу, и билеты разлетелись в воздухе, мягко спланировав на пол.

– Этого. Очень иронично: ты читаешь про нестабильность темной магии и даже не способна предположить, что эта нестабильность – результат твоей же безумной, рвущейся наружу сущности. Кейману стоило уничтожить тебя… И знаешь, мне кажется, он почти решился на это. На твое счастье, Крост не превратился в такую же тварь, как ты.

– Все сказала? – холодно поинтересовалась я.

– Нет, но для начала тебе хватит.

– Какое счастье, что Кейман плевать хотел на твое мнение.

– Не обольщайся. На твое тоже. Кейман не допустит возвращения Таары. Ты – его любимая игрушечка ровно до тех пор, пока нет риска снова превратиться в безумную. Но если дашь хоть намек… хоть один всплеск магии, не вписывающейся в образ адептки-сиротки, хоть один стоящий взрыв… уничтожить тебя сейчас будет проще и безопаснее, чем повторить то, что он однажды сделал.

– Как жаль, – я поднялась, – что тебя не позовут на крутую вечеринку.

– Как жаль, что скоро Кейман узнает, как ты трахаешься с половиной школы, и перестанет смотреть на тебя влюбленными глазами.

Яспера поддела длинным красным ногтем уголок штормграма на своем столе. Там все еще красовалось мое изображение в коридоре со спальнями парней-огневиков.

И я не придумала, что на это ответить. Но злость обжигала почти так же, как магия, а обида на несправедливые обвинения начисто стерла все существующие границы.

– Да пошла ты. Туда, откуда тебя вытащили.

Грохот открывшихся дверей совпал со звонком. Я, едва ли не распихивая вывалившихся в коридор адептов, стремглав понеслась куда глаза глядят. По дороге мне встретился Бастиан, и, не успел огневик открыть рот, я рявкнула:

– Бесишь!

– Да я просто иду! – возмутился он.

А я просто живу. Но за это меня почему-то все ненавидят.

Однажды он взял Ясперу на Землю, и ее поразил тот мир. Она сочла прекрасной природу летнего Крита, восхитилась полетом над Альпами и оценила величие закатной Праги. Она, захлебываясь восторгом, говорила о Земле несколько недель по возвращении, а он не решался рассказать ей о темной стороне соседнего мира.

Яспера не видела в Штормхолде ничего, кроме боли и грязи, а на Земле – только красоту и удовольствие. Это казалось Кейману справедливым. Если бы он не создал Таару, не превратил ее в то, чем она стала, вряд ли спустя много веков юная девушка попалась бы в лапы демону.

– Занят?

Король, как всегда, без стука.

– Нет, занимаюсь письмами родителей.

– Серьезно? – Сайлер усмехается. – Ты занимаешься делами школы? И на это ты променял абсолютную вседозволенность должности советника? Возиться с капризными богатенькими магами?

– Да. Именно так, Сайлер.

– Зачем? Я не понимаю. С твоими возможностями… с твоей властью – возиться со школьниками?

– Она вернется, Сайлер. Точнее, нам придется ее вернуть. И мне нужно не допустить прошлых ошибок.

– Ты тренируешься? – На лице короля появляется удивление. – Тренируешься быть… учителем? Опекуном?

– Я осваиваю новые горизонты.

– Если хочешь мое мнение, то угроза слишком призрачна. Реинкарнации случаются, в большинстве случаев у души и десятой части силы своих предков нет. Так уж бывает, мы слабее предков, слабее богов. И новое воплощение богини – лишь девочка. А тебе, раз уж ты все же хочешь остаться среди нас, стоит… не знаю, перестать жить прошлыми веками. Оглянуться вокруг… обратить внимание на ту девушку, как ее? Что ты подобрал.

– Ясперу?

– Она, кажется, в тебя влюблена.

– Она влюблена в жизнь без боли. Я – лишь ее олицетворение.

– Но девушка прелестная.

– Она тоже плод моих ошибок. Если бы не Таара, не ее ритуалы, Яспера бы не столкнулась с тем демоном.

– Не напоминай про демонов, – ворчит Сайлер. – Если мы не подпишем пакт, нас ждут годы кровопролитных войн на границе. Я молюсь богам – хоть и теперь знаю, что это бесполезно, – чтобы Ванджерий оказался адекватнее предшественника…

– Кто? – Кейман вскидывает голову.

– Новый архидемон. Ванджерий. Он возглавляет их делегацию…

– Где он?!

– Что…

– Где он?! – Кейман подскакивает на ноги, опрокидывая стул.

– В храме, заседание через час… Да куда ты собрался?!

– Яспера под предлогом встречи с какой-то подружкой отпросилась на сегодня. Надо найти ее до того, как натворит глупостей.

Еще одна ошибка Кеймана Кроста. Он должен был знать, что в город заявится демон, обративший Ясперу. Должен был закрыть ее на тысячи замков, не позволить сделать глупость. Единственный способ хоть как-то отплатить ей: защитить. А он снова погрузился в дела, далекие от тех, кого сам же поставил рядом с собой.

Храм оцеплен, но народ все равно толпится у кордонов стражи, с любопытством пытаясь рассмотреть демонов. Для большинства они – страшилка из рассказов бабушек и дедушек, мифические персонажи детских книг. Что-то далекое, неизведанное, для кого-то – притягательное. Наверное, во всем Флеймгорде только Яспера знает, что на самом деле представляют собой демоны.

Стража расступается, и Кейман перемахивает через ограждение. Случись он на минуту позже, Яспера, наверное, была бы мертва. Процессия, возглавляемая демоном, лишь останавливается, когда с крыши ближайшего дома, словно стремительная черная тень, легко и невесомо прыгает гибкая и смертоносная демоница.

Кейман перехватывает ее в последнюю секунду и отстраненно удивляется: Ванджерий не двигается с места, только смотрит. И холодная улыбка трогает бледные губы. В нем уже давно нет ничего человеческого: вертикальные звериные зрачки, длинные когти, ледяной, без малейшего намека на чувства, взгляд. Он смотрит на них сверху вниз и наверняка чувствует в Кеймане что-то необычное, но вряд ли размышляет над природой таких ощущений.

Все внутри восстает от того, что существо, созданное темными богами, тварь из бездны, открытой Таарой, сейчас чувствует себя спокойно рядом с ним, богом, хозяином жизни и магии. Но в его руках бьется разъяренная девчонка, чья боль толкнула на попытку избавиться от бесконечной власти, которую демон имеет над обращенной жертвой.

– Нет! – Яспера рвется на свободу, внутри у нее бурлит коктейль из необузданного еще зверя и не желающей жить в

темном мире девочки.

– Нельзя!

– Пусти меня! Пусти! Он должен сдохнуть!

– Яспера… очнись, слышишь?!

Стража спешит на помощь, а Ванджерий так и не двигается с места. Ясперу в руках Кеймана трясет, от былой решимости не остается и следа. Это снова тот сжавшийся в комочек зверек, которого он нашел в переулке.

– Хорошо же вы встречаете гостей, – усмехается Ванджерий. – И вы еще надеетесь заключить пакт? Я требую, чтобы эта девушка была наказана за нападение на мою делегацию. Иначе я лично утоплю Штормхолд в крови.

Непросто быть богом. Смертным – еще сложнее.

Глава 7

– Они правда назначили бои на день перед балом?

– Аннабет, задай этот вопрос еще раз, и я тебя убью. – Брина закатила глаза.

– Мне просто кажется это несправедливым. Нам нужно болеть за Деллин на боях, потом праздновать… ну, или утешать проигравших. А на следующий день уже праздник. Нужно подготовиться, сделать прическу, в душ будет километровая очередь!

Брина нарочито скучающе накручивала локон на палец и смотрела в потолок.

– Девчонки, дайте почитать! – взмолилась я. – Скоро зачет по артефакторике. У меня и так времени нет, твой брат устраивает тренировки каждый день.

– Он говорил с вами о шансах?

– Нет, но, судя по недовольной роже, они нулевые. Невозможно за такое время научить профессионально драться тех, кто держит меч по паре часов в неделю.

– Ну так и преподы не фанаты тренировок.

– Крост? Ванджерия? Ленард? Уорд? Ты их видела?

– Ладно, вас спасет только чудо. А тебя – Крост. Директор пообещал вмешаться, если Яспера решит нашинковать тебя на салат?

– Не уверена. Он вызвал нас к себе в кабинет и почти час воспитывал. Пригрозил, что меня отчислит, ее – уволит, потом сказал, что это слишком мягкое наказание для нас обеих, и пообещал договориться с королем, чтобы подыскал нам работу и одно на двоих местечко в королевском изоляторе. С тех пор я не ходила к ней на пары, а она демонстративно игнорирует факт моего существования.

– И что? Ты хочешь дождаться, когда она выставит тебе «неуд» по итогам года и отчислит со счастливой улыбкой?

– Нет, я…

Позаниматься не получится. Девчонки не отстанут, они всецело поглощены предвкушением и обсуждением шоу и последующего за ним бала. Вся школа гудит, шушукается, а преподаватели традиционно делают вид, будто ничего не происходит и всеобщее помешательство – обычное для этого времени года. Так оно, наверное, и есть.

– Я не знаю, что будет дальше. Яспера меня ненавидит и с ненавистью бороться не может. Я не хочу ее раздражать и лишний раз напоминать… ну, в общем, лишний раз доставлять ей

негативные эмоции. Но не видеться мы не можем, ее предмет до третьего курса. Кейм… Магистр Крост эту проблему будто бы не видит, словно мы всего лишь поссорились из-за оценки за экзамен, а еще ему стоит уже объяснить Яспере…

Аннабет перестала жевать, а Брина испуганно закусила губу.

– … что я не ставлю себе цель ее достать и что ревность здесь совершенно неуместна, потому что между мной и опекуном ничего не было, нет и быть не может. Он что, сейчас за моей спиной, и вы поэтому так смотрите?

– Верно, адептка Шторм. Я за вашей спиной. Можно вас на секунду? Ди Файр, Фейн, вы не возражаете?

Брина флегматично пожала плечами и задумчиво уставилась в окно. Она на бал не собиралась вовсе, Бастиан так и не пошел на уступки и не разрешил ей идти с кем вздумается. А может, она и не просила: каждый раз, когда мы пытались об этом поговорить, Брина уходила в себя.

– Как ты спишь? – спросил Кейман.

Я, честно признаться, ожидала взбучки или напоминания, что на пары надо ходить, но никак не участливую заботу о здоровье.

– Нормально, когда использую зелье. Хотя мне порой кажется, Акорион забыл о моем существовании. Или чего-то ждет…

– По моим данным, он сейчас ищет способ вернуть себе силы. Не до личной жизни. Но это хорошо, отдохни пока от него. Нам придется снова перенести занятие по контролю за снами. Я не успеваю, до бала нужно сделать много вещей.

Новость об этом не удивила. Кейман перенес уже два занятия, и я давно перестала надеяться, что смогу побороть вторжения Акориона в собственную голову. Зелье так зелье. Чуть больше обычного доза – и я сплю как убитая.

– Это же не потому, что я вижу во снах прошлое Таары? – спросила я.

Кейман удивленно моргнул.

– Что? Ты думаешь, я боюсь, что к тебе вернется память?

– Мне приходила такая мысль.

– Нет, я не боюсь того, что ты узнаешь все секреты моего прошлого. Но у меня действительно есть работа. Школа сама себя не организует и не поддержит.

– Но ты же бог. Неужели у тебя нет власти над временем? Перенесся в прошлое и доделал быстренько все дела.

– Если бы была, – Крост хмыкнул, – я бы переместился к началу твоего разговора и послушал его весь. Ну… чтобы четче уяснить, о чем я должен предупредить Ясперу и кому что нужно объяснить.

Я залилась краской с ног до головы, но упрямо вздернула подбородок и посмотрела в темные глаза, где плясали искорки веселья. Смешно ему?!

– И так скажу. Объясни Яспере, что я лично не виновата в ее трагедиях. И что между нами ничего нет. Она ревнует, она тебя любит, я стою у нее на пути. Мне что, всю учебу ее пары пропускать?!

– С нового блока я решу эту проблему. Постарайся избегать открытого конфликта.

– Давай я тебе напомню: через пару дней у нас состоится магический бой. С открытым конфликтом.

– Я пытался решить этот вопрос, но ди Файр уперся и не хочет отдавать тебя другому противнику. Не волнуйся, Яспера не ослушается меня на глазах у всей школы. Бой будет честным.

«И быстрым», – додумала я конец фразы.

– Ты что, не можешь по-директорски надавить?

– Могу, но тогда никакого смысла в этом соревновании не будет. Кстати, после Бала Огня обычно выходит коллекция Найтингрин. Есть что-то, из-за чего мне надо… мм-м… поволноваться?

– Нет, – поспешно ответила я.

Пожалуй, слишком поспешно.

– Серьезно. Я не позировала в образе Таары.

– Что-то мне подсказывает, что надо задать какой-то наводящий вопрос, но я слишком плаваю в вопросах моды и не могу его сформулировать. Так в каком образе ты на ее рекламе?

– По контракту я не могу разглашать детали о коллекции.

– Даже богу?

– Вот когда научишься перемещаться во времени, слетаешь на Силбрис и посмотришь. А пока не могу не то что богу, даже директору. Прости.

– Тогда не ной, когда увижу плакаты. Ты не дала мне шанса подготовиться.

И тут я крепко задумалась, но Кейман не дал шансов пойти на попятную.

– Ты решила с балом? Идешь?

– Почему твои вопросы сложнее, чем вопросы экзаменов? Я не знаю. Мне страшно за Габриэла, за себя, за остальных. Я очень хочу потанцевать, повеселиться и побыть принцессой в твоем платье… но не хочу потом платить за это чужими жизнями. И не хочу идти в порно-платье Акориона.

Взгляд Кеймана потеплел. В такие минуты я вспоминала маму и проникалась к опекуну особенно теплыми чувствами. Иногда он не только воспитывал. Иногда рядом было спокойно и

тепло. Жаль, что не так часто, как хотелось бы.

– Иди на бал. Акорион ничего не узнает. Я тебе обещаю.

– А если узнает? – Я закусила губу.

– Не узнает, если сама не проболтаешься. Постоянно скрывать тебя от него я не смогу, но… один вечер твой. Правда, придется поработать и тебе.

– Как? Что нужно сделать?

– Грозу, – легко и просто ответил Кейман.

– Что?

– Грозу. А лучше шторм. Чтоб сараи в ближайшей деревне посносило.

– А я… не умею…

Крост мигом превратился из заботливого опекуна в привычного саркастичного директора.

– Да, давай, рассказывай мне сказки о том, что бедная несчастная адептка ничего не умеет, ни в чем не виновата, и вообще я ей завтракать мешаю.

– Мешаешь, – улыбнулась я. – И учить артефакторику.

– Боги, да меня посадить мало.

– К кому ты все время обращаешься?

– Привычка.

Тут мимо нас пронесся какой-то первокурсник, снес стул и едва не сбил с ног девчонку, которая пыталась по-тихому вынести полную салфетку кексов.

– Айвен! – рыкнул Кейман. – Что надо сказать?

– Приятного аппетита! – бодро отрапортовал побледневший паренек.

– Мда. Адептка Крисс, еду из столовой выносить запрещено. Айвен, бегать – тоже, сбивать людей тем более. Адептке – вернуть еду, адепту – извиниться перед адепткой, адептке Шторм…

– Я ничего не делала!

– Вот начни уже что-нибудь, у тебя плотный график. Хотя погоди…

Крост покосился на Брину с Аннабет и легким кивком головы показал мне на выход. Становилось все интереснее и интереснее. Секреты? Сплетни?

– Что происходит с Бриной ди Файр? – спросил Кейман, когда мне оказались одни в коридоре. – Она почти перестала учиться, спит на парах, ни демона не соображает, бледная. Мне нужно о чем-то знать?

– Возможно, но с нами Брина не делится. У нее проблемы с братом. Бастиан превратился в мини-версию своего отца и разводит тиранию. Брина обижена и расстроена.

– Ты не можешь повлиять на ситуацию? Я, конечно, могу идти

на уступки, но не до бесконечности же. Она вылетит из школы, и поводов для обид у нее появится намного больше.

– Бастиан не будет со мной говорить. Я пыталась, и не раз. Чтобы он позволил Брине идти на бал, с кем она хочет, чтобы не ставил меня против Ясперы, чтобы перестал со всеми воевать. Но это же Бастиан. Полгода в образе привидения не сделали его приятнее, хоть я на это и надеялась.

– Ох, дети, дети. – Кейман с досадой покачал головой. – И за что вы на меня свалились?

– За преступления против педагогики.

– Ты знаешь, что превратилась в язву? Не забудь про ураган в вечер бала.

– Я не метеобюро, я не могу управлять этими штуками.

– Можешь. Ты все можешь. Только тебе большую часть нельзя.

Зато мне можно пойти на бал. Только понять бы, как вызвать этот самый шторм и почему, несмотря на разрешение, радость ощущается как-то очень отдаленно, словно я ждала совсем не этого.

Возвращаясь за столик, я заметила то, о чем говорил Кейман: Брина была бледная, осунувшаяся и уставшая. Косметика и фирменный лоск ди Файров хорошо скрывали следы стресса, но я провела с сестрой Бастиана достаточно времени, чтобы разница стала видна. Как бы так извернуться и помочь ей, достучаться до ди Файра, вложить в его белобрысую голову мысль о прекращении тирании хотя бы в рамках собственной семьи.

Внутренний голосок вкрадчиво нашептывал: зачем ты лезешь? Зачем тебе эта семья, она не принесла ничего хорошего. Не плевать ли, что будет с отношениями Бастиана и Брины? Не плевать ли, как он решит ее судьбу? Брина выросла в этих порядках, не слыша ничего о феминизме и прочей ерунде, она злится на брата за неисполненное обещание, а не за вмешательство как таковое.

Но все равно я что-нибудь придумаю. Однажды Бастиан меня услышит… даже если для этого придется снести его сараем из ближайшей деревни.

Бои подкрались незаметно, но, видят боги (хотя не видят, конечно, они все здесь), их я боялась куда меньше публичного выступления. Бастиан неплохо нас натаскал – по крайней мере, надежда продержаться хотя бы минут пять и не слишком позорно продуть жила во всех без исключения членах команды.

На шоу, конечно, сбежалась посмотреть вся школа. Для этого дела на улице установили трибуны со скамейками, а кто-то ушлый тайком продавал глинтвейн в графинчиках из-под тыквенного сока.

– Напоминаю правила, – гаркнул тренер, когда обе команды собрались на поле. – Магия запрещена! Тот, кто использует магию, – проигрывает. Бой идет до первой крови или разоружения противника.

Вингорд несколько нервно покосился на преподов и добавил:

– Лучше до разоружения.

– Мы поняли, – усмехнулся Кейман.

Кажется, ему это действо доставляло особое удовольствие. Или он так жаждал доминировать и унижать, что с утра проснулся в прекрасном настроении? Впрочем, сегодня все преподы выглядели довольно дружелюбно, и только Яспера мрачным видом нарушала идиллию.

– Начинаем с магистра Бергена и адепта Бергена, затем магистр Ленард и адепт Сайзерон, потом магистр Уорд и адепт Марс, магистр Майлз и адепт Кристоф, магистр Ванджерия и адептка Шторм, магистр Крост и адепт ди Файр.

Оставили сладенькое напоследок! Почему нельзя было пустить Кеймана и Бастиана вперед нас с Ясперой? А то я с отбитыми почками и сотрясением мозга не смогу насладиться боем двух полуобнаженных красавцев.

– Не использовать магию… не использовать магию… – бормотала я себе под нос. – Знать бы еще, где эта чакра, да заткнуть ее…

– Пошли, – хмыкнул Бастиан, неведомо как очутившийся за моей спиной. – Я знаю как, тебе понравится.

– Дебил.

– Я? Это твоя подружка, Шторм. – Он кивнул на трибуну, и я залилась краской, ибо Аннабет радостно трясла плакатом «Деллин, вперед!».

– Хорошо, что у нее Яспера ничего не ведет. А то бы отчислила.

– Адепт Берген! – крикнул тренер. – Магистр Берген! Просим на поле боя!

Адепты зашумели, приветствуя Бергенов. Они вытащили мечи и приготовились. Затаив дыхание, мы ждали сигнала, и, когда он прозвучал, а мечи с оглушительным грохотом встретились, вздрогнули от неожиданности.

Бой был быстрым и больше напоминал постановочный. Вот Берген-младший идет в атаку, которую магистр с легкостью отбивает, вот его отец делает пару неубедительных попыток атаковать, сбивает сына с ног. Берген чудом удержал меч, вскочил на ноги – и танком попер на отца с новыми силами. Я украдкой взглянула на Бастиана: он улыбался. Перевела взгляд на трибуну и поняла, что так радовало ди Файра: Берген-старший

поддавался. У него была отличная физическая форма, а сыну не доставало ни ловкости, ни техники. Но для отца унизить сына проигрышем в бою перед всей школой оказалось непосильной задачей. Когда магистр остался без меча, Кейман закатил глаза, а трибуны взорвались аплодисментами.

Берген-младший подал отцу руку, и тот, ухватившись за нее, поднялся, улыбаясь слегка виновато.

– Один-ноль, – прокомментировал Бастиан.

Ритуал с поданной рукой и улыбками повторился еще дважды: когда Ленард за две минуты разделал «в ноль» Габриэла и когда магистр Майлз не справился с Кристофом. Ничего особенного в этих боях не было, короткие и не самые зрелищные схватки.

А вот на поединке Уорда и Марса мое сердце не раз испуганно сжалось. Огневик не выглядел хилым интеллектуалом, он явно уделял куда больше внимания физподготовке, чем зубрежке, но даже тренированный старшекурсник не мог тягаться с магистром Уордом. Так остервенело, пожалуй, не в каждой драке бьют.

– Да он как будто не за очко для команды бьется, а за собственное, – язвительно процедил Бастиан.

– Ты можешь не выражаться?

– А ты считаешь, нет повода?

В этот момент Уорд взмахнул мечом, оставив на груди Марса длинную царапину, мгновенно покрывшуюся выступившими капельками крови. Сквозь стиснутые зубы у Марса вырвался стон, а меч выпал из ослабевших пальцев.

– Бой окончен! – крикнул Вингорд.

Кейман поднялся.

– Отведите адепта к лекарю, пожалуйста.

– Адептка Шторм и магистр Ванджерия, приглашаем на поле боя!

Появилось отчетливое желание развернуться и сбежать, особенно при виде крови Марса на траве.

– А если мне снесут голову, это будет считаться первой кровью или последней?

– Иди давай! – Бастиан подпихнул меня в направлении поля.

Позориться перед всей школой не хотелось, поэтому я сделала то же, что и обычно: приняла равнодушный вид и притворилась, что мне совсем не страшно и не обидно проиграть. Ноги стали ватными, ладони вспотели, но вслед за Ясперой я сбросила куртку, оставшись в тренировочной рубашке, взялась за холодную рукоять меча и встала в стартовую позицию, как учили на тренировках.

Многие из адептов тренировались на мечах с детства. Для них это было что-то вроде нашего волейбола: развлечение для улицы, игра для урока физры, пляжная забава. Бастиан, Габриэл, Берген – они все научились держать меч раньше, чем я – ложку.

А что можно выучить за пару месяцев? Несколько стоек, выпадов, ну и приноровиться к тяжести меча в руке.

Вингорд взмахнул рукой. Я старалась не смотреть в колдовские глаза демоницы и не думать о том, что ее ненависть сейчас можно было пощупать. Никто не ждет от меня победы, задача-максимум – не облажаться в первую минуту.

– Начали!

В слабом дневном свете блеснули клинки. Яспера была в своей стихии, получала наслаждение от взмахов меча, от звонких ударов. Мне удалось парировать несколько первых, увернуться от третьего и даже попытаться атаковать. На моей стороне была только маневренность: я могла уклониться даже там, где Яспера не оставляла мне шансов. Ну и, думается, если бы над ней не висел запрет на убийство адептки, мне было бы сложнее.

От сильных ударов, отдающихся в руку, запястье неприятно ныло. Пальцы, сжимающие рукоять, онемели. Все внимание было приковано к Яспере, я следила за каждым, даже самым мимолетным, движением. Встречала удары, отступая к самому краю поля.

Демоница, казалось, не знала усталости, а вот я выдохлась за пару минут. Пропустила удар, чудом увернувшись. Волосы выбились из пучка и упали на лицо. Наверное, я оказалась слишком близко к Яспере, потому что в следующий момент она с силой ударила меня в грудь ногой. Это было не запрещено правилами, но на моей памяти такими приемами пользовались только парни в спарринге. Девчонок обычно жалели, и уж точно никто, даже Уорд в поединке с Марсом, не переходил на примитивную драку.

Я не удержалась на ногах, больно упала на спину и выругалась, стиснув зубы. В позвоночник словно воткнули раскаленную вилку. На лице Ванджерии промелькнуло торжествующее выражение, но тут же исчезло: я чудом удержала меч и не позволила ему коснуться земли.

– Хочешь поиграть, Деллин? – Яспера улыбалась так, как улыбалась лиса перед тем, как сожрать колобка.

Из легких выбили весь воздух. Дышать получалось через раз. Наверняка будет хороший синяк.

– Ты долго этого ждала, – просипела я.

– О, поединок с тобой был единственным условием моего участия в этом балагане.

Наверное, на моем лице что-то отразилось, потому что глаза демоницы опасно блеснули. Соблазн посмотреть на Кеймана был невероятно огромный, но разборки с этой скотиной я решила оставить напоследок. Если выживу.

Острие меча оказалось перед моим лицом.

– Бросай меч, – скомандовала Яспера. – Слышала, что сказал тренер? Или первая кровь, или разоружение… будет обидно оставить тебе шрам на милой мордахе. Бросай.

Разжать пальцы. Просто ослабить хватку – и бой окончен, преподы торжествуют и празднуют победу, Аннабет не придется страдать от последствий бурного празднования. Разжать пальцы – и эта стерва уберет от меня свой меч и удовлетворится наконец победой.

Просто взять и сдаться на глазах у всей школы. Сдаться более сильному противнику. Простое решение, принять которое придется.

– Твоя проблема, Таара, что ты боишься бить в полную силу. Отбрось чувства, забудь, что я твой брат. Разбуди в себе ярость к противнику – тогда ты победишь.

Акорион улыбается и протягивает мне руку. Задница ноет от жесткого приземления, а меч вообще валяется где-то в стороне.

– Ну же, детка, ты ведь все умеешь. Мы сто раз тренировались, давай, покажи, на что способна. Представь, что я – то, что ты ненавидишь, найди в себе злость.

Я снова вскидываю меч, когда Акорион идет в атаку. Как послушная ученица, стараюсь отыскать в глубинах души эту ярость, о которой он говорит, но там только досада. Я не воин, можно потратить годы, как это сделал брат, и обучить меня всем премудростям поединков, но для настоящего боя внутри должен гореть особый огонь. А у меня, кажется, даже угольки не тлеют.

В очередной раз ловкая подсечка сбивает меня с ног. В грудь упирается острие меча, а брат, глядя сверху вниз, укоризненно качает головой.

– Ты не стараешься, Таара. Ты проигрываешь бой еще не взяв меч в руки. Я же вижу по глазам. Все думаешь, какой я умелый и насколько бесполезно тебе со мной тягаться. Нельзя сдаваться. Ты не способна на это. Ты сильнее, чем те, кто бросают мечи в надежде на пощаду.

Я смотрю на ступеньки замка за спину Акориона и вижу Кроста. Муж стоит облокотившись на перила, задумчиво смотрит за нашей тренировкой. Иссиня-черные волосы собраны в тугую косу. Пожалуй, сейчас он особенно красив, но я вдруг с удивлением чувствую, как что-то в груди обжигает.

Его не было столько времени!

Воспоминания о брачном ритуале и первой ночи после него накатывают, как штормовые волны на песчаный берег. Он просто исчез наутро… я проснулась в новой комнате, которая должна была стать семейной, в одиночестве, а он исчез, наказывая меня за слабость, за нежелание этой проклятой свадьбы!

В ярости я отпихиваю меч брата рукой и вскакиваю на ноги.

С лица Ясперы сошла самодовольная усмешка, а в глазах появился опасный блеск.

– Хочешь играть дальше?

Я смотрела на демоницу и видела попеременно то ее, то Акориона, не понимая, где реальность смешивается с чужими воспоминаниями. Телом сейчас управляла не совсем я, оно словно знало больше, чем разум. Мой меч встречал удары Ясперы, наносил ответные, а я двигалась так, словно за плечами тысячи боев.

И в душе полыхала ярость, не имеющая ничего общего с реальными чувствами Деллин Шторм. Душа Таары, ее воспоминания и эмоции отравляли меня, превращали – пусть даже на те несколько минут, что длился бой, – в темную богиню.

На глазах появляются слезы не то злости, не то обиды. Акорион говорил, бой – это танец, но на самом деле он больше напоминает занятие любовью. Когда нет времени на размышления, есть только двое – и мир, который принадлежит этим двоим. Когда каждая эмоция играет или за, или против тебя. Когда тело само знает, как двигаться, а внутри с каждой минутой разгорается пламя, грозящее вот-вот вырваться на свободу.

И непонятно, что чувствуют по отношению друг к другу противники. Они думают, что ненависть, но порой кажется, что нет любви сильнее, чем между теми, кто бьется насмерть.

Я наношу удар за ударом, уворачиваюсь от ударов брата и остервенело сражаюсь не столько за победу, сколько с собственными демонами: обидой, злостью, желанием показать наконец Кросту, что несмышленая девочка, которую он назвал женой, уже выросла и достойна его.

Еще чуть-чуть, и, кажется, я превращусь в темный огонь, который дотла сожжет опостылевший замок и демонов лес.

Яспера была в тысячу раз сильнее адептки Деллин Шторм, но в миллион раз слабее богини смерти Таары. И мне кажется, что-то такое демоница увидела в моих глазах в один миг, когда мечи скрестились над нашими головами, а противный лязг металла

совпал с далеким раскатом грома.

Развернувшись, я ударила ее по ногам, повалив на землю. Трибуны взорвались криками, улюлюканьем и свистом.

– Да! – расхохотался брат. – Вот теперь это моя девочка.

А я все не свожу глаз с Кроста, жаждая найти в его взгляде ответы на бесчисленные вопросы.

Убираю меч от горла Акориона и бросаю на землю. Брат поднимается и сгребает меня в объятия. Он совершенно счастлив, как только может быть счастлив мастер, которого только что превзошел ученик.

Хотя не так… победил. Вряд ли превзошел.

– Ну, как ощущения?

Я осторожно улыбаюсь. Сердце постепенно сбавляет темп.

– Как будто снова появились крылья…

Я смотрела на Ясперу, лежащую на земле, и чувствовала, как подкашиваются колени. Все мое существо было подчинено контролю над магией, чтобы она не вырвалась на волю, как это уже бывало на тренировках, и, кажется, я слегка перестаралась. Если тьма не может проявиться внешне, она будет разрушать тебя изнутри.

Меч Ясперы валялся рядом с ней на траве, а Вингорд уже показывал трибунам жест, означающий конец боя. Выбросив свое оружие, я протянула демонице руку. И мне даже показалось, что Яспера примет помощь, поднимется и натянуто улыбнется, а я вернусь к своим и получу снисходительное одобрение Бастиана и укоряющий взгляд Кеймана за то, что снова не сдержалась.

Но демоница снова удивила. В мощном прыжке она сбила меня с ног, и мы не очень дружным, но очень матерящимся комком покатились по траве.

Кажется, мы даже успели отвесить друг другу парочку хороших пощечин, когда подоспели Вингорд, Кейман и Бастиан. Последний почему-то схватился за Ясперу, а Кейман оттащил меня.

– Все, девочки, хватит, рукопашной в правилах не было! – рявкнул Кейман.

Но мы уже и сами не рвались в новую драку. Порыв сошел на нет. Яспера приглаживала волосы, в которые я вцепилась, а я вытирала с губы кровь.

– Что будем делать, господин директор? – растерянно взглянул на Кеймана тренер. – Обнулим счет боя?

– Нет. Они больше не будут. Это была… мм-м… минутная слабость. Сейчас девушки извинятся друг перед другом и

разойдутся, верно?

Эта фраза прозвучала таким тоном, что ослушаться ни у кого не возникло мысли. Мы с Ясперой хором пробормотали извинения, под пристальными взглядами пожали друг другу руки, и явно выдохнувший с облегчением Вингорд объявил:

– Победа за адепткой Шторм!

Никогда мне еще так не хлопали. Даже когда я вылила на Бастиана стакан апельсинового сока.

– На поле боя приглашаются магистр Крост и адепт ди Файр… гм… да… вы уже здесь. Что ж, прошу!

Первый удар прозвучал, когда я села на скамейку. После поединка меня все еще потряхивало, а два жестких падения отдавались болью во всем теле. Но даже занятая страданиями по синякам и ссадинам, я не могла не восхититься красотой настоящего боя.

Это было так, словно тьма и пламя вступили в противостояние. Бог стихий, в руках которого обычный меч превращался в смертоносное оружие, совершенно спокойный и холодный. И огненный король, такой же, как пламя: стремительный, безжалостный.

Оба удивительно красивы. Оба знали свое дело на отлично. Оба стремились победить, и никто не хотел уступать. Только сейчас, глядя на то, как бьются Бастиан и Кейман, я поняла, о чем говорил Акорион в видениях. Бастиан не выходил с мыслью о том, что Крост сильнее. Он знал, что перед ним бог, но при этом все равно собирался побеждать.

Я вдруг охнула, почувствовав, как неожиданной болью пронзило все тело. Мой вскрик совпал с очередным ударом мечей и остался незамеченным, но новый спазм почти лишил сознания. От боли потемнело в глазах.

Черт. Неужели я слишком сильно ушиблась?

Голова закружилась так, будто я залпом выпила всю бутылку игристого. Пробираясь к выходу с трибун, я едва разбирала дорогу, а когда оказалась вдали от поля, что было сил рванула к школе. Вряд ли я понимала, куда именно несусь: к лекарю или к себе, просто каждый взрыв криков и улюлюканья рождал новую волну боли, теперь уже в голове. К тому моменту, когда я вошла в замок, сил почти не осталось. Я опустилась на пол у подножия лестницы, откинувшись на перила и тяжело дыша.

По венам словно пустили кислоту. Каждая клеточка тела горела, я расчесывала руки, пытаясь добраться до источника боли, граничащей с зудом, но только оставляла на коже набухшие красные следы от ногтей. Из груди вырвался сдавленный отчаянный стон.

– Стой! – услышала чей-то голос.

Перед глазами все плыло, но сквозь кроваво-красное марево я различила Бастиана, опустившегося рядом со мной на колени. Нет… черт, этого не может быть, он там, на поле боя. Это – очередной кошмар, иллюзия воспаленного мозга, измученного снами темного бога.

Я попыталась отползти от него, но кошмар оказался на удивление сильным. Пальцы огневика сомкнулись у меня на лодыжке.

– Стой, я сказал!

Из последних сил я рвалась и брыкалась, как бешеная кошка, но силы были слишком неравны, а еще оставшихся капелек самообладания лишала боль. Слезы уже не подкатывали к горлу, они пролились на щеки. Меня трясло, как при лихорадке.

– Ну, тихо, тихо… сейчас пройдет. Деллин, не брыкайся… сейчас все пройдет. Ничего страшного не происходит.

– Мне больно, – с трудом прохрипела я.

– Знаю. Я знаю. Сейчас все закончится.

Даже если он подразумевал под «все закончится» смерть, то сейчас я была согласна и на нее. Если вдуматься, это такое блаженство: закрыть глаза, провалиться в темноту и не чувствовать больше раздирающей изнутри боли, не задыхаться от обжигающего легкие воздуха.

– Добро пожаловать в мой мир, – пробормотал Бастиан, одной рукой удерживая меня, а второй вытаскивая пробку из какого-то флакончика.

К губам прижалось холодное стекло, а рука ди Файра сжала волосы на затылке, вынуждая запрокинуть голову.

– Пей.

Я попыталась не то протестовать, не то сказать, что выпью сама, но холодное зелье полилось в горло, и я закашлялась. Бастиан выбросил флакон, который со звоном ударился об пол и, кажется, разбился, а затем перехватил меня поудобнее.

– Вот по почкам можно было и не бить, – прошептала я.

– Да я вообще по заднице метил, – фыркнул парень.

– Что за… я…

Мы сидели прямо на холодном полу в холле, но его это никоим образом не волновало. А у меня перед глазами все плыло и качалось.

– Сейчас ты потеряешь сознание, и я отнесу тебя к лекарю. О, к нам идет директор. Значит, он отнесет тебя к лекарю…

– Нет! Я не… я не хочу… не хочу идти с ним!

Из тумана появились руки, и знакомый голос произнес:

– Дай ее мне.

– Нет! – неожиданно даже для самой себя я отпихнула руки и снова попыталась отползти к стене.

Раздалась тихая ругань.

– Ладно. Неси ее в лазарет.

Потом я почувствовала, как меня поднимают с пола. А потом – спасительная темнота и облегчение. Но так как боль за это время успела чуть-чуть ослабнуть, я малодушно понадеялась, что это все же не смерть.

* * *

Над морем встают три спутника, три звезды, три планеты. Таара, Крост и Акорион. По-инопланетному красивые, они не могут находиться так близко, по всем земным законам их просто не может существовать, но все-таки они существуют и мягким светом, который я все еще по инерции называю лунным, освещают пляж.

Где-то вдалеке, словно подражая звездам, мигают светлячки.

Мои волосы перебирает теплая рука, а еще я слышу биение сердца человека, в объятиях которого лежу. Мне хочется обернуться, рассмотреть его лицо, но уверенность, что тогда сон закончится, как никогда велика.

– Ты давно мне не снился.

– Ты не просила.

– Ты сказал, что тебя не существует. Зачем просить о том, что никогда не сбудется?

– Чтобы оно сбылось, конечно.

– Магистр Крост, объясните мне, с каких пор в вашей школе преподаватели калечат студентов?!

Шторка, скрывающая койку, на которой я лежала, от посторонних глаз, распахнулась. Я с трудом сфокусировала взгляд на грузном мужчине с пышными кручеными усами. Отреагировала вяло и сонно:

– Ой.

И натянула одеялко повыше, на всякий случай. Мало ли, сколько там пуговичек на рубашке расстегнулось.

– Где мой сын?!

– Понятия не имею, – усмехнулся Кейман.

– Да что вы за директор такой?!

– Вот именно, господин Марс, директор, а не нянечка. Вашему сыну давно вылечили ранение и отпустили восвояси. Полагаю, адепта Марса можно найти в компании его друзей.

Ищите адепта ди Файра, он порой знает куда больше нянеч… кхм… простите, директора.

– А с ней что? – Мужчина ткнул в меня пальцем.

– Всплеск магии. Не мне вам объяснять, какими они могут быть.

– И все?

В голосе отца Марса явно звучало подозрение. Кейман со вздохом закатил глаза и сдался:

– Еще у нее сломано ребро.

– Что, тоже из-за преподавателя? Вы считаете нормальным, что магистры ранят адептов на… как вы сказали? Тренировочно-показательных поединках? Считаете правильным, что преподаватель сломал девушке ребро?!

– Она же наваляла ей в ответ, – тихо пробормотал Кейман.

– Что?

– Нет-нет, ничего. Господин Марс, пройдемте в мой кабинет. Я налью вам выпить и все объясню. Оставим адептку приходить в себя. О… адепт Сайзерон. Что, у вас тоже ко мне претензии?

Бедный Габриэл застыл перед Кростом, как кролик перед удавом. И зачем-то спрятал за спину небольшой букет цветов.

– Э-э-э… нет, я хотел навестить Деллин.

– Приятное разнообразие, – усмехнулся Кейман. – Прошу.

Габриэл проскользнул в кабинку и тщательно задернул шторки, чтобы скрыть нас от посторонних глаз.

– Это кто?

– Похоже, отец Марса. Разозлился, что сыночку поранили.

– Уорду влетит. Он и правда перегнул палку.

Воцарилась неловкая пауза. Я могла поклясться, что мы сейчас думали об одном и том же: если Уорд палку перегнул, то мы с Ясперой ее сломали и щепки сожгли.

– Вот, – опомнился Габриэл, – это тебе.

– Что случилось, почему я здесь? И сколько? Я пропустила бал?

– Нет, ты проспала всего лишь до вечера. Бал завтра. Но если не поправишься, то никуда не пойдем.

– А чем я болею вообще?

Габриэл замялся и невольно покосился в ту сторону, куда ушли Кейман с отцом Марса. Словно сомневался, можно ли мне что-то рассказывать.

– Поэтому мы здесь, в этой школе. Магия разрушает нас изнутри… когда сила намного больше, чем возможности тела, появляется боль. Стихийникам проще, мы испытываем ее постоянно, учимся глушить и не замечать. А у темных приступы внезапнее, сильнее. Никогда не знаешь, в какой момент тебя

накроет.

– О… когда читаешь об этом в учебнике, не так жутко.

– Больно? Хочешь, я позову лекаря?

Я прислушалась к себе, но и десятой части той боли, что свалила меня в холле, не обнаружила. Ныла спина, вдохи давались с некоторым трудом, но это, полагаю, из-за сломанного ребра. А в остальном я чувствовала себя так, словно пробежала марафон.

– Я в порядке. Очень хочу спать.

– Тогда отдыхай. Я зайду завтра, узнаю, как у тебя дела.

И еще одна неловкая пауза. Габриэл дернулся было в мою сторону, то ли чтобы обнять, то ли чтобы поцеловать, потом вдруг словно о чем-то задумался, замешкался и ободряюще похлопал меня по ноге. Решил, что приставать к болеющей девушке не тактично? Я долго удивленно смотрела ему вслед, пока шторки не перестали колыхаться от ветра.

Наутро ребро почти срослось, зелья лекарки творили чудеса. Я все еще пошатывалась, когда вставала, но настояла, чтобы вернуться к себе в комнату. В родных стенах как-то комфортнее, да и есть что почитать, а здесь можно сдохнуть со скуки! Не просить же Аннабет принести мне книги о Тааре, лишние любопытные взгляды ни к чему.

– Хорошо. Я тебя отпущу. Но только при условии, что ты будешь соблюдать постельный режим еще два дня.

– Но бал!

– Хорошо, – стиснув зубы процедила женщина. – Постельный режим до бала.

– Договорились! – просияла я.

Как нельзя кстати прямо к выписке подоспела Брина. С ее помощью, пока народ завтракал, я добралась до комнаты. Лекарка совершенно напрасно требовала соблюдения покоя: чем дольше я шла, тем меньше кружилась голова и быстрее проходила слабость. В комнате я села на постель, подложив под спину подушки, и пожалела, что отказалась от завтрака. Аппетит проснулся неожиданно.

– Аннабет обещала принести тебе что-нибудь из столовой, – успокоила Брина.

– А ты чего не ешь?

– Проспала.

– Неважно выглядишь. У тебя все нормально?

– Вот спасибо, подружка, за комплимент! – Брина старалась держаться непринужденно, но на самом деле складывалось ощущение, что она спит часа по три в сутки. – Все нормально. Пытаюсь не вылететь из школы и не прибить братца.

– Кстати, как прошел поединок с Кейманом?

– Ты не знаешь? Бастиану засчитали поражение. Он бросил меч и сбежал с поля боя… по правилам это все равно что сдался.

– Но он же пошел помогать мне.

Кстати, интересно, как ди Файр понял, что случилось?

– Правила есть правила.

– Твой брат иногда удивляет… что ж, передай ему спасибо…

– Вот еще! – Брина тряхнула идеальными золотистыми кудряшками. – Я вам что, курьер? На вот, тебе велели передать.

С этими словами она покопалась в сумке и вытащила оттуда небольшую коробку, размером с самый толстенький учебник – артефакторики – и такой же толщины. Только коробка выглядела интереснее, перевязанная красной лентой, интриговала своим наполнением.

– Это что?

– Понятия не имею. Брат сказал, что обещал тебе подарок, если одолеешь Ясперу. Вот подарок. Спасибо скажешь сама, я не голубь, а наследница древнего магического рода, между прочим.

– Ладно, не ворчи, наследница. Скажу.

Вряд ли я кому-нибудь признаюсь, что открывала коробку с любопытством ребенка, обнаружившего под елкой что-то интересное в праздничной обертке. Однако когда ленточка выскользнула из моих пальцев и мягко спланировала на пол, в голову вдруг пришла забавная догадка.

– Итак… сейчас мы увидим чудо…

Я скорчила рожу и поводила над коробкой руками, как гадалки в фильмах водят над хрустальным шаром.

– Внутри – платье!

Сняла крышку с коробки и хихикнула, увидев плотно сложенную красную атласную ткань.

– Блин, жаль, что мы сейчас не на паре по предсказаниям. Мне бы пригодилась внеплановая пятерка.

В конце каждой пары нас заставляли пытаться уловить во всяких вихрях и движениях сил будущее, а через неделю отчитаться о результатах. Максимум, который могла уловить я, – запахи сдобы из столовой в преддверии обеда. Приходилось выдумывать себе двойки по основам магии (что при наличии в преподах Ясперы было почти стопроцентным попаданием), падения на тренировках и прочую муть.

– Красивое, – после недолгой паузы Брина выдала приговор.

Да… красивое. Простое и красивое, длинное, атласное. С асимметричным верхом, оставляющим обнаженным одно плечо, с летящей юбкой. Платье даже на вешалке смотрелось дорого и «по-принцессовски», а уж на фигуре должно было заиграть новыми

красками.

– Хороший модный дом. – Брина со знанием дела оценила визитку, валявшуюся в коробке. – Не Найтингрин, конечно, но тоже очень круто. Они делают всего по пять-шесть платьев одной модели. Принцесса часто выбирает их образы.

– Вот и дарил бы невесте, – пробурчала я.

– Да ладно тебе, красивое же! Бастиан не идет на бал, почему ему нельзя подарить тебе платье? С учетом того, что ты… ну… не всегда можешь себе позволить дорогой наряд.

– А я тебе покажу.

Я поднялась и направилась к шкафу, где уже давно ждали своего часа еще два платья. Нежное кружевное от Кеймана, пошлое кожаное от Акориона. Я вывесила их на дверцу шкафа.

– Вуаля!

– Э-э-э… – Брина растерянно смотрела на мою мини-выставку. – У тебя умер богатый дядюшка и оставил наследство?

Было бы круто, если бы один конкретный дядюшка вдруг помер. Можно даже без наследства. А второй… ну ладно, смерти Кейману я не желаю, но пусть хотя бы ногу сломает, что ли.

И что делать? Если не надену платье Акориона, темный бог обидится и сожжет какую-нибудь деревню. Если не надену платье Бастиана, огненный король обидится и сожрет мне мозг. А если не надену платье Кеймана, то обидится директор школы и поставит «неуд». Может, лучше мне самой ногу сломать?

– И какое ты выберешь?

Жаль, нельзя рассказать Брине о Даркхолде и переплетениях отношений с Кейманом.

– Тебе какое больше нравится?

– Ну… это, – ткнула в платье от Кеймана, – папа покупает для любимой дочурки, не хватает театрального ридикюля в блестючках и косичек. В этом тебя не раз спросят, сколько берешь за ночь. А в этом можно замуж.

– Вот бери и выходи.

– Мне нельзя, – серьезно ответила Брина. – Я не могу выходить замуж в цветах своей стихии. Это традиция. Невеста и жених надевают цветовую гамму друг друга, дабы показать серьезность намерений.

– А, то есть свадьба – это недостаточно серьезно? А если ты решишь выйти за огневика? Голыми пойдете?

– Тогда я буду в белом, а он – в черном. Ну, или наоборот.

– Потрясающе бесполезная информация. У вас как-то куча традиций помешана на цветах. Серьезные намерения? Надену красненькое! Надо поуважать магию огня? Надену красненькое!

– Вот когда учредим праздник темных, будем надевать

черненькое. Кстати…

Она задумчиво покрутилась перед зеркалом.

– Мне идет черное. Давай подумаем над праздником темной магии, а? Оденемся в темные старинные платья…

– Намажем лицо белилами и будем пить кровь, – фыркнула я. – Ты только что почти придумала Хэллоуин.

– А это как?

Аннабет подоспела, как раз когда я начала рассказывать о земных праздниках, и, пока мы ели сэндвичи, девчонки дружно согласились, что нам непременно нужен праздник темной магии. Я мрачно подумала, что нам еще его не хватало, хотя идею приурочить его к первому учебному дню оценила.

Потом Брина с Аннабет ушли. Брина – по каким-то ужасно важным делам, Аннабет – готовиться к балу.

– Жду не дождусь, когда встретимся там! Надеюсь, он пройдет лучше прошлого…

И зачем она это сказала? До момента, как воспоминания с прошлого Бала Огня всплыли в голове, я планировала поспать. А теперь, кажется, вряд ли даже смогу закрыть глаза. Ненавижу это мерзкое волнение! Я очень, очень хочу пойти на бал. Потанцевать, почувствовать себя красивой, послушать музыку, выпить вина. Забыть на пару часов, что где-то внутри сидит отголосок души безумной богини, и побыть студенткой на тусовке рядом с классным парнем. Разве это так много?

Отдохнуть уже не выйдет. Платье не выбрано, до бала шесть часов. На улице хоть и не ясное солнышко, но и не ураган, обещанный Кейману. Как можно наколдовать шторм? Ни в одном учебнике это не описано, на парах ничего подобного нам не читали. Да и странно было бы, если б каждый мало-мальски сильный маг управлял погодой.

Но я все же вышла на балкон, что примыкал к комнате отдыха. Обычно его занимали компании старшекурсников, но сегодня вся школа готовилась к балу и, подозреваю, стояла в очереди в душ, так что я беспрепятственно прошла к белоснежным резным перилам и прикрыла за собой дверь.

Отсюда открывался шикарный вид на долину. Лес, поле для тренировок, горы вдали. За горами, насколько я знала, была бурная река, но в той части дальше леса мы не ходили. Хотя было бы интересно посмотреть на скалы и водопады. Наверное, в похожем месте стоял в свое время замок Кроста и остальных. Что с ним стало?

– Снесли, – ответил голос Кеймана.

Я чуть не свалилась с балкона. Вот бы дворник обрадовался куче костей под окнами!

– Лично сравнял его с землей.

– А здесь что было? – спросила я, вспомнив храм под школой, теперь уже засыпанный.

– Так. Один из замков. Почему ты не в лазарете?

– Сбежала.

– На бал?

– В комнату.

– А я тебя как раз искал. Хотел поинтересоваться, почему ты отбивалась от меня на глазах у всей школы.

У меня даже краснеть сил не осталось, хотя по обрывочным воспоминаниям я и впрямь что-то там кричала про Кеймана.

– Ты мне снова соврал. Сказал, что Бастиан не дает поменять мне противника на боях. Что же вы с Ясперой не обговорили легенду? Она сказала, что бой со мной – условие, которое ты ей гарантировал. Тебе что, нравится надо мной издеваться? А над Ясперой? А над женой тоже нравилось? Ты поэтому уехал сразу после свадьбы, оставив ее с Акорионом? Потому что хотел проучить?

– Так значит, дело не в Яспере.

– Нет, в тебе! Я не знаю, кто ты. Не знаю, друг или враг. Ты защищаешь меня и вроде бы опекаешь, но в то же время порой мне кажется, что изощренно издеваешься. Ты говоришь, что чувства Ясперы к тебе – ее проблема, но при этом спишь с ней. Считаешь ее другом, но позволяешь мучиться от ревности. Закрываешь глаза на то, что конфликт у нас уже вышел из-под контроля! Зачем?! Зачем был этот бой?

– Вам обеим полезно было проиграть, – после недолгой паузы ответил Кейман. – И выпустить пар.

– Она мне ребро сломала!

– А ты как будто лежала и ревела. У нее синяк на…

– На чем? – Я нервно рассмеялась. – Ты уже и синяки успел посмотреть?

– Не передергивай. Яспера наказана за выходку на поединке. Тебя бы тоже следовало… но будем считать, что денек в лазарете – достаточное наказание. Поэтому на бал ты все-таки идешь.

– А Яспера?

– И она идет, – фыркнул Кейман. – У вас свои наказания, у нас – свои. Правда, теперь мне тоже придется, на всякий случай, так что ты должна быть довольна. И я наказан!

– Смешно тебе.

– Тебе тоже рекомендую посмеяться. И заняться грозой, если хочешь безопасно погулять на балу.

– Не понимаю, как гроза поможет спрятать нас с Габриэлом от Акориона.

– Стихия – мощная сила, Деллин. Через шторм силам Акориона сложно пробиться.

– Он просто может подкупить гардеробщика и выяснить, с кем я была.

– У нас нет гардеробщика. И не может. Наутро никто не вспомнит, с кем ты была. Если вы с Сайзероном не проболтаетесь… ну и еще у меня сомнения насчет ди Файра, границы возможностей паршивца после пересадки сердца я так и не выяснил. Так что дело за тобой.

– Я не умею управлять грозой. И раньше думала, что это делаешь ты… ты же бог грозы и стихий! А я должна управлять… не знаю, хаосом?

– Это объясняет твои оценки.

– Вот! Ты опять издеваешься!

– Просто не думал, что ты сдашься в последний момент.

– Да не могу я наколдовать грозу! Не понимаю, с чего начать.

Кейман сделал несколько шагов ко мне, и в этот момент – уж не знаю, по воле великого совпадения или стихийной магии – порыв ветра едва не сбил с ног. Я пошатнулась, но устояла, правда, налетев на Кроста спиной.

– Посмотри на долину, – скомандовал он. – Запомни ее, а затем закрой глаза.

За несколько минут на свежем воздухе пальцы онемели от холода, поэтому я вздрогнула, когда слишком горячие ладони скользнули по рукам и обвили запястья. Кейман положил мои руки на перила балкона и заставил сжать их.

– Восстанови в памяти образ долины. Представь, что ты летишь на крыльях. Поднимаешься над школой… видишь лес и горы вдали. Посмотри на ворота… хорошенько все рассмотри, прочувствуй, поверь в то, что ты сейчас не на балконе, а в воздухе над замком.

Это легко, об этом я мечтала с тех пор, как впервые надела крылья. Подняться в воздух без ограничений, воспарить над школой, облететь все окрестности. Посмотреть, что там, за темной грядой леса, полетать между скалами, пронестись над бурными водами горной реки.

– Сними крупицы. Штук пять… или даже горсть. Магии должно быть много.

Холодные бусинки, зажатые в ладони, стремительно превращались в песок, утекали сквозь пальцы.

– И теперь рисуй грозу. Ты видела ее тысячи раз. Как небо затягивает серой краской. Как тучи сгущаются и спускаются ниже. Как медленно, но неотвратимо все вокруг темнеет, погружается в тревожное ожидание первых раскатов грома. Не торопись…

сгущай краски.

В моей голове тучи были уже не синие, они почти черные, почти касались самой высокой башни замка. Мне вдруг захотелось нырнуть в них, раствориться в темных облаках, но фантазии и смелости не хватило.

– Вдалеке едва слышно что-то грохочет.

Бархатистый голос Кеймана действовал почти как колыбельная. Я совсем перестала искать опору, привалившись спиной к его груди.

– Гром должен нарастать. До тех пор, пока не раздастся прямо рядом с тобой. Сначала ты видишь вспышку молнии над школой. Она освещает все красноватым светом. А потом – считай секунды – гром.

Когда над нашими головами загрохотало, я взвизгнула и подскочила от неожиданности, а Кейман рассмеялся. Открыв рот, я смотрела на черные тучи, затянувшие небо.

– Это не я!

– Ага, оно само. У тебя все само.

– А если гроза кончится?

– Я дал тебе инструмент. Используй его. У тебя много времени в запасе.

– Есть ведь причина, по которой мои силы связаны с грозой и молниями, так?

– Возможно.

– Что за причина?

– Это неважно.

– Я снова узнаю о ней из какого-нибудь сна или видения?

– Мне бы этого не хотелось.

– Да. Мне бы тоже.

Воздуха как-то резко стало не хватать, и вовсе не из-за поднявшейся влажности и накатившего вдруг запаха озона, напомнившего о памятном утре, когда я по воле Кеймана очутилась в Штормхолде.

– Ты слишком близко, – пробормотала я, попыталась отступить на шаг. Но руки мужчины не позволили.

То ли чтобы я не упала, то ли просто потому, что он не хотел.

– Нас увидят.

– Бастиан? Или Яспера? Кто страшнее?

– Таара. Потому что ты сейчас смотришь на меня…

Его губы оказались очень близко. В чем-то ощущения, которые я испытывала, были схожи с безумной, странной мыслью, что возникала, едва я оказывалась на высоте.

А что будет, если…?

Если сделаю шаг вперед. Если закрою глаза…

– Смотришь на меня, а видишь жену. Я так не хочу и не буду. Я не Таара…

Если в глазах Бастиана однажды я видела огонь, то в глазах Кроста сейчас плескался космос. Черный, с отблесками молний, разрезавших свинцовые тучи.

– И хочу оставаться собой так долго, как это возможно. На «навсегда» уже не рассчитываю.

Когда я уперлась руками в грудь Кроста, он не стал противиться и отстранился. Внутри больно укололо сожаление. Часть меня мечтала, чтобы Кейман в свойственной ему ироничной манере отмахнулся от этих слов, назвал меня фантазеркой и свел разговор к шутке, но он просто смотрел на горы.

– Извини. Пойду занимать очередь в душ. Может, успею к началу бала.

Вопрос «Что будет, если она вернется?» я боюсь задавать себе слишком часто. Каково это – вдруг исчезнуть? Я окажусь в темноте, если Таара вернется? Или растворюсь в ее личности, перестану осознавать себя как Деллин Шторм? Или останусь, как в тюрьме, в собственном теле? Что будет, если ее память, опыт, сила – все вернется?

Человеческое тело не рассчитано на силу богини, а разум рассчитан? Во что я превращусь, если Акорион добьется своего?

Снова начала болеть голова. Для грозы за окном это, похоже, было только в плюс: порывы ветра срывали флаги с башен и захлопывали беспечно открытые окна в комнатах студентов, разбредшихся по замку. Хотя существовала вероятность, что непогода все же не имела ко мне ровным счетом никакого отношения.

В комнате, приняв душ и собрав волосы в пучок, я снова зависла над платьями. Пошлятину Акориона выбросила сразу же, а оставшиеся два наряда из дара превратились в проклятие. Надевать платье, подаренное Бастианом, на свидание с Габриэлом – это, конечно, за гранью.

Но при виде красного кружева к горлу подкатывала тошнота, и буквально за полчаса до бала я все же решилась. Засунула подарок Кеймана в самые глубины шкафа и стащила с вешалки атласное платье. В конце концов, его мне подарили за дело. А не потому что я – новая версия бывшей жены.

В дверь постучали аккурат когда одна нога была уже в платье, а вторая еще сомневалась.

– Деллин? Это я. Ты готова?

– Секунду! Погоди, пожалуйста!

Платье, как назло, не застегивалось. Асимметричная лямка

крепилась к ткани крошечными незаметными крючками, которые я никак не могла поймать. Пришлось, придерживая платье, открыть дверь.

– Привет! – Габриэл сдержанно улыбнулся и тактично отвел взгляд. – Я рано?

– В самый раз! Застегни, пожалуйста!

Судя по сосредоточенному сопению, Габриэл делал это едва ли не в первый раз.

– Спасибо!

Я бросила быстрый взгляд в зеркало. Что ж, дресс-код соблюден. Прическа не помялась, макияж идеально незаметен, браслет с крупицами на руке полон (на случай непредвиденных сюжетных поворотов). Я готова идти. Хотя мыслями, кажется, все еще на дурацком балконе.

– Подожди, – Габриэл достал из внутреннего кармана пиджака небольшой мешочек, – это твоя часть с продаж штормграмов.

– Ого. Тяжелый. Даже не думала, что ты столько продал.

– Они нравятся народу. Делл…

– Идем? – Я постаралась улыбнуться как можно счастливее.

Габриэл не виноват в отвратном настроении и плохом самочувствии. Габриэл рискует, чтобы пойти со мной. Он десять раз ответил на вопрос «Ты понимаешь, что это опасно?» и раз двадцать выслушал метания «А может, не ходить?». Испортить ему вечер слишком даже для меня.

– Нет, – вдруг сказал он.

– Что?

Показалось, я ослышалась. Парень снова отвел глаза, только на этот раз не смущенно, а… трусливо?

– Прости, Делл. Я не пойду с тобой.

– Что-то я ничего не поняла.

– Ты хорошая, Делл. Мне правда жаль, что я с тобой так поступаю. Но у меня не было выбора.

– О чем ты вообще? Какого выбора? Это же чертов бал, а не свадьба, Габриэл!

– У меня есть девушка, – огорошили меня. – Мы вместе уже давно.

– И ты до последнего надеялся собрать гарем? Вы поссорились, и ты вызывал ревность с моей помощью?

– Нет. Конечно, нет.

И замолчал. Очень захотелось двинуть ему каблуком, благо я как раз еще не успела надеть туфли. А теперь, кажется, и не придется. Я уже почти забыла это чувство обиды и жалости к себе. Когда все дети на празднике получают подарки, а у твоей матери

нет денег, чтобы оплатить его, и ты стоишь в толпе, стараясь убедить саму себя, что подарка тебе совсем не хочется. А потом учительница, сжалившись над нищей сироткой, дарит какую-нибудь мелкую шоколадку, и плакать хочется еще сильнее, потому что уж лучше бы делали вид, что тебя не существует.

– Ты можешь объяснить мне, что произошло? Я не собираюсь рыдать и ползти на бал, вцепившись в твою штанину. Но вчера ты сидел у моей постели, а сегодня говоришь, что у тебя есть девушка.

– Я не могу, Делл. – Габриэл все же нашел в себе смелость посмотреть мне в глаза. – Поговори с ним сама…

– С ним?

– С Бастианом.

– А он здесь при чем?

– Он велел мне тебя пригласить. Точнее, сделать так, чтобы ты не пошла на бал… чтобы никто не пригласил тебя. Я должен был тебя занять и отказаться в последний момент, чтобы… ну… ты не пошла. Прости. Ему не отказывают, ты же понимаешь.

– А вы вообще понимаете, что я – не плюшевый мишка? Что я живой человек, а с людьми не играют, Габриэл! Что я вам сделала?!

– Прости.

Да что он как попугай-то!

– Уйди, а? – поморщилась я.

– Мне жаль, что он так с тобой…

– Габриэл, лучше уйди!

Я напрасно испугалась: магия внутри пришибленно сидела и не высовывалась. Похоже, обида – не совсем та эмоция, которая бьет током всех в радиусе километра. Злости на Габриэла не было, я, кажется, забыла, как это – злиться. Накатила вдруг тоска, по большей части иррациональная, но уж очень горькая.

Столько переживаний, нервов, выноса мозга Кейману, мечты пойти на этот бал. Мучительный выбор платья и робкая радость от того, что я впервые иду на вечеринку как самая обычная студентка: с классным парнем, в компанию к подруге, в шикарном наряде. Глупо было полагать, что ди Файр ничего не выкинет. Он испортил мой прошлый бал, даже не придя на него, и хорошенько постарался на этом.

Да, действительно, забудем о тех месяцах, когда он был на краю смерти и я была единственным человеком, хоть как-то помогавшим. Наверное, ему будет очень весело, если я сейчас явлюсь на бал с глазами на мокром месте и буду стоять у стеночки, пока Аннабет не одолжит мне своего парня. Ну, или пока Кейман не сжалится и не потанцует со мной в перерывах

между раздачей наказаний напившимся адептам.

Да пошли вы все… к Тааре, в бездну!

Руки слегка дрожали, когда я искала в шкафу удобные туфли. Как назло, под руку попадалась только какая-то ерунда вроде старых кед, которые я совершенно неясно зачем хранила. От раздражения я резко выпрямилась и головой ударилась о полку с такой силой, что из глаз посыпались искры и покатились слезы.

– Да твою же мать!

Села на пол и разревелась, мысленно радуясь, что сейчас никто меня не видел. Атласное платье наверняка помялось, прическа растрепалась, туфли так и не нашла, зато из шкафа вывалилась коробка со всяким хламом, среди которого я обнаружила плеер. Я совсем забыла о подарке Акориона, забросила его в дальний угол, лишь бы не напоминать себе лишний раз о темном боге.

А сейчас сжала в руке и, подумав, сняла с полки колбу с крыльями. Если я сейчас же не займусь чем-то, что разгрузит голову, то у меня начнется истерика. И одни боги ведают, во что она выльется. Вся школа на балу, в спортзале никого, и хоть мне нельзя летать без согласования с тренером или преподавателями, нагоняй от Кроста – не самая страшная беда.

Отзвуки музыки и счастливого гомона наполнили школу. Вряд ли в замке был хоть один уголок, куда не доносилась праздничная атмосфера. Я тоскливо брела по коридорам, ведущим к спортзалу, и думала о том, хватятся ли Аннабет или Кейман, когда я не приду. И приведет ли Габриэл свою девушку, потому что если да, то завтра вся школа будет обсуждать новую сплетню о том, как меня бросили перед балом.

Есть вообще в этой школе человек, который не пресмыкается перед Бастианом ди Файром? Не готовый вести себя как полная скотина, врать и изворачиваться, притворяясь, что ему нравится девушка? Надо было догадаться, что Бастиан не оставил бы издевку Габриэла с распиской без внимания… и вспомнить, как я уснула в комнате огневика.

– Надеюсь, он хотя бы расспросил Габриэла о том, какое у меня было лицо, и получил кайф от рассказа, – сквозь зубы процедила я.

В этот же момент боковым зрением я увидела темную фигуру, выступившую из-за поворота. А потом чья-то рука зажала мне рот.

Сердце пропустило удар, вокруг сомкнулась темнота, а потом пространство пустой комнаты осветилось вспышкой молнии. Я даже не собиралась сдерживаться, потому что если ты схватил в темном коридоре девушку и ударился об нее током, то так тебе и надо.

Следом за тусклым прерывистым сиянием электричества вспыхнул еще один источник света: небольшой огненный шар, зависший под потолком.

– Ну да, конечно! – Я закатила глаза. – Как же без тебя!

Потом размахнулась и от души влепила Бастиану пощечину. И вторую… Двинула бы и в третий раз, но он перехватил руку со словами:

– Ну, все, все, двух раз вполне достаточно! А не то мне понравится, и я забуду, что хотел.

– Да плевать, что ты хотел! – Я вырвалась. – Что я тебе такого сделала, что ты второй год меня ненавидишь?! Хорошо, не любишь темных, не любишь иномирян – ладно! Но неужели в тебе нет ни капли благодарности к человеку, который с твоей проекцией полгода носился?! Ты вообще хоть о ком-то, кроме себя, думаешь?

– А ты?

– Я? Прости?

– Да, именно ты. Сама-то думаешь о ком-то, кроме себя? Тебе напомнить, что случилось в прошлом году после того, как ты сходила на бал? И что, ради пары часиков танцулек готова пожертвовать Сайзероном и еще парочкой однокурсников? Да, очень альтруистично. Даже не знаю… первое место в списке эгоистов века еще за мной, или ты уже обгоняешь?

Треск электричества стал громче – как только у нас волосы дыбом не встали! Бастиана, впрочем, защищала его сила, а я крайне редко сама страдала от вспышек магии. Если успевала уворачиваться от падающих елок, конечно.

– Если бы ты не подговорил Габриэла, ничего бы в принципе не было! Не тебе обвинять меня в том, что я хотела на вечеринку, ты понятия не имеешь, что такое жить в нищете без возможности выбраться!

– Если бы я не подговорил его, тебя пригласил бы кто-то еще. И отбить тебе желание идти было бы сложнее.

– Ты мог просто поговорить.

– И ты бы, конечно, меня послушала и весь вечер сидела в учебке, готовилась к реваншу с Ванджерией. Ты даже своего бывшего не слушаешь.

– Он мне не бывший!

– Да, – Бастиан нарочито медленно оглядел меня с головы до ног, – я начинаю догадываться.

– Ты прямо светишься от самодовольства.

– Это светильник.

– Дебил.

– Дебил не дебил, но платье мое ты надела.

– Я… – Слова кончились, претензии тоже. – Оно красивое.

– Да, у меня есть вкус. Будем считать, это было «спасибо». Что тут у тебя?

Он развернул мою руку, чтобы рассмотреть колбу.

– Крылья. Хорошо. Идем.

– Куда идем? – опешила я.

– Тебе обязательно задавать столько вопросов? Помолчи, пока не окажемся снаружи.

– Да никуда я с тобой не пойду! Ты… ты…

– Да, дебил, я уже слышал. Пойдешь. Или я тебя вырублю и отнесу сам, потому что, видят боги, Шторм, я очень долго ждал момента, когда мы пообщаемся. И ты меня выслушаешь, даже если придется тебя связать.

Я застыла, открыв рот, посреди пустой комнаты. За окном все еще бушевала гроза, ливень шел практически стеной, а раскаты грома то и дело сотрясали стены школы. Вглядываясь в лицо огневика, я все пыталась найти там признаки новой издевки, но Бастиан был абсолютно серьезен.

Но зачем крылья для обычного разговора? Об этом и поинтересовалась, не спеша выходить из комнаты.

– Я не хочу говорить в школе. И на ее территории тоже. Придется прогуляться к горам.

– Там льет как из ведра!

– Для чего ты вылезла из нищеты, Шторм? У тебя есть магия и целый браслет крупиц, за которые ты заплатила кучу денег. Все, хватит, времени немного, пока они там все заняты реверансами. Ну и что ты так смотришь? Я не буду тебя есть, убивать и насиловать, а платье не растает под дождем на потеху всей школе. Я не шутил насчет связывания. Вот это мне точно понравится, в отличие от пощечин.

Жаль, что я не надела те туфли на каблуках! Взяла бы сейчас да двинула ему по темечку туфлей. И дело с концом, главное труп спрятать. Подумать только! Вместо того, чтобы танцевать на балу, пить шампанское и наслаждаться жизнью, я иду черт знает куда с Бастианом, который только что отчитал меня за эгоизм!

Я, конечно, эгоистка, а все вокруг святые! Святой Кейман не может выбрать между призраком бывшей жены и ревнивой подчиненной, святая Яспера борется за женское счастье, а святой Бастиан спасает мир от меня! Не хватает только самого главного святого – Акориона. Подумаешь, мужик жаждет мирового господства. Кто из нас без недостатков?

Ветер на улице сбивал с ног. За те несколько секунд, что я создавала щит от дождя, платье успело намокнуть: на тончайшем атласе любая капля тут же расплывалась безобразным темным

пятном. Бастиан крепко, пожалуй даже слишком, держал меня за руку и буквально тащил к лесу, подальше от случайных любопытных глаз. Мало ли кому взбредет в голову посмотреть в окошко. Представляю, какая картинка ему откроется!

Мы остановились у первых деревьев, не доходя до них пары метров.

– Поднимешься над лесом. Полетишь в сторону гор, это минут десять. Увидишь трассу для крылогонок и флагштоки, не пропустишь. На утесе у третьего флагштока спустишься.

– Погоди, ты же хотел поговорить. Почему я должна лететь куда-то сама?

– Потому что я доберусь другим путем.

– Каким?

Бастиан закатил глаза.

– Порталом.

– А мне почему порталом нельзя? Я даже не знала, что они бывают в рамках одного мира.

Бастиану, похоже, надоело отвечать на вопросы. Он, делая вид, что я совсем не жду ответов и не сомневаюсь, стоит ли вообще куда-то лететь, поступил так же, как Кейман, когда я впервые получила крылья: достал их из колбы и легко провел кончиками пальцев по моей спине. Я поежилась от дрожи, которой всегда сопровождалось увеличение крыльев, и как можно скорее отстранилась. Хотя соблазн пододвинуться поближе к теплому – даже горячему, я бы сказала – огневику был огромный: щит закрывал от ветра и дождя, но совсем не грел, а температура стояла уже не летняя. Я пожалела, что не захватила куртку, но кто вообще знал, чем обернется поход на ночь глядя в спортзал? Что-то у меня все ночные променады интересно заканчиваются…

– Все. Взлетай. Через пятнадцать минут у флагштока.

Любопытство все же победило. Раньше Бастиан не заморачивался такой конспирацией для разговоров, его не смущали ни посторонние, ни стены школы. А еще, хоть я в этом никому бы не призналась, идея подняться над долиной, воплотить утреннюю фантазию и полетать в грозу захватила так сильно, что, даже если бы из школы сейчас выскочил Кейман с воплем «Отчислены, оба!», я бы все равно не смогла удержаться. Взмахнула крыльями, поднялась в воздух, задохнувшись от потрясающего ощущения полета. И поднялась над кронами деревьев, чтобы посмотреть в сторону гор, где бушевала гроза, мной же и созданная.

Когда я обернулась и посмотрела вниз, Бастиана уже не было. На секунду показалось, что я сейчас открою глаза в больничном крыле, а лекарка участливо сообщит, что с тех пор, как Яспера

отправила меня в нокаут, прошла целая неделя.

В Штормхолде было много всего красивого. Природа, магия – все эти огненные птицы, воздушные бабочки и яркие улочки центра Флеймгорда. Много всего странного: платная магия, закрытые школы, о которых ничего не известно. Много жуткого: легенды о богах, например. Или несправедливого, вроде ненависти к иномирянам. Хотя я бы не сказала, что ощутила ее в полной мере, все же статус и влияние Кеймана защищали от совсем уж явной злобы.

Но была здесь одна вещь, которую я бы не назвала ни красивой, ни странной. Крылья казались мне совершенно волшебными, не соответствующими мрачному миру, где почти всегда облачно. Может, их привез какой-нибудь путешественник между мирами? Из светлого и позитивного мира, где прекрасные принцессы гуляют по белоснежным замкам, а храбрые рыцари сражаются с миловидными и позитивными драконами, в отличие от некоторых с приставкой «недо-».

Отведенное время не дало как следует развернуться, хотя я все равно от души насладилась полетом. Низкие грозовые тучи, раскаты грома и вспышки молний совсем не пугали. Хотя одна из них попала в дерево прямо рядом, и я невольно задумалась: а если моя магия связана с молниями, электричество может причинить мне вред? Проверять не стала.

Река, издали казавшаяся совсем небольшой, поразила и размерами, и темпераментом. Вода с грохотом, вторящим грому, билась о камни. Тучи здесь, казалось, клубились так низко, что можно было пощупать рукой. Я отсчитала нужный флагшток и снизилась над небольшим, размером с футбольное поле, утесом. Бастиана не было, как и часов у меня, так что выяснить, насколько раньше я прилетела, не представлялось возможным.

А может, это снова какая-то издевка, вроде той, на первом курсе, когда Бастиан с дружками подкараулили меня после первого ужина в школе.

Ну и пусть. Сейчас я, наверное, отобьюсь ото всех, кроме Акориона. А в то, что Бастиан спелся с темным богом, может поверить только псих. Ди Файр далеко не подарок, но и не предатель.

Бушующая стихия завораживала. По телу бежали мурашки, но совсем не от холода. Здесь лес и горы не закрывали школу от шторма, и я почти физически ощутила исходящую от погоды энергию. Так странно… во мне текла темная магия, Таара была богиней хаоса и смерти. Откуда во мне страсть к грозе, изначальной силе Кроста? На этот вопрос он тоже не ответил, как и на миллионы других.

Как же сложно разобраться в себе, в чужом прошлом и настоящем!

– Эй! Бастиан! – крикнула я. – Твое время сто процентов вышло, если ты не явишься, то я пошла.

Может, еще успею подкараулить Аннабет и выпросить стащить бокальчик вина. На бал идти совсем не хотелось, видеть Габриэла тоже, да и Ясперу, которая там дежурила. И что-то мне подсказывало, утром от Кеймана как следует попадет. Наверное, я никогда не достигну просветления, которое позволит не бесить опекуна.

Постояла еще немного, начала замерзать и махнула рукой.

– Нет так нет. Если недолгая прогулка на крыльях – его страшная месть, то ди Файр явно теряет хватку.

Я развернулась, чтобы спуститься пониже, сбежать от шквалистого ветра и расправить крылья снова. На утесе меня бы снесло, и не факт, что удалось бы выровняться до того, как нырнешь в реку.

Краем глаза я заметила движение и резко повернулась.

Потом подумала, что схожу с ума. Потом – что с ума сошел остальной мир, потому что…

Драконов не существует! Они мертвы, остались персонажами легенд, любимыми магическими существами безумной богини. Редкие маги находили свидетельства существования драконов. Не могли же они все ошибаться!

Но ошибались, потому что в воздухе передо мной завис настоящий дракон. Большой, черный, с поблескивающей во вспышках молний глянцевой чешуей. На хищной морде застыл угрожающий оскал, и я невольно отступила на несколько шагов.

Только тогда до меня дошло.

– Бастиан? – осторожно поинтересовалась я.

Дракон развернулся в воздухе, массивный хвост, увенчанный парой шипов, пронесся в метре от меня. Зверь пролетел над рекой, стремительно ворвался в плотную черную тучу, на миг скрывшись из поля зрения, а затем вернулся, исторгая из зубастой пасти пламя.

Открыв рот, я смотрела на него неотрывно, до тех пор, пока земля под ногами не содрогнулась от приземления. Тело дракона охватил огонь, я вскрикнула, испугавшись, что что-то пошло не так, но через несколько секунд из пламени вышел Бастиан. Совершенно обычный, совершенно спокойный… только что бывший совершенным драконом.

– И… давно ты так? – когда способность говорить вернулась, спросила я.

– Пару месяцев. К этому пришлось привыкнуть.

– Это из-за сердца?

– Да. Сердце… кровь… магия. Огонь всегда был неизменным спутником драконов.

– Ты знал, что так получится, когда пересаживал сердце?

Бастиан неопределенно пожал плечами.

– Выбора не было.

– А еще раз превратиться можешь? И хвост дать потрогать?

Огневик фыркнул, а у меня на щеках проступил румянец, несмотря на прохладу. Это ж надо было про хвост вслух ляпнуть!

– Возможно. Будет зависеть от итогов разговора. Надеюсь, тебе не нужно напоминать, что все это, – он кивнул куда-то в воздух, очевидно имея в виду свою драконью ипостась, – должно остаться в тайне?

– А тебе нужно напоминать, что Кейман Крост плевать хотел на все мои тайны и может с легкостью залезть в воспоминания?

Ну, или сны. Но о том, что я периодически подремываю на диванчике в директорском кабинете, Бастиану лучше было не знать.

– Если он влезет сам, претензий не будет. Принципиально, чтобы ты об этом не рассказывала.

– Почему? – Я совсем не это ожидала услышать, да и вообще оказалась не готова к такому руслу разговора. Что за игру ведет Бастиан?

– Хочу знать, что тебе можно доверять.

– Для чего тебе мое доверие? И вообще, о каком доверии речь? Напомнить тебе, с чего началось наше знакомство? Как твои дружки меня притащили к тебе на поклон? Или как ты привязал Эйгена и забрал у него Брину? Они так и не встретились!

Бастиан поморщился, и мне стало стыдно. Напоминать о смерти Эйгена, пожалуй, не стоило.

– Можешь ненавидеть меня. Я в долгу не останусь. Только какой в этом смысл, если поодиночке нас перебьют? Не лучше ли временно встать рядом, чтобы потом… ненавидеть друг друга дальше?

– Рядом? О чем ты?

– Об Акорионе, – последовал ответ. – О том, что он вернулся. Что набирается сил.

– И мы здесь при чем?

– При том, что я не буду сидеть и ждать, когда он снова явится в школу. Или ко мне домой. Или в театр, в Совет – да куда угодно! Он сделал королям предложение. Либо присоединиться к нему, либо готовиться к худшему. А мне, знаешь ли, оба варианта не нравятся. Хотелось бы, чтобы к худшему готовился Акорион.

Да, мне бы тоже. Только не Бастиану и не мне с ним сражаться.

– И что ты хочешь от меня?

– Помощи, разумеется. Его можно убить. Нужно только понять, как именно.

Я рассмеялась, не веря, что действительно это услышала. Впрочем, смех получился какой-то нервный.

– Он бог! Убить бога?! Двум школьникам? Единственный шанс – если Акорион сдохнет со смеху, когда услышит о твоих планах!

– Я не сказал, что нас двое.

– Что, взял все-таки Брину в команду? Погоди… ты для этого затеял этот бред с соревнованиями? Боги, Бастиан! Ты не в ту сторону воюешь! Оставь Акориона тем, кто реально может с ним справиться.

Как всегда, когда Бастиан злился, в темных глазах полыхнули языки пламени. Он нервно прошелся туда-сюда по самому краю утеса, у меня даже сердце замерло от страха: одно неверное движение – и конец.

– И кто же с ним может справиться?

– Кейман… Ленард… я не знаю, король… взрослые!

Бастиан снова рассмеялся, правда, смех получился невеселый.

– Деллин, очнись! Мы – взрослые! Других взрослых не будет! К нам он придет. Не к Кросту, который решает свои личные проблемы. Не к Ленарду, не к Яспере, а к тебе в комнату вломится и оставит чью-нибудь голову! На твоей паре устроит бойню! Твой дом сожжет ко всем демонам вместе с теми, кто внутри! А Крост пожмет плечами, скажет «такова жизнь» и будет дальше меланхолично за всем этим наблюдать!

– Не говори так. Ему не плевать.

– Ему сотни лет! Тысячи! Пройдут еще сотни – и Штормхолд будет по-прежнему жив, а Крост по-прежнему будет наблюдать за ним свысока! Для него десять-двадцать-тридцать лет – пшик! Ты готова прожить эти годы в аду? В постоянном сражении с темными тварями! Очнись уже! Никто не станет тебя защищать, потому что твоя жизнь слишком мелкая в масштабе их существования! И когда Крост опомнится, для нас, для тебя, для твоей подружки Аннабет, для Брины может быть поздно!

– Нельзя просто взять и действовать по-своему! Ты сам сказал, что поодиночке нас перебьют! Не использовать Кеймана глупо. Да, возможно, ты прав, возможно, нельзя сидеть за чужими спинами и ждать, что нас защитят, но и отказываться от поддержки глупо!

– Именно для этого ты мне и нужна. Крост, Яспера… у тебя больше шансов убедить их действовать сейчас и не надеяться, что Акорион случайно спьяну сломает себе шею, и Штормхолд пронесет мимо войны.

– Яспера?! Да мы чуть волосы друг дружке не повырывали! Я не удивлюсь, если она назло мне пойдет вместо Кеймана спать с Даркхолдом!

– Да брось, – Бастиан усмехнулся, – драки очень сближают. А знаешь, какой шикарный секс после хорошей потасовки? Не знаешь? Ладно, потом покажу.

– Да иди ты… в драконью задницу! – не выдержала я. – Вместе с драками и заговорами. Я пошла!

Но уйти мне не дали, Бастиан схватил за плечи и притянул ближе. Стало так тепло, что части меня захотелось муркнуть и свернуться клубочком на груди парня, но постыдный порыв был жестоко задавлен в зародыше.

– Я не могу сидеть и ждать, что добрый дядя Кейман меня защитит, – уже без издевки произнес огневик. – У меня есть люди, которые зависят от моих решений. Тысячи, сотни тысяч людей, работающих на Дом ди Файров. В моих руках власть над стихией. Ты представляешь, что случится, если Акорион получит стихии? Он уже подчинил себе Эрстенни, фон Эйры долго не продержатся. Уотерторн – темная лошадка, но пока вода и огонь не сдались, с богом еще можно сражаться. Если он получит нас, твой Кейман окажется в могиле раньше, чем успеет сообразить, что происходит.

– Но он же не дурак! Ты думаешь, Крост ничего этого не понимает?

– Я не могу полагаться на догадки. Поэтому я ищу союзников. Ты – его слабость, выясни, что он планирует. Ты можешь найти способ убить Акориона.

– Его даже Кейман только запер на Земле. Не думаю, что бога можно убить.

– Должен быть способ. Акорион не появился из ниоткуда, а то, что рождается, может умереть. Если ты не найдешь способ, его не найдет никто. Вот здесь…

Он почти ласково убрал с моего лица прядку волос и скользнул горячими пальцами по лбу, спустился к носу и губам.

– Здесь сохранено то, что нам нужно.

Я покачала головой, так отчаянно и испуганно, что Бастиану пришлось крепче прижать меня к себе.

– Не проси вспоминать ее жизнь. Я не хочу превращаться в нее. Я не хочу исчезнуть.

– Ты не исчезнешь. Но он убил Таару, понимаешь? Убил

богиню. Нам нужно знать, как именно. Информация, Шторм, и союзники. Вот что сейчас нужно.

– И для этого ты устроил цирк с соревнованием. Зачем тебе Габриэл?

– Его отец в Совете магов.

– А Марс?

– Его мать – судья во Флеймгорде.

– Кристоф?

– Старший брат близок к Эрстенни.

– Берген?

– Его отец из Фригхейма. Вхож в Дом ярла.

– Знаешь, унизить преподов – не самый лучший способ найти союзников.

– Унизить? Да Крост костьми ляжет, чтобы вышла ничья. Забудь об испытаниях! Забудь о школе, дурацких балах и прочей ерунде! Мы на пороге войны. Ты чуть подальше, а я уже в нее ввязался, и у меня нет шансов отсидеться за чужими спинами.

Я высвободилась из его рук – и тут же пожалела. Рядом с этой ходячей грелкой было куда лучше, чем под порывами осеннего грозового ветра. Теперь уже я подошла к самому краю скалы, сжимая в руке колбу с крыльями. У ног клубился черный туман. То ли часть грозы, то ли магия вырвалась на волю.

– У меня есть книги… – глухо сказала я спустя, казалось, целую вечность. – О богах. Король подарил. Я не знаю, насколько правдивые, но книги и сны – единственные источники информации о Тааре. Если в них не найдется ничего, что поможет тебе, не проси вспомнить прошлую жизнь. Я на это не пойду.

– Хорошо.

Услышанное с трудом укладывалось в голове. Мир вокруг слишком стремительно менялся. От горничной до адептки Школы Темных за пару недель. От адептки до воплощения богини всего лишь год. Всего-то двенадцать месяцев назад я точно так же смотрела на Бастиана, целовала его и чувствовала только непреодолимое желание как следует вдарить по белобрысой башке огненного короля, чтобы поставить оставшиеся мозги на место.

Сейчас желание было очень похожим. Только речь шла о вещах, которые я не понимала. Его стихия, его род, его ответственность, очевидно, давящая невыносимым грузом. Вынуждающая вступать в войну, о которой большинство в Штормхолде и не подозревает.

А еще я поняла, что очень скоро Акорион рассмотрит в Бастиане противника, и тому придется несладко.

– Ладно. Ты, ди Файр, совершенная скотина.

Самовлюбленный, самодовольный, наглый, неадекватный, заносчивый козел.

Бастиан закатил глаза.

– Но второй раз умирать уже слишком. Я подумаю, как тебе помочь, но я клянусь, если ты еще хоть раз сделаешь что-то типа того, что сделал сегодня, если хоть раз сделаешь больно, я лично выдам ключи от твоей спальни Акориону и буду аплодировать в процессе, ясно?!

– Тебе придется сначала заполучить ключи самой, – задумчиво глядя в небо, отозвался Бастиан.

Гроза стихала. Волны реки все еще бились о скалы, поднимая в воздух за нашими спинами тучи брызг. С утеса открывался шикарный вид на долину и горы. Где-то вдалеке виднелись небольшие огоньки теплого света: в школе все еще гремел бал. Я все же чувствовала легкую зависть по отношению к тем, кто сейчас кружился под музыку в красивом зале, пил игристое вино и обсуждал последние школьные сплетни.

Их не заботили темные боги и войны, их не мучила собственная душа, в их жизнях, во всяком случае у большинства, все было просто и понятно. Сколько это продлится? И что станет с Штормхолдом еще через год?

Мы сидели привалившись спинами к большому камню. Мне хотелось досидеть до рассвета, полюбоваться нежными красками, но в то же время внутренний голос уговаривал вернуться. И потому что Кейман мог разыскивать меня, чтобы выяснить, почему мы с Габриэлом не пришли на бал. И потому что с Бастианом говорить было уже не о чем, а молчать – еще не о чем.

В наушнике играла мелодичная песня, в слова которой я никогда толком не вслушивалась. На Земле музыка была моим миром, убежищем. Только сейчас, решившись включить плеер, я поняла, как ее не хватало. Я жалела, что отдала один наушник Бастиану. Скоро плеер разрядится, и последняя ниточка, соединяющая меня с Землей, навсегда оборвется.

Я досижу до этого момента, чтобы выбросить плеер со скалы, в темные воды, несущиеся вниз неудержимым потоком.

– О чем здесь поется? – спросил ди Файр.

– Об ангеле. Девушка любила мужчину, а он не ответил ей взаимностью. И она умерла, стала ангелом, который хранит его жизнь. А он даже не знал об этом. Ей пришлось учиться радоваться за него, наблюдая со стороны за чужой счастливой жизнью.

– Песня красивая, – чуть подумав, сказал Бастиан.

Я обалдела, пожалуй, даже больше, чем когда увидела дракона перед носом. Ди Файр ценит искусство и романтику?

– А смысл – дерьмо.

Нет, все в порядке. Он все еще огненный козел.

– Почему ты не можешь быть нормальным? – спросила я, повернув голову. – Ты ведь иногда бываешь таким… не знаю, понятным. Не сволочью. Переживаешь за Брину, сожалеешь об Эйгене. Почему тебе нужно всех отталкивать, Бастиан? Ты можешь хоть иногда быть настоящим?

Его губы вдруг оказались очень близко, опалили огнем, от которого моментально стало жарко. Если в книгах у героинь во время поцелуев в животе порхали бабочки, то у меня в такие моменты тлели угольки в груди.

– Может, я могу попробовать…

Близко-близко. Стоило только поднять руку – и можно было коснуться его груди, там, где под тонкой рубашкой белел шрам, превративший огненного короля в единственного существующего на свете дракона.

– Попробуй… – справившись с дыханием, ответила я.

Потом фыркнула и добавила:

– С Катариной. Принцесса, я уверена, будет счастлива.

Выдернула наушники, поднялась и запустила их вместе с плеером куда подальше. Раздался негромкий плеск – и вот пресловутая ниточка с Землей растворилась в ночных водах, пошла ко дну, вместе с попыткой Акориона в очередной раз меня напугать. Одной из немногих неудавшихся.

Бал Огня закончился. Пора возвращаться в школу.

Глава 8

Я в небольшом помещении, чем-то напоминающем зал музея. Витрины со стеклянными дверцами, а в витринах – украшения. Изящные, какие-то неземные, необычные. С поблескивающими в слабом свете факела черными опалами.

Коллекция Таары?

С интересом прохожусь вдоль ряда витрин и шкафов, рассматривая диадемы, кольца, серьги, кулоны и даже шкатулки. Некоторые места пустуют, будто украшения вытащили из шкафов. Так оно и есть: в ряду гребешков не хватает одного, а на полке с книжными закладками свободно центральное место.

Я не хочу привлекать внимание, поэтому со скучающим видом останавливаюсь у полки с кулонами и глазами ищу тот самый, из странного сна о черных деревьях. Но его здесь нет.

– Нравится? – Бархатистый голос Акориона прокатывается по залу.

– Красиво. Но однообразно.

– Да, я тоже считаю, что коллекцию пора оживлять. Какие камни тебе бы хотелось? Впрочем, погоди… дай мне шанс сделать сюрприз.

Меня передергивает от мыслей о сюрпризах Акориона. Я не хочу к нему поворачиваться, бездушные украшения приятнее, чем темный бог, пусть он и безумно красив.

– Как прошел твой бал?

– А ты будто не знаешь.

Акорион смеется. Обманчиво добродушный смех.

– Я был занят. Так что? Тебе нашлась пара? Удалось повеселиться?

– Не люблю заводить интрижки. Но вечер получился интересным.

– Я постараюсь не бросить тебя на твоем следующем балу. Прости, любовь моя, те дела не терпели отлагательств. Хочу извиниться и подарить тебе что-нибудь. Выбери украшение.

– Экономика должна быть экономной? – хмыкаю я. – Передариваешь мне мои же вещи? Удобно.

– Они не твои, – мягко возражает бог. – Они принадлежали моей сестре. Ты – еще не она. Когда Таара ко мне вернется, я отдам ей украшения… и половину мира. А пока – небольшой подарок. Что тебе нравится?

– Мне нравится шкаф. Я бы с удовольствием поставила его в комнате.

– Твоя язвительность очаровательна.

Я брожу между рядами витрин, рассматривая богатства богини, и невольно думаю о том, откуда вообще они взялись и что это за камень. Надо будет добраться до этого места в книгах. Я нарочно оттягиваю моменты, когда сажусь за них, чем меньше узнаю о Тааре, тем легче жить с мыслью, что часть ее всегда живет внутри.

Одна из витрин закрытая, в виде небольшого ящика на высоких изящных резных ножках. Я берусь за ручку, чтобы открыть его и посмотреть, что внутри, но вдруг рука Акориона ложится на мою.

– Нет, – твердо и холодно говорит он. – Это трогать нельзя, любовь моя.

Рука ледяная, а в глазах, куда я смотрю долгие секунды, угроза.

Из сна меня вырывает громкий стук в дверь.

Утро началось не с кофе, не с похмелья и даже не с расслабленного пробуждения от заглянувшего в окно солнышка. Несмотря на выходной, кому-то с утра пораньше приспичило явиться. Взглянув на часы, я поморщилась: еще даже кухня наверняка не начала работу!

Стук повторился.

– Да иду я, иду!

Несколько часов сна после встречи на утесе, сон с Акорионом в нагрузку и отголоски боя с Ясперой превратили меня из просто сонной второкурсницы в исчадие ада с взъерошенными волосами, пересохшими и потрескавшимися губами и кругами под глазами, которые вряд ли получится убрать, выковыряв из тарелки с салатом по кругляшу огурца.

– Почему мне очень хочется на тебя наорать? – мрачно поинтересовался Кейман.

– Доброе утро.

– Доброго в нем мало. Одевайся и ко мне в кабинет.

– Что-о-о? Я ничего не сделала! – больше для проформы возмутилась. – Никого не убила, не убилась сама, ничего не подожгла, не сломала.

– А ночью где была? Почему не на балу? – подозрительно прищурился Кейман.

– Ну-у-у… где-где… В расстройстве. Меня бросил парень! Я что, должна была позориться и идти туда с красным носом?

– Да плевать мне на твоего парня!

– ШТОРМ! – донесся до нас еще один вопль.

Кейман посмотрел на меня с уважением.

– Что, ты не только меня успела довести?

– Ты не представляешь, что я сейчас с тобой сделаю! – в

коридоре появился взлохмаченный, злой, как дракон, Бастиан.

Из комнат начали выглядывать любопытные адепты.

– Ты-то куда?! Мы вообще-то договорились!

– Это было до того, как ты втянула мою сестру в позирование почти голой для городских плакатов!

– Я втянула?!

Кейман, посмеиваясь, аккуратно отошел в сторонку.

– Что смешного? – прищурился Бастиан. – Ей уже за это влетело?

– Нет-нет, я по другому поводу. За это я обещал не ругаться. Я подожду, продолжайте.

Я и забыла, что обычно именно в ночь бала вешают рекламу новой коллекции Найтингрин, показ которой проходит зимой.

– Так, – я потерла глаза и зевнула, – начнем с тебя. Во-первых, на плакатах мы не голые, а в пижамах. Если одежда для сна вызывает у тебя эротические фантазии, обратись к Лорелей.

Кейман кашлянул.

– Ну, или к невесте.

Снова кашлянул. А, ну да, она же принцесса.

– К чудесам собственной фантазии. Во-вторых, твоя сестра – взрослый и довольно неглупый человек. Она самостоятельно способна разобраться, что ей носить, где работать. Меньше всего Брина нуждается в том, чтобы куда-то ее втягивать. И на нее вряд ли можно воздействовать внушением. Во всяком случае, я недостаточное мировое зло, чтобы подчинить ее своей воле.

Бастиан открыл было рот, чтобы что-то сказать, но я не дала ему и шанса.

– А в-третьих, главная проблема Брины – ее брат. И вместо того, чтобы орать на меня и нее за летнюю подработку в приличной, в общем-то, компании, подумай о том, что она страдает не из-за того, что ее изображения висят по всему Флеймгорду, а потому что ты из заботливого старшего брата превратился в мини-версию собственного отца и смотришь на нее как на пуделя, которого надо вовремя выгуливать и периодически отбирать из пасти сожранную на улице гадость! Это, между прочим, обидно!

– Я похож на отца?! – взорвался Бастиан. – Ты вообще мало что знаешь о моей семье!

– А того, что знаю, хватает. Очнись! Брине плохо! Ты обещал ей, что все будет хорошо, что ее жизнь изменится, а когда она полгода молилась, чтобы ты выжил и наконец вернулся, ты вместо выполнения обещаний надел на нее ошейник и даже на бал не позволил выбрать себе пару!

– Так, дети, я достаточно развлекся, хватит. – Кейман мягко,

но настойчиво отстранил от меня Бастиана. – Драка с утра вредит пищеварению. Ну и незачем добивать жертву, еще не все охотники подтянулись. Адептка Шторм, оденьтесь, пожалуйста, и пройдите в мой кабинет. Для разговора.

Зашибись утро началось! Союз с Бастианом – самый рекордный по длительности в истории, суток не продержался! И самое обидное, что еще и выволочку от Кеймана получу. Ну просто супер-утро после бала!

Когда я вышла из комнаты, полностью одетая, директор все еще ждал за дверью, не обращая внимания на любопытные взгляды адептов. Народ после большой вечеринки вставал неохотно и медленно полз к душевым. Готова поспорить, что на других этажах сейчас было сонное царство, и только наш, разбуженный разборкой, угрюмо матерясь, готовился идти завтракать.

Пока мы шли к преподавательскому корпусу, я все думала, что скажу в свое оправдание. Правду нельзя, неправду некрасиво, полуправду… ее еще надо правильно расчленить. После трех часов тревожного сна это не такая уж простая задача.

Вот только Кейман снова удивил. Когда я опустилась в кресло напротив его стола, он запер двери и поинтересовался:

– Ты можешь как-то объяснить, что в твоей магической сети делают сотни изображений… мм-м… не совсем приличного содержания?

– Что? – не поняла я.

– Утром дежурный магистр изъял у одного излишне поддавшего нарушителя вот это.

Кейман взял со стола штормграм и протянул мне.

– На нем твое имя.

Я действительно с удивлением обнаружила на задней части полупрозрачной пластинки небольшую гравировку «Создано Деллин Шторм». Габриэл! Нет, ну как он умудрился водить меня за нос несколько месяцев с балом и при этом честно отчислять положенное и даже поставить копирайт на штормграм?

При мысли о Габриэле в душе снова поднялась волна злости. Хрен ему, а не штормграмы. Пусть продает свое вранье.

– Это не мой штормграм. Не знаю, чей.

– А ты активируй.

Габриэл хорошо усовершенствовал артефакт: теперь все изображения в облаке даже напоминали подобие новостной ленты. Открыв рот, я смотрела на сотни изображений! Сколько же штормграмов он продал?

Потом я всмотрелась повнимательнее и поняла, что в каком мире инстаграм ни придумай – он все равно получится

одинаковым. Ленту заполонили утренние фото: девушки в постели с томными улыбками и «отсутствием макияжа», девушки с чашками кофе за завтраком, изображения рассвета над горами.

– О, как красиво… – Я коснулась фото рассвета и поняла, что оно принадлежит Брине.

Хотя я и называла картинки фотографиями, это словно не очень подходило к изображениям, сотканным из магии красок. Скорее они походили на рисунки, причем народ явно изгалялся над составами красок, добавлял новые ингредиенты, блестки, какие-то эффекты, о которых я не имела понятия.

– Я тебя что, пейзажи смотреть сюда позвал? – ласково поинтересовался Кейман. – Ищи изображения с бала!

Тут я уже заинтересовалась и отмотала на несколько десятков фото назад и подавилась воздухом. По большей части, конечно, лента пестрела оттенками огня: девушки в платьях, девушки со своими парами, танцы, угощения. Даже тоска взяла от того, что я променяла вечеринку на ночь под дождем в компании хвостатой скотины.

А потом я увидела фото компании Лорелей и хихикнула.

– Тебе смешно?

– Если честно, то немного.

– А мне нет. У меня вся школа смотрит на почти голую Лорелей Гамильтон! Дочь министра отношений с Фригхеймом! На Риту Карисс в туалете! ЗАЧЕМ ОНА СНИМАЛА СЕБЯ В ТУАЛЕТЕ?!

– Ну, она же просто поправляет макияж…

– Но почему в туалете?! Почему нельзя было поправить макияж, выйти и показать, как ты его поправила, на фоне… я не знаю, библиотеки?! А это? Присцилла Богэ – между прочим, племянница мэра Флоубурга – в постели. И пусть в белье, но ладно бы была одна!

– Ты не думал, что если Лорелей заливает в штормграм свои голые фото, то проблема не в штормграме, а в Лорелей?

– Думал. А еще думал о том, что вы с Сайзероном запустили игрушку, не продумав ее правила. И написали на ней твое имя. Если сейчас в школу явится господин Гамильтон и спросит, какого ж демона на его голую дочурку посмотрела вся школа, мне ему что сказать? Что ты совершенно ни при чем, хотя на артефакте стоит твое имя?

– Ну… – Я сникла.

– Загну, – совершенно непедагогично ответил Кейман. – Кого бы ты ни взяла себе в компанию, он обязательно творит какую-то глупость!

– А почему ругают только меня? Глупость творили мы с

Габриэлом, прибыль тоже поделили пополам.

– А потому что Сайзерона не могут вытащить из комнаты. Кто-то заварил ему дверь.

– Как заварил?!

– Вот так. Спер металлические прутья со склада и расплавил их так, чтобы дверь перестала открываться. Вот, выковыриваем. Дурдом, а не школа!

– Это точно не я.

– Не ты. Ты так не умеешь, и это единственный аргумент в твою пользу! Давай вспоминай, как в твоем мире решили проблему с этими сетями.

Кейман, похоже, сбросил пар, прооравшись, и на этом успокоился, потому что, пока я впадала в глубокую задумчивость, отошел к шкафу и оттуда поинтересовался:

– Кофе будешь?

Я не ответила, пытаясь вспомнить что-нибудь из законов Земли на тему интернета. По всему получалось, что от голых фоток в сети не застрахован никто, а уж особенно в том случае, если человек их выложил сам. И единственный способ защитить личное от какого-нибудь беспринципного и умелого хакера – не хранить в «виртуале» вообще ничего.

Но с этим мы уже пролетели.

– Ну… там есть правила. У каждой сети есть соглашение, которое должны принять пользователи во время регистрации. Как правило, там написано, что нельзя выкладывать эротический контент, кого-то оскорблять и так далее… но фото в туалете делать не запрещено. Как и выкладывать себя с парнем в постели, без… ну… анатомических подробностей. Поэтому я не знаю.

Кейман мрачно помешивал кофе такой крепости, что я бы сочла его скорее мазутом.

– Еще есть правила каких-то организаций. Например, если ты – член королевской семьи, то тебе нельзя вести личный блог и постить фоточки с улетной вечеринки.

– Предлагаешь сделать Лорелей Гамильтон новой принцессой Штормхолда?

– Предлагаю ввести правила использования штормграма на территории школы. Тем более…

– Тем более что? – Кейман вернулся за стол.

– Его можно использовать не только для фото в туалете. Например, списывать. Копировать чужие работы. Ну или выкладывать всякие гадости про врагов…

– О демоны, – пробормотал Кейман, вытащил из-под стола бутылку с ромом и щедро плеснул в кофе, аж с горкой получилось. – Значит, так. Список всех возможных

злоупотреблений твоим штормграмом до обеда должен быть у меня на столе. Пиши все, что вспомнишь. Сегодня вечером я жду тебя на занятиях. Что еще… ладно, остальное вечером.

– До вечера, – послушно отозвалась я и от греха подальше быстро смылась из директорского кабинета.

За ночную прогулку не попало, расспросов на тему Габриэла не последовало, о Бастиане врать не пришлось. Ну а со штормграмом реально вышел косяк. И кто вообще знал, что мой проект по артефакторике превратится в такое?

Хорошо, что сегодня выходной! Я думала уговорить Аннабет и Брину погулять по саду, может, если осень порадует последним теплым деньком, расположиться где-нибудь у стен часовни и попить кофе. Теперь, когда с нами была огненная магичка, не стесненная в средствах, можно было даже на обычной прогулке не выпускать из рук чашку с чем-нибудь горячим.

В столовой было примерно вполовину меньше народу, чем обычно. Аннабет с Бриной только приступали к завтраку. Я плюхнулась на свободное место и выдохнула.

– Ну и утро. Вы видели, что творится в штормграме?

– Да. – Брина фыркнула. – Я почти не спала, наблюдая за этим зоопарком. Штормграм плюс алкоголь творят чудеса. Готова заплатить тому, кто передаст десяток таких штук в Совет Магов. Уверена, эти напыщенные умники хранят целые сундуки мерзеньких секретов.

– Смешно тебе. А там, между прочим, мое имя. Я должна подготовить список возможных злоупотреблений.

– Работать на директора против адептов? Ты рискуешь репутацией, Деллин Шторм. Я потратила на ее восстановление почти полгода!

– Ты просто сидела рядом со мной в столовой.

– Ты не умеешь ценить дружбу. – Брина скорчила смешную рожицу. – А вот я – умею. Именно поэтому твой бывший сейчас размышляет о жизни, запертый в собственной комнате.

– Ты заперла Габриэла?

– Ну да. Вчера мы увидели, как он обнимался с какой-то девчонкой. А потом явился с ней же на бал, а тебя не было. Так что я караулила его у спальни и заблокировала ему дверь. И окно. Ох, какой ор стоял с утра!

Да, потрясающе. Бросил перед балом меня и тут же пошел на него с какой-то девицей. У Бастиана, бесспорно, потрясающие методы, как добиться своего. Он вообще, кажется, не берет в расчет ни окружающих, ни собственную семью. Что хочу, то получаю, а кого обижу в процессе, плевать. Я же дракон, я офигенен.

– Габриэл отказался со мной идти перед самым балом. Я решила не ходить совсем. Простите, что не предупредила. Просто не хотелось рыдать в чьей-то компании.

На столе передо мной появились сырники. Запах свежей выпечки раззадорил аппетит. Когда я потянулась за креманкой с фруктовым соусом, то что-то в облике Аннабет показалось мне странным. Подруга не произнесла за весь завтрак ни слова, только угрюмо ковырялась в тарелке.

– Все в порядке? – спросила я. – Выглядишь…

– Как? – нервно вздернула голову она.

Я опешила от неожиданности.

– Расстроенной.

– Да ты что! Деллин Шторм, наша темная королева, соизволила обратить на меня внимание! Нижайше кланяюсь и заверяю, что не омрачу ваш завтрак недовольной рожей.

– Аннабет, ты чего?

– Ни-че-го! – отрезала она. – Я устала слушать все о тебе. Деллин идет на бал, вау! Деллин не идет на бал! Деллин снова была у директора! Деллин поругалась с Бастианом! Боги, посмотрите, Деллин победила Ванджерию! Ой, Деллин загремела в лазарет! Парень Деллин пришел на бал не с Деллин! Деллин не пришла на бал после того, как парень Деллин пришел не с Деллин! Посмотрите, Деллин – снова модель Рианнон Найтингрин! Сенсация! Артефакт, который изобрела Деллин, стал любимой игрушкой школы! Как думаешь, что во всем этом не так?

– Я…

– Ты зациклилась на себе! Как только у тебя появились богатые друзья и поклонники, тебе вообще стало плевать на нашу дружбу.

– Это неправда!

– С кем я ходила на бал?

– Ой-ой… – пробормотала Брина.

Я закусила губу.

– Вот видишь. – Аннабет развела руками. – А как он прошел? Тоже не знаешь? Конечно, тебе неинтересно! Тебе интересно, сколько шума наделал твой штормграм… а знаешь, мне тоже интересно. Только у меня его нет!

С этими словами Аннабет бросила вилку и поднялась. Вилка с грохотом прокатилась по полу, из-за чего на наш столик уставились почти все присутствующие. Народ с любопытством перешептывался, пока мы с Бриной смотрели вслед уходящей Аннабет.

– Она хотела штормграм? Почему не сказала?!

– По многим причинам. У нее нет денег, а ими торговал Сайзерон.

– Я бы взяла для нее одну штуку.

– Ты говорила, что была горничной и жила в нищете. Часто просила у друзей какой-нибудь артефакт? – Брина подняла брови.

Мне захотелось утопиться в графине с компотом.

– Это утро может быть хуже?

– Да, – безжалостно отозвалась она. – Все оценили наши образы для коллекции, и сеть штормграмов скоро разорвет от изображений пижамок. Плюс: Бастиана скоро разорвет от ревности. Минус: только ленивый не обсудит нас во всех деталях. Хотя это они и так делают…

Аппетит пропал, народ все так же шушукался и поглядывал в нашу сторону. За окном медленно, но верно стягивались тучи.

– Опять гроза, – вздохнула Брина. – Раньше они так часто не гремели. Уже по всем законам должен идти первый снег! Когда я была на первом курсе, к Балу Огня во Флеймгорде уже лежали сугробы.

Я угрюмо промолчала. Не рассказывать же, что постоянные грозы – наименьшая из проблем, организованных мной. Таара не просто так была богиней хаоса. Она явно с удовольствием устраивала его при жизни, и будто того было мало – щедро поделилась способностью со мной.

– Пойдешь мириться? – спросила Брина, когда посуда со столов исчезла и причин оставаться в столовой больше не было.

– Сначала схожу в город, а потом добуду штормграм. Придется пообщаться с Габриэлом на этот счет, потому что сама я буду делать его неделю. Вряд ли она у нас есть.

– Да, пожалуй, я поторопилась с местью… – Брина закусила губу.

Мы вышли из школы и вместе направились к городу. Брина – домой, чтобы написать родителям и забрать какую-то посылку от мамы, а я к Марьону. Лично взглянуть на плакаты и добыть то, что поднимет Аннабет настроение.

И испортит его Кейману: билеты на зимний показ.

– Как у тебя с братом? – спросила я. – Сильно орал?

– Терпимо. – Брина пожала плечами. – Запретил участвовать в показе, но я и не подписывала контракт на него. Сказал, что дружба с тобой – плохая идея. Я ответила, что пусть сначала сам разберется в своих привязанностях, а потом указывает, с кем дружить мне. На этом разошлись.

– Он говорил, ты его боишься после возвращения.

Брина нахмурилась и долго молчала, прежде чем ответить.

– Да, возможно. Он изменился. Это неизбежно, и я понимаю,

что на него навалилось все сразу: восстановление после пересадки, дела рода, политика, учеба, личная… кхм… жизнь. И я скучаю по тому Бастиану.

– Ты в порядке? Кейман спрашивал, что с тобой, почему ты теряешь концентрацию.

– Я в порядке! – Брина улыбнулась. – В полном. А магистру Кросту стоит вспомнить, что вы учитесь в этой школе с первого курса и привыкли к нагрузке. А вот моя магия была вполне себе управляемой до тех пор… забудь, в общем.

– Забудь… – пробурчала я. – Об Аннабет уже забыла. Сначала она начала воровать, и ее чуть не выгнали, а теперь вот…

– Да ладно, – Брина махнула рукой, – отойдет. Пригласи ее на каникулы к себе. Аннабет некуда пойти, если она останется в школе, то снова будет чувствовать себя лишней.

– Поговорю с Кейманом.

Второе Рождество в его доме. Первое выдалось непростым, явилась проекция Бастиана и перевернула мне только-только устаканившуюся жизнь. Интересно, что случится на этот раз? До каникул еще пять недель. Два испытания с магистрами, занятия с Кейманом, возвращение на пары к Яспере, подготовка к показу у Рианнон и проклятые, выматывающие сны об Акорионе.

Бал Огня кончился, а проблем стало еще больше. В Школе Темных все стабильно.

* * *

Кейман снова поднял голову от бумаг и со вздохом на меня посмотрел.

– Долго ты будешь смотреть в потолок?

– Я не могу уснуть.

– Ты не пытаешься.

– Пытаюсь. Но в голове слишком много мыслей.

– Удивительное состояние. Почему оно наступает у тебя не вовремя? На парах бы пригодилось.

Сегодня даже подначки Кеймана не могли меня разозлить. Ему стоило закончить уже эту экзекуцию, по ошибке именуемую занятием. Я не усну сегодня, потому что не уснула в полной темноте под мягким одеялом, после часового полета на крыльях по спортзалу и двух ложек зелья. В конце концов я смирилась, что ничего не выйдет, и просто ждала первых лучей рассвета.

– Зачем вы меня сюда привели? – вдруг спросила я.

– Жизнь скучной была. Решили выстрелить себе в ногу.

– Смешно. А если серьезно?

– Почему тебя волнует этот вопрос?

– Вы все рискуете, если Таара вернется. Акорион делает для этого все и немного больше. Если это случится, Штормхолду придется нелегко. А на Земле я бы тихонько дожила лет до шестидесяти, убираясь в чужих домах, и ничего бы не было.

– Даркхолд следил за тобой на Земле. Думаешь, позволил бы тихонько дожить до пенсии? Забрал бы тебя сам, и все.

– Тогда можно было меня убить.

– Можно было. Только душа Таары сильная, переродилась бы еще. И что? Превращаться в маньяка, убивающего младенцев? Акорион бессмертен, однажды он бы просто нашел тебя раньше нас, итог был бы тем же. Риск так или иначе есть. Но у тебя мало шансов превратиться в Таару. Понимаешь, для того, чтобы быть богиней, нужно обладать особой кровью, телом, силой. Ты все же человек. Так что если сойдешь с ума, то будешь просто бесноватенькой лохматой Деллин, которая воспитывает ананас.

– Ты врешь, я же вижу. Я и в здравом уме могу своей силой дел натворить.

– Да ты и без силы можешь, – отмахнулся Кейман. – Тебе палку выдай, последствий не оберешься.

Я хихикнула, поняв, что он говорит о штормграме. Всеобщее помешательство не прошло, а Брина была совершенно права: наши с ней фото в пижамах и рубашках разлетались с космической скоростью. Уже к вечеру на доске объявлений висела выдержка из директорского приказа. Я опоздала к Кейману на пять минут как раз потому, что с интересом читала новые правила школы.

Вниманию адептов! Просим ознакомиться с изменением школьных правил!

Пункт 12.4 Устава Высшей Школы Темных «Об использовании в стенах школы артефакта “Штормграм”».

12.4.1 Запрещается использование артефакта во время занятий.

12.4.2 Запрещается использование артефакта для списывания.

12.4.3 Запрещается использование артефакта с целью травли, оскорбления, шпионажа и других действий, предусмотренных Сводом Законов Королевства Штормхолд.

12.4.4 Запрещается использование артефакта в провокационных целях, использование чужого артефакта.

12.4.5 Использование артефакта разрешается только с указанием настоящего имени владельца артефакта. Все артефакты неустановленных лиц подлежат уничтожению.

12.4.6 Запрещается приобретать артефакт у сторонних лиц в городе и проносить его в школу.

12.4.7 КАТЕГОРИЧЕСКИ запрещается распространять при помощи артефакта следующую информацию:

– копии ученических работ, семестровых заданий и других учебных материалов, за исключением методических

– изображения эротического или иного откровенного характера

– изображения сотрудников школы, в том числе обслуживающего персонала

С полным перечнем правил учащиеся могут ознакомиться в канцелярии. Для разъяснения отдельных пунктов необходимо обращаться к заместителю директора по воспитательной работе магистру Ванджерии.

Внимание адептам! У администрации ЕСТЬ экземпляр штормграма. И мы ВИДИМ, что вы там создаете. Будьте осторожны и предусмотрительны.

Приятных выходных, с уважением, дирекция.

Вот так в нашу жизнь вошли штормграмы. Если в школе и были люди, игнорировавшие новую игрушку, то после такого объявления их не осталось вовсе.

– Что мне делать с Ясперой? Я могу вернуться на ее занятия, но не уверена, что она обрадуется…

– Я возьму твой курс себе. Не ходи к ней.

У меня сама собой отвисла челюсть. А Кейман, чуть подумав, добавил:

– Мы закончили отношения. Какие бы то ни было.

Вот уж не ожидала, что услышу это. А услышав, испугаюсь, до конца не понимая, чего именно. Мести Ясперы за разрушенные отношения? Хуже уже быть не может, мы едва не повыдергивали друг дружке хвосты. Тогда что?

Мне не дали как следует об этом подумать. Кейман поднялся и погасил настольную лампу, окончательно погрузив кабинет во мрак.

– Я не могу сидеть с тобой всю ночь, мне нужно поговорить с Ленардом. Если не уснешь до трех, можешь идти, придешь завтра.

– Хорошо, – вздохнула я и уставилась в потолок.

Просто полежать полтора часа – и домой. Снова ворочаться в постели, чтобы отрубиться за пару часов до подъема и спать между пар, урывками. Как же мне хочется хоть разочек нормально выспаться! Отключиться с вечера до утра, свернуться под одеялом и поспать так сладко, как спалось на Земле. Акорион в последнее время снился куда реже обычного, но это не спасало от

изматывающей тревоги и одних и тех же мыслей. Где я окажусь, едва закрою глаза? Что увижу? Иногда, после тренировок, я приходила и отключалась, но чаще всеми силами оттягивала момент засыпания. И злилась на себя за это.

Мерно тикали часы в кабинете, за окном в такт отсчету секунд качалась ветка. В окно светила какая-то звезда, то ли Таары, то ли Кроста, с дивана было не видно. Застежка платья больно впилась в спину, и, как бы я ни ерзала, ослабить давление не получалось. Я так увлеклась мыслями о том, будет ли слишком неловко снять это дурацкое платье, пока в кабинете никого нет, что не заметила, как провалилась в сон.

Оказалась в какой-то комнате, несколько раз моргнула и, увидев Кеймана, успокоилась.

– Ты специально ушел, чтобы я уснула?

– Я коварен, – усмехнулся он.

– И где мы?

– Твои варианты?

– В чьей-то спальне. Полагаю, Таары. Черт, я надеюсь, сейчас не начнется порно? Потому что это будет самый неловкий момент на свете.

– Я как-то тоже на это рассчитываю.

Кейман, приняв самый что ни на есть терпеливый вид, сел в кресло и стал просто ждать действий. Мне не сиделось на месте, и я принялась бродить туда-сюда по комнате. Рассматривать мебель, картины, безделушки, валяющиеся на комоде.

– А эта спальня часом не в том замке, где сейчас живет Акорион?

– Нет.

– Жаль… а то такая идея хорошая в голову пришла.

– Какая идея?

Я не ответила. Смотрела как завороженная в зеркало, где отражалась одновременно я и не я. У Деллин там были такие же длинные волосы, только иссиня-черного, отливающего серебром, цвета. Тяжелые густые ресницы, яркие губы, искривленные в усмешке. А за спиной раскинулись крылья. Совсем не те милые и трогательные перья, что дарил Кейман для крылогонок, и совсем не похожие на те, что я видела в своих снах. Жутковатые, словно нетопыриные, крылья с острыми шипами.

Отражение насмешливо склонило голову. Я стояла совершенно неподвижно, ибо впервые видела эту ипостась Таары, и все пыталась найти сходство между этой… этим существом и той милой девчушкой, которая лечила спасенную птицу. Как она превратилась в это?

Я обернулась, чтобы рассказать Кейману, что вижу, но

комната вдруг погрузилась во мрак, как будто выключили экран старого телевизора. А когда включили снова, я задохнулась от ужаса: теперь по ту сторону зеркала очутилась я.

– Эй! – крикнула, коснувшись ледяной поверхности.

Таара только улыбнулась и издевательски пожала плечами.

– Не смей! Это мой мир! Ты умерла!

Богиня отвернулась от зеркала, исчезла из моего поля зрения, оставив в зоне видимости лишь крошечный клочок чужой спальни.

– Вернись! Кейман!

Я попыталась было сдвинуться с места, но не смогла сделать и шага: пространство, в котором я находилась, оказалось совсем крошечным. От стены до стены едва ли была половина метра, спиной я тоже упиралась во что-то – на удивление мягкое. Не сводя взгляд с комнаты, я ощупала стены в поисках хоть какой-то двери или механизма и вдруг поняла, где нахожусь.

Накрыло таким приступом клаустрофобии, что я не закричала лишь потому, что оцепенела. Зеркало исчезло, передо мной сомкнулась тьма, и послышались глухие удары по крышке гроба. Я попыталась было стучать, но быстро выдохлась. Легкие словно сдавило раскаленной цепью. Вскоре все стихло, звенящую тишину нарушали лишь частые удары моего сердца.

– Это сны. Кошмары, с которыми надо бороться.

Почему только мне никто не объясняет, как?!

Ладно. Я не могу выбраться, не могу кричать, здесь не действует магия. Значит, я просто закрою глаза и попытаюсь уснуть.

А если это не сон? Если Таара вернулась? И заперла меня здесь, а сама восстала в Штормхолде?

– Выпустите меня-а-а! Ну пожалуйста! Кейман!

Так. Отставить эмоции. Я же не беспомощный ребенок, я хоть чему-то в школе научилась или все полтора года была занята личной жизнью и чужой смертью? Это сны, совершенно точно сны. В прошлый раз они ударили по больным воспоминаниям о том, как умирала мама. В этот раз бьют по сильным страхам. У нас с Таарой одна душа, так не может быть, она – это я. Я была ей. Она стала мной. Не бывает такого, чтобы одна часть души гуляла по миру, а вторая была заперта… где-то, в общем, заперта.

Вдруг показалось, что я слышу шаги.

– Эй! Кто-нибудь! Помогите! Я здесь!

Шаги приближались, и от зародившейся в душе надежды я едва не разревелась. Послышались скрип и грохот камня, а потом в мою темноту проникли робкие, едва заметные лучи света. Я всматривалась в них до боли в глазах и, когда сумела различить в

полумраке знакомые черты, невольно вскрикнула.

– Деллин?

Тьма рассеялась, я села в саркофаге и мертвой хваткой вцепилась в бортики. Руки тряслись, как будто я только что прыгнула с парашютом. Понадобилось много времени, чтобы прийти в себя.

– Жесть.

– Ты неплохо справляешься.

– Неплохо?! Да я чуть с ума не сошла! Сначала оказалась по ту сторону зеркала, потом в гробу, потом…

– Что? – заинтересовался Кейман.

– Так странно. Когда я только приехала в школу, мне снился сон. Как я подхожу к саркофагу, открываю крышку – и оттуда смотрят жуткие глаза. А чей-то голос говорит, что я вернулась. Я думала, это отсылка к Акориону. А сейчас увидела себя… понимаешь? Тот самый сон, только с позиции того, кто был в саркофаге! А если это о Тааре? Если сон – о ней, о том, что она проснется.

– Деллин, – терпеливо, но с легким раздражением, сквозящим в голосе, сказал Кейман, – я еще раз повторяю. Она не может проснуться, потому что она не спит. Она умерла. Ты и Таара не можете существовать одновременно.

– Да, но Акорион хочет ее разбудить. Если это знак?

– Это твои кошмары. Ты боишься, что она появится, поэтому тебе все это снится. Прекрати паниковать, тебе так же далеко до нее, как до диплома с отличием.

– То есть зачет по предсказаниям не поставишь? – слабо улыбнулась я.

Хотя бы дрожь прошла. Только чувство тревоги все еще камнем лежало на сердце.

– Не поставлю. Придется зарабатывать оценку честно.

– То есть придумывать, что в скором времени я получу «неуд» на паре Ясперы.

– Теперь ее пар нет. Как будешь выкручиваться?

– Завалю что-нибудь еще. Дурное дело нехитрое. Ух ты, какое небо!

За болтовней мы не заметили, как декорации вокруг сменились ночным лесом. Прохладный ветерок трепал мои волосы, где-то вдалеке стрекотали цикады. Над кронами деревьев распростерся Млечный Путь, а три звезды над Штормхолдом сияли особенно ярко.

– Снова воспоминание из жизни Таары?

– Да, – ответил Кейман. – Сейчас ты узнаешь, как она стала богиней смерти. Довольно интересный момент.

Мы как будто на передаче про животных. А сейчас мы можем видеть, как самочка непальского гепарда разделывает свою добычу. А вон там, в тени раскидистых пальм, отдыхает жираф. А прямо перед вами, дорогие зрители, еще совсем юная, но уже подросшая особь темной богини чешет через лес. Давайте подкрадемся поближе и попробуем выяснить, куда держит путь эта пока еще адекватная красавица.

Пока мы издалека наблюдали за сосредоточенно куда-то бредущей Таарой, мне в голову пришла очередная идиотская идея. Вот бы сделать артефакт, который погружает в такие сны, только не в кошмары, а в заранее заданные декорации. Что-то типа интерактивного фильма. Хотя если его сделать, большая часть покупателей будет выбирать кошмары, судя по рейтингам кинотеатров…

– Зуб даю, сейчас она спасет котенка, – пробубнила я себе под нос.

Таара раздражала даже не поступками, а тем, что была той частью меня, на которую смотреть самой не хотелось, но при этом на которую смотрели все окружающие. Если бы я сейчас взглянула на Кеймана, то нашла бы в его глазах много эмоций, которым лучше оставаться его личными.

Раздался хруст веток где-то сбоку. От неожиданности я подскочила, Кейман просто повернул голову, а вот Таара ничего не услышала, будучи погруженной в свои мысли. Даже когда из чащи вышел, пошатываясь, мужчина, она обратила на него внимание не сразу.

– Помогите… – едва слышно прошептал он.

Звездный свет упал на пропитанную кровью рубашку, а очередной шаг добил беднягу: он, охнув, опустился на колени. Таара вздрогнула и бросилась вперед.

– Что с вами? О звезды, вы ранены! У меня с собой ни одного зелья… так, я помогу вам подняться, здесь рядом мой… то есть замок, где я живу. Там вам помогут. Как вы вообще здесь оказались? Люди обходят стороной это место.

– Нет! – неожиданно твердо произнес мужчина. – Мне нужно к водопаду. Там, к востоку от плато…

– Вы не перенесете дорогу, вы ранены!

– Пожалуйста. Я прошу вас. Умоляю. Мне нужно к водопаду. Там помогут.

Богиня закусила губу в неуверенности, и теперь вздрогнула уже я: жест был знакомым и нежно любимым. Бедный Кейман! Неудивительно, что, глядя на меня, он видит бывшую жену.

Таара и незнакомец побрели вглубь леса. Мужчина едва переставлял ноги, и девушке приходилось изо всех сил

поддерживать его – откуда только силы взялись! Мы с Кейманом следовали за ними, держась на расстоянии пары метров.

– Что происходит? Кто он?

– Смотри, – коротко ответил Крост.

Вот черт, а я любила спойлеры. Порой даже читала содержание фильма перед тем, как его смотреть.

Сколько занял путь, сказать не возьмусь. По ощущениям – не очень долго, но у меня имелось серьезное подозрение, что во сне время шло совершенно иначе. Во всяком случае, я не успела толком обдумать пережитый кошмар, как вдруг вместе со всей толпой оказалась перед большим водопадом.

– Жуткий какой, – пробормотала, поежившись.

Огромный, высотой с пятиэтажный дом, с черным нутром и блестящей в ночном свете водой, с грохотом падающей на скалы. Отвесная скала напоминала разинутую в немом крике пасть дракона.

– Мы пришли, – сказала Таара.

Осторожно посадила мужчину на ближайший валун и вдруг вскрикнула, отшатнувшись: его раны затягивались прямо на глазах. Кровь с кожи и одежды исчезала.

– Что происходит… – побледневшими губами прошептала Таара.

Я повернулась к Кейману.

– Это то, о чем ты рассказывал? Исцеляющее магическое место? Как наши дубы-извращенцы?

– Мне очень приятно, что хоть что-то из моих лекций ты запомнила. Но нет.

– Спасибо, – улыбнулся мужчина.

Протянул руку.

– Спасибо тебе.

Медленно, словно завороженная, Таара коснулась его ладони. А потом он развернулся и не спеша пошел прямо к водной стене, в темные недра скалы, с каждой секундой все сильнее растворяясь в ночи. Таара не сводила с него взгляд, ее била мелкая дрожь, и невольно состояние тревоги передалось мне.

– Тебе не нужно бояться, – услышали мы Акориона.

Он вышел из тени деревьев.

– Ты все сделала правильно.

– Кто он? Ты знаешь его?

– Ты не поняла? – улыбнулся бог. – Он был мертв. Ты проводила его душу.

– Душу? Но… куда?

– Только ты можешь ответить на этот вопрос. Твоя сила просыпается. То, для чего ты здесь. Для чего Крост нашел тебя.

Он бог стихий, природы. Но знаешь, что ему неподвластно? Смерть, Таара. Его природа смертна. Он ее хозяин здесь, а ты…

Он указал на водопад.

– Там. В мире, где рождаются и умирают души.

– Что там?

– Проверь. Только ты можешь туда войти. Это твоя сила, дорогая.

– А что насчет тебя? – Она вскинула голову. – Для чего ты существуешь?

– Не всё сразу. Однажды я тебе расскажу.

Он оставил ее. Смотрел, как осторожно, уговаривая себя на каждый шаг, Таара идет к водопаду, и потом еще долго вглядывался в темноту. На миг мне захотелось рвануть следом за богиней, но Кейман не двигался с места, и я не решилась. А потом все как-то слилось, смешалось в сине-черную кляксу. И я открыла глаза уже на диване в знакомом кабинете.

– Доброе утро, – сообщили откуда-то сбоку.

– Уже утро? В прошлый раз сны прошли быстрее.

– Ты отрубилась, едва вышла из транса. Я не стал будить тебя.

Потерла глаза, зевнула и мысленно посетовала, что отрубилась я в кабинете, а не у себя. Сейчас можно было бы еще немного поспать под теплым одеялом!

– Мне показалось, Акорион знал намного больше Таары, хотя, по логике, они росли вместе. Чего он хотел? Какую цель преследовал?

– Он начал изучать пределы своих возможностей намного раньше нее. Я позволял ему практически все, считал, что Акорион достаточно разумен, чтобы учиться жить со своей силой и при этом признавать мой авторитет. В один момент он стал видеть и понимать намного больше меня.

– Она стала богиней смерти? Получила власть над подземным миром… что бы это ни было.

– В первый раз мне пришлось вытаскивать ее оттуда. Таара не знала, как вернуться. Испугалась того, что увидела. Подземный мир – это не копия Штормхолда в мрачных декорациях. Это пристанище душ, за которым – только хаос. Не самое приятное место.

– Откуда оно взялось?

– Я не знаю, – признался Кейман. – Как и о многих вещах в этом мире. Откуда вы появились. Что было до моего рождения. Как появился Штормхолд. Это вопросы, которые я предпочитал не задавать себе. Хотя наверняка на них есть ответы. Кто знает, может, ваши ученые были правы насчет зарождения жизни в

мире?

– Не понимаю, как она могла превратиться в безумную богиню. Таара не выглядит последней стервой. Да, сложности с силой, сложности с мужем, чрезмерная опека и жажда побегать там, где летают драконы, но всего этого недостаточно для поехавшей крыши! Ты говорил, вы смотрели мир, изучали его, правили вместе. Что с ней случилось? Почему вдруг Акориону получилось на нее так повлиять?

На этот раз Кейман долго молчал, и я решила, что эти вопросы тоже относятся к категории «не знаю». В конце концов, иногда люди делают что-то просто потому, что делают. Только в книгах существуют идеально выверенные характеры, люди по ГОСТу, которые всегда поступают так, как задумал автор. В жизни они порой выкидывают те еще фокусы.

– Я подумал над тем, что ты сказала, – произнес наконец Кейман.

– Над чем именно? Я постоянно столько всего болтаю, что сама перестала запоминать.

– О том, что тебе тяжело узнавать о Тааре случайно, во сне или из книг. Я тебе расскажу все, что с ней случилось. Не сейчас, сейчас мне нужно на совещание, давай вечером. Сходим поужинать в городе и поговорим.

Второй раз за ночь я потеряла дар речи. Подозрительно прищурившись, смотрела на Кеймана и пыталась понять, что стоит за этой его фразой. Неужели правда расскажет? Спустя полтора года недомолвок? В это как-то слабо верилось.

Наконец я решила, что лучше сначала послушать, а потом сомневаться, и кивнула:

– Хорошо. Спокойной ночи.

Уже потом, выйдя из кабинета и взглянув в окно, где занимался рассвет, поняла, что ночи не получится. Через час подъем, завтрак, а мне еще хотелось успеть поговорить с Аннабет. Чтобы не разговаривать на глазах у всех и в присутствии Брины. Поэтому я вернулась в комнату, приняла душ, привела себя в относительный порядок и, захватив штормграм, отправилась мириться с Аннабет.

Лучше бы я этого не делала вовсе.

Аннабет уже не спала, она открыла дверь, полностью готовая к выходу. Похоже, собиралась в город, потому что поверх дорожного костюма на ней болталась пустая сумка, в которой звякали монеты.

– Привет. – Я нервно закусила губу, потом вспомнила Таару и одернула себя, и все это за долю секунду перед тем, как Аннабет смерила меня мрачным взглядом и откликнулась.

– Ну привет.

Окатило таким холодом, что вдруг показалось, будто в Штормхолд нежданно-негаданно пришла зима, причем прямиком в комнату подруги.

– Я пришла мириться. Аннабет… прости меня. Я не умею дружить, у меня никогда не было подруг. Ты первая, кто подошел ко мне и захотел дружить, я не знаю, как это делается, привыкла быть одна и пытаюсь тот же сценарий воплотить в школе. Правда в том, что я не принесла тебе штормграм потому, что не подумала, что тебе он нужен, а не интересовалась тобой не потому, что не люблю, а…

Вздохнув, я махнула рукой.

– Есть много вещей, которые мне не разрешают никому рассказывать. Из-за Кеймана, прошлого, силы этой дурацкой. Поэтому я все время хожу, думаю о них, а на окружающих времени не остается. Я не хочу остаться без единственной подруги. Аннабет, я постараюсь быть внимательнее. Это штормграм и билеты на показ Найтингрин. Хочешь приехать на каникулы к Кейману? Будем гулять, общаться, посмотрим праздничный Флеймгорд.

– Деллин, на каникулах люди, которых не обеспечивают влиятельные опекуны, работают. Чтобы потом такие, как ты, не смотрели на них свысока из-за дешевого платья на балу.

– Боги, Аннабет, я никогда на тебя так не смотрела! У меня денег немногим больше, я тоже работаю!

– Да, конечно, я же забыла, насколько сильно устают модели.

– Слушай, я извинилась. Мне правда стыдно. Иногда я веду себя как сволочь, потому что… ну потому что характер не пропьешь. Я не хочу разрушать дружбу из-за одной глупости, без шанса на исправление…

– А я не хочу ее поддерживать. Мне неинтересно, что там у тебя происходит. Просто неинтересно. Я не хочу больше с тобой общаться, гулять, сидеть за твоим столиком; и вообще, мне надоело быть тенью Деллин Шторм. Хватит врать, тебе плевать на нашу дружбу, ее и не было никогда. Я ценю, что ты пришла извиниться, но правда, давай признаем, что дружить у нас не получилось, и спокойно разойдемся. Я устала, Деллин, дело не в штормграме и не в вопросе «как дела?». Просто я не хочу быть лишней в твоем круге общения… да и вообще не хочу быть в нем.

– Ты не лишняя, ты – его основа, Аннабет!

Она невесело рассмеялась.

– Нет, Деллин, я – предмет декораций твоего спектакля. Вы с Бриной даже не берете в расчет мои чувства, когда говорите о Бастиане! Ты знала, что он нравится мне, я понимаю, что

насильно мил не будешь, что ты тоже имеешь право на отношения и бросать парня, чтобы подружке было приятно, нельзя, но…

– Аннабет, при чем здесь Бастиан? Между нами ничего нет.

– Ой, да хватит. Как будто я не вижу, что ты по уши втрескалась. Он на тебя запал, это очевидно. Брина писается от восторга, ты не сводишь с него глаз, а я должна за всем этим наблюдать и поддакивать. Извини, но я устала. Я не злюсь, правда, и тоже извиняюсь за то, что тебе наговорила. Но давай закончим на этом. Желаю тебе удачи, Деллин, и найти друзей, которые действительно станут для тебя друзьями. Спасибо за штормграм, но я уже заказала его у Габриэла.

С этими словами она просто захлопнула дверь перед моим носом! А я так и осталась неподвижно смотреть на табличку с номером «44», пытаясь уложить разговор в голове и сквозь недосып и шок осознать, что только что случилось.

А случилось то, что я осталась без единственной подруги. И если после ссоры можно извиниться, исправиться, поменять подход и отношение к дружбе, то после этого разговора остается только отойти в сторону и не мешать. Потому что чем дольше я стою под дверью и шмыгаю носом, тем меньше шансов хоть когда-нибудь снова начать общаться с Аннабет.

Может, оно и к лучшему. Дружить сейчас со мной опасно. За любой косой взгляд Акорион способен натворить немало бед. Если завтра ему взбредет в голову, что убийство моей подруги приблизит меня к превращению в Таару, я получу не розы, а чью-то голову. Брину охраняют как принцессу, за ней всегда поглядывают несколько огненных магов, держась на почтительном расстоянии. Подозреваю, это лишь видимая часть ее охраны.

А кто защитит Аннабет?

Но все равно я как будто лишилась огромной части целого мира. Однажды уже пришлось вторую половину года провести без подруги, но тогда я знала, ради чего она уехала. То был единственный шанс для нее остаться в школе. А сейчас никаких драм и рисков. Просто Аннабет больше не хочет со мной дружить.

– Чего рыдаем в омлет? – спросила Брина, придя в столовую. – Неуд за семестровку? Несчастная любовь? Сломавшийся ноготь?

– Была у Аннабет.

– У-у-у. – Она тут же помрачнела. – И как?

– Никак. Сказала, что больше не хочет общаться. Совсем. И сидеть с нами не будет.

– Вот коза.

Теперь не только я уныло ковырялась в тарелке.

– Она отойдет.

– Не думаю. Ей нравится Бастиан. И она не злится на что-то конкретное. Просто ей тяжело.

– Так всегда, когда дружишь с кем-то вне своего круга. Постоянно паришься, уместно ли то, нормально ли это. Если я хочу пойти на концерт, правильно ли будет купить два билета, зная, что другу такое не по карману? Или не покупать? А вдруг он обидится, что не позвала? А если позову, и он купит билет сам, то совсем не останется денег? А если подарю, то не ущемлю ли его гордость? В итоге сил тратится на вот это все гораздо больше, чем на дружбу. А обиды все равно появляются.

– Но Аннабет – моего круга. Круга сирот из бедных кварталов, которые работают, чтобы не сдохнуть с голоду.

– Уже нет. Ты воспитанница Кеймана Кроста, хочешь этого или нет. Темная адептка. Модель дома Найтингрин. Я не говорю, что это твои достижения, которые ставят тебя выше Аннабет, но ты не можешь отказаться ни от денег и имени опекуна, ни от силы, ни от работы, которая приносит доход и позволяет не надрывать спину в таверне. А Бастиан не может по мановению руки влюбиться в Аннабет. Он, во-первых, помолвлен, а во-вторых… Бастиан.

Брина пожала плечами.

– Поэтому других вариантов нет. Она считает, что так будет лучше. Мои подруги из Школы Огня отвернулись после того, как род ди Файров оказался под угрозой. Я потеряла влияние, и они решили, что нам не по пути. Подожди немного. Возможно, она успокоится. А может, и нет. Хочешь, пойдем гулять вместе с ребятами?

– С факультета огня? – прищурилась я.

– Да…

– И твоим братом?

– Ну…

Брина молчала несколько секунд, но, видимо, не смогла сообразить, что соврать, поэтому обреченно кивнула.

– Ну уж нет! Гулять в компании Бастиана я не собираюсь. Во-первых, потому, что он с дружками устроил мне веселенький прошлый год. Во-вторых, гулять с ним после разговора с Аннабет как-то странно. Позанимаюсь в комнате. Для разнообразия. Завтра зачет по предсказаниям, а я до сих пор не могу выдать ничего, кроме «ну… скоро зима, снежок там, холодно».

В столовой царил странный, совсем не свойственный завтраку выходного дня гомон. Народ возбужденно и даже тревожно переговаривался. Правда, заметила я это, только когда

выходила из столовой. И сразу же насторожилась. Конечно, адептов Школы Темных в подобное состояние могла ввести даже свежая сплетня, но интуиция подсказывала: здесь что-то не так.

– Как думаешь, что случилось?

– Не знаю.

Брина тут же выловила из толпы у доски объявлений какого-то паренька и тоном царствующей королевы спросила:

– Уайлд, а что происходит?

Парень уставился на нее с обожанием.

– Эрстенни повысили цены на крупицы земли. Теперь они не по карману почти всем.

– Что? – На лице огненной принцессы появилось удивление. – Повысили? Но…

– Это плохо? – спросила я. – На сколько повысили?

Мы протолкнулись к доске, и путем нехитрых подсчетов я поняла, что Эрстенни поехали крышей. На стандартный браслет влезало штук семьдесят крупиц, обычно этого количества едва-едва хватало на учебный блок. Я использовала в среднем раза в четыре больше за счет крылогонок и головной боли, и казалось, что тратила кучу денег на магию.

Теперь на ту сумму, за которую раньше можно было унизать весь браслет крупицами, маги земли могли приобрести разве что десяток бусин.

– У вас что, нет государственного регулирования? – спросила я у Брины.

– Корона выделяет всем минимум крупиц… обычно этого достаточно, но раньше цены не были такими высокими… король осадит Эрстенни! И другие короли стихий не допустят, чтобы крупицы земли были такими дорогими, это… это же преступление!

– Интересно, что теперь будет с адептами. Кейман выделит средства на крупицы для них?

Этот вопрос интересовал не только меня: все адепты факультета земли выглядели пришибленными. А я вспоминала разговор с Уотерторном. Он, помнится, обмолвился, что Эрстенни мгновенно приняли сторону Акориона. Уж не его ли это рук дело? Хотя какая выгода в том, чтобы взвинтить цены до недосягаемого уровня? Если цель – побольше заработать, то экономика так не работает.

Хотя у них вообще ничего не работает, не мир, а хаос какой-то. А я пока еще не Таара, чтобы в нем разбираться.

Брина, пообещав выяснить у Бастиана, что он на этот счет думает, унеслась гулять. А я хоть и надеялась еще позаниматься, уже по дороге в комнату поняла, что буду или страдать по

потерянным отношениям с подругой, или читать о Тааре. Я давно не открывала книги о ней. В преддверии разговора с Кейманом было бы актуально.

Но все планы сбила коробка. Обычная черная коробка с золотой лентой лежала на кровати, бесила своим существованием и снова напомнила о постоянном, неусыпном контроле Акориона. Он умудрялся доставать меня даже в школе, под защитой Кроста. И что прислал на этот раз?

Сняв крышку, я увидела крупицы земли. Темно-зеленые, они доверху заполняли коробку, блестели на свету, а поверх лежала небольшая карточка-открытка.

«Короли этого мира очень жестоки, любовь моя. Ты не такая, я верю. Отдай крупицы друзьям, они имеют право использовать свои силы… как и ты».

– Да вашу ж драконью… – Мне захотелось то ли рычать, то ли выть.

Как Кейман разрешил передать мне полный ящик крупиц? Я думала, любая магия от Акориона под запретом!

– А вот сейчас и спросим.

На всякий случай я оставила коробку в комнате, надежно спрятав в шкаф. И сразу же направилась в кабинет директора, мысленно сочиняя речь на тему сюрпризов. Он может как-то готовить меня к ним? Ну… что-то вроде «Деллин, занятие прошло неплохо, ты молодец. Завтра у тебя пара по нейтрализации, не забудь. Яспера передавала привет, скучает. Кстати, Акорион передал тебе гостинец. Будешь забирать, или дадим протухнуть и отправим обратно?».

А то так можно и сердечный приступ получить.

Я постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла, как делала обычно, но на этот раз замерла на пороге, растерянно глядя на Ясперу за директорским столом. Она едва подняла голову.

– Чего тебе?

– А где Кейман?

– Уехал на срочное заседание Совета Магов. Я вместо него.

Показалось, что Яспера специально избегала смотреть на меня и наклоняла голову как можно ниже, делая вид, будто безумно увлечена документами.

– А когда он вернется?

– Завтра. Может, послезавтра, – сквозь зубы процедила она.

– Вот черт! Так… ладно… мне нужна помощь. Хоть кого-то.

– Ты что, всерьез считаешь, что я буду тебе помогать? Тебе? День, когда я хотя бы посмотрю в твою сторону, станет для тебя последним!

Яспера подняла голову, и я поняла: не казалось. Глаза у демоницы покраснели, как будто она последнюю неделю ревела. И не спала вообще.

– Но…

– Я не желаю тебя ни видеть, ни слышать. Моли богов, чтобы Кейман вернулся быстро, потому что иначе тебе придется ой как несладко.

– Да засунь ты в задницу свои страдашки! – разозлилась я. – У меня в комнате тонна крупиц земли, присланная Акорионом!

– Со своими любовниками разбирайся сама, – усмехнулась Ванджерия.

Я сделала глубокий вдох.

– Хорошо. Тогда пойду и раздам их адептам. Буду звездой школы, начну свой путь благотворительности с малого.

И развернулась, чтобы гордо и неспешно выйти из кабинета. Даже не успела за ручку взяться, как сзади раздалось:

– Стоять.

Ну вот. Сработало. Даже настроение поднялось, и обжигающе ненавистный взгляд Ясперы его не испортил.

– Хочешь в гости зайти? – улыбнулась я.

Теперь проблема стала общей. И через несколько минут мы даже чувствовали некоторое единение, дружно рассматривая коробку, крупицы и записку. Я почти физически ощущала настороженность демоницы, только не понимала, являюсь его причиной я или все же подарок Акориона.

– На вид обычные крупицы, – наконец сказала Яспера. – Я ничего не чувствую.

– А я чувствую подвох. И не стану хранить их у себя в комнате.

– Надо уничтожить, – пожала плечами Яспера.

На что я протянула ей коробку и на всякий случай отошла к двери. Вдруг будет уничтожать прямо здесь? Успею смыться.

– А как уничтожают магию? Сжигают?

Больше ничего в голову не приходило. С тем, как добывают, продают и используют, я более-менее разобралась. А вот вопросы уничтожения как-то не приходили в голову.

– Аналогичным воздействием. Сжигают огненные крупицы, водные растворяют, воздушные развеивают, а земляные закапывают.

– А темные?

– А темные нельзя уничтожить.

– Тогда идем, закопаем вместе с коробкой под ближайшей сосенкой.

– Ага, на глазах у всей школы. А потом месяц будем возле

этой сосенки ловить искателей клада, – саркастично хмыкнула Яспера.

Я живо представила, как приятели Бастиана перерывают весь сад в поисках интересной коробки, и мысленно согласилась, что копать в школьном лесу – не вариант. И что делать?

Оказывается, я задала этот вопрос вслух.

– Хорошо. Я увезу их подальше и закопаю там.

– Размечталась! Я тебе не доверяю. И догадываюсь, на что способна обиженная женщина, уж извини за прямоту.

– И что ты предлагаешь? Я так-то тоже не в восторге от твоих выходок. И не собираюсь разгребать дерьмо, которое ты устроишь, если сама возьмешься за дело. Может, Крост и сохнет по тебе, но тот факт, что руки у тебя растут из одного места, даже он не может не признать.

Нет уж, второй раз я на такую провокацию не поведусь. Кейман наверняка говорил обо мне много интересного, в том числе и того, за что в приличном обществе бьют морды, но сейчас мне меньше всего хотелось устраивать разборку из-за директора. Отпустить Ясперу не вариант, неизвестно, насколько сильна ее обида на меня и насколько далеко она готова зайти в попытках отомстить. Одну она меня тоже не отпустит. Какие варианты?

Ни-ка-ких.

– Сделать сэндвичи в дорогу? – фыркнула я, когда Ванджерия закатила глаза и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

О да, уехавшие в одном направлении мы с Ясперой непременно вызовем куда меньше удивления, чем закопанная в лесу коробка. Вот Кейман-то обрадуется, когда приедет!

Глава 9

Черные кошки, сотканные из призрачного тумана, отнесли нас за несколько десятков километров от школы, на огромный пустырь среди скал. Всю дорогу, сидя в экипаже напротив Ясперы, я отчаянно старалась делать вид, что ничего необычного не происходит. И я совсем не нервничаю без какой-либо видимой причины, не чувствую себя причиной разрыва Ясперы и Кеймана, не побаиваюсь демоницу и… совсем ей не завидую.

Красоте, силе, идеальному каллиграфическому почерку…

– Что это? – спросила я после того, как буквы категорически отказались вставать в ровный ряд.

Как же достала эта дислексия!

– Приказ, – коротко ответила Яспера.

То, что это приказ, я поняла по фирменному бланку школы. Потому и решилась спросить, любопытство оказалось сильнее благоразумия.

– О чем?

– О запрете на выход в город. Тот, кто притащил в школу крупицы, больше не сможет ничего в нее пронести.

Я промолчала и уставилась в окно. Если бы Акориона можно было остановить приказом! Зачем он прислал крупицы, если Эрстенни задрали цены по его же указке? Вариантов миллион, от весьма неприятных до банального: он действительно хотел, чтобы я прослыла благотворительницей. Безумие сложно просчитать, оно действует по никому не ведомой логике. Вряд ли даже Акорион до конца понимал, что им движет.

Когда карета приземлилась, я с наслаждением вылезла наружу и вдохнула свежий горный воздух. Черт, а сюда стоило прилететь! Невероятно красивые места, как будто на краю света. Умиротворение и тишина. Смесь серых скал и буйной зелени, серого же неба и белоснежных облаков.

– Хватит прохлаждаться, бери лопату и копай, – крикнула Яспера.

В четыре руки мы довольно быстро выкопали хорошую такую яму прямо посреди поляны. Я, правда, копала раза в три медленнее, эта демоница вообще, казалось, не знала ни усталости, ни напряжения.

– Стой! – сказала я, когда Яспера потянулась к коробке.

Она вопросительно на меня посмотрела, и я как-то стушевалась.

– Давай я. Мне он ничего не сделает.

Мало ли, вдруг эти крупицы взорвутся, едва коснутся земли?

Кейман за убитого зама спасибо не скажет и вряд ли после такого поведет меня на ужин.

Пожав плечами, Яспера отдала мне коробку. Я вытряхнула все до единой крупицы в яму и быстро засыпала их землей. Коробку Яспера тут же сожгла, сняв со своего браслета крупицу огня. Несколько секунд мы просто стояли и ждали.

– Ну вот, – усмехнулась она. – Ничего не происходит. У тебя паранойя. И из-за тебя я потеряла половину рабочего дня…

– Никогда не видела, как уничтожаются крупицы, – задумчиво пробормотала я, глядя на землю.

– Как будто в этом есть что-то особ…

Яспера осеклась, открыла рот, да так и осталась смотреть на то место, где мы зарыли магию. От присыпанной землей ямы медленно, но неотвратимо расползались черные потеки. Земля словно гнила, трава превращалась в непонятное месиво, камни покрывались мерзким черным налетом, а мелкие кустарники до боли напоминали искореженные деревья из моего сна.

– Что за… Так, быстро в карету! – рявкнула Яспера, и мысли спорить как-то не возникло. Тьма уже почти коснулась ботинок, когда я рванула к экипажу и, едва закрыла за собой дверь, призрачные кошки взмыли в небо.

Мы зависли в десятке метров над землей, ошарашенно наблюдая, как некогда красивое место превращается в иллюстрацию к книге-страшилке. Тьма успела захватить всю поляну, изъесть чернотой стволы ближайших деревьев и лишь после этого иссякла.

– Я же говорила. Чувствую подвох. Просить тебя пересказать это моему преподу предсказаний бесполезно, да?

Мы обе явно думали о том, что было бы, окажись эти крупицы в руках адептов. Акорион перешел к активным действиям, это уже не похоже на безобидные подарки. Пора закрыть скотине доступ к играм со мной. Кто-то же принес коробку в школу! Зная, что Кейман в отъезде. Вопрос только, кто именно.

Об этом я думала всю обратную дорогу и не заметила, как пролетело время. Мы начали снижаться, я потянулась за курткой и бросила взгляд на часы.

– Так быстро? Мы уже в школе?

– Нет. Странно… я не приказывала им садиться, – нахмурилась Яспера.

– Можно мне сделать еще одно предсказание?

– Нет!

Карета коснулась земли. Я выглянула в окно, и внутри что-то оборвалось. Это какой-то сон наяву! На дороге, приветливо улыбаясь, стоял Даркхолд. Именно Дэвид Даркхолд: на нем была

та же одежда, что и в ночь, когда он вернулся с нашей помощью с Земли.

Почему я до сих пор не выучила никаких забористых ругательств этого мира?

– Сиди здесь! – сказала Яспере. – Ему хочется повидаться со мной.

Но разве Ванджерия могла послушаться ненавистную студентку? Она, конечно, почти отпихнула меня с прохода и распахнула дверь, чтобы спуститься на землю. В этот же миг раздался громовой голос Акориона, такой резкий и такой жуткий, что я вздрогнула и едва не села обратно на скамью.

– Сидеть! – рявкнул он на Ясперу.

И она… послушалась?

Белки глаз мужчины были черными, он как будто обладал колдовской властью над демоницей, потому что она, не сводя с него затянутого поволокой взгляда, медленно опустилась на сиденье.

– Вот и молодец, – мурлыкнул Акорион. – Будешь хорошей девочкой, вернешься к Кросту под крылышко. Деллин, детка, не хочешь прогуляться со мной? День сегодня чудесный.

Где-то вдалеке многозначительно громыхнуло. Да, день чудесный. Но, кажется, это ненадолго.

Надеюсь, эта сволочь забыл зонтик. Я вышла из кареты, хмуро посмотрела на стремительно темнеющее небо и поняла, что настал момент применить знания, полученные на занятиях по контролю эмоций. От них сейчас многое зависит.

– Я по тебе скучал.

– Мог бы тогда цветы принести.

– А ты бы взяла?

– После твоей выходки с крупицами? Вряд ли. Ты это планировал? Встретить меня здесь? Не думал же, что я раздам их?

Акорион улыбнулся. Черт, почему самая шикарная внешность достается отъявленным мерзавцам? Было бы проще, если бы Акорион был кривой, косой и шепелявый, но красота добавляла ему жути. Иногда он улыбался совсем как обычный мужчина, и было сложно поверить, что вот именно он – неадекватный психопат с силой бога.

– Меня бы устроили все варианты.

– А если бы крупицы попыталась использовать я?

– Надеялся, что ты не настолько безрассудна, чтобы лезть в чужую магию. Но… я бы тебя спас. Был бы героем… а Кросту пришлось бы униженно просить меня о помощи. Да, меня бы устроили все варианты.

Я только устало покачала головой. Все варианты… а какой вариант бы устроил меня? Мы неспешно, словно и впрямь прогуливались по саду, двинулись вдоль дороги.

– Тебе не нужно меня бояться, – мягко произнес он. – Тебе я не причиню вреда. До поры до времени…

– Боюсь пропустить пору и время.

– Не сейчас, Деллин. Не сейчас. На самом деле я рассчитываю…

Акорион вдруг остановился. Поднял руку и осторожно коснулся моих волос, повторяя изгибы кудрей.

– Что ты хоть ненадолго перестанешь меня ненавидеть и позволишь себе капельку удовольствия. Прошло столько лет с тех пор, как я в последний раз к тебе прикасался… тебе ведь достаточно только заглянуть в себя. Деллин… у вас с Таарой куда больше общего, чем ты думаешь. Я могу открыть эту сторону твоего характера. Идем.

Он протянул руку.

– На несколько дней. В мой замок. Посмотри на все моими глазами, Делл. Я расскажу тебе ее историю. Расскажу, почему так ненавижу Кроста. Расскажу, почему его ненавидела она, как он предал ее, как толкнул к безумию. Ты уйдешь, если захочешь, вернешься в школу, но неужели я не заслуживаю того, чтобы меня выслушали? Я следил за тобой на Земле. Издалека, боясь нарушить хрупкий мир в твоей семье. Невыносимо было видеть, как ты страдаешь. Я до сих пор жалею, что не смог помочь твоей маме. Идем со мной, посмотри на мой мир. Я не хочу быть твоим врагом, я люблю тебя.

– Нет.

– Почему?

– Да так, – я саркастически фыркнула, – не успела подготовиться. Эпиляцию не сделала, пижамку не захватила, крышей не поехала. Ты только что прислал мне какие-то проклятые крупицы, ау! Могла погибнуть половина школы, а ты заявляешь, что любишь меня и не хочешь быть врагом?!

– Да кого вообще интересует эта школа? Десятком больше, десятком меньше.

– И правда. Глупый вопрос, что это я.

– Хорошо. Тогда умрет она.

Акорион развернулся и направился в сторону кареты.

– Мне скучно. Я хочу крови.

– О да, – бросила я ему вслед как можно небрежнее, хотя на самом деле руки свело холодом от его слов, – очень по-мужски: подкараулить двух баб на дороге и прикончить. Ты так со всеми своими врагами будешь расправляться, или у тебя есть еще какие-

нибудь варианты?

Акорион расхохотался, его смех звучным эхом прокатился по дороге, распугал стаю птиц на деревьях и заложил мне ухо. Кое-кто любит дешевые магические эффекты.

– Молодец, Деллин, ты вообще, кажется, не сдаешься. Правда, я надеялся, что ради спасения ее жизни ты все же согласишься уехать со мной. Знаешь, ты права. Убивать ее сейчас скучно. Я лучше посмотрю на лицо Кроста, когда его любовница будет подчиняться каждому моему слову. Может, она даже заменит Таару… ну или я буду развлекаться с ней, пока ты упрямишься. Знаешь, у темного бога есть прямо-таки колдовская власть над созданиями тьмы… демонами… химерами…

– А над драконами?

– Над драконами нет. А что?

– Так, интересуюсь.

Интересно, что будет, если темного бога банально и без изысков сожрать? Несварение у Бастиана – однозначно, но, положа руку на сердце, огневика было не жалко. А вот крови Акориона хотелось нестерпимо, мне казалось, что еще чуть-чуть, и я вцеплюсь ему в лицо ногтями. Я ощущала почти болезненное удовольствие от мысли, как возьму подаренную им же закладку и полосну ему по горлу.

– В твоих глазах, любовь моя, смерть и хаос, – улыбнулся он. – А ты все еще предпочитаешь отрицать Таару. Глупо. И болезненно.

– Не люблю простые пути.

– Ну, хорошо, – сдался Акорион. – Я обещал, что не трону тебя, я держу обещания, любовь моя. Тогда, чтобы наша встреча не была напрасной, позволь тебе кое-что напомнить.

Он извлек из внутреннего кармана куртки небольшой бархатный мешочек и вытряхнул на ладонь заколку из коллекции Таары. Затем с показной заботой убрал прядь моих волос и медленно, растягивая прикосновение, прицепил крошечную бабочку на место.

– Птичка на хвосте принесла весть, что ты не ходила на бал. Я польщен. Мне казалось жестоким запрещать тебе прийти с парой, и я подумал: раз уж не могу сопроводить тебя сам, почему бы не разрешить это сделать какому-нибудь достойному юноше? Но ты приятно удивила. Ты в безопасности, счастье мое, до тех пор, пока верна мне. Если я узнаю, что к тебе прикоснулся хоть кто-то, кроме меня… моя любовь имеет границы, Делл. Даже к тебе. Даже к Тааре. Ты все поняла, девочка моя?

– Кейман говорит, до меня долго доходит. Спроси к вечеру, – сквозь зубы процедила я.

– Маленькая очаровательная язва.

Мне подарили невесомый поцелуй в лоб.

– Возвращайся в школу и приноси одни пятерки.

С этими словами Акорион, отступив на несколько шагов, растворился в клубах черного дыма. О том, что еще совсем недавно рядом стоял темный бог, напоминали бабочка с крыльями из черного опала и кожа, что еще хранила касание горячих пальцев. Я поежилась, сбрасывая оцепенение, и бросилась обратно в карету. От взгляда на Яспер стало как-то нехорошо.

Неужели у него и впрямь такая власть над демонами? А Кейман знает? И что мы будем с этим обстоятельством делать, когда Акорион перестанет играть в игры и пойдет на нас открытой войной?

– Ты в порядке? – осторожно спросила я.

Яспера медленно перевела взгляд с окна на меня.

– Надо возвращаться. Рассказать Кейману, и…

– Вон! – отрезала Яспера.

– Что?

– Выметайся отсюда.

– Да там гроза сейчас начнется!

– Выходи.

– Слушай, при чем здесь я?! Он псих!

– Я считаю до трех. Ты или выходишь сама, или вылетишь отсюда вниз башкой.

Стальной взгляд глаз с вертикальными, как у кошки, глазами, впившиеся в обивку сидения когти, ледяной голос, – все в облике женщины говорило о том, что она не шутит. В какой-то момент я испугалась ее куда сильнее Акориона, потому что отчасти понимала эту ненависть. Я испытывала нечто похожее не раз: когда тебя унижают перед тем, кого ты предпочла бы вычеркнуть из жизни, очень сложно поднять голову и делать вид, что ничего не происходит.

Я так и не смогла.

– Прекрасно! Просто прекрасно!

Едва я выбралась из кареты, черные кошки одним прыжком подняли Яспер в воздух, а вскоре и вовсе скрылись среди густых влажных облаков. Раскат грома раздался совсем близко, кончики пальцев закололо, и я позволила себе расслабиться. С руки сорвалась молния, запуталась в тучах, сверкнула над долиной. Первые капли дождя упали на землю передо мной.

Черт, а я вообще туда иду? Вроде бы Яспера унеслась в том же направлении, да и довольно логично, что дорога ведет к школе, но если нет? Кейман во Флеймгорде, и неясно, когда вернется, Аннабет теперь на меня плевать, Брина может и не

придать значения тому, что я не явилась на ужин. Ну, супер! Буду спать под елкой, укрывшись опавшими листьями. А ведь ночи уже с минусовой температурой.

Себя было жалко. Но жалость как-то уживалась с бушующим в душе штормом – и он превращался в шторм настоящий. Над головой сгустились черные тучи, громыхало уже не вдалеке, а вполне себе рядом. Почему способность создавать грозу не идет в комплекте с водоотталкиванием? Хотя нас вроде обещали научить использовать крупицы воды, а они с таким справлялись.

Второй хороший вопрос: почему вообще я получила эту власть над грозой? Кроста называли богом стихий и грозы, Таару – богиней смерти и хаоса. Что такое смерть – мы определили, с хаосом пока были вопросы. Но гроза? Как-то странно перемешались силы. И разгадка – я чувствовала – на поверхности, скреблась где-то рядом с мозгом, но никак не хотела обретать четкие очертания. Может, прогулка под дождем поспособствует мозговой деятельности?

Но я недолго брела вдоль дороги, даже не успела промокнуть. Сначала увидела оранжевые рефлексы на стволах деревьев, на земле и в мелких лужах, а потом, обернувшись, отскочила на обочину, чтобы дать приземлиться небольшой карете, запряженной огненными лисицами.

– Знаешь, очень символично, что твоя магия принимает такую форму, – сказала я, когда Бастиан, чрезвычайно довольный собой, высунулся в окно.

– Подбросить до школы? Или будешь гордой и независимой, но мокрой и холодной?

– Не буду, – вздохнула я.

– Неужели я дождался дня, когда стал нужен Деллин Шторм?

– Да еще час, и мне бы уже Акорион нормально зашел, – пробурчала я, забираясь в уютное нутро экипажа.

Боги, как хорошо! Здесь было тепло, вкусно пахло кофе и апельсинами, а главное, никуда не надо было идти через лес, темноту и ливень.

– Где это ты был, что возвращаешься воздухом? – спросила я.

– Так, небольшая деловая встреча. У меня особое положение на случай… необходимости рода.

– Из-за цены на крупицы? Что там происходит?

– Да ничего. – Он пожал плечами. – Эрстенни отморозились, сказали: имеем право. И все, встреча прошла без них. Фон Эйры мямлили что-то себе под нос, Уотерторн преимущественно выражался. Король и Совет попытаются призвать всех к порядку, но власть королей стихий над магией практически абсолютна. Поэтому кому-то придется копить.

– Зачем они сделали это?

Пришлось воспользоваться любезно пододвинутым ко мне кувшином с пряным горячим напитком, потому что, вдруг оказавшись в тепле, я поняла, как сильно замерзла. И теперь дрожала, держа в руках чашку.

– Ему выгоден хаос. Стычки со стражей. Голод. Всеобщая нервозность. Пока это всего лишь Эрстенни, эффект будет небольшой. Огонь он не получит, воду, я надеюсь, тоже, хотя с ней вопросов много. Но в перспективе… это хороший ход.

– Да уж. Хороший.

– Так, Шторм. Я рассказал, что забыл на безлюдной тропинке в лесу. Теперь твоя очередь. Какие пирожки и какой бабушке ты несла, что забрела в такую даль?

Снова громыхнуло, и карета сильно вильнула, а я едва не расплескала горячий кофе прямо себе на колени.

– Да гребаная гроза! Крост что, вообще не способен унять свой штормовой жезл, или чем он этот ливень колдует?!

Я мучительно покраснела и сделала вид, что капец как увлечена плавающими в кофе дольками апельсина. Кто вообще пьет кофе с апельсином? И почему это так вкусно?

– Так что насчет тебя?

– Яспера психанула и бросила меня посреди леса. Мы летали…

Я умолкла, не зная, стоит ли говорить Бастиану о встрече с Акорионом. Промолчать? Или сказать? С одной стороны, мы договорились, а с другой – неплохо бы обсудить это с Кейманом. Только где он, Кейман этот?

– Акорион прислал мне коробку крупиц, мы зарыли их на пустыре, а потом с ним столкнулись и имели неприятный разговор.

– О чем?

– Так. О том, что он хочет, чтобы все было, как он хочет.

– Уверенный в себе сукин сын. Хорошо, – Бастиан усмехнулся, – следующий ход за нами. Обязательно придумаю, чем порадовать.

– Оставил бы ты его в покое. Не дразнил.

С таким же успехом я могла сидеть и убеждать Ясперу в том, что я правда-правда хорошая. Бастиан не спорил, просто молча смотрел в окно с крайне задумчивым видом. Мне не нравился его взгляд, полный решимости, но сложно переубеждать человека, когда он даже не хочет разговаривать. Поэтому я допила кофе и просто ждала, когда экипаж приземлится возле школы, чтобы дойти до спальни и заползти под одеяло, переживая стресс. Выходной день называется!

Когда до школы оставалось не больше пяти минут и показались знакомые места, Бастиан потянулся к куртке, что лежала на моем сиденье, у окна. Он вдруг оказался близко. Слишком близко, чтобы можно было комфортно дышать. Я почувствовала, как замерло сердце, и вжалась в стенку кареты.

– У тебя глаза грустные, – вдруг произнес он.

Порой Бастиан вводил меня в крайнюю степень замешательства.

Что тут скажешь? Не говорить же, что я ужасно устала. Что мне страшно, что порой хочется вернуться на Землю, потому что кажется, что без меня здесь всем будет лучше. Что иногда я смотрю на скачущие буквы, и хочется бросить книгу в камин, признать уже, что школа – не для меня, и снова стать уборщицей. Что я не хочу раствориться в Тааре и понятия не имею, в чем между нами разница.

Что иногда мне снится, будто я просыпаюсь, а Штормхолд оказывается всего лишь сном, навеянным забытой включенной аудиокнигой.

Но Бастиан не тот человек, которому стоит все это рассказывать. Нельзя давать ему козырь, раскрывать страхи или поддаваться осторожному нежному прикосновению к волосам. Даже если все внутри сжимается и до безумия хочется, чтобы прикоснулся еще раз, закрыть глаза и раствориться в неожиданной ласке… Нельзя.

– Экзамен скоро. А еще испытание по зельеведению. Поводов для веселья все меньше.

– Ты не можешь всю жизнь на всех шипеть. Когда-то придется попросить о помощи.

– Бастиан… давай не будем.

– Почему?

Да отодвинься же ты! Прекрати на меня смотреть, прекрати перебирать мои волосы!

– Потому что ты помолвлен.

– Это единственная причина?

Мы все еще о помощи? Мне уже казалось, что нет.

– Не единственная, – после долгой паузы ответила я. – Одна из десятка.

– Например?

– Например, то, что ты – это все еще ты. Думаешь, я забыла прошлый год? Да и потом, не ты ли говорил, что я веду себя как эгоистка, встречаясь с Габриэлом? Черт, Бастиан, хватит! Отодвинься от меня, пожалуйста.

– Потому что тебе не нравится, когда я рядом?

– Потому что не нравится.

– Врешь.

– Отодвинься.

– А если нет?

– Я вылью на тебя содержимое кувшина так же, как вылила стакан апельсинового сока. Только кофе горячий!

– Напугала ежа голой задницей, – расхохотался парень.

Но вернулся на свое место, и я судорожно вздохнула. От внезапно восстановившегося дыхания закружилась голова, а затем экипаж пошел на посадку. Показались знакомые башни замка, в грозовой темноте уютно горели окна. Бастиан почему-то смотрел на мои руки. Поняв, что они едва заметно дрожат, я поспешила спрятать их в карманы куртки и отвернулась.

– Магистр Крост. – Председатель Судебной Коллегии Магов поднимается, и Кейман следует ее примеру.

Ему очень хочется взглянуть на Ясперу, удостовериться, что она в порядке, но сейчас это не главное. Нельзя выказывать ей больше поддержки, чем принято. От решения судей сейчас зависит все.

– Судебная Коллегия рассмотрела материалы дела Ясперы Ванджерии. За преступления, что ей вменяются, в Штормхолде предусмотрены суровые наказания. Так, покушение на убийство карается каторгой, а государственная измена – смертной казнью. Вам это известно?

– Да, ваша честь. Известно.

– Согласны ли вы с тем, что поступок госпожи Ванджерии совершенно точно попадает под определение государственной измены?

– При всем уважении, ваша честь, не согласен. Моя позиция изложена в материалах дела.

– В таком случае я готова огласить наш вердикт. За преступления против Штормхолда и короны Яспера Ванджерия должна быть наказана. Однако ввиду… особых обстоятельств, приведших к совершению преступления, и вашего, магистр, поручительства мы готовы смягчить наказание. Яспера Ванджерия будет приговорена к пожизненной трудовой обязанности на благо короны и Штормхолда. Вы, магистр Крост, станете ее опекуном, полностью несущим ответственность за соблюдение условий ее нахождения на свободе. А также оплатите штраф в размере…

Дальше Кейман не слушает, ему кажется, будто с души падает камень. Яспера все так же сидит, опустив голову, и, когда оглашение приговора заканчивается, ему приходится силой поднять ее и повести к выходу.

– Ты хоть поняла, что они сказали? – улыбается Кейман.

В холле он набирает в стакан воды и вкладывает ей в ладони.

– Пей.

Она послушно пьет, все с таким же безучастным видом. Ей пришлось провести в тюрьме больше месяца, и сейчас в залитом светом главном зале храма особенно видны худоба и изможденность.

– Эй, – он опускается на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо, – хватит. Это не конец света. Не каторга, не казнь, даже не срок. Просто работа. Просто опекунство.

– Я ничего не умею.

– Научим. Тебе нужно закончить школу.

– Кто возьмет учиться осужденную с трудовой повинностью?

– Я возьму. Устроим тебя лаборанткой к магистру зельеведения. А потом решим. Захочешь – останешься преподавать. Не захочешь – найдем, где применить твои таланты. Только Яспера… я не смогу защитить тебя второй раз. Если ты не откажешься от желания убить Ванджерия, я не сумею тебе помочь. Есть вещи… очень несправедливые, но они существуют. На данный момент демоны нужны Штормхолду, а Ванджерий – их лидер. Мы не можем отомстить за тебя, и нужно сделать выбор. Либо ты пытаешься жить, и я сделаю все, чтобы твоя жизнь была счастливее, чем раньше. Либо я не стану тебя останавливать, но и спасти не смогу.

Она долго молчит. Сжимает побелевшими от напряжения пальцами стакан с водой. Смотрится при этом совсем девчонкой, ничуть не напоминающей разъяренную демоницу с почти звериными повадками, которая бросилась на демона в приступе отчаяния и боли.

– Я хочу остаться с тобой.

– Тогда идем. Покормим тебя, отоспишься, и будем думать, что делать дальше. Будешь первой официально зачисленной адепткой Школы Темных. Есть пожелания по школьной форме?

Она слабо улыбается.

– Все будет хорошо.

– Обещаешь?

– Да. Конечно, обещаю.

И она ему верит. Как когда-то верила Таара. История воистину циклична.

* * *

Это так странно. И одновременно захватывающе. Я – гроза. Фигурально, конечно, выражаясь. Но я чувствую бушующий на

улице шторм. Молнии сверкают тогда, когда я хочу. Стены содрогаются от раскатов грома, и с каждым разом это дает прилив сил. Я чувствую, как стихия набирает обороты, я могу ей управлять. Страшная сила, разошедшаяся не на шутку.

– Развлекаешься? – услышала я.

Кейман неспешно прошелся от дверей к тому месту, где сидела я.

– Мешаю?

– Нет. С чего ты взяла?

– Не знаю. Вдруг я нарушила какой-нибудь особый божественный порядок?

– Да если бы не эта часовня, вы бы под кустами пьяные еще в первый семестр перемерзли.

– Так это стратегическое сооружение.

– Да нет. Просто красивый храм. Как у вас говорят на Земле? Арт-объект.

– Красивый, – согласилась я.

Столб света посреди часовни успокаивал. Я не знаю, зачем сбежала сюда, наверное, подальше от Бастиана – он даже мяукнуть не успел, как я смылась из кареты. Или от любопытной Брины. От осуждения Аннабет. Воспоминаний о встрече с Акорионом. Да просто побыть наедине с собой и штормом.

Кейман вдруг протянул небольшую картонную коробку, и я вздрогнула. Опять?!

– Это не от него. От меня.

Внутри оказались всего лишь ароматные горячие булочки, целое ассорти из небольших слоеных корзинок с начинками. Ягоды, фрукты, сливочный крем, мягкая карамель. Часовня сразу наполнилась запахом сдобы, он перебил озоновую свежесть, и даже воздух будто потеплел.

– За что?

– Не злись на нее.

– Я не злюсь.

– Серьезно?

– Да. Это было… жутко. Никто не должен иметь такую власть над человеком.

– Почему он ее не убил? Сказал?

– Он не хочет ее убивать, он хочет использовать против тебя.

– Это не так просто.

Я с удивлением посмотрела на Кеймана.

– Правда? А мне показалось, это конкретная проблема.

– Для абсолютной власти над демоном ему нужен близкий контакт. Лучше зрительный. Акорион не может контролировать каждого, его сила на это не рассчитана. Ну а ситуацию, когда он,

я и Яспера находимся в одном помещении и он незаметно ей приказывает, я представить не могу. Просто это болезненно. И унизительно. Проблема в том, что большинство демонов и без контроля готовы присягнуть своему богу. И поверь, они куда страшнее Ясперы. Хотя бы потому, что воспитывались среди своих и наращивали мощь. А не подавляли внутреннего зверя.

– Оптимизм так и прет. У нас вообще нет шансов? Его можно убить?

– Можно. Для этого нужно обладать силой бога, но можно. Точно так же, как я убил Таару. Обычное оружие его не возьмет, но если создать нечто особенное… клинок из чистой темной магии – мощное оружие. Нужны материал и сила. Как только появится шанс его сделать, я сделаю.

– А мне что делать?

– Учиться и не влипать в неприятности предлагать бесполезно? Тогда съешь корзинку. И дай мне вон ту, с вишней. Я приехал и еще не ужинал. Вы меня взбодрили, дамы. На день нельзя оставить!

– Ты же бог, зачем тебе есть?

– Затем, что корзиночка вкусная. Дай, сказал!

Пришлось, хихикая, выделить достопочтенному директору булку.

– Когда у тебя руки заняты, погода лучше. Ты заметила?

– А когда занята голова, жертв меньше?

– Заметь, это не я сказал.

Некоторое время мы молча ели. Я больше, потому что проигнорировать угощение, да еще и от Кеймана, было бы некрасиво. Аппетита поначалу совсем не было, но для поедания свежих булок аппетит и не нужен. Достаточно откусить кусочек, и уже невероятно сложно остановиться. Хотя надо бы…

– А у крыльев есть грузоподъемность?

– Конечно. Поэтому дай мне еще одну.

Пользуясь замешательством, Кейман стырил еще одну булку. Интересно, он всерьез был голодный или просто придуривался, чтобы снизить градус напряжения?

– Я вот думаю, кто-то ведь принес крупицы ко мне. В обход тебя, улучив момент. То, что ты улетел во Флеймгорд, Акорион теоретически мог узнать и сам. Но вот принести крупицы… это ведь сделал кто-то из школы?

– Да, вероятно. Поэтому с завтрашнего дня всем запрещено ходить в город, всю почту будет вскрывать Ленард под моим контролем, все сдадут крупицы на проверку, а еще некоторых я вызову на серьезный разговор.

– Например?

– Слышал, ты разошлась с подружкой. Адептка Фейн сменила столик в столовой и не разговаривает с тобой.

– Что? Ты подозреваешь Аннабет? Чушь! Да, мы поссорились, но она не стала бы мне вредить! Она просто любит Бастиана, а я…

– А ты?

– А меня не любит. И всё. Но Аннабет не способна на предательство!

– То есть Яспере ты не доверяешь, а я должен поверить в то, что Фейн – образец исключительной порядочности, благоразумия и осторожности?

– Ну…

– При всей моей любви к детям мозгов у тебя побольше, чем у Аннабет, и то приходится постоянно за хвост вытаскивать из какой-нибудь ж… кхм… ситуации непедагогичного характера. А уж обвести вокруг пальца обиженную сиротку для Акориона проще простого. Так что посматривай по сторонам и замечай странности, а серьезными разговорами я займусь сам.

Кстати о них. За всеми событиями я почти забыла о сорвавшемся ужине в городе. Теперь о нем не было смысла даже заикаться: раз всем запрещено ходить в город, то и мне. Вряд ли ради прогулки с директором он сделает исключение.

– Ты обещал рассказать, что случилось с Таарой, – все-таки напомнила я.

– Я обещал сделать это за ужином.

– Ужин сорвался. Не хочу ждать до каникул, расскажи сейчас.

– Тогда ты откажешься со мной ужинать.

– Да что ты такого сделал-то?

– Ничего. – Крост пожал плечами. – В этом и проблема. Я не сделал ничего в тот момент, когда должен был вмешаться. Она открыла в себе дар смерти, осваивала его, и я видел в этом порядок природы. Так нужно, магия требовала восстановления, а сильные души – покоя. Таара осваивала свой дар, подземный мир, взрослела. И мне показалось, что все в порядке, что она, наконец, успокоилась и получила свободу, о которой мечтала. Ну, знаешь… такая идеальная картинка. Бог, богиня, власть над миром, страсть и все такое…

– И Акорион за бортом.

– Ага. Он ее слушал. Она шла к нему с проблемами и страхами, он вернул ей крылья, до чего не додумался я. А потом она открыла хаос.

– Что это такое? – спросила я.

– Бездна, хаос, вечная тьма. Сложно сказать, что это, не видя самого хаоса, но как бы тебе объяснить… Есть наш мир,

Штормхолд, разделенный на королевства. Это мир смертных, видимая и осязаемая часть. Есть мой мир: замок, где я жил, где росли Таара и Акорион, долина. Он недоступен для смертных, хотя иногда им и удается туда попасть. Это что-то вроде подпространства в Штормхолде, временной карман, я не знаю, там совершенно иначе течет время, там свои законы. Я давно не был там, с тех пор, как стал жить среди людей.

А есть подземный мир: царство мертвых. Тоже некое подпространство, туда Таара и ее свита провожали души мертвых. Именно там Таара решала, что будет с душой: отправится на перерождение, растворится в магии или… отправляла ее в хаос. Вот хаос – это тьма за подземным миром, страшное наказание для души, для магии. Хаос надежно заперт, потому что его влияние на живые существа ужасает. Я не придал значения тому, что Таара прикоснулась к нему. И зря.

Еще чуть-чуть, и у меня случится загиб мозга в попытке представить все описанное Кейманом. Подземный мир, хаос за подземным миром, Таара, решающая, какой душе переродиться, а какой – отправиться в ад. И что случилось после ее смерти? А до ее жизни?

– Она изменилась, это неизбежно. Перестала быть светлой доброй девочкой. Наверное, когда имеешь дело с душами смертных, невозможно остаться светлой и наивной. Хаос ее изменил, Акорион был в восторге, а я… не знаю, будто остыл. Она уже не нуждалась в опеке, а мне надоело быть воспитателем, я хотел быть мужем и любовником. Я узнал, что у них с Акорионом связь, и мы развязали войну. Надо думать, Таара изрядно задолбалась с вновь прибывшими душами, потому что боги всегда воюют руками смертных.

Кейман невесело усмехнулся.

– На самом деле, она была поводом. Акорион ненавидел меня за то, что оказался за бортом в свое время, а я злился, что он смеет восставать против меня, не испытывает никакой благодарности. В один момент все зашло слишком далеко…

– А я думала, войну устроила Таара.

– Если будешь перебивать, продолжение будет в следующем году.

– Прости.

– Когда стало ясно, что силы практически равны, мы поняли, что просто уничтожим Штормхолд, а этого не хотел никто. Поэтому мы с Акорионом нашли в себе силы поделить власть. И… ее.

– Что? – Я подавилась корзиночкой.

– Ему досталась темная магия, я поклялся не вмешиваться в

его дела. Ему достался свой замок. Власть над смертными… Я владел стихиями, Акорион – страстями и мыслями. Это непросто объяснить, это как твоя сила шторма. Можно только прочувствовать. В общем, мы сделали все, чтобы разделить мир на две равные части. Таару не хотел отпускать никто, и мы сошлись на том, что она принадлежит обоим. Очень легко было толкнуть ее еще ближе к бездне, но мы были заняты войной, а не ее чувствами. Поэтому получили тело и в этот же момент потеряли душу. Вот так вот.

– Получили тело… кхм… то есть…

– То и есть. Акорион пытался тебе сказать еще на Силбрисе. Что я далеко не такой уж порядочный, каким хотел бы казаться. Меня действительно все устраивало. Акориона тоже. Мы развлекались, проверяя границы возможностей, делили мир, мерялись силами и вместе играли одной игрушкой.

– Черт, зачем я съела корзиночку. Теперь меня тошнит, – пробормотала я. – Я думала, те сны… когда… я думала, это была больная фантазия Акориона!

– Нет. Всего лишь общая больная фантазия. Никаких страшных секретов в превращении Таары нет. Просто ее никто не любил и не удержал в нужный момент. Порой достаточно крошечного шага. Ты сама знаешь.

Нет, крошечного мне было недостаточно. Я мерила часовню широкими шагами, а Кейман терпеливо ждал, пока услышанное уложится в моей голове. Руки мелко дрожали, так что я прятала их в карманы. Перед глазами вставали разные картины. Не самые веселые и не самые приятные. Обрывки снов, чужих воспоминаний, собственные фантазии, сгенерированные шокированным мозгом.

Наконец я остановилась напротив Кеймана и задумалась, как выразить ту гамму чувств, которая меня охватила.

– Как ты мог? – Все, что получилось выдавить. – Ты же ее любил! Это же… черт! Кейман!

– Что ты хочешь от меня услышать? – усмехнулся он. – Любил. А потом ненавидел. А потом решил, что она заслужила только это. Секс – это ведь всего лишь секс.

– Но ей ведь было плохо. Ты не заметил?

На этот раз он долго молчал.

– Предпочел не заметить, пожалуй, так. Мне не хотелось вникать в ее переживания, потому что она предала меня, из жены и возлюбленной превратилась в любовницу, с мнением которой нет нужды считаться. И я сделал вид, что ничего не вижу. Она изучала смерть и хаос, придумывала все более жуткие ритуалы для своих слуг, все эти девушки… и я делал вид, что меня это не

касается. Ну а потом она перешла границу, заигралась с хаосом, и он вырвался на свободу. Точнее, почти вырвался. Пришлось убить ее, потому что иначе он уничтожил бы и Штормхолд, и Землю.

– А что Акорион? Почему его не получилось убить?

– Он был силен. Почти равен мне, почти победил. И обозлился за смерть сестры. Мне не удалось убить его, зато получилось запереть на Земле и запечатать хаос вместе с порталами туда раз и навсегда.

– Навсегда? Я думала, порталы – обычное дело.

– Хаос нельзя сдержать. Вскоре они начали появляться снова. Я знал, что где-то там меня ждет Акорион, что однажды он потребует реванш. А потом появилась ты.

– И спутала тебе все карты?

– Нет. Я знал, что рано или поздно столкнусь с прошлым. Так или иначе. Мне не хотелось, чтобы ты знала. Я не всегда поступал правильно и порой был жесток. Гордиться здесь нечем.

Он поднялся, и я невольно отшатнулась. Не потому, что испугалась, просто вдруг глубинные воспоминания, что так или иначе прорывались в мою жизнь, наложились на реальность, и по коже прошелся мороз. Уже в следующую минуту я тряхнула головой и всхлипнула, но секунда слабости не осталась незамеченной. Кейман едва заметно поморщился, словно от боли.

Правда, не стал уходить, а напротив, сделал несколько шагов и привлек меня к себе, обнимая удивительно тепло. Такого раньше с ним не случалось, поэтому я только удивленно открыла рот. Сквозь выступившие на глазах слезы было сложно что-либо рассмотреть, и в сознание ворвались запахи. Ментоловый, с капелькой грозы, и запах сдобы и варенья, от булочек, которые Кейман все еще держал в одной руке.

– Тебя никто не тронет, – тихо сказал он. – Тебе не нужно меня бояться.

– Никто? – Я хмыкнула.

– Я, – тут же поправился Крост, – я не прикоснусь к тебе… если ты не захочешь.

– Акорион не будет спрашивать разрешения.

– Он не всесилен. Мы справимся с ним еще раз – в конце концов, Земля все еще к его услугам.

– Ты сможешь пригласить Рианнон? Или передать ей мое письмо… я не хочу пользоваться почтой, а в город нам нельзя. Нужно сказать, что я не приду на показ. Сейчас это совсем не то, что стоит делать.

– Боюсь, выбора у тебя нет. Король очень настаивал, чтобы ты участвовала в показе. Рианнон не могла ему отказать, да и я не увидел смысла.

– Но… – Я нахмурилась. – Разве это не более безрассудно, чем идти на бал? Всем гостям показа память не сотрешь.

– Маловероятно, что Акорион сунется в самую гущу королевской стражи и лучших магов Штормхолда. Даже ради того, чтобы посмотреть на тебя в ночных рубашках. А вот я, ди Файр, Уотерторн, Сайлер и еще куча не менее важных персон обязательно будут. Придется быть к этому готовой. Если тебе после показа вечерних платьев предлагали оплату за ночь, представь, что будет после ночных рубашек?

– Ты специально запугиваешь? Чтобы я… что? Отказала королю?

– Запугиваю? О нет, Шторм. Я вижу в этом высшую педагогическую справедливость. Но так и быть, спасу от участи отбиваться от толп желающих попробовать коллекцию в деле и приглашу на ужин, который сорвался сегодня.

Я не могла не улыбнуться. Это было второе проявление нежности за день, и, кажется, у меня случился кинестетический перегруз. Немного смущало, что нежничали совершенно разные мужчины, но какая, в сущности, разница, если за такие моменты я была готова жертвовать очень многим?

– Тебя все еще тошнит? – спросил Кейман, когда я вытерла глаза и, прислушавшись, поняла, что дрожь почти прошла.

– Да, если ты в фигуральном смысле.

– Тогда я заберу корзиночки?

– Размечтался! – Я отобрала коробку и обняла, как самое ценное сокровище. – Сна лишил, покоя тоже, как и веры в светлый образ учителя, оставь хоть булки!

Кейман этого и добивался: чтобы я успокоилась и расслабилась, избавившись от неясного страха. Но мысль пришла, только когда я уже лежала под одеялом, готовясь отрубиться. И точно знала: сегодня мне приснится Таара. Я даже полагала, что именно увижу, но противиться не стала. Некоторые вещи лучше увидеть собственными глазами.

Так странно быть ею. Смотреть на мир глазами Таары и ощущать ее эмоции. Когда смотришь на нее со стороны, она совсем не воспринимается… мной.

Я словно просыпаюсь. Сквозь неплотно задернутые шторы в комнату льется звездный свет. Кожей чувствую горячую ладонь, что мирно покоится у меня на спине. По телу разливается непривычная усталость. Я осторожно, чтобы мужчина рядом не проснулся, вылезаю из постели и ставлю ноги на ледяной мраморный пол спальни.

Кажется, голова сейчас взорвется. Никогда еще меня не

разрывало на части таким количеством эмоций. Это словно Кейман влез в мою голову и на максимум выкрутил все регуляторы. Страха, обиды, боли, счастья, желания, ненависти. Я словно стою в толпе, которая одновременно стонет, плачет, смеется, кричит… каждый, даже негромкий, звук отдается физической болью.

Я – сестра. Потерявшая брата и родителей, воющая от отчаяния у самой черты. Я – мать. Оставившая горячо любимых детей. Жертва жестокого убийцы. Смертельно уставший столетний старик.

Я – смерть.

Выхожу на балкон, с жадностью хватая ртом холодный воздух ночи. Расправляю подаренные братом крылья, подставляю их навстречу ветру и закрываю глаза в призрачной отчаянной надежде на несколько мгновений покоя.

– Снова решила сбежать? – слышу холодный голос Кроста.

Он пугает. Я еще помню его несколько часов назад. Тело помнит и страсть, и нежность, и жестокость.

– Я не… я просто…

– Что тебе снова не нравится? – усмехается он. – Все как ты хотела. Никаких ограничений. Никаких запретов. Я предлагал тебе все. Мир, себя, любовь, дружбу – все, что ты просила. Ты рвалась на свободу, Таара. Вот она, твоя свобода.

– Замолчи, пожалуйста, – шепотом прошу я. – Крост… я умоляю, замолчи!

Хватаюсь за голову, закрываю уши руками, но голоса не заглушить, они – внутри меня, они – я сама.

– Мне плохо…

– Странно, пару часов назад было хорошо.

– Ты не понимаешь…

– Ты никогда не давала мне шанса понять.

– Они никогда не замолкают! – срываюсь на крик. – Они все внутри меня… мучают! Каждый, кого я проводила в подземный мир. Каждый, кто только ждет меня. Каждый, кто мучается в хаосе, я всех их чувствую! Они просят, кричат, ненавидят, страдают, и я могу рассказать о каждом… я знаю, как хочет вернуться мать, потерявшая ребенка. Знаю, как жалеет жизнь самоубийца. Их тысячи… миллионы… они все что-то просят, требуют, все обращаются ко мне, а я не знаю, как заставить их замолчать…

Он слушает меня с абсолютным равнодушием на лице, и я понимаю, что сейчас наши желания совпадают. Только Крост хочет, чтобы замолчала я.

– Ты сама этого хотела, Таара. Твой и только твой выбор

быть тем, кем ты сейчас являешься. Ты долго к этому шла, очень долго. Я больше не хочу тебя любить. Только возьму то, что ты еще способна дать. Остальное – твой выбор. Я больше не хочу тебя слушать.

Его шаги удаляются, а я чувствую, как по щекам бегут слезы. Только не знаю, которая боль из всех, что ощущаю, – моя. И есть ли она там вообще. Я растворяюсь в силе, к которой оказалась не готова. Кажется, что будто исчезаю, превращаясь в сосуд чужих посмертных эмоций и голосов.

Крылья охватывает странная боль, как от попадающих на кожу искр. Ошеломленная, я смотрю, как перья опадают к ногам и превращаются в горстки черного пепла.

Навстречу ночи раскрываются новые крылья. Перепончатые, увенчанные острыми стальными шипами.

Теперь это крылья смерти. И хоть я могу летать, больше мне это не нужно.

– Шторм! Проснись, я сказал!

Я вскочила на постели, отшатнулась к стене, а когда узнала в вошедшем Бастиана, выдохнула. Только дальнейшее никак не поддавалось логике и доводам разума: вместо того, чтобы двинуть ему разрядом тока за то, что влез в спальню, я обняла его за шею. Просто от накатившей радости от того, что он вырвал меня из чужого сознания в привычный, не всегда дружелюбный, но все же мой, Деллин, мир.

– Что тебе снилось? – спросил он.

– Не спрашивай, – сказала я, вдыхая запах кофе и апельсинов.

Сердце билось как сумасшедшее. От воспоминаний из сна? Или близости ди Файра?

– Я так устала, – прошептала я скорее себе, чем ему.

– Тебя есть кому защитить. Нужно просто перестать бояться в одиночестве.

– Это никогда не кончится. Как вечная гроза… я даже не помню, когда в последний раз видела солнце.

– Вечной грозы не бывает, – сказал Бастиан. – Каким бы сильным и длинным ни был шторм, он все равно закончится. К слову… смотри.

Он потянулся одной рукой к окну, распахнул створки, впуская ледяной воздух в комнату.

– Обернись. Посмотри.

Всю школу завалило снегом. Сначала я не поверила собственным глазам, но площадка перед воротами была укрыта идеально ровным слоем снега. В воздухе свирепствовала настоящая метель. Рой снежинок ворвался в комнату, осев на

столе, они превращались в капельки воды. Несколько штук попали мне на лицо.

– Зима настала. Твоя власть закончилась. Наступила моя.

– Ты же маг огня, – напомнила я. – При чем здесь снег?

– Такой момент испортила! – недовольно буркнул Бастиан.

Но я украдкой все равно улыбнулась. Руки еще дрожали, но все эмоции, которые я сейчас испытывала, были мои собственные. И голос в голове только мой. Он, правда, истерично орал: «Ты что творишь?! Немедленно выгони этого придурка!».

Но к этому я уже привыкла.

Глава 10

– Расскажи мне, почему штормграм поймал, как мой брат выходил из твоей спальни утром? Чего вы друг к другу все время ходите? – хитро прищурилась Брина.

Мы как раз шли с завтрака в учебный корпус.

– Как бы уломать директора запретить штормграмы? – задумалась я.

– Поздно, Делл, поздно. Так что у вас с братом?

– Ничего.

– Конечно. Нет более явного признака равнодушия, чем ночные посещения. Всегда так делаю. Кому ты рассказываешь сказки? Неужели я не заслуживаю правды о твоей личной жизни?

– Если я скажу, ты мне не поверишь.

– Я очень доверчивая. Правда-правда, брат даже ругает меня за это.

– Хорошо. Мы читали книжки.

Брина поперхнулась и едва не скатилась кубарем по лестнице. Мне пришлось схватить ее за локоть, отчего книги выскользнули из рук и грохнулись на пол.

– Ты права. Я не поверила.

Мимо кто-то торопливо пронесся, перепрыгнув через разбросанные учебники. Подняв голову, я узнала Аннабет и помрачнела: она даже не повела головой в нашу сторону! И уж точно не собиралась присутствовать на соревновании по зельям. Школа гудела в предвкушении нового этапа устроенного ди Файром развлечения. На этот раз мы с преподавателями должны были посоревноваться в умении варить магические снадобья. Счет пока что был «один-ноль» в пользу команды Кеймана, так что Бастиан жаждал отыграться. Но, честно говоря, в вероятность такого исхода мало кто верил.

А еще пришло письмо от Рианнон. Отказаться от показа вопреки воле короля не вышло, для показа даже выделили здание королевского театра. Леди Найтингрин светилась от счастья, а я прикидывала, как будут сочетаться синяки под глазами с ее новой коллекцией рубашек.

А все почему? А потому что Рианнон решила непременно вставить в шоу номер с крыльями.

Для показа в королевском театре мало просто пройтись по подиуму (да и вообще там не подиум, а сцена!), нужно устроить нечто невероятное. Через неделю в школу должен был прибыть хореограф, который поставит мне номера для показа. На крыльях. В ночных рубашках. Застрелиться можно, да не из чего!

– Деллин, почему ты мне не доверяешь? – надулась Брина, когда мы вместе собрали все с пола и продолжили путь.

– Я доверяю. И говорю правду.

– Ага, что вы с Бастианом ночью в твоей спальне читали книжки!

– Да. Король подарил мне несколько книг из его личной библиотеки. Их не купить и не взять почитать, а Бастиану они пригодились для учебы.

– Боги, ты даже врать не умеешь нормально! Бастиану! Для учебы! Книги! – Она закатила глаза.

– Зря ты так. Твой брат довольно умный.

– Насколько умный?

– Не знаю, в темной магии он понимает больше меня.

– Ну, это не так сложно.

Брина была безжалостно истыкана острым ногтем под ребра и в отместку издевалась надо мной всю дорогу до аудитории, в которой должно было пройти испытание. А там я была отмщена:

– Нет-нет-нет, юная адептка! – остановил ее магистр Дайндри, когда Брина пыталась вслед за мной войти в класс. – Составление зелья – пр-р-роцесс сложный, можно сказать, интимный. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы нашим участникам кто-то мешал. Вы сможете посмотр-р-реть финальную стадию испытания. Смотр-р-р зелий и объявление победителей.

Я не удержалась и показала Брине язык.

– Ну, давайте, начитанные ребята, сделайте их!

– Адептка ди Файр, – Кейман, остановившийся позади Брины, усмехнулся, – вы сейчас о зельях, я так понимаю?

– Гм… да. Точно. О зельях.

– Я уверен, ваши коллеги непременно их сделают.

– Зелья?

– Зелья, зелья, – подтвердил Кейман. – Ступайте на учебу.

Когда Брина скрылась, а магистр Дайндри тактично вернулся в класс, Кейман чуть придержал меня за руку, отводя в сторону.

– Ты меня избегаешь? – спросил он.

– С чего ты взял?

– С того, что я трижды присылал тебе требование зайти ко мне в кабинет. Ты вообще помнишь, что я еще директор?

– Извини. Я правда собиралась, но наспех говорить не хотелось, а не наспех не получалось. Зайду после испытания. Вы ведь не заставите нас потом идти на пары?

– Ну, разве я способен на такие зверства? Тем более теперь, когда появился шанс, что ты все-таки обратишь на меня внимание. Кстати, тебя можно поздравить с успехами в личной жизни?

– И ты туда же! Да книжки мы читали!

Последняя фраза получилась слишком громкой, и я мысленно порадовалась, что в коридоре никого не было.

– Те, что подарил Сайлер. Бастиан хочет знать об Акорионе, я перевожу ему то, что нахожу в книгах.

– Ох, не лез бы он в это.

– Знаешь, уговорить Бастиана что-то не делать не получается даже у самого Бастиана. Поэтому, если хочешь, говори с ним сам.

– Если бы все зависело от моего желания.

– И мы снова возвращаемся к тому, что за Бастиана отвечает только Бастиан. И хватит уже верить грязным слухам! Ладно, эти… но ты-то директор! Ты должен контролировать штормграм, а не верить ему!

– И всем-то я должен.

– Директор Крост, – из аудитории выглянул магистр, – нам стоит начать.

– Ну вот. Теперь я еще и как школьник на экзамен опаздываю!

– Тебе не нравится? – вдруг спросила я.

Совсем не собиралась, просто вспомнился перепахавший душу сон, и слова вырвались сами собой.

– Что? – Кейман, уже было двинувшийся к аудитории, обернулся.

– То, чем ты сейчас занимаешься. Школа, студенты… мы то есть. Ты жалеешь, что все так повернулось? Я не имею в виду ее… то, где ты сейчас и что делаешь, – ты бы поменял это?

– Не знаю. – Крост пожал плечами. – Я не могу ничего поменять.

– А если бы мог?

– Получился бы целый список. Но я не против быть вашим директором. Но если победите – могу и передумать.

Если Кейман передумает быть директором – Штормхолду хана, подумалось мне.

Мы пришли последними: в аудитории указаний магистра уже ждали оставшиеся участники. На одном ряду сидели адепты, на втором – преподаватели. Невольно бросилась в глаза рассадка: Яспера сидела на самой последней парте, демонстративно устроившись подальше от остальных и бросив на второй стул сумку, чтобы уж точно никому в голову не пришло составить ей компанию. Взглядом демоницы можно было замораживать запасы мяса в промышленных масштабах. Кейман не подал виду, что его это задевает, и сел рядом с Ленардом.

Адепты расположились кучнее, а свободное место рядом с Бастианом за первой партой так и притягивало взгляд. Помня сплетни, разнесенные штормграмом, я решила не давать нового

повода для пересудов и последовать примеру Ясперы. Только огненный король не позволил, осторожно, но крепко вцепившись мне в запястье и недвусмысленно потянув в сторону парты.

Вот вопрос: что вызовет больше слухов, я за одним столом с Бастианом или драка за ним же?

Закатила глаза. Но села.

– Когда ты от меня отстанешь? – спросила сквозь зубы.

– Здесь свободно. Зачем лезть так высоко, если с первой парты видно лучше?

– Тогда отпусти мою руку.

Магистр Дайндри поднялся на кафедру, и Бастиану пришлось отстраниться.

– Ну что ж, господа. Р-р-рад сообщить, что мне выпала честь пр-р-ровести для вас это… кхм… испытание. Пр-р-равила его пр-р-росты: вытягиваете билет – и у вас есть час на пр-р-риготовление зелья. Если спр-р-равляетесь, ваша команда получает балл, если нет – увы. Пользоваться можно исключительно спр-р-равочниками. Советоваться и пер-р-реговар-р-риваться нельзя. Полагаю, нам стоит начать с дам. Пр-р-рошу, леди.

Мы с Ясперой дружно устремились к кафедре, где перед магистром лежали двенадцать билетов. Я решила не играть в очередной раунд соперничества и нарочно притормозила, пропуская Ванджерию. К счастью, она явно придерживалась той же тактики, а потому на меня и не взглянула. Впрочем, уже через минуту меня занимал только билет.

«Зелье-сохранитель для артефактов огня».

Так… что-то такое у нас было совсем недавно: некоторые артефакты, дабы в процессе транспортировки или хранения не случился непредвиденный «бум», хранили в специальных бочках, заполненных такими зельями. Составы предотвращали побочные эффекты магий, заключенных в вещицах, и продлевали действие закачанных в артефакты крупиц. Должно быть несложно, магистр говорил, все зелья отличаются только парой ингредиентов, и хоть мы варили сохранители для собственной магии, я смогу осилить и для огненной.

Когда все получили билеты, работа закипела. Мне до жути было любопытно, что за зелье получил Кейман, но магистр строго бдел, чтобы мы не разговаривали о зельях. Правда, полная тишина бы, пожалуй, ввела меня в истерику, так что народ болтал о всякой ерунде.

– Деллин, – улыбнулся Ленард, пропуская меня к шкафу с травами, – отлично выглядите. Успехов с зельем.

– Спасибо, магистр, и вам.

– Боги, меня сейчас стошнит! – поморщился Бастиан, протискиваясь мимо Ленарда к шкафу. – Шторм, ты не забыла, что это твой соперник? Будь внимательна, а не то обнаружишь в своем котле чужой носок!

– В отличие от вас, адепт ди Файр, – усмехнулся Ленард, – я воспринимаю это мероприятие исключительно как игру. И не собираюсь вредить соперникам. Особенно девушкам.

– Да я и не о вас. – Бастиан недвусмысленно покосился на Ясперу.

И, склонившись ко мне, добавил:

– Постарайся поставить котел подальше от нее. Кстати…

Протянул руку и коснулся моей ладони, потянувшейся было за вербянкой.

– Это сребролистник. Вербянка вон там.

Я так резко отдернула руку, что шкаф зашатался. А вместе с ним и сердце зашлось в неистовом ритме, и воздуха в пыльном углу стало не хватать. Хорошо хоть, Ленард уже поспешил на помощь Яспере, и они вместе выбирали котлы!

– Прекрати! – зашипела я. – Ты что делаешь?!

– Да что я делаю?! Помогаю тебе не опозориться в первые же минуты!

– Я не об этом! Про нас ходят слухи. Кто-то прячет штормграмы в коридорах и постоянно обсуждает, кто и к кому ходит. Уже Брина спрашивает, чем мы занимаемся у меня ночами.

– То есть она вообще не в курсе, чем можно заниматься ночью в спальне с девушкой? Вот демон, я переоценил образование в Школе Огня. Надо будет поговорить с сестрой о сексе.

– Поговорил бы ты лучше с психиатром. Я серьезно, Бастиан. Тебе больше нельзя ко мне приходить. Ходят слухи, и они мне не нравятся. А оправдание, что мы просто читаем книжки, звучит как… по-идиотски.

– Я не понял, тебя возмущает, что все думают, будто у нас роман, а мы просто читаем книжки?

Я утоплю его в котле. И скажу, что вместо зелья решила сварить бульон.

– Меня пугает, что слухи могут дойти до принцессы. Ты вообще думаешь, что будет, если король решит, будто ты изменяешь его дочери? Что будет с тобой? А мне что делать? Под поезд бросаться?

– Подо что? – не понял Бастиан.

– Под пальму на Силбрисе! Или куда ты там меня поселишь… ты же не бросишь падшую женщину, отвергнутую обществом? Купишь мне домик в уединении у моря и будешь навещать в

редкие минуты отчаяния и тяготения королевской жизнью?

Бастиан открыл рот от удивления.

– Ты как-то слишком остро воспринимаешь слухи…

– Как бы то ни было, мы больше не можем видеться у меня.

– И что ты предлагаешь?

– Чтобы ты от меня отстал? – без особой надежды предложила я.

Покидала в коробку вербянку, полынь и потянулась за раствором вулканической соли.

– Мне нужна информация, ты же знаешь.

– Хорошо, тогда не будем встречаться ночами у меня.

– А когда? Не ночами я, знаешь ли, учусь. Мне нужен диплом, а не то Крост решит, что я остаюсь в школе ради него, и сделает мне предложение.

– Хорошо, будем читать в библиотеке!

– Библиотека по ночам закрыта.

– Я договорюсь, и будет открыта!

Кейман не откажет такому благородному начинанию. Вряд ли его радуют слухи, которые обо мне ходят. По многим причинам, о которых мне бы не хотелось думать.

– Господа адепты! – тут же услышала голос Кроста. – Вы и зелье будете варить, зажавшись в уголок вдвоем?

– И пр-р-равда, адепт ди Файр-р-р, что вы опять адептке Штор-р-рм мешаете! – встрепенулся магистр Дайндри. – Займитесь своим зельем, иначе я засчитаю вам пр-р-роигрыш!

Хихикнув, я показала Бастиану язык, покидала в коробку оставшиеся ингредиенты и вернулась за стол, куда Кейман уже заботливо принес для меня котел.

– Э-э-э… – Глаз отчего-то непроизвольно дернулся. – Спасибо.

Надо сосредоточиться на зелье. Не обращать внимания на Бастиана, то и дело кидающего в мою сторону задумчивые взгляды. На Кеймана, притащившего котел. На Ясперу, готовую погрузить весь Штормхолд в вечную зиму. На Габриэла, смотрящего глазами побитой собаки. И просто варить чертово зелье, состав которого я прекрасно знаю!

Вскипятить воду. Засыпать соль. Травы. Хорошенько прогреть. Добавить крупицу, потом прогреть еще раз до потемнения отвара. Засыпать толченые побеги олеандра и в конце добавить ягод барбариса. Ах, и еще…

– Не забудь про темноцветник, – шепнул Бастиан, проходя мимо моей парты к шкафу с солями.

Да. Темноцветник, без которого ничего не получится, эдакий консервант зелья. Редкая травка, одна из немногих магических. Растет на предгорьях в холодном климате, в Штормхолде почти

не встречается и завозится из Фригхейма. Отличный консервант и стабилизатор для зелий (ну, это я ее так обозвала, магистр выразился проще). А еще сушеный темноцветник взрывоопасен, как и все магические травы. И если переборщить, аудиторию забрызгает зельем. А если сильно переборщить, то и моими мозгами. Ай да Деллин, все запомнила!

Отвлекаться на остальных было некогда, но я все равно успела заметить, как мучился с зельем Уорд и как Берген-старший незаметно помогал сыну. Получалось трогательно, и на меня снова напала тоска. Какие бы прекрасные люди ни появились в моей жизни, какой бы хорошей подругой ни стала Брина и каким бы заботливым опекуном ни был Кейман, в детстве у меня все равно не было отца. Его не заменить толпой друзей и богатым опекуном. Он, похоже, и вовсе не существовал в природе.

Когда я вернулась к котлу с мешочком соли, то обнаружила сложенную вчетверо записку. О, почерк директора мне был очень хорошо знаком, слишком уж часто Кейман расписывался на листочках с наказаниями!

«Не забудь о темноцветнике в конце», – гласила надпись.

Я закатила глаза.

Да, забыть о нем легко, ибо ингредиент добавляется, когда уже зелье готово и расслабившийся адепт идет сдаваться преподавателю. О темноцветнике забывает каждый второй, но не на соревновании же! Я глупенькая адептка, но не настолько…

Весь процесс варки зелья чем-то напоминал пинг-понг. И я была в нем шариком!

Вот Кейман одалживает свой серебряный нож, чтобы мне было легче разбивать крупные кристаллы соли. А вот Бастиан сам, пока магистр зельеведения не видит (или убедительно делает вид), нагревает мой котел. Вот Кейман помогает толочь побеги олеандра, потому что у меня не хватает сил выдавить весь сок. А вот Бастиан отдает свой пиджак, потому что из котла Марса полез едкий дым и пришлось открыть окно.

Когда Крост, улучив момент, положил мне перед носом горстку снятых с ветки ягод барбариса, очень захотелось утопиться в недоваренном зелье.

– Хватит! – прошипела я. – Вы меня сбиваете!

Бастиан, крутившийся неподалеку, сделал вид, будто не слышал. А Кейман поднял руки, мол, сдаюсь, больше не лезу.

Напоминания сделали свое дело: темноцветник крутился в голове буквально каждую минуту. Закусив губу, я ждала, когда от котла пойдет нужный темный дым, а вокруг народ, казалось, был полностью поглощен собственными зельями. Кейман уже

закончил и теперь сидел за партой, с любопытством осматриваясь. Остальные пока возились.

– Господа, до конца сор-р-ревнования остается пять минут! – объявил магистр.

Я заглянула в котел, чтобы оценить состояние варева. Запах должен был получиться чуть более интенсивным, но если дать постоять минуты две, а потом засыпать темноцветник… пожалуй, свой балл для команды я получу.

С этой радостной мыслью я и отправилась к умывальнику: сполоснуть руки, чтобы последний ингредиент не среагировал с частичками крупицы или какой-нибудь хитрой травки. Не хватало еще лечить потом аллергию.

– Адептка Штор-р-рм, вы, я так понимаю, закончили? – спросил магистр.

– Еще минуту, – улыбнулась я.

Но, наверное, слова прозвучали слишком тихо, иного объяснения тому, что случилось дальше, просто не было. Хотя Бастиан, невесть как очутившийся на две ступеньки выше моей парты, должен был насторожить! Как и Кейман, устремившийся к шкафу с ингредиентами. Но я ждала подставы от Ясперы, Уорда, но никак не от этих двоих!

Я вернулась к котлу, вдохнула пряно-травяной запах, оценила цвет, плотность дыма – все как учили на парах. Открыла шкатулку с темноцветником и захватила небольшую горсть.

– Деллин, нет! – раздался чей-то крик, но было поздно.

С негромким хлопком зелье взметнулось к потолку, брызги полетели во все стороны, и если бы Кейман и магистр зельеведения не закрыли всех щитом, аллергию бы лечили полным составом. Открыв от удивления рот, я смотрела, как с парты на пол стекает густая, похожая на переливающийся в свете магических щитов кисель жижа.

Магистр укоризненно покачал головой.

– Похоже, адептка, вы пер-р-ребор-р-рщили с темноцветником. Я ведь пр-р-редупр-р-реждал, что с этой тр-р-равкой стоит быть остор-р-рожнее! Боюсь, мне пр-р-ридется зачесть вам пор-р-ражение.

Очень захотелось надеть котел на голову. Только кому – еще не решила. Повернулась сначала к Бастиану, потом к Кросту, и… под потолком опасно сверкнула молния, потому что у этих идиотов было абсолютно одинаковое выражение лица! Боги, как я была зла! Такой злости я не испытывала еще ни разу за этот год, и единственное, что спасло присутствующих, это навык самоконтроля, худо-бедно выработавшийся за месяцы учебы. Но я не была уверена, что смогу и дальше сдерживать рвущийся

наружу коктейль магии с яростью, поэтому подхватила сумку и пулей вылетела из аудитории, напоследок бросив: «Да помню я про ваш темноцветник!»

Кажется, вслед мне что-то кричали, но дверь аудитории заглушила все звуки. И это к лучшему. Сейчас хотелось только спрятаться и переждать бурю. А потом прибить дураков и уехать на север, пасти оленей!

Я бы и весь остаток дня просидела в комнате, делая вид, что меня нет, но настойчивый стук в дверь и фраза, последовавшая за ним, заставили вылезти из постели.

– Деллин, открой, или я открою сам.

В зеркале возле двери отражалась поистине комичная картинка: надутая и взъерошенная Деллин. Глаза злобно блестели, а след от смятого одеяла на щеке не добавлял красоты.

– Ну. – Я распахнула дверь и недовольно уставилась на Кеймана.

Правда, тут же захотелось хихикнуть: вид у магистра был виноватый. Он протянул мне небольшую корзинку с цветами, а эффект был такой, словно швырнул дохлую кошку! Я быстро огляделась, убедившись, что никто этого не видел, и впустила Кроста в комнату. Он того и добивался, по ходу.

– Я виноват. Извини. Думал, ты забыла про темноцветник. Все забывают.

– Я не забыла.

– Я понял.

– Мог бы предупредить.

– Если бы ди Файр не сделал то же самое, взрыва бы не было.

– Так может уже признаетесь друг другу в чувствах и от меня отстанете?

– Деллин, хватит, я извинился. Это было… мм-м…

– По-идиотски, – подсказала я.

– Пожалуй. Но довольно весело.

Кейман фыркнул.

– Я запорол свое зелье.

– Что? – Я удивленно вскинула голову, забыв о том, что секунду назад нюхала цветы.

– Специально. Решил, что это справедливо. Раз лишил вас балла, то справедливо, если и мы своего лишимся, уравняв шансы.

– А Бастиан не захотел поступать по-справедливости? Его лапы в моем котле тоже побывали.

– Я думаю, он рассудил, что и так чуть было не лишил команду победы. Но счет теперь равный. У нас не справился Уорд, а у вас все осилили зелья. Правда, мне кажется, некоторые

не без посторонней помощи. Но, как говорится, не пойман – не ди Файр.

– Уорд… то есть магистр Уорд – не справился с зельем?

– Не забывай, что вы проходите зельеведение сейчас, а мы проходили его двадцать-тридцать лет назад… ну, то есть они проходили. Я вообще не проходил, между прочим. Зелья – не самый популярный раздел магии, те, у кого есть деньги, не парятся ни зельеварением, ни артефакторикой. Ну и Уорд, он… мм-м… в общем, точные науки – не его конек.

– Спасибо за цветы, – улыбнулась я. – Мне еще никто не дарил.

– Серьезно? Ни разу?

– Ну… Акорион же не считается, да?

– А на показе?

– Мы быстро смылись, и я даже не успела посмотреть, передал ли кто-то мне букет.

– Наверстаешь в этом году. Я так понимаю, мне уже не грозит жуткая смерть от удара молнией?

– Не грозит, – хихикнула я, чувствуя, что и впрямь не злюсь, – только… есть одна просьба. Можно мне ночью заниматься в библиотеке? Пока никого нет?

– Тебе с ди Файром?

Пришлось вздохнуть и признаться:

– Мне надоели слухи. Если нас поймают в библиотеке, то поймают с книжками и на почтительном расстоянии друг от друга. Я хотя бы смогу оправдаться перед Катариной!

– Не видеться с ним вообще не вариант?

Я с подозрением прищурилась. Мне показалось или в голосе Кроста сейчас прозвучала вполне очевидная ревность?

– Мне легче, когда я читаю о ней не в одиночестве. Если я делаю это одна, то потом не сплю неделями, каждый раз оказываюсь или в прошлом, или в кошмарах. Бастиану нужна информация, его подход… проще. Так разрешишь заниматься в библиотеке?

Кейман так долго молчал, что мысленно я уже попрощалась с идеей. Но взорвавшееся зелье сегодня хоть и лишило меня репутации прилежной адептки, все же компенсировало неудобства позже.

– Зайди вечером, возьми ключи. Занимайтесь…

Подумав, Крост добавил:

– До первого косяка.

– До какого еще косяка?!

– Не знаю, – магистр пожал плечами, – но за вами не заржавеет, уверен.

И самое противное что? А то, что директор был совершенно прав. И выяснилось это почти сразу…

* * *

Редкий выдался день: после обеда не стояло ни одной пары! Счастлив тот студент, что выбирает между «поспать» и «поваляться». А я выбирала именно так. Раз уж из-за соревнования и показа мне снова пришлось перейти в команду запасных по крылогонкам (наверное, я никогда не смогу опробовать крылья на реальных соревнованиях), то следовало воспользоваться возможностью отдохнуть.

Да только если бы все было так просто!

– Делл…

Габриэл поймал меня в коридоре и, прежде, чем получил в лоб, протараторил:

– Магистр Ленард просил найти тебя и передать, что в актовом зале тебя ждет преподаватель для зимнего показа!

– Знаешь, что делали с гонцами, которые приносили дурные вести?

– В нашем мире им премию выписывали. За то, что рисковали и усердно работали!

– Ой, сомневаюсь я что-то.

Таара, выписывающая премию гонцу, еще более комичная картинка, чем я и танцы. Но делать было нечего, Рианнон надеялась на меня, король жаждал зрелищ, Кейман старался и обеспечивал безопасность этого цирка. По всем штормграмам ходили наши с Бриной фотографии в рубашках, и вообще пути назад были отрезаны еще в тот момент, когда я призналась себе, что сил работать уборщицей больше нет.

Так что я переоделась в спортивную форму, взяла крылья и отправилась в актовый зал. Любопытная Брина, естественно, увязалась за мной.

– Я была на стольких показах, шоу и балетных постановках, что могу быть полезной!

– Жаль, Аннабет нет, – вздохнула я.

– Она сделала свой выбор. К тому же у нее новая работа и подружка. Она курьер в доме печати, а подружка – журналистка. Правда, сейчас в город никого не пускают, но Аннабет теперь собирает в школе заявки на подписки, а потом раздает прессу.

– И Кейман разрешил?

Вспомнился разговор в часовне. Он проверил Аннабет или как раз этим и был занят, разрешая ей распространять газеты?

– Так что будь с ней осторожна. Я немного знаю репортеров… те еще ребята. Тебе же не нужен жареный заголовок?

Мне не хватало только сплетен за пределами школы. Пока что весть о ночных посиделках или посылках, что присылал Акорион, не ушла дальше ворот, но если однажды журналисты пронюхают хоть о десятой части всей этой истории? Последствий не оберешься.

В актовом зале нас встретил бог.

Нет, серьезно, это был самый красивый парень, которого я видела в своей жизни!

Вот Кейман, он обладал такой… немного суровой аристократичной красотой взрослого мужчины. Бастиан всегда так ухмылялся, что хотелось погладить его кирпичом, но если приглядеться, то огневик был весьма хорош собой и еще лучше сложен. Даже во внешности Габриэла была изюминка, подчеркнутая его пепельной косой, а этот…

Он словно сошел со страниц модного журнала. Светло-каштановые, торчащие в разные стороны, волосы. Полные губы, открытая улыбка, лучащиеся светом глаза. И кубики… препод по танцам встретил нас без рубашки, и мне тут же захотелось попросить у него пощупать пресс! Хотя у Бастиана и Кеймана наверняка фигура была не хуже, просто они слишком редко выставляли ее на показ, и это оказалось огромным упущением.

Мне кажется, я даже здоровалась не с парнем, а с его кубиками. Я считать-то до стольки не умею, сколько у него их!

– Нью-Йорк? – вдруг огорошил меня парень. – Лос-Анджелес? Сидней? Москва? Париж?

– Что?

– Ты иномирянка, Рианнон мне рассказала. Давай поведай, откуда ты, вдруг мы земляки?

– Ты… вы… то есть ты – с Земли?! – ахнула я.

– Ага, – просиял он. – Клиффорд. Давай, подруга, рассказывай, как здесь оказалась! Я вот лично пошел однажды в бар, подцепил одного красавчика, и последнее, что помню, – удар в нос, а очнулся уже здесь.

– Поня-я-ятно, – разочарованно протянула Брина и мгновенно потеряла к кубикам интерес.

Но не ушла, села на первый ряд и погрузилась в чтение какого-то учебника.

– Итак, Деллин, нам с тобой предстоит поставить два танца на крыльях. Танцевать будешь с партнером, то есть со мной. Очень удобно, когда дебил, который не понимает объяснения тренера, – это ты сам. Давай наденем крылышки и посмотрим, что ты умеешь!

В зале было жарко, поэтому прежде, чем надеть крылья, я начала стягивать свитер. Крупная вязка зацепилась за сережку, и я осталась головой в кофте – распутывать получившийся узел. Удивительно, но Клиффорд тут же поспешил на помощь.

– Не суетись, дорогая моя, сейчас мы все-все-все исправим!

Нет, краем уха я слышала, конечно, шаги, но думала, что это Брина подошла посмотреть, что у нас здесь происходит. Ну или Вингорд заглянул проверить, все же тренировки на крыльях в актовом зале происходили с его ведома. Но вместо этого услышала голос Бастиана:

– Что у вас происходит?

– О, ровным счетом ничего страшного! Малышка Делли запуталась в своей кофточке, сейчас мы ее… Ну вот! Я же говорил! Дыши полной грудью, детка!

Я оказалась на свободе, но прохладнее не стало: когда ди Файр злился, он напоминал ходячую батарею.

– Я тебя везде ищу, – сказал он мне. – Пару отменили. Идем позанимаемся.

– Вот иди и занимайся. А у меня тренировка.

– Тренировка?

Клиффорд с удовольствием его просветил:

– Наша девочка будет главной звездой шоу Найтингрин! Мы сейчас поставим такой танец, что король немедленно на ней женится!

– Он староват. И женат.

– Ну… – ничуть не смутился парень. – Тогда на ней женится кто-нибудь другой. Можете понаблюдать за тренировкой с лучших мест, потому что на само шоу будут приглашены только высокопоставленные гости.

– Да что вы говорите, – фыркнул Бастиан. – С удовольствием полюбуюсь.

Ну вот. Теперь я окончательно уверена, что я и танцы – несовместимые вещи! Разве можно заставлять меня репетировать перед Бастианом?! А если он подожжет Клиффорду крылья? Или прическу? Или я ударю его током?

– Твой парень? – многозначительно подвигал бровями тренер.

– Нет.

– О… свободен?

– Что?

– Горячий красавчик. Спрашиваю, есть ли у него кто-нибудь?

Я покосилась на Бастиана и рассмеялась.

– Знаешь, если не хочешь снова оказаться в каком-нибудь лучшем мире, не задавай ему этот вопрос.

– Ты подрезаешь мне крылья, малышка. Ну что? Идем и

покажем всем, что такое искусство?

Но и на этот раз мне не дали спокойно настроиться на тренировку. Не актовый зал, а проходной двор!

– Надеюсь, вы не возражаете, если я понаблюдаю за тренировкой? – с вежливой улыбкой, которая включалась исключительно для официальных бесед, Кейман присоединился к немногочисленным зрителям.

К счастью, на последнем ряду.

– А вот знаете, Клиффорд… когда я позировала для коллекции Рианнон, все проходило в условиях строжайшей секретности. Разве репетиция номера для шоу не секретное мероприятие?

Боги определенно покинули этот мир. Если вообще когда-то откликались на мольбы замученных девиц из сомнительных учебных заведений.

– Все в порядке, Делли! – подмигнули кубики. – Где же еще они смогут увидеть шоу такого класса?

Эти-то? Да на премьере в том же составе!

Я то и дело косилась в сторону зрителей, и поначалу репетиция больше напоминала хаотичное висение в воздухе.

– Деллин, соберись! На выступлении зрителей будет еще больше! Все очень просто. Сначала асинхронные движения друг напротив друга, как будто мы впервые встретились. Потом страстный танец в воздухе. Потом синхронные элементы на расстоянии. Затем танец с твоими сложенными крыльями. Запомнила? Всего четыре части, по тридцать секунд каждая. Давай начнем с простого…

На земле Клиффорд манерничал и кривлялся, а в воздухе превращался в какое-то сверхсущество. Идеальное, контролирующее каждое перышко на крыле. Его мышцам оставалось только позавидовать. Перед тем, как сделать перерыв, мы попробовали то, что Клиффорд назвал танцем со сложенными крыльями. И если бы я знала, что это, то сбежала бы в самом начале!

Чем-то поддержка напоминала фигурное катание или скорее воздушную гимнастику. Сложив крылья и оставшись на высоте нескольких метров без какой-либо поддержки, мне пришлось всецело довериться партнеру, который крепко держал меня за руку и, вращаясь вокруг своей оси, раскручивал. Предполагалось, что я при этом должна была принять красивую позу, но в первый раз у меня едва получилось не визжать от страха.

– Запусти ее в окно, – фыркнул Бастиан, когда мы остановились и снизились.

– Пригласи его на свидание, – из вредности посоветовала

Клиффорду.

Да, кубики жалко. А что делать? На войне все средства хороши.

После перерыва мы повторили то, что успели выучить, и прогнали вступление под музыку. Аккомпанировала какая-то светлая магичка, явно приехавшая с Клиффордом, потому что в этой школе светлых магов не было.

– Все очень и очень хорошо. Через неделю привезут костюмы, порепетируем еще в них. У тебя хорошие данные, Делли. Уж я вижу, поверь, на Земле я был неплохим хореографом и даже победил в первом сезоне программы «Звездные танцы». Слышала о такой?

Я не слышала, но из вежливости покивала и поулыбалась под забавный скрип зубов Бастиана.

– Увидимся завтра, малыш, – просиял на прощание хореограф. – Ну у вас и школа. Представляешь, ваш директор сказал, что я могу войти сюда лишь один раз! И если хочу продолжать репетиции, должен здесь жить!

– А нам каково? – улыбнулась я. – Мы так четыре года живем.

– Бедные вы мои, несчастные! – слегка наигранно повздыхал Клиффорд.

Подхватил сумку с крыльями, подмигнул ошалевшему Бастиану и был таков. Я без сил опустилась в ближайшее кресло. Все бы отдала за бутылку холодной воды! В следующий раз зрителей будем пускать только с чем-нибудь полезным. Водичкой, полотенышком, веером…

– Так, дети. Идите-ка сюда. Нет, не вы, адептка ди Файр, к вам у меня вопросов нет, за исключением вопросов к посещаемости и успеваемости. Но с ними мы разберемся позже. Шторм, ди Файр – вот ключи от библиотеки.

Кейман строго на нас посмотрел.

– Напоминаю, что в библиотеке можно только заниматься. Уточняю: заниматься полезным делом. Уточняю еще раз: полезным интеллектуальным делом. Все ясно? Не шуметь, не скандалить, не драться, не использовать магию, не приносить еду и напитки. И самое главное: не распространяйтесь, что я выдал вам ключи. Попадетесь кому-нибудь – соврете, что вскрыли замок. А не то у меня половина школы будет то в библиотеке ночевать, то в душевой. Все ясно?

Мы дружно кивнули и тут же получили небольшой бронзовый ключик, который я надежно спрятала в сумку.

– В одиннадцать, – бросил Бастиан.

Даже поспать успею… если прогуляю ужин и успею сбегать в душ до того, как народ вернется с занятий и изволит наводить

чистоту.

Появление в школе Клиффорда произвело фурор. Во избежание нарушений порядка Кейман поселил хореографа-попаданца в преподавательском корпусе, но слухи все равно просочились в среду адептов. А вместе со слухами возрос и интерес ко мне. Снова. Теперь мне приписывали роман не только с помолвленным королем огня, но и с сексуальным танцором. Но к слухам я привыкла.

Как и к тому, что отношение ко мне разительно изменилось. На первом курсе я была изгоем, такой непонятной темной иномирянкой, с которой лишний раз старались не общаться во избежание гнева ди Файра и непредсказуемых последствий. В чем-то Аннабет была права: дружба Брины перевела меня из касты неприкасаемых в стройные ряды королей и принцесс школы.

Правда, иногда казалось, что я бы предпочла остаться изгоем, но с Аннабет. Но кто же меня спрашивал?

Библиотека встретила тишиной и парой горящих свечей на одном из столов. Я вдохнула приятный запах старых фолиантов и пожалела, что редко здесь бывала. Предпочитала читать в комнате, чтобы никто не видел, каким трудом дается чтение. Но такие места имели особую атмосферу. Успокаивающую, умиротворяющую, даже вслух разговаривать не хотелось.

Бастиан что-то писал на длиннющем свитке, но, когда я села рядом, убрал все в сумку. До сих пор я читала ему то, что уже и сама успела прочесть. О воспитании Таары и Акориона. Опуская, конечно, некоторые подробности, которые хотелось оставить при себе. А вот сегодня мы должны были перейти на новую главу, и мне было слегка волнительно.

– О чем будем читать? – спросила я. – По порядку? Или есть особые пожелания? Коллекция украшений Таары? Сотворение Силбриса? Таара и Джахней? Бавигор и Акорион?

– Драконы, – вдруг сказал Бастиан. – Ты говорила, есть глава о драконах. Прочти.

О драконах у меня было не только в книге о Тааре. Даже не столько в книге о Тааре, сколько в справочнике магических существ. Удивительно, что Бастиан так долго держался и не спрашивал о них.

Потемневшие от времени страницы хотелось рассматривать и трогать. Чернила, которыми иллюстрировали книги, были настолько густыми, что можно было пальцем ощутить контур красивого дракона, парящего над панорамой Штормхолда.

– Сотворение драконов, – прочла я. – На краю Штормхолда, где грозы бушевали особенно рьяно, одна из молний ударила в

самое сердце гор, превратив низину в расщелину, из которой вырывалась чистая магия огня. Небо окрасилось в кроваво-красный цвет, а редкий лес вокруг тут же превратился в обугленные головешки. Сияние магического пламени было столь велико, что привлекло внимание бога грозы и стихий, исследовавшего мир. Крост с интересом бродил по низине, ставшей самым крупным месторождением чистой магии огня, когда вдруг посреди пепелища обнаружил гнездо северной птицы. Оно пострадало в огне, и лишь чудом один из птенцов еще шевелился.

Бога грозы охватило чувство вины и жалости, и тогда Крост отнес малыша прямо в расщелину, опустил его в чистую магию огня и поклялся, что это лишь сделает птенца сильнее. Крошечное тельце вспыхнуло, над долиной пронесся отчаянный крик. А затем из расплавленной магии появился небольшой дракон.

Расправив крылья, он поднимался над долиной все выше и выше. Новый крик, теперь уже сильный и смертоносный, исторгся из огнедышащей пасти. На миг тень дракона погрузила горы во мрак. А затем, первый в Штормхолде, он устремился в небо.

– Чушь, – буркнул Бастиан. – Детские сказки.

– Это не я написала. Если хочешь знать правду, спроси Кеймана сам. Только, подозреваю, правда будет звучать примерно так: мне было скучно, и я из дерьма и палок сделал скульптуру дракона, а потом ее оживил. Вот и думай, как тебе приятнее: быть сотворенным из чистой магии жалостливым богом или снеговиком из птичьего помета.

– Ты сегодня не в настроении? – хмыкнул ди Файр.

– Я всегда не в настроении. Просто не понимаю, как легенды и сказки помогут тебе победить Акориона.

– Почему они исчезли? Есть у тебя на эту тему какая-нибудь сказочка?

Я могла и не переводить: едва перевернула страницу, по картинке все поняла. Таара, а темноволосая женщина с нетопыриными черными крыльями была, несомненно, ей, в окружении полупризрачной свиты девушек восседала на троне. У ее ног, с неизменной ухмылкой на лице, склонял голову брат. А позади него, уставившись невидящим стеклянным взглядом в небо, лежал дракон.

– Он приносил их ей как трофеи. А еще она превращала мертвых драконов в своих стражей. До тех пор, пока не уничтожила последнего.

Я поежилась, вчитавшись.

– Таара использовала хаос. Вдыхала в мертвых существ

крупицы хаоса, создавала армию для брата.

– Да. Некоторые темные твари до сих пор сохранились, и нам приходится их изучать, – кивнул Бастиан.

– Сложно поверить, что добрая и свободолюбивая девочка превратилась в такое. Драконы всегда ей нравились, – сказала я, вспомнив сны. – Она смотрела вдаль, где они летали, и мечтала летать вместе с ними. Почему ее любви не хватило хотя бы на них?

– Это из книги?

– Нет, – покачала головой. – Я это помню. Иногда… они показывают мне кусочки прошлого. Во сне.

Я вздрогнула, когда рука парня поднялась к моему лицу, а пальцы осторожно погладили щеку. Мотнула головой, уворачиваясь от прикосновения, но добилась лишь того, что пальцы скользнули на шею, а низ живота мучительно заныл.

– Хватит…

– Деллин. Ты не можешь вечно бегать.

– Я ни от кого не бегаю.

– Я заметил. Поэтому каждый раз, когда я подхожу, у тебя резко появляются важные дела.

Неправда, и Бастиан это знал! Он и подходил всего трижды. За завтраком я проспала и едва успела выпить кофе, прежде чем бежать на пары. Однажды вечером я пообещала Брине обсудить с ней подарки на Праздник Зимы. А в тот раз, когда мы столкнулись в коридоре… ну ладно, я действительно сбежала. А чего он хотел?

– Чего ты хотел? – вслух спросила я. – Ты почти женат.

– То, что Крост уговорил всех на эту свадьбу, не значит, что она состоится.

Боги! Я бы все на свете отдала за то, чтобы сладкая пытка прикосновениями к нежной коже на шее не заканчивалась. Только у меня ничего не было, что можно было бы отдать.

– Но мне нужно знать, ради чего выступать против короля.

– Ради чего? – Я вскинула голову.

С момента того поцелуя в пыльной тесной кладовке, когда над головой сплелись две магии, угрожая уничтожить все, включая нас, прошло больше года. А казалось, словно в разы больше! Тогда меня обжигала ненависть, а сейчас все внутри сжималось от постыдной мольбы, чтобы мгновение продлилось чуть подольше.

Чтобы горячие губы прикасались к моим еще секунду… и еще, и там, где касались его пальцы, оставались невидимые горячие следы. Бастиан целовал с пугающей уверенностью мужчины, который совершенен во власти над девушкой. Словно

он знал… черт, да он прекрасно знал, что творится со мной.

Нечеловеческий самоконтроль удерживал от необдуманных поступков. Наверное, огромной удачей стало то, что мы были в библиотеке, потому что едва я даже в мимолетной мысли переносила нас в комнату, живот сводило от болезненного желания большего, чем поцелуй. Пусть даже откровенный, огненно-горячий, со вкусом кофе и апельсинов, поцелуй.

Одной рукой Бастиан удерживал меня, прижимая к себе, а второй продолжал выводить невидимые узоры на шее, рисовал кончиками пальцев контуры ключицы, вырывая тихие всхлипы, перемешанные с неистово бьющимся сердцем.

– Какая умилительная картинка, – вдруг услышали мы.

Я с такой скоростью отпрянула от ди Файра, что тот даже не успел меня удержать. Хотя он и сам нахмурился, глядя на Ясперу, помахивающую штормграмом, на экране которого красовались мы в самой что ни на есть провокационной позе. Я мучительно покраснела, в восприятии поцелуй был просто поцелуем… а со стороны казалось, что мы едва не перешли к сексу прямо за столом в библиотеке.

Но самое мерзкое, что Яспера как-то странно, слегка безумно, улыбалась. И, может, мне показалось, но…

– Ты что, бухая? – неожиданно грубо поинтересовался Бастиан.

И тогда я поняла. Яспера действительно была пьяна, пусть не в стельку, но совершенно определенно трезвостью здесь и не пахло.

– Будешь так разговаривать со своими шлюхами. – Яспера опасно прищурилась.

– Они так себя не ведут.

– Это мне говорит человек, который только что едва ли не трахался в библиотеке?

– Иди спать, – буркнул Бастиан.

Но Яспера уже завелась: глаза опасно блестели. Огневик ее почти не интересовал, переругиваясь с ним, она не сводила взгляда с меня.

Я ждала.

– Что скажет директор, когда увидит, как его подопечная проводит время?

– Он скажет, что за поцелуй в пустой библиотеке меня, конечно, надо казнить.

Никогда не замечала, что ощущение грядущих неприятностей чем-то схоже с чувством голода. Только при голоде не так гулко стучит сердце. Почему я вдруг испугалась Ясперу? Неужели не привыкла к вечной войне с ней?

– А что скажет твой любовничек?

– Что, прости? – показалось, я ослышалась.

– Я вот просто подумала, а если этот артефакт вдруг случа-а-айно попадет к нашему общему темному другу, ты снова станешь всем рассказывать, что ты совсем не виновата и скорбишь о жертвах?

– Ты что, сумасшедшая? Отдай сюда штормграм! – рявкнул Бастиан.

Почудилось, что способность шевелиться вообще покинула меня. От одной мысли, что сделает Акорион, получив планшет, делалось дурно. О, я очень хорошо представляла, что тогда будет. И Бастиан представлял, возможно даже лучше всех нас. Не мою грудь пересекал шрам от пересадки сердца.

По виду Ванджерии было понятно, что даже если потом она пожалеет, то сейчас вполне способна сделать все, о чем говорит. И что толку, если после наступит раскаяние?

– Все, я иду к Кросту, – выдохнула я, чувствуя, что закипаю.

Но не успела сделать и пары шагов – чтобы выйти к дверям, нужно было обойти Ясперу, – как ее ледяная рука с остро наточенными коготками вцепилась в мое запястье.

– Давай, пожалуйся папочке.

– Акорион – не повод для шуток.

– А похоже, что я шучу? – Демоница иронично приподняла бровь. – Тебя пора учить. Доброту ты не понимаешь. Интересно, если с тобой поступить так, как ты поступала с другими, как быстро распустишь сопли и снова начнешь кланяться мне при встрече?

– Руку убери! – сквозь зубы процедила я.

– Ему понравится узнать, как ты развлекаешься то с одним, то с другим…

Раздался треск – и Яспера отшатнулась на добрый метр. Я была бы рада сказать, что это получилось непроизвольно, но врать не хотелось. Контролировать силу я научилась сносно. Злость контролировала плохо, а с силой – полный порядок! Наверное, впервые я поняла, что такое ненависть. Не та, что тлела по отношению к Акориону, смешанная со страхом, а чистая ненависть, когда больше всего на свете хочется обратить всю мощь, данную природой, против одного-единственного человека.

Мы всматривались друг в друга, как в зеркало. И все могло бы кончиться на очередной дурацкой стычке, но алкоголь и твердое желание меня проучить в Яспере оказалось сильнее разума. А я вообще никогда не отличалась особой сдержанностью.

Демоница взмахнула рукой, и на глянцевом дереве ближайшего книжного стеллажа залегли две глубокие царапины.

Будь на месте шкафа человек, это был бы труп. Предупреждение, понятное без слов, но окончательно снесшее во мне последний бастион благоразумия.

Сверкнула вспышка молний, погасив все свечи, на миг погрузив библиотеку в темноту, но тут же целый пучок вырвался из ладони, встретил на своем пути темную магию Ясперы – и посыпались искры. Они вкупе с шальными молниями оставляли на всем, чего касались, странные обугленные следы, чем-то напоминающие причудливые морозные узоры.

Меня едва не сбила с ног невидимая волна, но, больно ударившись поясницей о парту, я все же устояла. Закрыла руками голову от груды падающих книг, но успела запустить молнию. А вот Яспера не успела уклониться от нового разряда и зашипела сквозь зубы.

– Дамы, вы совсем уже?! – рявкнул Бастиан.

Теперь уже над его головой опасно зашатался шкаф, и посыпались книги. Яспера стащила с браслета сразу три крупицы, пока остаточная магия расплывалась по комнате, проникая в щели и углы, оставляя темные следы на всем, до чего дотягивалась.

За окном стремительно сгущались черные тучи. От ветра распахнулось окно, впуская грозу в библиотеку. Нас оглушило раскатом грома, а я словно на миг ощутила за спиной раскинутые крылья. Сжала кулак – и снова загрохотало.

– Хватит! – крикнул Бастиан и…

Развел руки в стороны, от чего мы с Ясперой пролетели по паре метров и не слишком-то мягко приземлились на пол. Из глаз посыпались искры, причем, кажется, совсем не в фигуральном смысле! В воздухе пахло гарью, озоном, от порывов холодного ветра, смешанного с дождем и снегом, перехватывало дыхание.

– Захотели на полгода в камеру?!

Так или иначе, расплата уже неизбежна. Вряд ли Кейман, увидев следы магий, поверит, что мы консультировались у Ясперы в связи с предстоящими экзаменами. Бастиану в голову пришла эта же мысль. Он прошелся по библиотеке, рассматривая следы, тихо, но витиевато выругался, а потом… стеллажи, изрезанные и обугленные в пылу драки, охватило пламя. Всюду, где виднелись магические воздействия, вспыхивали языки огня, поглощая дерево, остатки книг. Стеклянным взглядом Яспера смотрела на стихию, пожирающую все вокруг. У меня по щеке потекла струйка крови: я даже не заметила, как разбила лоб. Когда? Наверное, когда сверху грохнулись книги…

– Какого хрена здесь происходит?!

Грохот от распахнутой Кростом двери совпал с очередным

раскатом грома за окном.

* * *

Магистр Крост неторопливо прошелся по кабинету. Постоял у шкафа, рассматривая вереницу дипломов, грамот и кубков. Заботливо полил цветочек. Потом вернулся к нам, в рядочек сидящим напротив его стола.

– Ну-ка, дыхни! – потребовал у Ясперы.

Та нехотя подчинилась.

– Ты. – Бастиана заставили сделать то же самое, а потом очередь дошла и до меня.

– Ага. Значит, начали вы не вместе.

Кейман вернулся за стол и вдруг засмеялся.

– Простите, это нервное. Даже не знаю, с чего начать. Ну, и за что же вы так ненавидите книги? Нет, я, конечно, иллюзии насчет любви к учебе не питаю, но как-то не думал, что войну образованию вы объявите в прямом смысле.

Библиотеку было жалко. Кеймана тоже. И еще немного себя: никто не дал ничего холодного, чтобы приложить к голове, и она ужасно болела.

– Не знаю, что сказать. Поэтому послушаю. Итак, что произошло с библиотекой?

– Сгорела, – буркнул Бастиан прежде, чем мы с Ясперой успели открыть рот.

– К счастью, не вся. Хотя для вас, наверное, к сожалению. И почему же сгорела библиотека?

– Ну… может быть, я ее поджег.

– Ди Файр, мне что, до утра из вас вытягивать по одному слову?! Зачем вы ее подожгли?!

Бастиан пожал плечами.

– Случайно. Книжка попалась… кхм… нервная.

– Ах, случайно. Это мне вам еще надо усиленное питание выписать, за спонтанный всплеск магии, да? А диплом, наоборот, не давать. Потому что зачем вам диплом? Вы силы свои не контролируете, да? Как пришли на первом курсе зверьком неадекватным, так и выходите. Еще на четыре годика останетесь? Контролю поучиться?

Бастиан угрюмо молчал, и я почти решилась сдаваться.

– А ты что там делала? – поинтересовался Крост у Ясперы. – Тушила? Или прикуривала?

Демоница молчала, опустив голову.

– Поня-я-ятно, – протянул Кейман. – Ди Файр? На этот счет

вам есть, что приду… кхм… сказать? Что делала магистр Ванджерия, пока горела несчастная библиотека?

– Как всегда. Ругалась.

– По поводу?

– А он ей нужен?

Кейман со всей дури хлопнул по столу, бросил на меня беглый взгляд, чем ясно дал понять: он все отлично знает. Или догадывается, что, в общем-то, одно и то же.

– Как вы мне все надоели. Каждый из вас троих. Каждый. Без исключений. Ведете себя как… стадо малолетних дебилов, не способных ложку в руках удержать. Вам по сколько лет?! Вы соображаете вообще, чем это могло кончиться?! Шторм, что с лицом?

– Упала.

– Упала, – ласково передразнил опекун. – Маленькая ты моя. Упала. Тоже книжка нервная попалась, да? Или билась головой о гранит науки от неспособности его загрызть?

Кейман устало потер глаза.

– Вас надо держать не в школе, а в зоопарке. Значит, так. Ты, – он ткнул пальцем в Яспер, – идешь спать. Завтра утром ко мне в кабинет, и рекомендую придумать что-нибудь, чтобы из кабинета не выйти с вещами. Ди Файр – домашний арест до конца семестра. И чтобы я тебя рядом с этой… нервной книжкой больше не видел, иначе до конца жизни будешь читать одной рукой, ясно?

– Более чем.

– Шторм… сначала к лекарю. Потом домашний арест до конца семестра. На тренировки для Найтингрин ходить можно в том случае, если арест исполняется неукоснительно. Иначе вместо шоу зимой будешь мыть полы в закрытой школе и проникаться незавидной судьбой тех, кто не умеет контролировать нервы и недолюбливает библиотеки. Всем все понятно? Тогда вон из моего кабинета, пока я вас тут не выпорол!

Меня сдуло первой, Бастиан и Яспера аналогично не стали задерживаться. На этот раз мы легко отделались, и не хотелось бесить директора дальше. То, что он сделал вид, будто поверил в ложь Бастиана, показалось последним китайским предупреждением. В следующий раз нас и вправду выпорют.

Ну его нафиг, я согласна на арест до диплома!

Пока я сражалась с мыслями в раскалывающейся голове, Бастиан перегородил путь Яспере.

– Штормграм сюда давай, – холодно сказал он.

Яспера молчала, стиснув зубы и глядя поверх плеча огневика, который был на добрую голову выше нее.

– Ладно, тогда пойду к дяде Кросту и расскажу пару сюжетных поворотов…

Вместо ответа Яспера молча сунула руку в сумку, достала штормграм и бросила к ногам Бастиана, а когда он наклонился, чтобы поднять, быстро скрылась за поворотом. Стук каблуков по лестнице еще долго эхом отдавался в пустом преподавательском корпусе. И как мы только не перебудили всю школу!

– Проводить тебя к лекарю? Как в старые добрые времена, – улыбнулся Бастиан, намекая на одну из встреч на первом курсе.

– Она права.

– Что?

– Яспера права. Нельзя рисковать. Однажды он едва тебя не убил, а девятнадцати ребятам не повезло сильнее.

– Эй, штормграм у меня, от него не останется и пылинки к утру, все нормально.

Он протянул было руку, но я отшатнулась, стараясь не смотреть на парня.

– Не нормально. Не она, так кто-то другой. Это не скрыть – с учетом того, кто ты. И последствия… я не хочу проверять, что сделает Акорион. Не подходи ко мне.

Я сглотнула болезненный комок в горле.

– Забудь, что я вообще существую. Я напишу тебе переводы всех упоминаний драконов и Акориона, передам через Брину. Забудь обо всем, что сегодня случилось. Спасибо, что спас нас, но с этого момента мы не знакомы.

– Деллин, ты не можешь из-за страха перед ним остаться одна. Ты свихнешься.

Глаза защипало, и я поняла, что или сейчас закончу разговор и позорно сбегу, или снова случится что-нибудь непоправимое, чего мы чудом сейчас избежали.

– Одна против многих. Не такая уж большая потеря. Мне пора, извини.

Теперь уже мои торопливые шаги одиноко нарушали умиротворенную ночную тишину. Или это с такой силой билось сердце? Как будто каждый удар грозил стать последним.

Сокровищница Таары пуста. И я с удивлением прохожусь вдоль рядов витрин, рассматриваю блестящие в слабом свете единственной свечи украшения.

– Деллин?

Впервые за много… снов Акорион проявляет эмоции. Темный бог, кажется, удивлен моим появлением. А еще почти раздет и как-то странно выглядит, словно…

– У тебя что, подружка на ночь осталась? – спрашиваю я.

– Ты ревнуешь?

– Буду рада, если ты найдешь свою любовь и отстанешь от меня.

Он вдруг смеется. Мягкий бархатистый смех прокатывается по комнате, оставляя странное послевкусие.

– Это говорит мне девушка, сама явившаяся ко мне во сне. Я не звал тебя, ангел мой. Чего ты хочешь?

Я замираю, ошеломленная его словами. Настолько привыкла оказываться в его снах против собственной воли, что смысл сказанного доходит не сразу.

– Так зачем ты здесь, Деллин? Я тебе нужен?

– Пожалуй, – по привычке закусываю губу. – Хотела сказать, как сильно я тебя ненавижу.

– Ну, это не новость. Но что ввергло тебя в такое страстное желание сообщить мне это, что ты даже явилась сюда сама?

Я молчу, Акорион улыбается, как заботливый папочка, позволяющий дочурке самой решить сложную задачку из домашнего задания. Такая снисходительная всезнающая улыбка, что очень хочется выкинуть что-нибудь, что сотрет ее.

– Идем, – бог протягивает руку, – покажу тебе замок.

– Замок? Прямо весь?

– Да. Раз ты пришла сама, то готова слушать.

Эта фраза пугает сильнее, чем прошедшая выволочка в кабинете Кроста, и даже сильнее, чем прямые угрозы. Я вдруг чувствую, что экскурсия по дому меня… манит? Хочется посмотреть на то, как он живет, в чем существует. Выйти за пределы локаций, организованных им же, на несколько часов оказаться вдали от стен школы и проблем, навалившихся там.

Рука дрожит, когда я протягиваю ее, но горячие пальцы неожиданно ободряюще сжимают мою ладонь.

Наверное, как-то так чувствует себя заключенный, следующий за стражником на казнь.

– Хочешь вина, ангел?

– Я же во сне. Зачем галлюцинации вино?

– Ты не во сне, Деллин. Ты в проекции. Наподобие той, что создавал тот выживший мальчик.

Вздрагиваю от упоминания Бастиана и засовываю воспоминания и всколыхнувшиеся еще не утихшие ощущения как можно глубже. Мы идем по длинным коридорам классического замка, совсем не вычурного, готично-сдержанного. Из окон я вижу покореженные черные деревья, окружающие территорию.

– Проекции тоже не могут пить вино. Или оно у тебя призрачное, мертвое? Тогда тем более не хочу. Мало ли, как оно там сдохло…

– Ты еще такой ребенок, ангел.

– Я не ангел.

– У тебя есть крылья, ты постоянно устраиваешь мне здесь грозу. Ты ангел шторма, хорошенький, но вредный. Знаешь, порой мне кажется, что я в тебя влюбляюсь, и мне ужасно стыдно перед сестрой. Это ведь нехорошо, да, оставить тебя вместо нее?

– Мы так-то не два разных человека, а один и тот же, просто в… мм-м… разной модификации.

– Может, ты и права. Это сложные вопросы, подобные тебе еще не рождались. Что хочешь посмотреть? Мой кабинет? Сейчас… я чудом восстановил эту штуку, пришлось заплатить кучу денег одному художнику… пусть покоится с миром.

Акорион открывает одну из дверей и сторонится, пропуская меня в комнату. Открыв рот, я смотрю на собственное изображение. Почти рекламный плакат Найтингрин во всю стену! Темная богиня во всей красе, смотрит, иронично прищурившись.

– Я бы не смогла работать, когда она постоянно пялится.

– Я редко здесь бываю. Дело, знаешь ли, требует разъездов и полевой работы.

– Каких разъездов?

Акорион снисходительно улыбается.

– Давай не будем торопиться с этим. Если ты действительно захочешь стать частью… – он обводит глазами комнату, – этого всего, то узнаешь все постепенно. Идем, покажу спальню. Может, решишь остаться как-нибудь? Или приехать на каникулы?

Мы проходим вдоль целой галереи рисунков. Мрачноватых пейзажей, не лишенных эстетики. На одной из таких картин я с отвращением рассматриваю здоровенного паука и морщусь.

– Не любишь насекомых? – понимающе кивает бог. – Как и Таара. Она всегда уезжала, когда я экспериментировал с темной магией. Крост рассказал тебе о…

– Рассказал, – поспешно обрываю я.

– Удивлен. Думал, не решится.

– Вы были жестоки по отношению к ней. Никто из вас ее не любил.

– Это не так. Я всегда заботился о Тааре. Помогал ей постичь силу. Раздвигал границы ее удовольствия. А Крост… не ему упрекать меня. Его любовь чуть не задушила сестру. Хочешь пройтись по саду? Там немного ветрено, но…

– А это что? – перебиваю его я, указывая на дверцу в одном из тупиковых ответвлений коридора.

– Так, ерунда. Вход в подвал.

– Хочу увидеть подвал.

– Деллин, – мягко, но настойчиво Акорион подтолкнул меня к

лестнице, – я предлагаю тебе бокал вина в гостиной, сыграю любую мелодию, какую только захочешь, на старинном рояле, мы пройдемся по саду или даже полетаем над замком. А ты требуешь пыльный подвал?

А я вспоминаю сон, в котором Акорион не разрешил заглянуть в один из ящичков в сокровищнице, и понимаю, что да: я хочу в подвал. Сильнее, чем хочу проснуться, жажду увидеть, что там спрятано. Как будто что-то зовет из тьмы и глубины. Поэтому я вырываюсь и отталкиваю ошалевшего от сопротивления бога. Несусь что было сил к двери, понимая, что, если та заперта, никакой магии не хватит, чтобы открыть, но… напрочь забываю, что сейчас я – проекция, бесплотный призрак. И такие двери – не больше, чем досадная помеха.

Крутые ступеньки уводят меня вниз, во тьму.

– Деллин! – слышу я крик Акориона. – Ангел, вернись немедленно! Ты не представляешь, как легко заблудиться… проекция не обладает неуязвимостью… Деллин!

Повинуясь внутреннему инстинкту, я легко касаюсь двери изнутри, покрывая ее мельчайшей электрической сеткой, наподобие той, что защитила школу от птиц Акориона.

И несусь вниз, не замечая, что ноги уже давно не касаются ступеней, как будто я парю в воздухе на крыльях.

Становится сыро и холодно. Ощущаю это отстраненно, лишь отмечая досадный факт, никоим образом не тяготясь изменившейся атмосферой. Я так привыкла, что в подобные моменты сердце готово выпрыгнуть из груди, что с удивлением отмечаю абсолютное спокойствие. Призраки не умеют нервничать… хотя это не про Бастиана.

Наконец ступеньки заканчиваются, и передо мной возникает еще одна дверь. Преодолеваю ее с той же легкостью, оказываюсь в огромном зале с высокими сводчатыми потолками и в первые секунды отказываюсь верить тому, что вижу.

Если бы тело имело плоть, каждый шаг бы отдавался хрустом костей, валявшихся на полу. Еще один музей, только если сокровищница была музеем драгоценностей, то это – музей смерти. На десятках, а может, и сотнях – зал уходил далеко вглубь, вероятно занимая почти все пространство под замком, – постаментов высились черепа. Их можно было спутать со змеиными, если бы не размеры.

Я с ужасом прошлась вдоль ряда постаментов, заглядывая в пустые глазницы. Драконы… сотни драконьих черепов, эдакий трофейный зал безумца, уничтожавшего красивейших существ ради прихоти и забавы.

– Я же говорил, что тебе не стоит сюда идти, – укоризненно

произносит Акорион, нагнавший меня почти сразу. – Таара любила драконов. Но она понимала, что Крост обратит их против нас. Было больно смотреть, как она часами плакала в этом зале… она помнила каждого из них. Многих знала птенцами. Идем, тебе нужно отдохнуть.

– Ты не боишься, – я медленно поворачиваюсь к темному богу, – что однажды не сможешь справиться с силой, которую хочешь разбудить, и окажешься на месте этих драконов?

Я не слишком эмпатична и слишком часто страдаю от того, что не умею ловить чужие эмоции. Но готова поклясться: на миг, на одну крошечную долю секунды в глазах темного бога мелькает что-то очень похожее на страх.

А потом я решаю, что экскурсия закончена. И удивительно, но сегодня сила слушается беспрекословно.

Глава 11

– Ну что ж, адепты. – Кейман задумчиво прошелся вдоль первого ряда, посмотрел на верхние ряды и хлопнул в ладоши.

Тяжелые шторы закрыли большие окна поточной аудитории. Я поморщилась, потому что дневной свет хоть как-то приводил в чувства. А вместе с полумраком снова накатила слабость от недосыпа. Сколько я не спала? День? Два? Три? Казалось, целый месяц, но это, конечно, было неправдой.

Иногда мне удавалось подремать в учебной комнате, пока народ занимался и зубрил материал. Надо мной даже шутили, что едва я прихожу с книгой, то сразу же отрубаюсь. Но на самом деле я приносила книгу, просто чтобы не признаваться никому, что сплю, когда в помещении много народу. Когда любая слишком громкая фраза вырывает из дремоты, когда не чувствуешь обступающую тьму. Когда нет шансов оказаться в замке или снова вернуться к кладбищу драконов, только уже не в качестве проекции, а переживая очередной кошмар.

– В первом учебном блоке вы при поддержке магистра Ванджерии познакомились с… мм-м… теоретической частью такого замечательного предмета, как нейтрализация темных существ. Настало время заняться практикой, которую и буду до конца года вести я.

Народ вокруг суетливо заерзал: из пар Ясперы мы запомнили только цвет учебника, фамилию преподавателя и собственные места, ибо Ванджерия ненавидела, когда мы пересаживаемся. Но вряд ли этот багаж знаний мог помочь в практической части курса.

– Напоминаю для тех, кто проспал теорию, что темные существа или сущности – это живые существа, созданные или появившиеся при воздействии темной магии. Большинство из них пришло к нам с древних времен, некоторые виды появились естественным образом. К счастью, в последние века, из-за расширения зон влияния магов, таких существ становится все меньше и меньше. Однако иногда они продолжают нападать и создавать неудобства, поэтому каждый – я повторяю, каждый без исключения, будь вы стихийник, прорицатель или темный – обязан уметь защищаться и знать, как уничтожить ту или иную тварь.

Все взгляды были прикованы к чему-то квадратному и большому, стоявшему на преподавательском столе. Это «что-то» было закрыто плотной черной тканью, но по очертаниям уж очень напоминало клетку.

– Примером таких существ и их способности осложнить жизнь может служить нападение темных птиц на школу прошлым летом, от которого нас любезно защитила адептка Шторм.

– Адептка Шторм может на пары не ходить? – усмехнулся Корви.

– Может, – кивнул Кейман. – Но будет. На вас-то надежды совсем никакой.

Корви ойкнул и подскочил на скамье от легонького удара током. Кейман закатил глаза.

– Итак, темные существа бывают четырех уровней. Высшие темные, полуразумные, темные среднего уровня и низшие. На курсе теории вам должны были рассказывать об уровнях, поэтому вопрос к вам, Корви: что такое высшие темные существа?

– Темные маги? – предположил парень.

– Такая мысль приходила мне в голову. Но с тех пор, как я стал преподавать, отбросил подобные глупости. Еще есть желающие ответить? Шторм? Нет? Жаль. Хорошо. Высшие темные – разумные существа темного происхождения, отличающиеся от людей. Демоны, сирены, суккубы – они довольно редко встречаются и, как правило, живут по законам, честно зарабатывая себе на хлеб. Но, разумеется, есть и свои особенности. С высшими темными вы познакомитесь сами и сделаете к зачету, который ждет вас в конце семестра, рефераты. Краткий обзор всех известных высших темных существ и один вид изучите подробнее. Не тяните с консультациями.

– Снова реферат? – вздохнул кто-то.

– Я же не могу привести сюда демона, чтобы вы его отпинали. Это незаконно, хоть и очень полезно с точки зрения практики. Поэтому давайте сойдемся на реферате. Далее, следующий вид мы также не будем трогать, по той простой причине, что найти представителей полуразумных темных существ не так-то просто. К ним относятся драконы, русалки, вампиры, которые вымерли почти сразу после появления, банши, големы, драугры, ну и так далее. По ним будет один вопрос в билете на зачете. Ничего сложного, просто описать, что скрывается за необычным словом и почему оно вымерло. Все это вы найдете в учебниках и конспектах… лучше в конспектах, потому что библиотека пала жертвой… гм… полуразумных существ.

Я бы обиделась, если бы не сражалась с дикой усталостью!

– Третий вид: средний уровень, довольно опасные твари, разум которых занят одной мыслью – убивать, жрать то, что убили, и злобно щериться. Вы видели стриксов – птиц над школой. Помимо них существуют тысячи других видов. Вендиго, мантикоры, веталы, арахниды и прочие мерзкие твари. Ну и

четвертый вид, самые безобидные, но все же не милые домашние зверушки. Низшие темные существа. Сегодня мы познакомимся…

Кейман одним движением стянул с клетки черную ткань, и я брезгливо поморщилась: в клетке сидела, ощерившись, летучая мышь размером с овчарку. Глаза твари горели кроваво-красным огнем, а голову венчали два острых рога. Она цеплялась за прутья решетки, жадно всматриваясь в нас, и хищно щелкала зубами.

– Отличная мышка, – хмыкнул Крост. – Дружелюбная. Никто не хочет такого питомца? Нет? А в Бавигоре их едят, да… ну да ладно, давайте уже перейдем к тому, для чего мы здесь собрались. Итак, нейтрализация. Красивое слово, верно? Совет Магов выдал нам стандарты, в которых этот предмет называется так. Но на самом деле, чтобы нейтрализовать темное существо, его нужно убить. Сложность в том, что дракон, например, и сам вас может убить, а против сирены бесполезна магия воды. Эта тварюшка слаба и тупа, поэтому особых запретов на использование против нее магии нет. Подойдет, в принципе, любая. Ее даже мечом зарубить можно, только кровь уж очень мерзкая, отмывать лень. Поэтому пойдем другим путем. Шторм, выходи к доске.

– А можно не я? – осторожно поинтересовалась.

Знакомиться с мышкой как-то не слишком хотелось.

– Можно. Но так или иначе придется выйти всем. Первому я помогу, остальные будут набивать шишки сами. Предлагаю единственной даме в последний раз воспользоваться помощью преподавателя.

Вздохнув, я поняла, что отмазаться не выйдет. Меня слегка пошатывало от усталости, а еще я раньше никогда не думала, что от недосыпа может тошнить. Ноги были словно ватные, а зрение нет-нет и мутнело. Сделав несколько глубоких вдохов, я вышла к доске и застыла в паре метров от клетки с тварью.

– Я не подпущу ее к тебе слишком близко, – сказал Кейман, – но постарайся нейтрализовать ее сама. Здесь важны два аспекта: собраться и заставить себя причинить вред живому существу. И собрать силу, которая этот вред причинит. Что нужно понимать при встрече с такими тварями? Что нет ни одного учебника, который бы собрал ВСЕХ таких вот существ. А самый полный вы с собой таскать не сможете. И нужно быстро оценивать опасность. У нее есть крылья. И клыки. Следовательно, она летает и кусается. Чтобы нейтрализовать тварину, нельзя давать ей подниматься в воздух – иначе свалит; и не подпускать близко к себе – иначе цапнет. Готова?

Я судорожно сжала крупицу на браслете и кивнула, хотя на самом деле готова не была. Красные глаза напоминали давний

сон о саркофаге, а перепончатые крылья – сцену на балконе. Я почти увидела опадающие черные перья, но, когда моргнула, наваждение пропало.

Народ даже приподнялся на своих местах, чтобы лучше видеть шоу. Кейман щелкнул замком на клетке и чуть отошел, сосредоточенно наблюдая за мышью. Та не сразу сообразила, что путь свободен, но шустро распахнула клетку и шлепнулась на пол. С противным писком расправила крылья. Я рассмотрела на перепонках крошечные капельки кристаллов такого же цвета, как и глаза.

– Установи зрительный контакт, – скомандовал Крост.

Я послушно уставилась на мышь. Мышь уставилась на меня, пригнула голову и угрожающе зашипела.

– Не делай резких движений, иначе она взлетит. Растирай крупицу…

Как два больших рубина. Внутри, казалось, полыхало пламя. Мышь смотрела на меня, медленно приближаясь, топорща крылья, увенчанные красными коготками. Я смотрела на нее, перекатывая в пальцах крупицу.

– Деллин? Зрительный контакт хороший. Она увлечена тобой. Разотри крупицу и примени магию, но помни, что попытка только одна. Хорошенько подумай над воздействи…

Кейман не договорил: я села на корточки и протянула мышке руку со следами растертой крупицы магии.

– Да твою же… – раздалась ругань директора.

Тварь, конечно, отбросило от меня на добрый метр, но перед этим мышь успела лизнуть мои пальцы, еще раз пискнуть и потереться о руку головой, как заправская кошка.

– Кхм… – Кейман задумался. – Да. Этот вариант я как-то не предусмотрел. Адептка Шторм… к сожалению, домашние животные в школе запрещены. Поэтому давайте-ка вы все же займетесь нейтрализацией. Давайте-давайте, это не милая кошечка с бантом на шее, едва вы отвернетесь – тварь вцепится в горло. Переступите через… мм-м… наследственное умиление.

Я густо покраснела, совершенно четко уловив намек в словах Кроста.

– Готовы?

– Сейчас.

Новая волна адской усталости захлестнула так неожиданно, что я охнула и покачнулась. Руки мгновенно стали ледяными, а сердце забилось быстро и поверхностно. Я с трудом сделала глубокий вдох, на миг прикрыла глаза и…

Поняла, что открыть их не могу. Просто не могу, и все, они словно налились свинцом. Все вокруг поплыло, показалось, что я

стою на карусели, которая вращается с каждой секундой все сильнее и сильнее. Я попыталась было схватиться за парту, но сознание путалось, и расстояние до первого ряда я недооценила. Грохнулась на пол и отстраненно подумала: вот и отлично, все равно сил больше не осталось.

Последнее, что слышала, это жалобный плач темной твари. Признала хозяйку, что ли? Это уже даже не смешно.

Я проснулась с мыслью, что что-то не так. И несколько минут лежала, соображая, что именно. Потом поняла: выспалась. Без кошмаров, без путешествий в чужие замки, без выматывающих сцен прошлого и смутной тревоги, из-за которой не удавалось погрузиться как следует в сон.

Правда, при попытке сесть в постели накатила такая слабость, что я тут же поспешила опуститься обратно. Больше всего на свете хотелось снова закрыть глаза и поспать еще немного.

Вокруг были знакомые и почти родные занавески больничного крыла. Где-то за их пределами вспыхнул мягкий свет.

– Проснулась? – спросил Кейман, заглядывая в закуток.

Я слабо кивнула и облизала пересохшие губы.

– Можешь сесть?

Покачала головой. Говорить почему-то стало трудно.

– Тогда попей.

Он вложил мне в руку запотевший стакан с водой, и я с наслаждением выпила весь. Голова при этом кружилась нещадно, а когда я вернула пустой стакан и опустилась на подушку, то почувствовала, словно пробежала марафон.

– Что у тебя болит?

Почти до крови закусила губу: так часто спрашивала мама, когда я болела. От подступивших слез заболело горло, и я отвернулась.

– Деллин, Деллин. Что бы с тобой такое сделать, – вздохнул Кейман.

– Дай зеркало.

– Что, боишься, красота пропала?

– Просто хочу посмотреть, как выглядит человек, который не спал почти неделю.

Кейман куда-то ушел, а вернувшись, протянул небольшое зеркальце. Из отражения смотрела Деллин, при виде которой мне захотелось спрятаться в пододеяльник и никогда больше не показываться людям! Спутанные волосы, синяки под глазами, пересохшие и потрескавшиеся губы.

– Ну что это за слезы? Как будто в первый раз в обморок падаешь.

– Я устала.

– Я знаю. Надо было сказать.

– И что бы ты сделал? Зелье не помогает.

Вместо ответа Крост потянулся к прикроватной тумбочке, где стояла какая-то белая коробка. Внутри оказался жутковатого вида бронзовый шприц и флакон с переливающейся всеми цветами радуги жидкостью.

– Можно не только пить легкие успокоительные. Есть лекарства серьезнее.

– Я не знала.

– В следующий раз спроси.

– Хорошо.

– Тебе лучше? Хочешь, сделаю еще укол, поспишь вторые сутки?

– Хочу, – тихо сказала я.

Отвернулась, чтобы не видеть жуткую иглу, и буквально все силы (не сказать чтобы слишком большие) бросила на то, чтобы лежать смирно. Поморщилась от укола и закусила губу, когда зелье потекло по вене. Да антибиотики на Земле колоть было не так больно! Руку адски заломило, и продолжало выкручивать, даже когда Кейман убрал шприц обратно в коробку.

– Он хоть стерильный? – жалобно спросила я.

– Обижаешь. Старинный артефакт! Им еще твои предки кололись.

– Мамонты, что ли?

Тут я вспомнила про мышку, и в голове тут же возник жалобный писк, которым темная тварюшка провожала меня в обморок.

– А что с мышью?

– Да сдохла, – отмахнулся Кейман.

Потом заметил мое лицо и добавил:

– Но передавала тебе большо-о-ой привет.

Пока я раздумывала, то ли пореветь, потому что мышку было жалко, то ли похихикать, потому что передающую привет рогатую кровожадную тварь представить было сложно, Кейман снова ввел меня в крайнее состояние растерянности, начав осторожно поглаживать место укола и мягко разминать руку, которую все еще ломило. Проявление совсем не свойственной нежности и заботы отозвалось мокрыми глазами и новой волной боли в горле.

– Рыдать совершенно незачем. Если бы ты знала, сколько здесь адептов побывало с переутомлением, то возгордилась бы

собственной стойкостью.

– Можно меня вернуть на Землю?

Вопрос повис в абсолютной тишине. Кейман долгую минуту всматривался в мое лицо, пытаясь понять, серьезно я это или просто придуриваюсь, но отмахиваться на этот раз не стал.

– Зачем? – спросил он.

– Может, так будет проще? Я спрячусь где-нибудь, Акорион не найдет, я смогу стать незаметной.

– И думаешь, он резко превратится в милейшего человека с мечтой о старости у моря?

– Не знаю. Но, может, опасности для остальных будет меньше.

Картинка, мгновенно появившаяся в голове, испугала реальностью и яркостью. Вот я возвращаюсь на Землю, восстанавливаю документы, неловко вру о причине отсутствия, неделями мотаюсь по полицейским участкам и социальным службам. Возвращаюсь в свою квартирку, нахожу очередной отель с постоянной нехваткой горничных. Втягиваюсь в привычные будни, каждый день вспоминая о мире, который пришлось оставить.

Это какой-то вид ада.

– Ты хочешь вот так отказаться от этого мира? От магии, друзей, от всего, что увидела. Вернуться на Землю, работать горничной и дальше, прячась от одержимого тобой бога?

– Не хочу, – всхлипнула я. – Но тогда я перестану все портить.

– Что ты портишь?

– Библиотеку.

– Да ладно, – махнул рукой Крост, – библиотеку. Знала бы ты, сколько у меня тут ди Файр сжег по первости. Так что библиотека – не самая большая потеря. Гораздо дороже вышло бы, если б вы сожгли библиотекаря.

– Я Аннабет обидела.

– Можно подумать, она у нас безгрешная добродетель. С ней вся школа носилась, когда она изволила подворовывать. От тюрьмы ее не без твоей помощи отмазали. Чем ты ее обидела? Сырником за завтраком не поделилась?

– И Бастиан чуть не погиб. И Эйген…

– Деллин, чего ты добиваешься? Хочешь убедить меня в том, что, если сбежишь, все резко станет хорошо? Вернется Эйген, Бастиан превратится в ботаника с рубашечкой под горло и дурацкими очками на носу? Акорион организует благотворительный фонд, Яспера получит премию «преподаватель года»? Какую из проблем ты надеешься решить, спрятавшись в соседнем мире?

– Не знаю…

Глаза слипались, а вместо желания поплакать пришло безумно приятное умиротворение. Такое сладкое предвкушение здорового уютного сна. Почти перестала болеть рука. Я свернулась клубочком, отчаянно балансируя на границе меж сном и явью, вслушиваясь в мягкий голос Кеймана. Удивительно, он снова меня отчитывал, а я радовалась и готова была слушать бесконечно.

– Не майся ерундой. Спи, поправляйся и возвращайся на учебу. У тебя еще шоу впереди. И захват флага, кстати.

– Я никогда не играла.

– Знаю. И очень этому рад. Я, понимаешь ли, уже два раза вам продул и намерен отыграться.

– Расскажи хоть правила.

– Спроси у своего капитана.

Я даже открыла глаза, чтобы возмутиться такой наглостью.

– Так он под домашним арестом!

– Значит, у нас большие шансы.

– Ты что, не выпустишь его на соревнование?!

– Все, Шторм. – Кейман поднялся, потрепал меня по голове и заодно вернул ее на подушку. – Спать. Целовать в лобик на ночь не буду, а не то где-нибудь радугой стошнит единорога.

– Они тоже вымерли? – сонно спросила я.

– Спи!

Проваливаясь в темноту, я подумала, что было бы неплохо оказаться в том хорошем сне. Где были море, ласковые объятия, полное умиротворение и покой. Но, если вдуматься, спать без снов было тоже неплохо. Настоящая роскошь.

Уже под следующее утро, после пробуждения и во время легкой дремоты, мне приснился радостный единорог, скачущий по полю. Потом Таара – я узнала ее по демоническим крыльям – старательно прикручивала к рогу новые ветки, превращая единорога в оленя, а потом я вдруг оказалась в номере гостиницы, где работала на Земле, и остаток отведенного до подъема часа оттирала от роскошного персидского ковра радугу.

Но такие сны я бы смотрела с удовольствием каждую ночь.

* * *

Я провела в больничном крыле еще и третьи сутки. Непрерывный сон подарил слабость, головокружение и, по ощущениям, давление где-то на уровне плинтуса. Но тонометров в этом мире не изобрели, так что меня отпаивали зельями и

откармливали всякой ерундой. И шоколадом. Шоколад мне нравился, ерунда и зелья – не очень, но впервые за много месяцев я чувствовала себя счастливой и выспавшейся. Насколько можно было быть счастливой с учетом всех обстоятельств.

До «Захвата флага» у меня остались сутки, но тренировки не получилось. Без Бастиана – а огненного короля так и не выпустили из-под ареста – мы не рискнули оголтело носиться по лесу. Да и мой арест все еще действовал. Так что холодным зимним утром, одетые как для недельного похода в горы, мы выдвинулись в лес. По дороге встретились с преподами, и атмосфера стала напряженнее.

Я избегала смотреть на Бастиана, держалась подальше от Габриэла и старалась не попадаться на глаза Яспере. Да по минному полю ходить проще!

На опушке леса нас уже поджидал тренер с двумя длиннющими шестами в руках. На одном болтался черный флаг, на втором – красный. Нам достался второй.

– Рад приветствовать вас, господа. Итак, сегодня вы посоревнуетесь в захвате флага.

Студентов не пустили смотреть на игру вблизи и мешаться под ногами, но я была уверена, что вся школа сейчас прильнула к окнам, силясь разглядеть хотя бы мелкие всполохи магии над лесом.

– Напоминаю правила. Команды устанавливают флаг на видном месте. Территория леса огорожена и разделена на две половины. Одна принадлежит команде адепта ди Файра, вторая – магистра Кроста. Задача: похитить флаг противника и отнести на свою территорию. Охранять флаг может один человек из команды, при этом запрещается находиться ближе чем на пять метров к флагу. Запрещено устанавливать охранные заклятья и магически ограничивать подступы к флагу. Однако разрешено любыми способами удерживать противника внутри зоны флага. Магия разрешена в разумных пределах.

– Что это значит? – нахмурилась я.

– Это значит, что оторвать тебе ногу нельзя, но вырубить – вполне, – любезно пояснил Кейман.

Легче не стало.

– Прошу, господа, возьмите ваши флаги и карты местности. На то, чтобы выбрать место, у вас есть пятнадцать минут, затем игра начинается. Чтобы сдаться – поднимите руки перед лицом противника. Победа засчитывается в тот момент, когда флаг оказывается на чужой территории. Успехов, господа.

– Я дважды продул и не намерен отдавать эту игру, господа, – весело сказал Кейман, когда преподаватели дружной компанией

двинулись к лесу. – Поэтому флаг охраняю я.

– Ну вот, теперь у нас нет шансов, – заметил Габриэл. – Против Кроста не попрешь.

– Попробуем, – отмахнулся Бастиан. – Флаг поставим к северу, там открытая местность, камни, ручей и сложно подойти незамеченным. Охранять будет Деллин.

– Что? Почему я?!

– Потому что ты остановила стриксов, остановишь и любого, кто полезет к флагу. Тем более что Кроста среди них не будет, а с остальными справиться реально. Они делают ставку на защиту, и через Кроста действительно почти не пройти. Но в то же время, если все остальные из его команды будут устранены, ему придется оставить флаг и пойти за нашим. Тут-то мы и сцапаем то, что должны. Поэтому не пытайтесь добраться до флага раньше времени. Шторм – защищай территорию. Остальные – рыщите по лесу и старайтесь вывести из строя остальных.

Мы честно пытались поспевать за Бастианом, но у того была просто феноменальная скорость! Он так быстро несся к одному ему ведомому месту, что я почувствовала, как начинаю уставать, даже не начав игру.

– Остерегайтесь Ясперу. Та еще тварь, не подпускайте ее близко. И не смотрите в глаза.

– Это еще почему? – удивилась я.

Вообще я толком не знала, что именно умеет Яспера. С Кейманом все было ясно: он оставался богом и называл себя темным лишь потому, что в ином случае не смог бы объяснить такие разные и специфические силы. А вот демоны… что могла вытворять Яспера, кроме как демонстрировать звериные черты и бросаться темной магией в меня?

– Она неплохо гипнотизирует. Не смотрите в глаза и старайтесь вырубить с одного удара, второй может и не представиться. А вообще, по возможности оставьте ее мне. Уж убегать-то вы умеете? Все. Ставим здесь.

Место действительно нашлось отличное. Открытое пространство прямо посреди леса, весело журчащий ручеек и камни, камни, камни! Достаточно было просто прогуливаться вдоль камней, чтобы видеть все подходы к флагу. Едва Бастиан воткнул флагшток в землю, вверх взметнулся сноп красных искр. Спустя несколько минут сноп черных искр возвестил о том, что и преподаватели свой флаг поставили.

– Ну все. Понеслась! – скомандовал Бастиан.

Я думала, он даже не взглянет в мою сторону, но ди Файр все же обернулся.

– Просто не пускай никого к флагу, так же как не пускала

стриксов к школе. Но только в тот момент…

– Когда появится противник.

Бастиан кивнул. Ребята уже разбегались кто куда, и, подмигнув, огненный король тоже исчез в чаще леса, оставив меня наедине с тревожным шорохом листьев, шумом ручья и редким чириканьем птиц.

Первое время ушло на то, чтобы обойти флаг вдоль едва заметной сияющей линии. Я пыталась вести себя как настоящий спецагент на задании: оценивала удобные подступы к флагу, места, откуда мог выскочить противник, и прикидывала, как буду защищать территорию. Но, подозреваю, со стороны это выглядело так, словно я праздно шатаюсь с максимально тупым выражением лица.

Бред какой-то. Дурацкая игра, не зря я записалась в секцию крылогонок. Маги земли, говорят, прутся от этой забавы. Но их можно понять: они на ты с природой, слышат куда больше, чем остальные. Им в кайф. А мне уже холодно, сыро, скучно и нервно. Нервно, потому что Бастиану легко говорить! А я не уверена, что мои способности примут, скажем, Уорда за вселенскую угрозу и дадут мне защитить флаг. Во многом они – эмоции, инстинкты.

Расчет понятен: если я сделаю сетку из молний, к флагу никто не подойдет, даже Кейман не сумел в прошлом году. И тогда уже без разницы, вырубят меня или нет. Хотя если вырубят, то магия исчезнет? Никогда не задавалась этим вопросом. Зря.

Если Бастиан сцепится с Ясперой (хотя между ними такая явная неприязнь, что я даже начинаю ревновать, причем совершенно неясно, кого к кому), то больше всего шансов дойти до меня магистру Ленарду, пожалуй. Хотя и других не стоит сбрасывать со счетов. Вообще, идиотская идея взять захват флага одним из испытаний!

Ну, вот выйдет на меня из кустов Ленард, и что? Мне в него сразу швыряться электричеством или сначала поздороваться и извиниться? Здравствуйте, магистр, я о-о-очень извиняюсь, но н-н-нате вам двести двадцать!

Хорошо, что из всех преподавателей у меня ведет только Кейман, а с ним мы вряд ли встретимся.

Через десять минут я буквально возненавидела Бастиана! Над лесом то и дело поднимались снопы искр, и это было единственным, что напоминало об игре. От волнения руки стали ледяными. Я вздрагивала, когда казалось, что совсем рядом кто-то есть, но, как ни всматривалась в чащу, не могла ничего различить. Или всех, кто хотя бы теоретически мог добраться до нас с флагом, уже разобрали, или до меня еще просто-напросто никто не дошел.

– А может, план Бастиана сработает? – пробормотала себе под нос. – Выглядит неплохим.

Поскользнулась на мокром камне и чуть не грохнулась в воду.

– Или не сработает. Или сработает?

Потом хихикнула, представив, что план сработал, Бастиан забрал флаг, все дружно пожали друг другу руки и отправились в школу праздновать окончание испытания чаем с тортиком, а про меня забыли. Картинка с веселящимися магистрами и Бастианом, в то время как я печально вою на три луны, так ярко возникла в голове, что, несмотря на абсурдность фантазии, себя стало заранее жалко.

Потом из леса прямо на меня вышла Яспера, и я даже не сразу поняла, что случилось, настолько погрузилась в фантазии.

– Ну да, конечно, – вырвалось у меня обреченно.

Зато этическая проблема исчезла. Этой могу не двести двадцать, а все триста восемьдесят подать без малейших душевных терзаний.

Уже можно защищать флаг? Или разрешение вступает в силу, как только на него начнут нападать?

– Я не собираюсь играть в идиотские игры, – вдруг выдала Ванджерия. – Плевать на флаг. Давай раз и навсегда разберемся.

– Что? – Я даже не поверила в то, что услышала. – Разберемся в чем? В том, что ты возненавидела меня за сам факт моего существования? Полтора года гнобила меня на парах? Угрожала слить информацию неадекватному психбольному?

– Словно тебе нечем ответить. Ты с первого дня в школе плюешь на всех, хотя должна ползать в ногах у тех, кто вообще позволил тебе жить. Потому что самый идеальный вариант для Штормхолда – тихие похороны в кругу семьи. А, точно… у тебя же никого нет. Интересно, почему? Наверное, потому, что ты исключительно приятный, но никем не понятый талант, да?

– Как будто тебе есть кого пригласить на день рождения.

– Из-за меня хотя бы не устраивают массовые бойни и идиотские соревнования, – с улыбкой пожала плечами Яспера. – Благодаря тебе Крост бродит вокруг этой палки с тряпкой, ди Файр сцепился с Ленардом и занят надолго, остальные тоже нескоро доберутся до тебя. Здесь нет библиотеки и посторонних, ничего нельзя сжечь, а любые последствия можно списать на борьбу за флаг. К твоему сожалению, мы совершенно одни. Не за кого прятаться, да?

– Я не собираюсь устраивать драку.

– Боишься меня?

– Только твоего нытья, которым ты с самого первого дня

задолбала Кеймана.

Ну да, это был удар ниже пояса, и на него закономерно последовал удар реальный, магический: меня швырнуло об дерево несильно, но довольно обидно и ощутимо. Поэтому молния в Ясперу полетела мгновенно, встретилась с темной магией демоницы и рассыпалась снопом искр, которые вспыхивали на траве, едва ее касаясь.

Уворачиваясь от них, я оказалась слишком близко к Яспере, которая замешкалась на отражение магии и не успела увеличить дистанцию. Я увернулась от очередной волны магии, но пропустила вполне себе обычный удар в живот кулаком, задохнулась от неожиданности, но сбила темную стерву с ног.

– Вот и отлично, магию все равно слишком заметно! – прорычала она, поднимаясь на ноги.

И дальше началась обычная женская драка. Ну, может, не совсем женская, с учетом того, что нас обеих чему-то да учили. У Ясперы был опыт, у меня – полтора года занятий физры в Школе Темных. Но еще где-то во мне сидела безумная истеричка Таара, а ее учитель даст фору всем тренерам Штормхолда.

Болели ребра от очередного удара ногой, слегка ныла челюсть: я почти уклонилась, но все равно получила по касательной. К счастью, Яспере тоже досталось. Мне казалось, наша свалка длится бесконечно долго, но на самом деле прошло едва ли пять-десять минут.

В очередной раз я пропустила удар, пришедшийся прямо по груди, зато успела вцепиться демонице в руку и вывернуть ее так, что Яспера сквозь зубы застонала. Ну и получила в них же. Нет ничего лучше для борьбы со стрессом, чем поучаствовать в хорошей драке, теперь я это знаю точно! И челюсть моя знает: едва Яспера вырвалась из захвата, сразу же залепила мне мощную пощечину, от которой все лицо вспыхнуло обжигающей болью.

– Сказать им, что уже все? – раздалось флегматичное где-то неподалеку.

– Зачем? Красиво ж. Люблю, когда девчонки дерутся.

Я зазевалась, вывернув голову, чтобы найти источник звука, и Ванджерия сбила меня с ног. Когда уже дошел смысл этой провокации, было поздно сопротивляться: Яспера не просто хотела победы в игре, она и в драке хотела меня одолеть. Уселась сверху и показалась просто неподъемной!

На один миг мы посмотрели друг другу в глаза, и в голове невольно всплыли слова Кеймана. «Установи зрительный контакт».

Перед глазами все подернулось черным маревом, а потом расплылось и задвоилось, словно сбился фокус у камеры. Но

взгляд темных глаз демоницы, пойманный на короткий миг, изменился. Яспера отшатнулась, а я последние силы вложила в то, чтобы сбросить ее с себя. Поднялась, отряхиваясь и отплевываясь, вытерла с губы кровь и мрачно посмотрела на Ленарда и Уорда, стоявших неподалеку.

Глаза Уорда заинтересованно блестели, а Ленард будто бы виновато улыбался.

– Дамы, предлагаю закончить все миром, пожать друг другу руки и отправиться к месту сбора. Все остальные уже там. С флагом…

С нашим флагом. Который я проворонила, психанув на очередную провокацию Ясперы. Можно я здесь останусь на луны выть? Представляю, как отреагируют остальные.

Яспера засмеялась, когда довольно усмехающийся Уорд подал ей руку. Лицо у меня горело не то от удара, не то от стыда, который поглотил целиком. Это было… нет, это было по правилам, но в то же время против правил! И можно было не сомневаться, чей план оказался действеннее. Черт, ненавижу Кеймана! Отправить против меня Ясперу и отвлекать ею внимание было грязно… но он и вправду хотел победить.

– В свое оправдание могу сказать, – тихо произнес Ленард, когда мы не очень дружной толпой шли к месту сбора, – что магистр Крост отправил меня присматривать за вами. На всякий случай.

– Пошлю ему тортик и цветы, – буркнула я.

Потом решила, что совершенно незачем добавлять к стыду за идиотизм чувство вины перед Ленардом и вымученно улыбнулась. Блин, больно-то как!

Покосилась на Ясперу и слегка успокоилась. Внешне она выглядела куда более потрепанной, ибо принципиально, похоже, не заплетала волосы. Теперь из роскошных черных кудрей торчали ветки, листья, а с одной половины шевелюры и вовсе стекала вода из ручья.

Нас приветствовали аплодисментами. Магистры – бурными, адепты – вялыми. Берген-старший флегматично покачивал нашим флагом, Габриэл оттирал со штанины налипшую и не до конца засохшую грязь.

– Что ж, поздравляю команду магистров с победой в сегодняшней игре, – произнес Вингорд, когда мы столпились вокруг. – Магистр Крост, примите мои восхищения. Игра была короткой, но очень зрелищной. Думаю, каждый ее участник вынес для себя что-то полезное.

– Не то слово, – усмехнулся Кейман. – Сразу видно, над чем еще успеем поработать до их выпуска. Сайзерон, давайте в

следующий раз вы будете собирать свою косу в пучок, потому что выпутывать вас из валежника было несколько трудозатратно.

Габриэл покраснел и сразу же зачесался, а я не стала слушать дальнейший разбор полетов и побрела к школе. Хотелось переодеться в чистое, приложить холодное к челюсти и остаток жизни просидеть под кроватью.

Проигрывать оказалось неприятно. Проигрывать мозгом – в разы неприятнее, чем магией. Противное чувство обиды грызло изнутри, и от него становилось еще хуже, потому что можно научиться драться, магичить, варить зелья, укрощать тварей из темной магии, но научить проигрывать на парах не смогут, а делать это придется еще не раз.

– Эй! – окликнули меня. – Делл! Подожди! Да подожди ты!

Бастиан шел за мной быстро, а я решила, что срываться на бег будет выглядеть уж совсем по-детски. В конце концов, право на досаду после провала имеет каждый, но не до истерики же. Но благоразумия хватило только на это волевое решение. Когда ди Файр со мной поравнялся, я не выдержала:

– Ну давай, устрой мне взбучку за то, что дала нам проиграть!

– Да наплюй на игры! Плевать, кто проиграл!

– Тогда что тебе от меня нужно?

– Крост дал пятнадцать минут. Потом я вернусь под арест.

Он попытался было взять меня за руку, но я дернулась и нервно огляделась.

– Я просто хотел узнать, как ты. Слышал, ты лежала в больничном крыле.

– Все нормально. Переутомилась. Много тренировок и учебы.

Бастиан заставил меня остановиться, развернул к себе и заглянул в глаза. Пытался понять, не вру ли я? С чего бы вдруг?

– Могу я тебя кое о чем попросить?

– Попробуй.

Я, кажется, уже изучила все оттенки его голоса. И способна с первых слов отличить очередную издевку от дурацкой безумной идеи или обычной серьезной просьбы.

– Поговори с Бриной еще раз. Ты сказала, дело во мне, но она не хочет даже пытаться со мной поговорить. Оценки почти на нуле, она отказывается ехать на каникулы домой, плохо спит, постоянно нервничает. У меня нет идей, что с ней происходит, но раз она поделилась с тобой в первый раз, поделится еще раз.

– Поговорю. Только я ведь тоже под арестом. Мы встретимся через неделю, на поточной лекции у Кроста.

– Как получится. А еще…

Бастиан осекся: к нам спешил Кейман. У меня снова заалели

щеки. Черт, да что такое! Есть в этом мире школа, где учат справляться с неловкими ситуациями, в которых чувствуешь себя полной дурой? Я бы не отказалась от такого диплома.

– Пятнадцать минут еще не вышли, – напомнил ди Файр, – и я сам решаю, как их провести.

– Я знаю. Решил подкинуть тебе тему для беседы с адепткой Шторм.

Как-то по тону и взгляду, который мне подарил директор, сразу стало ясно, что издеваться, шутить и ругаться он не намерен. И тут же обида сменилась противным липким страхом. Что могло случиться?

– У тебя есть время до следующего учебного блока, – сказал он Бастиану, – чтобы придумать, по какой причине адептка Шторм не участвует в соревновании по нейтрализации темных существ без ущерба для ее репутации. Это решение не обсуждается. Либо я отстраню ее сам, либо вы придумаете, какую легенду сляпать, чтобы это выглядело прилично.

Я открыла от удивления рот, а Кейман повернулся ко мне:

– С этого дня ты освобождена от занятий по нейтрализации.

– Почему?!

– Ты прекрасно понимаешь, почему. Хочешь, чтобы вся школа начала тебя подозревать?

– А что я скажу однокурсникам? Тогда меня не начнут подозревать? И что мне делать в эти часы?!

– Готовься к экзаменам, тренируйся, да хоть салфетки вяжи. Для всех остальных ты на индивидуальном обучении. Все.

Кейман достал из кармана небольшие серебряные часы.

– Вот видите, я отнял у вас ровно минуту. Возвращаю. Можете вернуться в спальню в десять-шестнадцать вместо десяти-пятнадцати. Поздравляю с… а-а-а… это уже не вам.

Усмехнувшись напоследок, Кейман вернулся к коллегам.

– Я чего-то не знаю? – спросил Бастиан.

– Ты хочешь потратить свои пятнадцать минут свободы на скучный рассказ о том, как я познакомилась с очаровательной кровожадной летучей мышью?

– Похоже, что у меня нет выбора. Тогда постарайся рассказывать более сексуальным голосом. Хоть какая-то радость.

Не удержавшись, я пихнула нахала и тут же поморщилась от боли. Но что удивительно: будто бы стало легче. По крайней мере, от мысли о горячем душе и завтраке прямо в комнату уже не веяло безысходностью и тоской. А из-за низких серых туч вдруг выглянуло солнышко.

Глава 12

– Многие адепты задают вопрос: зачем мы это учим? Это ерунда, не относящаяся к нашей специальности!

Народ захихикал, я опасливо покосилась на зеркало. Самое странное начало практики в моей жизни!

Мы сидели в большой аудитории из числа тех, что открывались по заказу магистра. Всегда было любопытно, что там в них такое? Вот в этой оказались парты, поставленные полукругом в три ряда, и зеркала на каждой. Старинные, в массивных бронзовых рамах с вензелями. Каждое зеркало было закрыто темной бархатной тканью.

– Однако предсказания для мага – не пустой звук!

Брина зевнула. Проклятый арест! Сдвоенная пара предсказаний стояла первой в расписании, и двери выпустили меня из заточения за десять минут до начала. Я едва успела посмотреть в расписании аудиторию, найти ее и занять два места рядом. Придется задержаться после и надеяться, что Кейман не выпишет мне дополнительных воспитательных санкций.

– Вы можете называть их интуицией, чутьем, предчувствием, но те из вас, кто откинет в сторону сомнения и скепсис, смогут развить эту чутье до немыслимых высот! Да-да, даже не обладая светлой магией по природе. Своего рода светлые силы – противоположность темных. Темные маги встречаются редко, светлые – каждый второй. Темные маги ужасно сильны, светлые ограничены своей силой. Темную магию изучить до конца не под силу даже самим носителям, а светлую может освоить каждый. Но для этого…

Магистр Мартен умолк и торжественно обвел взглядом аудиторию.

– Нужно научиться видеть свет там, где его, кажется, совсем нет. Сегодня заглянем в самые темные уголки вашей души и попробуем его там найти.

– А можно мне сразу фонарь выдать? – себе под нос пробубнила я.

– Снимите ткань с ваших зеркал! Это – старинные зеркала, использовавшиеся много веков назад магами-предсказателями. Зеркало – уникальный инструмент, один из самых простых, но в то же время самых опасных. Отражение реальности таит в себе множество тайн. И среди них есть тайны будущего. Конечно, сегодня вы вряд ли увидите свою судьбу, но постарайтесь открыть сознание зеркалу, рассмотреть в отражении мельчайшие изменения и попробовать их интерпретировать. Зеркало не

говорит нам прямо и конкретно. Оно показывает образы. Итак, адепты, снимите с браслета светлую крупицу и приготовьтесь внимать!

– Я чувствую себя полной идиоткой, – вздохнула Брина. – И единственное, что вижу в будущем, – парик.

– Парик?

– Ага. Ты посмотри, какие волосы! Все кончики секутся. Здесь отвратительная вода, и даже маски не спасают. Как думаешь, директор разрешит мне ходить мыться домой?

– Это единственное, что тебя беспокоит в жизни?

– Я слышу в твоем голосе пренебрежение к проблемам красоты? – фыркнула подруга. – Ну да, конечно, даже если ты вместо прически сделаешь мочалку, братик скажет, что всегда мечтал о чучеле.

– Когда ты перестанешь делать грязные намеки обо мне и Бастиане?

– Когда вы перестанете ходить по лесу за ручку?

Брина хихикнула и продемонстрировала штормграм, на который, конечно, сняли из окна школы, как мы возвращаемся из леса.

Да-а-а… попробуй теперь объясни, что меня в лесу обманывали и обижали. Волосы дыбом, ветки торчат, вся в синяках, грязная и еще улыбаюсь довольная. Никогда больше не буду тащить сюда изобретения с Земли!

– Хочешь, еще испорчу настроение?

– Давай. – Я пожала плечами. – Хуже уже не будет.

– Аннабет дружит с Лорелей.

– Что?!

Первым порывом было обернуться на верхние ряды, туда, где сидела Аннабет, но Брина несильно пихнула меня под ребра. Получилось больно, они еще от захвата флага не отошли.

Лорелей была на год старше, поточные занятия с нами не посещала, а поскольку я безвылазно сидела в комнате, увидеть их с Аннабет смогла бы только после каникул. И вот Брина ошарашила новостью.

– Погоди, а почему Лорелей приняла Аннабет в компанию? Ее корежило как одержимую перед экзорцистом, едва приближался кто-то не ее круга.

– А помнишь ту журналистку из города, у которой на подхвате Аннабет работает? Лорелей ее закадычная подружка. Вот и думай, что Аннабет сливает Лорелей и в газеты.

– Но пока обо мне, Бастиане и происходящем в школе не было публикаций. Аннабет не станет никому вредить, она же не сволочь…

– Вот именно. Пока не было.

– Леди, – магистр остановился рядом с нами, – у вас какие-то проблемы? Или вы так бурно обсуждаете увиденное в зеркале?

– Извините, – тут же выпрямилась я.

Но Брину мелочи жизни не смущали. Она все еще была ди Файр и умело пользовалась привлекательностью вкупе с репутацией. Накрутила локон на пальчик и растерянно улыбнулась немолодому, но добродушному магистру.

– Ой, как хорошо, что вы подошли. Я как раз спрашивала у Деллин, что может значить увиденное в зеркале. Знаете, магистр, мне кажется, мое изображение там намного более тусклое. Это плохой знак?

Магистру даже пришлось надеть очки, чтобы всмотреться в идеальное отражение улыбающейся Брины. Улучив момент, когда преподаватель отвернулся, подруга скорчила веселую рожу.

Я повернулась к своему зеркалу и попыталась настроиться на предсказания. Все как учили на теории: сосредоточиться на настоящем, чтобы увидеть будущее. Нельзя абстрактно поинтересоваться «сколько мне жить осталось», светлая магия – не кукушка. Только будущее, связанное с текущими переживаниями, может быть приоткрыто магией. Но я как-то не была уверена, что хочу видеть это будущее.

– Зажгите свечу.

Свет погас, аудитория погрузилась во мрак. Все зашуршали браслетами: доставали крупицы огня, чтобы зажечь свечи, стоявшие перед зеркалами.

– Разотрите крупицу и смотрите. Даже если вам кажется, что это бессмысленно, просто очистите голову от всего и смотрите.

Я и смотрела. На резкие пляшущие тени от разгоревшейся свечи, на свое отражение в зеркале. Немного искаженное рефлексами и отблесками от чужих свечей и зеркал, но все же привычное. Даже симпатичное. Показалось, за полтора года в школе я изменилась, но в чем именно, вряд ли смогла бы сказать.

Волосы, что ли, стали темнее? Или наоборот, дома выгорали на солнце, а здесь…

Я едва удержалась от изумленного вздоха. Волосы в отражении не стали темнее, они превратились в иссиня-черные, как смола! Густые, блестящие и тяжелые кудри. Я даже скосила глаза на собственную косу, но поверх лацкана пиджака лежала обычная каштановая прядь. Когда я подняла взгляд снова на зеркало, изображение мне подмигнуло.

Оцепенев, я смотрела, как хихикает Таара в зеркале, как прикладывает палец к ярко-красным губам и медленно отходит, позволяя увидеть обстановку сокровищницы. Богиня закружилась

среди витрин, беззвучно рассмеялась, а потом поманила меня пальцем. Я вдруг узнала в витрине, возле которой она стояла, тот самый шкаф с ящиком, который так и не дал открыть Акорион. Сердце забилось чаще, я склонилась к зеркалу, молясь, чтобы она же открыла его, но увы.

– Адептка Шторм? – Магистр подошел так бесшумно, что я вздрогнула. – Начнем с вас. Опишите, что видите в зеркале.

– Ничего, – поспешно ответила я. – Извините, пока ничего. Я попробую еще раз.

– Адептка Шторм, я не смогу ничему научить вас, если вы не позволите. Я преподаю с тех времен, когда вы еще не родились. Да и этой школы не существовало. И могу определить, кто ничего не видит, а кому все же приоткрылись тайны зеркал. Итак?

– Ну… – Я вздохнула и решила для разнообразия сказать правду. – Там я. Но… такая, какой мне бы не хотелось стать.

– Эта вы – всего лишь образ, взятый из страхов, или же когда-то вы уже были такой?

– Была. Давно.

– И не хотите возвращаться.

Покачала головой. Зеркало сейчас было лишь зеркалом, от окошка в мир Таары не осталось и следа.

– Что ж, порой истинные предсказания очень сложно отличить от навязчивых мыслей. Мы все чего-то боимся, и если обычные страхи – высоты, огня, насекомых – мы можем легко отделить от прочих, то страхи глубинные влияют в том числе на интуицию мага. И, надо сказать, очень мешают в работе. С подобными вещами нужно справляться. Ни одно будущее, увиденное даже самым сильным провидцем, не предопределено. И чтобы не стать, – он ткнул пальцем в мое зеркало, – отражением, нужно научиться жить с ним.

Жить с Таарой? Да это даже у директора не получилось! А я только учусь.

– Принятие себя как неидеального человека – важная ступень в обучении мага. Вам придется смириться вот с чем: вы – не самые лучшие люди в этом мире.

Народ недовольно заерзал и забурчал.

– А чему вы так удивляетесь? Никогда не лгали? Не злились на близкого человека? Не обижали никого и не обижались сами? Не причиняли боль? Святых в этой школе нет! – отрезал магистр. – Чем раньше вы это поймете, тем быстрее перестанете бояться самих себя. Я не просто так привел вас именно к зеркалам. Зеркало – самый честный инструмент предсказателя, потому что даже заглянув самому себе в глаза, можно понять очень многое. Вот с этим отражением, которое вы видите, вам

жить. Со всеми его возможными – я подчеркиваю, только возможными – изменениями. До тех пор, пока вы смотрите на отражение, а не на то, о чем оно говорит, – вы зациклены на себе.

– И на секущихся кончиках, – тихо добавила Брина.

О чем сказало отражение Таары? Помимо того, что мерзко мне подмигнуло, будто пообещав непременно устроить веселую жизнь. Напомнило о сокровищнице, о шкафчике, куда Акорион не разрешил залезть. Что он там хранит? И как бы это выяснить?

Свеча перед моим зеркалом вдруг потухла. А следом и остальные. В чертах отражения, которое смотрело, усмехаясь, проступили звериные черты – и по аудитории вдруг прокатился дикий, безумный смех. От него кровь стыла в жилах.

– Спокойно, господа! – крикнул магистр.

По его хлопку вспыхнул верхний свет, и народ начал жмуриться и отворачиваться.

– Что ж, чья бы ни была это шутка, пусть знает, что она не удалась.

При этом он так внимательно смотрел на меня, что невольно подумалось: а ведь он маг-предсказатель. И с каким бы скепсисом я ни смотрела на этот предмет, дар заглядывать в будущее у него от природы, два ряда белоснежных бусин на браслете не дадут соврать.

– Деллин, задержитесь, пожалуйста, после того, как напишете отчет по практической работе.

– Чего это он? – шепнула Брина. – Думает, это ты так пошутила?

– Не знаю. Слушай, можешь подождать меня у входа? Есть разговор.

Всем так не терпелось сбежать с пары, что отчеты сдали буквально за десять минут. На самом деле немногочисленные пары светлых магистров все любили: они часто отпускали пораньше. Если быстренько сверну разговор, успею накапать на мозг Брине по просьбе ее братика и вернуться под арест прежде, чем Кейман напомнит о нем.

– Деллин, вы в порядке?

– Да, магистр, все хорошо.

– Я не обидел вас, заставив рассказать об отражении?

– Нет, это же школьное задание.

– Я просто хотел удостовериться, что все хорошо. И подумайте над тем, что я сказал. Мне кажется, вас сбивает ваше… мм-м… отражение. Научитесь с ним жить.

– Я попробую, – вымученно улыбнулась я и, дождавшись кивка магистра, пулей вылетела из аудитории, чувствуя в руках странную слабость.

– Чего он хотел? – флегматично поинтересовалась Брина.

– Как и все остальные. Воспитывал, – отмахнулась я. – Идем в комнату отдыха, поболтаем.

Брина плелась за мной неохотно, но куда ей было деваться? Разговор неизбежен, а если бы она сейчас стремглав рванула к выходу, я бы с нее точно не слезла.

– Я хочу знать, что с тобой происходит.

– Ты?

– И твой брат.

– Вы об этом в лесу шушукались? Серьезно? Я надеялась на более интересные подробности. Вы хотя бы целовались? Слушай, а я как-то забыла, ты вообще когда-нибудь…

– Брина! – не выдержала я. – Хватит уже. Потом расспросишь обо мне, своем брате и нашем богатом опыте. Сделай милость, расскажи мне, что с тобой. Ты забила на учебу, выглядишь так же, как я, когда не сплю неделями. И?

– Говоришь как моя мать. – Брина поморщилась. – Со мной все в порядке. Подумаешь, пару схватила. Я не забила на учебу. Просто… оказалась не готова к такой программе. В Школе Огня, знаешь ли, проще.

– А не спишь почему?

– Сплю. Урывками. Соседка постоянно трахается со своим парнем так, что трясутся стены. До середины ночи я учу, а после – слушаю их бурную личную жизнь.

– Складно-то как. И почему Бастиан аж со мной решил поговорить? Потому что ты стесняешься рассказать ему о любвеобильной соседке?

– Хорошо! – сквозь зубы рыкнула подруга. – Я расскажу. Если ты пообещаешь не говорить Бастиану.

– Брина!

– Что?! Демоны, Делл! Он мой брат, но не мой хозяин, неужели я не имею права на секреты?

– Имеешь, – пришлось признать мне. – Но ты ведь можешь его понять. Бастиан чуть не погиб, он нервничает, что ты отдалилась.

– Он сам отдалился! Превратился из огненного короля в какого-то ледяного. Не хочет меня слушать, решает, куда и с кем мне ходить. Я недавно… мама прислала письмо, а завхоз перепутал и мое отнес ему, а брата – мне. Мы же оба Ди Файр Б. Она убеждает его в том, что нам нужен еще и союз с водниками. Дескать, король в родне – это хорошо, но вот Арен Уотерторн – симпатичный холостой мужчина. И что мне, счастливой ходить?!

– Арен Уотерторн? Боги, Брина, она что, тебя ненавидит?

– Она любит только репутацию и власть. Бастиан в ее глазах любимый сынок, но уж очень неопытный, ему же нужны

союзники, которых обеспечивать иначе как через мою постель вообще нельзя!

– Ладно, не шуми. Ты говорила с Бастианом?

– Нет. – Брина покачала головой. – Я сожгла письмо и малодушно надеюсь, что мама забудет. А послезавтра каникулы, что-нибудь придумаю. Но на показ я не пойду. Не обижайся, Делл, я бы с удовольствием взглянула на тебя, но Уотерторн шоу не пропустит, а если и мама заявится… в общем, я не хочу раздувать скандал. И ты не говори брату!

– Но…

– Деллин! – Голос Брины был как никогда тверд. – Я разберусь сама. Ты обещала! И потом… ты ведь скрываешь ото всех свои дела с директором, его постоянную паранойю о твоей безопасности и все остальное? Всегда говоришь, что не имеешь права раскрывать чужие тайны.

– Говорю.

– Вот и мою сохрани. А если Бастиан спросит, скажи правду: я все тебе рассказала, взяла обещание молчать и сама с ним поговорю на каникулах.

Как будто Бастиан вот так просто отступится! Но если оставшиеся дни до каникул я буду прилежно сидеть под замком, а дни перед показом тренироваться, то есть шанс соскочить с разговора. Призрачный, конечно. Но лучше, чем нулевой.

Что ж, пожалуй, у Брины были определенные проблемы. Арен в женихах – та еще страшилка. Помимо того, что он старше нас лет на двадцать, если не больше, вторую такую сволочь надо поискать. Хотя зачем искать? Вон она, этажом выше на консультации по диплому сидит.

Я постоянно забывала, что Бастиан помолвлен. А когда вспоминала, хотела его попеременно то прибить, то как следует встряхнуть, чтобы мозги на место встали. И себя заодно, потому что мои мозги совсем не на месте.

Итак, Бастианова матушка решила устроить семейное счастье и заодно личное несчастье дочери. Бастиан не знал, с меня взяли обещание не говорить ему, авось там само как-нибудь разрулится. В какой момент я снова влезла в чужие дела и поставила себя в идиотскую ситуацию?

Благодарить или обижаться за снятие нейтрализации из расписания, я не знала. Однокурсники восприняли известие о том, что я на индивидуальном обучении, скептически. Подначивали пару дней, потом отвязались: перед концом семестра всех погребло под семестровыми, курсовыми, коллоквиумами и контрольными. Я радовалась, что не придется сдавать Кросту зачет, но нервничала. Потому что с занятий меня

сняли, а как обращаться с новой силой, не научили. Практики определенно не хватало.

С тренировок я выползала, спала более-менее сносно. И хоть в голове зрела навязчивая мысль отправиться в замок Акориона и сунуть нос в таинственный ящик, я пока не решилась ее реализовать. Уж очень жалко было нарушать хрупкое душевное равновесие после посещения больнички.

В первый день каникул я проснулась с непередаваемым наслаждением. За окном, по славной традиции, пушистыми хлопьями валил снег. Через два дня был назначен отъезд, и за эти два дня мне следовало собрать вещи, провести последнюю тренировку с Клиффордом, поговорить с Бастианом, ну и обдумать подарки.

Мои ленивые размышления о планах прервал стук в дверь. Кажется, придется поговорить с Бастианом немного раньше запланированного. Прямо в пижаме я вылезла из постели и поплелась открывать.

– Кейман?! Ты что здесь делаешь?

Крост заглянул в комнату.

– Ты еще не собралась? Давай, у тебя полчаса.

– Что? Но… послезавтра же!

– Нет, мне нужно сегодня, лететь за тобой специально я не хочу. Собирай вещи…

– Но я обещала…

– Ди Файр смылся пятнадцать минут назад. Тоже во Флеймгорд. По делам короны, так сказать. Все? Еще есть обещания?

– Подарки не купила и не оставила.

– Пришлешь из столицы.

– Не придумала даже.

Пока я сонно и слегка растерянно собирала сумку, Кейман расселся на кровати, предварительно заботливо накрыв ее пледом. У магистра был крайне умиротворенный и добродушный вид.

– Вам всем так сложно придумывать подарки.

– Я бы не отказался от новой указки. Предыдущую я сломал.

– Об чью-то голову?

– К сожалению, совершенно бездарно уронил в клетку с темной тварью, и та сгрызла ее в щепки.

– Плотоядная демоническая бобриха? Кстати, а мне не нужно практиковаться в нейтрализации? Освободить ты освободил, но я все еще понятия не имею, как управлять этой силой.

– А ты не будешь рыдать и упрашивать оставить зверушку себе после каждого занятия? Это непростая дисциплина, Деллин.

На каждом занятии десять взрослых сильных магов раз за разом мучают живое существо, а потом его убивают. И это при том, что оно шипит, щерится, клацает зубами, пытается всех забодать, закусать. А тебя оно будет стремиться облизать, почесать и защитить. Готова пытать зверушку, которая ласково к тебе жмется?

– Я не знаю. – Запал и уверенность куда-то резко испарились, и я испуганно села на стул. – А нельзя найти такое темное существо, чтобы оно и на меня шипело и клацало?

– Можно. Но оно уже улетело в отпуск.

– Кейман!

– Ладно, извини. Это было грубо, хотя видеть тебя, защищающей Ясперу, странно. А если серьезно, то нельзя. Таара – сестра-близнец Акориона, его существа созданы, чтобы быть ее слугами, бросить мир к ее ногам. Они не станут на тебя нападать. А я не уверен, что ты решишься напасть на них.

– А я могу использовать их против Акориона?

– Нет, его власть абсолютна.

– Бес-про-свет.

– Собирайся, Шторм! Я не могу ждать тебя до обеда. У меня встреча в семь, до этого времени я должен привезти тебя в гостиницу и выставить защиту.

Пришлось снова встать и активнее скидывать в сумку вещи.

– Я все думаю. Стоит ли дарить подарок Аннабет?

– Зачем?

– Не знаю. Мы же дружили. Символический. Открытку и шоколадку, например. У нее не так много тех, кто поздравит с праздником.

– А у тебя много?

– Не знаю.

Брина может. Она как-то интересовалась, что мне подарить. Рианнон наверняка вручит моделям по презенту, как обычно.

– Думаешь, Аннабет будет в их числе?

– Вряд ли. Теперь она дарит подарки Лорелей.

– Значит, нечего устраивать общекоролевскую пересылку туда-сюда шоколадок и бесполезной бумаги.

– Ты прямо как добрый дядюшка, – улыбнулась я. – Советы даешь.

– Хочешь, настроение испорчу? У тебя неуд по предсказаниям. А в конце года экзамен. Как ты планируешь его сдавать?

Да. Если весь семестр видела в книге фигу, увиденная в зеркале темная богиня и злобный смех на всю аудиторию не спасут от средней арифметической двойки. Я провалила почти

все практические работы, а те, что не провалила, в основном придумала. В конце первого семестра официально выставлялся только один зачет, но в конце года придется сдать экзамены. И что я буду делать с предсказаниями? Потру хрустальный шар и предреку себе жизнь на свалке без образования и работы?

– Может, во мне откроется талант после занятия с зеркалами? И я увижу что-нибудь и на дне кофейной чашки.

Или, что вероятнее, снова навыдумываю какой-то фигни, а добрый магистр сжалится и поставит трояк.

– Зато у меня пятерка по артефакторике и четверка по зельеведению!

– Ага. И по физре. Иди в душ, героиня. Или надевай ботинки – и вперед, экипаж уже ждет.

Ехать без утреннего душа и нормальной прически я категорически отказывалась, так что шустро проскользнула в ванную. А когда вернулась, Кеймана уже не было. Только экипаж у ворот никуда не делся, и черный призрачный конь нетерпеливо бил копытом. Я была безумно голодна, но оставалось лишь надеяться, что в пути удастся хотя бы выпить кофе.

«С апельсином», – вдруг подумала.

Тряхнула головой, выбрасывая непрошенные воспоминания, и принялась одеваться. Вперед, к самому зрелищному шоу Рианнон Найтингрин. Вряд ли в ближайшее время эту фразу кто-то посмеет оспорить.

Я думала, мы прилетим в дом Кеймана и остановимся, как обычно, там, тем более что после показа еще почти две недели каникул. Но, к моему изумлению, экипаж остановился у одной из центральных гостиниц. Скоро я, наверное, поживу в каждой из них.

– А почему не домой? – спросила я, ступая на припорошенную снегом улочку.

– Рианнон настояла, чтобы все участницы показа жили рядом с театром. И в нужный день никого в пути не настигли метель, пробка, авария, расстройство желудка и прочие беды. Так что еще три дня нашей бесцельно проходящей жизни пройдут здесь.

– Нашей? Ты что, собираешься жить со мной в одном отеле?

– Хуже, Шторм. В одних апартаментах.

– Что?!

Какой-то мужчина, окруженный стайкой огненных бабочек, возмущенно на меня посмотрел. Как будто я мешаю ему прохаживаться по улице с важным видом!

– Спокойно, в этих апартаментах можно половину школы поселить. Что ты взъерошилась? Других вариантов не было. Нельзя же поселить главную звезду шоу в номер в цоколе без

окон?

– Почему? – вполне серьезно поинтересовалась я.

– Фундамент слишком близко. Сломаешь! – огрызнулся Кейман, подхватил мою сумку, и мы вошли в гостиницу.

После строгих и темных интерьеров школы огромный холл с композицией из фонтанов, серебристым лифтом-клеткой и стайкой весело щебечущих под прозрачным куполом птиц показался мне другим миром. Я и забыла об этой черте Флеймгорда: его любви к роскоши. Центр столицы был нарядный, как рождественская елка.

Пока Кейман получал ключи, я заинтересовалась небольшой лавочкой, работавшей прямо здесь, в холле. Милые безделушки так и кричали о приближающемся празднике. Я не удержалась и купила заколку с милой хрустальной голубкой. Присматривалась к зеркальцу, но с ключами вернулся Кейман, и пришлось оставить шопинг на свободное время.

– Тратишь заработанное? – усмехнулся директор, когда лифт, ведомый потоками воздушной магии, поднимал нас на самый верх.

– Оказывается, домашний арест неплохо экономит средства, – пожала я плечами. – Если нас и дальше не будут выпускать из школы, к диплому буду состоятельной леди.

– Я не могу держать вас взаперти вечно. Родители взбунтуются и устроят пикет напротив моих окон, а шум, знаешь ли, очень мешает. Со следующего семестра сможете ходить в город при наличии разрешения от родителей. Запретим только пронос в школу посторонних предметов.

– Разрешения от родителей? Мы же совершеннолетние!

– Вы – адепты высшего магического учебного заведения. Вы еще не самостоятельные люди.

– А как быть мне?

– Я – твой опекун. Будешь себя хорошо вести, черкну пару слов твоему директору. Будешь плохо – черкну пару матерных слов.

– А Бастиан? Он король! У него в подчинении миллионы, а ты хочешь взять с его матери расписку?

– Именно так. Пусть сами несут ответственность за то, что детишки делают на воле. Если боятся – не выпускают их на выходных и каникулах дальше ворот.

– Сурово, – хмыкнула я.

Кейман оказался прав: в апартаментах можно было разместить целую толпу народа! Гигантская гостиная с диваном, креслами и небольшим столиком, совмещенная с ней столовая на восьмерых, две спальни в разных концах гостиной, и у каждой

своя ванная, большой балкон, выходящий прямо на оживленную флеймгордскую улочку. А гардеробная была вообще размером с мою комнату в школе!

– Красиво. И дорого. Я помню, когда впервые оказалась в гостинице, в самую первую ночь в Штормхолде, все казалось таким… странным.

– А сейчас?

– А сейчас странно то, что раньше было иначе.

В дверь постучали. Молчаливый служащий отеля принес вместе с приветственным напитком письмо от Рианнон с инструкциями на ближайшие дни. Согласно им у меня была тренировка с Клиффордом вечером, генеральная репетиция утром и начало подготовки к шоу в три. Также леди Найтингрин любезно сообщила, что не против, если Кейман посетит репетицию.

Но он вежливо отказался.

– У меня встреча. Поэтому давай-ка обсудим сейчас вопросы безопасности.

А совмещу-ка я полезное с полезным и позавтракаю прямо в процессе инструктажа. Тем более что к кофе нам принесли по кусочку фирменного шоколадного торта. Наверное, неправильно лопать торт за сутки до того, как парень должен будет раскручивать тебя в воздухе, но первый же всплеск магии сожжет калории и потребует новых.

– На шоу будет весь бомонд, списки гостей мне уже передали. Ди Файр – две персоны, Уотерторн, Эрстенни, фон Эйр, его величество и ее высочество, несколько членов Совета Магов, пара министров, мэр Флеймгорда, представители делегации Фригхейма. В общем, куча важных персон. Плюс репортеры, гости рангом пониже, но обладающие пухлыми кошельками, и так далее. Охраны будет едва ли не больше, чем гостей, но не стоит переоценивать силы стражей. Впрочем, вряд ли Акорион рискнет заявиться в открытую. Он не хочет форсировать свое возвращение, по крайней мере не хочет открытой стычки со мной. Я полагаю, что его не будет, и считаю, что он попробует встретиться с тобой до или после шоу.

Кусок торта попал не в то горло.

– До – вряд ли. Наш темный друг очень зависим от эмоций и… мм-м… влечения, так что шанс увидеть тебя в пижамке он не упустит. Поэтому правила лично для тебя такие: ни до, ни после шоу не оставаться одной. Я провожаю тебя на репетицию и встречаю с нее. Да, Деллин, даже несмотря на то, что до театра – один перекресток. На самом шоу не выходи за пределы театра. Все поняла?

– Да, – поспешно кивнула.

– Точно? – Кейман с подозрением прищурился.

– Не оставаться одной, не выходить без тебя на улицу.

– И за пределы апартаментов.

– Арест продолжается? – Я состроила кислую мину.

– Хочешь провести вечер в компании Акориона?

– Нет.

– Тогда вперед. Провожу тебя на репетицию и отправлюсь на встречу.

– Но тренировка вечером!

– Вечером у меня не будет времени, – отрезал Кейман. – Послоняешься за Рианнон. Она предупреждена о моих мерах и не будет против.

Снег все валил и валил. Когда мы вышли из отеля, я задумалась: а если попробовать вызвать грозу сейчас, получится? Я до сих пор так и не додумалась ни до одной внятной причины того, что моя сила как-то связана с грозой. Ее толком и изучать-то не было времени. Столько способностей, а развивать их никак не выходит!

Театр виднелся издалека. Массивное здание на четырех толстенных колоннах. Золотые буквы сверкали так, словно совсем недавно их с усердием отполировали. Ступеньки, ведущие к дверям, были застелены странной темно-красной тканью. Странной она была потому, что снег словно испарялся в нескольких сантиметрах от поверхности. Кроваво-красное яркое полотно на фоне белоснежного города – жутковатая картина.

В голову пришла тревожная мысль, что хлопья снега похожи на пепел. Я поежилась и в этот же миг заметила на противоположной стороне улицы мужчину.

Совершенно незнакомого темноволосого мужчину лет тридцати, одетого в длинный темно-синий плащ. Он стоял, прислонившись к стене дома, не отрываясь смотрел на нас, а когда встретился со мной взглядом, поспешно отвернулся. Хлынула толпа: из лавочки неподалеку вывалилась шумная компания. На несколько секунд они закрыли незнакомца собой, а потом он исчез.

– Там был мужчина, – сказала я.

– Что? – Кейман обернулся.

– Там стоял какой-то мужчина и смотрел на меня.

– Ты видела, куда он пошел?

– Нет, он как будто растворился в толпе. Но он точно смотрел на меня!

– Успокойся. Я его поищу и расспрошу владельцев лавочек рядом. Но это может быть всего лишь мужчина. Причина его

взгляда необязательно жуткая и таинственная.

– А какая, например?

– Деллин, – Кейман посмотрел на меня странно, как будто объяснял затупившему ребенку, почему нужно чистить на ночь зубы, – ты красивая. На тебя постоянно смотрят.

Ну вот. Теперь нас было двое одинакового цвета: я и ковер.

– Топай работать. Платить за номер будешь ты.

– Что?!

Крост рассмеялся, совсем не по-джентльменски подпихнул меня к ступенькам и только дождавшись, когда тяжелые двери театра закроются за моей спиной, поспешил туда, куда я указала.

– Деллин!

Марьяна едва не сбила меня с ног.

– Как я рада, что ты приехала! Рианнон будет счастлива. Идем, я покажу тебе зал, это просто прекрасно!

В театре вовсю кипела жизнь. Рабочие ставили декорации, уборщики до блеска натирали перила и лепнину, все суетились, бегали туда-сюда и без конца гомонили!

– В этом году составчик просто ужас, – щедро делилась впечатлениями Марьяна, – Лайла, Каира, Дарья, Джесс! Отборные стервы. Дарья уже устроила Рианнон истерику, что не собирается ходить по сцене босиком. К счастью, такие фокусы с леди Найтингрин не проходят. Итак, вон там – гримерные и раздевалки. Вот эта лестница ведет к выходу на сцену, а вон там будут заходить зрители. Не бойся, мои девчонки будут подсказывать дорогу всем заблудившимся. Идем, посмотришь на декорации с балкона!

Я ахнула, очутившись в хрустальном зале. Без преувеличения: театр совсем не напоминал таковой. Он казался иллюстрацией к сказке «Снежная королева». Черный бархат с россыпью сверкающих звезд вместо потолка, искрящиеся инеем кресла зрительного зала, порхающие в воздухе серебряные птички.

– Это лед? – нахмурилась я, поняв, что сцена как-то странно блестит.

– О да! Рианнон гениальна! Шоу откроете вы с Клиффом. Затем пройдет показ, а закроет его пара танцоров на льду. И небольшой совместный номер в конце. Правда, это невероятно?

– Да уж, пожалуй.

– Леди Найтингрин всегда задает непростые задачки, – с гордостью за хозяйку произнесла Марьяна. – В этот раз, представляешь, я должна была придумать прически, которые одновременно подчеркнут сексуальную невинность сладкого сна и не подвергнут вас опасности во время танца!

– И как?

– Увидишь на показе, – усмехнулась девушка. – А вон там, на возвышении, места для короля и принцессы. Чуть поодаль, но тоже в первом ряду, особые гости.

– Какие именно?

– Так… дай вспомнить. Лорд Арен Уотерторн, лорд Бастиан ди Файр, лорд… демон, забыла! В общем, три наших лорда-стихийника. Лорд фон Эйр прислал официальный отказ, так что его место пустует. Затем друзья Рианнон, мэр Флеймгорда, господин Блоуберг, лорд Саттон – член Совета Магов, темный маг. И магистр Кейман Крост. Приглашен лично Рианнон.

– Вся честная компашка в первом ряду. Постой! – Я вспомнила слова Кеймана в гостинице. – А с кем придет Бастиан ди Файр, ты знаешь?

– Боюсь, что нет. Полных списков у меня нет, просто я помогала Рианнон с рассадочными карточками. Она лично проверяет всех самых главных гостей.

Брина не собиралась идти на показ, неужели Бастиан придет с матерью? Боги, я буду в ночной рубашке танцевать перед матерью парня, о моем романе с которым ходят слухи в школе! Помолвленного с принцессой парня!

– Делли, малышка моя!

Клиффорд, как всегда, сиял.

– Потрясно выглядишь. Был бы натуралом – влюбился бы. Кстати, твой красавчик, оказывается, среди гостей. Ты почему, ревнивая малышка, не сказала, что он – король огня?

– А он не любит хвастаться, – фыркнула я. – Говорит, что близок к народу. И совсем не считает себя королем.

– Такой мужчина. И с таким недостатком. Ладно, оставим королей, завтра они – наши рабы, Делли. Готова показать всем, что такое красота, грация и секс?

– Без последнего.

Клиффорд нарочито страдальчески вздохнул, и мы с Марьяной рассмеялись. Мне понравилась атмосфера подготовки к большому празднику. Особенно понравилось быть частью ее, погружаться с головой в заботы, репетиции, помощь Рианнон. Можно было забыть об опасностях, учебе, взаимоотношениях со всеми королями этого мира. Просто работать, жадно впитывать сумасшедшую жизнь модного дома Найтингрин и… чувствовать себя красивой.

Только бы не опозориться на шоу!

* * *

Пришлось ждать Кеймана целый час после репетиции. К счастью, суета в театре и не думала утихать. Перед показами все работали в усиленном режиме. Только Марьяна отправилась поспать перед ответственным днем, а вот Клиффорд признался, что никогда не спит перед выступлениями.

– Еще с Земли. Лучше проведу ночь тренируясь, чем буду нервничать, что все сорвется.

Мы долго сидели, обсуждая Землю. Сравнивали любимые фильмы, музыку, я расспрашивала парня о местах, где он бывал. Пожалуй, самая главная печаль, связанная с прошлым миром: я так и не увидела его красот. Не побывала у чудес света, не прошлась по утренней Праге, не понежилась на белоснежном песке у океана. Я и в Штормхолде мало путешествовала, но здесь мне казалось, что впереди вся жизнь. А вот на Землю я уже вряд ли вернусь.

– Закончила? – Кейман возник из ниоткуда, я даже вздрогнула. – Идем. Как тренировка?

– Я бездарность, лишенная пластики и чувства ритма, но в целом хорошо. А как твоя встреча?

– Неплохо. У вас будет новый преподаватель.

– И что станет вести?

– Расширенный курс темной магии.

– А… а Яспера?

– Она уходит со следующего года.

Я даже споткнулась от неожиданности.

– Уходит? Но… я думала, она не может уйти…

– Она должна работать на корону. Пойдет в стражи.

– Я… не знаю, что сказать.

Надо бы попрыгать и в ладоши до кучи похлопать, но почему-то на душе противно.

– Она знала, чем грозит ее поведение. Это осознанный выбор. Может, в страже ей будет лучше. Хотя, конечно, я не скажу, что в восторге. Стражи станут первыми, кого бросят в пекло, когда Акорион выйдет из тени.

– Мне жаль.

– Да. Мне тоже.

До апартаментов шли в тоскливом молчании. Не могу сказать, что мне будет грустно, если Яспера уйдет. Дышать определенно станет легче, я перестану бояться наткнуться на демоницу в коридорах или сцепиться с ней снова из-за какой-нибудь ерунды.

Но грустно будет Кейману, даже если он сам подтолкнул ее к уходу. А мне не нравится, когда ему грустно. Я к нему привязалась. Это открытие оказалось таким неожиданным, что

вкупе с известием об уходе Ванджерии окончательно смахнуло сон. Вместо того, чтобы нежиться в ванне или сладко спать под невесомым теплым одеялом, я стояла на балконе. Смотрела на магические огни ночного Флеймгорда и думала, что мир вокруг стремительно меняется.

– О чем думаешь? – на балкон вышел Кейман.

– О преподавателе предсказаний.

– Да ладно?! Он же толстый и старый. Я думал, у тебя вкус получше.

– Он сказал мне кое-что на последней паре. Выразился так, словно… словно знает обо мне чуть больше, чем остальные. И сказал, что я должна научиться жить с ней.

– С ней?

– С собой. С ней. Я не знаю, я запуталась. Но все чаще прихожу к мысли, что он отчасти прав. И если я продолжу воспринимать Таару как другую личность внутри себя, то превращусь в сумасшедшую. А если осознаю, что она и я – одно и то же…

– То станешь кем-то третьим.

– То перестану ее бояться.

– Нет смысла бояться мертвых.

– Не в этом мире. Один почти мертвый мальчик кошмарил меня и подглядывал в душе полгода, а последствия психоза одной мертвой девочки разгребают спустя пару тысяч лет.

– Ты сегодня пессимистка?

– Ты нашел мужчину, который на меня смотрел?

– Нет. Его никто не видел. Если он и смотрел, то быстро смылся. Поглядывай по сторонам. Возможно, увидишь снова. Если что, скажи.

– Хорошо.

– Держи.

Кейман словно забыл о бокале с вином, который принес с собой. Я с сомнением посмотрела на него и покачала головой.

– Мне нельзя перед показом.

– Сколько нельзя, я тебе не дам. Я всегда отмечаю конец семестра.

Я так редко пробовала вино, что не смогла отказаться. Приятный джемовый аромат добавил к красивой картинке еще капельку уюта. Не было бы так тоскливо на душе, я бы порадовалась каникулам. Отработаю завтра – и можно будет бежать по магазинам, выбирать всем подарки. Вопрос, что бы такого подарить Кейману, все еще остается открытым. Бутылку хорошего алкоголя? Кто бы помог в нем разобраться! Надо будет спросить Рианнон.

Рядом вдруг что-то грохнуло, с такой силой, что даже балкон затрясся. От неожиданности я вскрикнула – и бокал выскользнул из ослабевших пальцев. На белоснежном мраморе растеклись безобразные красные ручейки.

– Извините, пожалуйста! – пропищала какая-то девушка, быстро развеивая разыгравшуюся земляную кошку, опрокинувшую какую-то вывеску.

– Вот блин! – пробормотала я. – Бокал жалко.

Опустилась на колени, чтобы собрать осколки. Разлитое вино по взмаху руки Кеймана испарилось.

– Оставь. Горничная уберет.

– Нет уж. Во мне еще жива солидарность, я когда-то убирала за такими же криворучками.

Собрала все самые крупные осколки, а когда поднялась, поверх ладоней легли руки Кеймана. Пожалуй, я испугалась в несколько раз сильнее, чем минуту назад, разве что бокал не уронила. Ему бы не пошло на пользу второе падение.

Никогда не умела вести себя достойно в таких ситуациях. Хотя их и не случалось до тех пор, пока я не попала в Штормхолд.

– Что? – подняла голову, надеясь рассмотреть в глазах мужчины ответ.

Но там была только совершенная, безукоризненная тьма.

– Хочу тебя поцеловать.

Я медленно покачала головой, чувствуя, как сердце с силой бьется в грудную клетку. Внутри что-то шевельнулось, так неожиданно и пугающе, что перехватило дыхание. Это «что-то» было не совсем моим чувством. На секунду, короткую секунду, показалось, что мы стоим совсем не на балконе дорогущей гостиницы в центре столицы, а у окна, выходящего на лес и долину. И если повернуться, можно рассмотреть грациозные и величественные силуэты драконов вдали.

– Не надо.

– Почему?

– Это лишнее. И… неправильное.

– Тебя волнуют правила? – Крост хрипло рассмеялся. – Ты ли это, Деллин Шторм? Или правила распространяются только на меня?

– Я стараюсь, Кейман. Но сейчас ты просишь слишком много.

– Бастиан просит все. Взамен не отказываясь даже от помолвки.

– Которую устроил ты. Но я не понимаю, при чем здесь Бастиан. Между нами ничего нет.

– Ты еще пытаешься в это поверить?

Кейман убрал руки и вновь повернулся к городу. Я смотрела

на осколки тончайшего хрусталя и чувствовала себя последней скотиной. Потому что не надо было быть академиком: расставание с Ясперой, арест, шоу, апартаменты – все было вот ради этого момента. Разделить который с Кростом мне не хватило ни сил, ни духа, ни желания.

– Я лишь хочу, чтобы меня не перетягивали, как канат, в три разные стороны. С Акорионом говорить бесполезно, Бастиан помолвлен, а ты – мой опекун и директор.

Он устало потер глаза.

– Иди спать. Завтра длинный день.

– Прости. Я знаю, что не оправдываю твоих ожиданий.

И я действительно хотела бы быть идеальной. Идеальной воспитанницей, идеальной студенткой, идеальной девушкой. Но получается быть только ходячим наказанием для всех.

Это грустно, но чертовски справедливо. Нельзя получить от судьбы кучу плюшек и принца, если в прошлой жизни ты едва не уничтожила мир.

Глава 13

– Ты уже больше года модель дома Найтингрин и до сих пор волнуешься? – веселилась Марьяна, укладывая мои волосы в прическу.

Я мрачно на нее посмотрела и предпочла промолчать. Вот как объяснить, что я боюсь не публики и не выступления, хотя с публичными выходами у меня до сих пор определенные проблемы. Я боюсь взглядов конкретных гостей вечера.

Кеймана. Сайлера. Катарины. Бастиана и его таинственной спутницы. Арена Уотерторна. Тех, кто смотрел на меня и видел не только молоденькую симпатичную модельку, но и воплощение Таары. Тех, кого со мной связывали общие воспоминания… зачастую не самые невинные.

– Господа! – Леди Найтингрин ворвалась в гримерку, как ураган.

На ней было длинное черное платье, в ушах сверкали крупные бриллианты, а все еще роскошные седые волосы идеальными локонами ложились на плечи. – Дорогие мои девочки! Через несколько минут мы начинаем. Марьяна, почему Деллин еще не готова?! Клиффорд уже ждет ее, чтобы размяться!

– Сию минуту, миледи! – бодро отрапортовала Марьяна, сбрызнула мои косы напоследок зельем и почти силой выпихнула со стула.

– Рианнон, – осторожно позвала я, улучив момент, когда та останется одна, – а вы не видели, с кем пришел Бастиан ди Файр?

– Прости? Милая, не поняла, что ты имеешь в виду.

– В списках гостей было указано, что на Бастиана ди Файра записано два места. Кого он взял с собой?

Боги, только бы не мать! Пусть это будет Брина, пусть в последний момент они помирились, и он взял ее с собой!

– Детка, он один.

– Один? Вы уверены?

– Совершенно точно. Когда я смотрела, лорд ди Файр был увлечен беседой с господином мэром. И он совершенно точно пришел один.

– Спасибо.

– Не волнуйся, детка. – Рианнон по-своему поняла мои расспросы. – В школе тебя будут боготворить. Ты чудесно двигаешься и выглядишь просто шикарно.

Тут она, пожалуй, почти не лукавила. Для выступления на крыльях сшили специальный наряд из тончайшего переливчатого атласа. Он напоминал костюмы фигуристок или танцовщиц, а

еще каким-то магическим образом не содержал в себе ни единого крючка или пуговицы.

Мы с Клиффом действительно смотрелись эффектно: атлетичный и спортивный парень в темно-синем и хрупкая тонкая девчонка в светлом платье-сорочке с провокационным кружевом на груди. Я чувствовала себя слегка… раздетой; Рианнон, невзирая на слезные мольбы Марьяны, запретила надевать на меня какие-либо украшения. А еще заставила ее заплести мне косы, добавив, как она выразилась, образу трогательной невинности.

За кулисами, где мы с Клиффом готовились выйти к зрителям, уже стояли одетые в сорочки модели. Я старалась не замечать холодных взглядов в свой адрес, но все равно дрожала, как осиновый лист.

– Все будет хорошо. – Клифф успокаивающе взял меня за руку.

И не отпускал до тех пор, пока мы не вышли на свет, к зрителям.

«Слушайте свою интуицию», – говорил магистр предсказаний. Я никогда не могла отличить интуицию от обычной паранойи, ставшей в последнее время постоянной спутницей. Но, оказавшись на глазах у нескольких десятков, а может, и сотен зрителей, я вдруг поняла, что показ обязательно закончится чем-нибудь нехорошим. Ощущение надвигающихся неприятностей стало отчетливым и ясным. Желание развернуться и сбежать было нестерпимым, но так подставить Рианнон я не могла. Да и дружный смех зрителей, пришедших на шоу, а получивших цирк, в последние дни перед показом снился в кошмарах.

Я мало что видела перед собой из-за софитов и сверкающих со всех сторон декораций. Под ногами был лед, но совсем не холодный, даже приятный – а ведь мы шли босиком.

– Добро пожаловать, – у Рианнон был очень мягкий, чарующий голос, – на мое шоу, дорогие гости. Давайте вместе сделаем этот вечер особенным.

С первыми звуками музыки я растерла заранее заготовленную крупицу и, раскинув крылья, взмыла в воздух. Там было меньше света, и получилось рассмотреть первые ряды. Кеймана, неотрывно следящего за мной. Сайлера со слегка напряженной улыбкой. Горящие от предвкушения глаза Катарины.

И взгляд Бастиана, который грозил выжечь мне всю душу вместе с крыльями.

Но зазвучали первые ноты танца, и я усилием воли заставила себя сосредоточиться на нем. Кружиться, прижимая к себе крылья, вкладывать в движения не только заложенный Клиффом

смысл, но и чувства. Сливаться с музыкой и проживать историю.

Мы встречаемся и кружимся, тянемся друг к другу – и снова оказываемся на расстоянии. Танец-борьба с влечением, танец-отрицание чувств. А потом, когда расстояние между нами все меньше и меньше, в момент первого касания рук музыка становится штормом.

И вот я откидываю голову назад, поднимая руки, а в голове, пододвигая отчаянную мысль о том, что нужно дотягивать носочки и держать спину ровно, мелькает мысль, что мне это нравится. Что я чувствую взгляды замершей на вдохе аудитории. Ловлю ее страх и трепет перед мощью и опасностью крыльев. Подпитываюсь им.

Мы синхронно летаем, и это совсем не похоже на игру мотыльков-поденок. Мы – птицы над бушующим океаном, а в ударах оркестра мне слышатся раскаты грома. Мои руки – продолжение крыльев, а парень рядом – всего лишь отражение в зеркале.

Я знаю, что они смотрят. Вижу Кроста, неотрывно следящего за мной. Вижу Катарину, восхищенно наблюдающую за Клиффордом. Мельком вижу прижавшую руки к груди в искреннем волнительном жесте Рианнон.

Но последнюю минуту, когда музыка звучит так громко, что закладывает уши, а крылья больше не держат меня в воздухе, отдавая во власть и под защиту партнера, я ловлю только один взгляд. Не знаю, чего в нем больше: откровенного желания или жгучей ревности. И не знаю, откуда взялась связь, способная приоткрыть для меня чувства короля огня.

Но, замирая с последними аккордами, несмотря на то, что я в рубашке, едва прикрывающей тело, кажется, будто каждая клеточка тела медленно тлеет.

Нас оглушило аплодисментами, и я удивленно моргнула: неужели все? И первый, самый трудный и страшный, шаг позади? Мне еще предстоит выходить на сцену в нарядах во второй части программы и вместе с парой фигуристов последним номером закрыть шоу, но это, хочется верить, пройдет не с такой эмоциональной отдачей.

Клиффорд первый вскинул руку синхронно с крылом, и из-за кулис поставленной профессиональной поступью вышла манекенщица в длинной темно-серой сорочке. Я все еще смотрела в зал, когда настал мой черед, а когда начала поднимать руку, вздрогнула.

Среди зрителей, той части, что не обладала правом на первый почетный ряд, я вдруг увидела того самого мужчину, что смотрел на нас с Кростом у театра. Выпрямившись, он точно так

же не сводил с меня холодного и равнодушного взгляда.

– Деллин! – шепнул Клиффорд.

Опомнившись, я подняла руку вместе с крылом – и уже с другой стороны вышла модель. Затем все повторилось еще раз, а потом девушки продефилировали вдоль рядов в зале, спустившись со сцены к зрителям. Большинство провожало их восхищенными взглядами. Что-то подсказывало, что не только из-за преклонения перед дизайнерским талантом Рианнон, превратившей обычные ночные сорочки в произведения искусства.

Только трое не обращали внимания на сексуальных и грациозных девушек в непосредственной близости. Бастиан, мужчина в черном посреди зрительного зала и… еще один мужчина со второго ряда. Я совершенно точно видела его впервые, но что-то в глубине его глаз вдруг показалось знакомым. А когда губы скривились в усмешке, я ахнула и отшатнулась. Можно изменить внешность, голос, манеры. Но безумие во взгляде, ставшее визитной карточкой Акориона, изменить было невозможно. Да он и не пытался.

Он хотел, чтобы я его узнала.

– Дэвид Даркхолд! – по залу прокатился громовой, усиленный магией, голос начальника городской стражи. – Не двигайтесь! Поднимите руки, именем короны вы арестованы!

Зал почти мгновенно наполнился стражниками. Я не поняла, откуда они появились, но Акорион поднялся, сбрасывая иллюзию, – и в них полетели сгустки темной магии. Какой поднялся шум! Какая паника! Народ повскакивал с мест, бросился к выходу, устраивая безумную давку. В спины им летели заклятья, но толпа перла даже через тела. С десяток стражников вступили в бой с Акорионом, раскидывавшим их, как игрушечных солдатиков.

Еще несколько человек из королевской охраны уводили Сайлера и Катарину, а Кейман сделал единственно верный выбор: пытался как можно быстрее и без жертв освободить зал.

Когда я увидела, как мужчина, чей взгляд не давал мне покоя, поднимается на сцену, то едва успела снять с браслета крупицу и создать молнию, решительно собираясь вступить в бой. Но незнакомец оказался проворнее и быстрее. Он в мгновение ока очутился рядом со мной и перехватил мою руку. А потом сказал нечто совершенно неожиданное…

– Миледи, вам нужно уходить.

– Что… кто вы такой?!

Вместо ответа он чуть отогнул воротник плаща, открывая сияющий пламенем герб Дома Огня.

– Прошу вас, нужно уйти в безопасное место. Лорд ди Файр приказал вас увести.

– Я не могу, там мои друзья, там…

Все вокруг содрогнулось, с потолка посыпалась пыль, а лед под ногами треснул.

– Миледи, вы не сможете сражаться в таком виде. Пожалуйста, идемте со мной.

– Демоны, Делл, он прав! – Клиффорд схватил меня за руку. – Идем отсюда скорее!

В дыму, вспышках магий, паникующей толпе и одинаковых стражниках в блестящей броне уже нельзя было ничего разобрать. Несколько секунд я искала глазами в толпе Бастиана или Кроста, но увидела лишь спину Акориона, а затем пространство наполнилось диким криком какого-то стражника. Внутри все сжалось, и мне показалось, будто сознание сейчас отключится, настолько жутким и отчаянным был этот крик.

Поняв, что еще чуть-чуть – и я стану главной мишенью на этой сияющей сцене, мы втроем рванули за кулисы. А оттуда – по небольшой винтовой лесенке в гримерку.

– Нет, миледи, на улице ждет экипаж! – Огневик потянул меня к выходу.

– Я не улечу, пока не узнаю, что с моими близкими все в порядке! Клиффорд, иди на улицу и постарайся помочь тем, кто успел выйти. Нужно увести всех как можно дальше, в безопасное место. Тот… человек, маг, он очень опасен. Помоги Рианнон и скажи, что со мной все нормально.

Бледный и до полусмерти перепуганный Клифф тут же подчинился. Я повернулась к огневику.

– Кто вы такой? Почему Бастиан приказал меня увести? Вы за мной следили!

– Миледи, на это нет времени…

– Я – последний человек, которому здесь грозит опасность. И я должна знать, что происходит.

– Меня зовут Ран Уэст. Я – глава охраны Дома Огня, лорд ди Файр приставил меня защищать вас в случае чего.

– Уходите, Ран. Найдите Бастиана и охраняйте его.

– Простите, миледи. Моя миссия – защитить вас даже ценой собственной жизни.

– Это очень вероятный исход событий. Послушайте меня, пожалуйста. Тот человек не причинит мне вреда, но вас убьет не задумываясь.

– Я не убегаю от врага, миледи. И побывал во многих битвах. Вам не стоит волноваться. И… придется уйти. Таков приказ лорда. Защитить вас и доставить в безопасное место, если это

потребуется.

Черт, переспорить его нереально. Абсолютно каменное лицо и заученные фразы.

– Можно мне переодеться?

– На это нет времени.

Вежливый и тактичный глава охраны терял терпение, и я вместе с ним. Уходить не хотелось, но в то же время разум подсказывал, что это единственный разумный вариант. Кейман поможет остальным, остановит Акориона, по крайней мере на время, чтобы все могли уйти. Черт, как вообще он оказался здесь? Почему стража появилась до того, как он обнаружил себя? Та улыбка была адресована мне, я почти уверена, что с куда большим удовольствием Акорион бы наслаждался моими страхом и мольбой практически из первого ряда, чем устраивал заварушку.

– Ран! – Я в последний раз попыталась воззвать к голосу разума охранника. – Бастиан не понимает опасности, в которой находится! Вы же знаете его… должны знать! Он самоуверен, импульсивен… я очень боюсь, что он вступит в схватку с Даркхолдом… тем магом! Пожалуйста, позвольте мне переодеться и вернуться в зал!

– Извините, миледи. У меня приказ. Ваша жизнь превыше прочих. Даже хозяина.

Я едва не взвыла, от досады и отчаяния хотелось плакать! Да что же за дурак-то!

– Мы с вами препираемся уже столько времени, за сколько можно одеться и десять раз сбегать обратно! – не вытерпела я.

– Верно, миледи. Поэтому мы уходим немедленно. Простите мне мою грубость, но таков приказ.

С этими словами стальные пальцы Рана сжались на моем запястье, и мужчина буквально силком потащил меня по коридору прочь, к запасному выходу.

Почему Бастиан велел своему начальнику службы безопасности меня защищать? Значит, «плюс один» для него – это Ран? Бастиан предполагал, что Акорион явится? Боги, сколько вопросов, а вместо ответов противный липкий страх. Звуки потасовки стихали по мере того, как мы удалялись в самый конец коридора, где впереди маячила дверь, ведущая на запасную лестницу.

Мы почти достигли цели, когда во всем театре неожиданно погас свет. Темнота, обступившая нас, показалась какой-то потусторонней, слишком плотной, холодной и удушающей. Я мертвой хваткой вцепилась в руку Рана, когда услышала неторопливые шаги вдалеке.

Несколько раз мой телохранитель попытался было осветить пространство при помощи магии огня, но едва-едва вспыхивающее пламя тут же гасло, растворяясь во тьме, окружавшей нас. А потом я услышала глухой удар и до стынущей в жилах крови жуткий булькающий звук. Пальцы Рана разжались, и раздался звук падающего тела.

В легких не осталось воздуха. Я отступила на несколько шагов, но уперлась спиной в закрытую намертво дверь запасного выхода.

– Деллин… Деллин, Деллин, – грустно вздохнул где-то в темноте Акорион. – Как я разочарован. Ты предала меня, ангел. Заманила в ловушку.

– О чем ты? – хрипло спросила я.

Свет вернулся, только очень тусклый, зеленоватый. Он придавал красивым аристократичным чертам Акориона мрачность.

Темный бог медленно, смакуя мой страх, приближался. Остановился в паре шагов от меня. В нос ударил резкий запах парфюма, от которого почти сразу заболела голова.

Театральным движением, не сводя с меня глаз, он извлек из внутреннего кармана пиджака сложенный вдвое листок, в котором я узнала фирменный бланк модного дома леди Найтингрин, и хорошо поставленным голосом зачитал:

– Господин Даркхолд! Модный дом леди Рианнон Найтингрин в лице модели дома леди Деллин Шторм счастливы пригласить Вас на ежегодный показ коллекции леди Найтингрин. Показ состоится во Флеймгордском драматическом театре вечером первого выходного дня зимней декады».

– Я… я этого не писала!

– Здесь твоя подпись, милая. Знаешь, я ведь удивился, получив это письмо… но подумал: а почему бы нет? Моя девочка поняла, что я желаю ей добра! Разве это не прекрасно? Разве мое гостеприимство не могло изменить ее мысли настолько, что она захотела показать мне свой танец? О, мне пришлось отменить много дел, чтобы явиться сюда. И что я получил? Дешевый спектакль с продажной шлюхой, которая сдала меня каким-то недоноскам!

В порыве ярости Акорион ударил кулаком в стену прямо рядом с моей головой. На пол посыпались куски штукатурки. А затем бог с преувеличенной наигранной нежностью провел костяшками пальцев по краю выреза моего платья, обрисовал ключицу и прикоснулся к губам. Я содрогнулась от отвращения, смешанного со страхом.

А потом, когда ледяные пальцы сомкнулись у меня на горле,

хватанула ртом воздух в последней, отчаянной попытке дать легким доступ к кислороду.

– Жаль, – он склонился к моему лицу, горячим дыханием опаляя щеку, говоря у самого уха, – что ты так и не смогла сделать правильный выбор, Деллин.

Перед глазами заплясали цветные всполохи. Несколько судорожных попыток вдохнуть вернулись приступом головокружения.

– Я тебя не убью, нет. Твое тело мне еще нужно. Оно нужно будет сестре, когда она вернется. Поэтому ты выживешь. Но я столкну твою жизнь в бездну. Ты ответишь за свое предательство, Деллин Шторм.

Сознание начало уплывать. Голос Акориона доносился будто издалека.

– Жаль, что у нас слишком мало времени. Ты в этом платье так и умоляешь взять тебя. Но ради шоу я покинул важную встречу… и теперь должен вернуться. Если захочешь попросить прощения, ты знаешь, как со мной связаться.

Акорион ослабил хватку, и я жадно вдохнула воздух, показавшийся удивительно чистым и вкусным. В ушах шумело, и, лишившись опоры, я опасно пошатнулась.

– А это за то, что помогла выкарабкаться паршивцу ди Файру.

Размахнувшись, Акорион ударил. С силой, больно, резко, наотмашь. Это было совершенно лишним: я и так уже теряла сознание. Но в глазах темного бога, пожалуй, стало отличной точкой.

* * *

Лучше бы он меня добил. Это была первая мысль, пришедшая в голову после пробуждения. Я очнулась там же, на полу в коридоре, рядом с безжизненным телом Рана Уэста, лежащего в луже крови. Если бы я хоть что-то успела поесть за весь день, то меня бы вывернуло, но, к счастью, желудок был пуст. Хотя болезненные спазмы и вращающийся мир вокруг намекали на сотрясение.

Сколько прошло времени? Минут двадцать, не больше. Но все было тихо, свет восстановили. Нужно было вставать, идти к выходу, искать хоть кого-то… сил почти не осталось. Я быстро, насколько вообще позволяло состояние, осмотрела себя на предмет повреждений и поморщилась. Разбитые коленки, кровавая ссадина на скуле, разбитая губа, оцарапанная рука – должно быть, содрала кожу, когда падала.

– Вот черт! – сквозь зубы прорычала я, поднимаясь на ноги.

Неподалеку, в паре метров от тела Рана, валялась свернутая бумажка, которую я подобрала совершенно инстинктивно. Приглашение для Акориона… подписанное моей рукой, вот только вижу я его впервые! Да и на официальных пригласительных текст был совершенно иной, Рианнон и в голову не пришло бы звать зрителей от моего имени. Они шли не на меня, а на ее коллекцию.

И кто же у нас такой умный, что отправил на имя Даркхолда приглашение, подделав мою подпись?

Как же болит голова… все бы отдала за мягкую постель и стакан воды.

– Деллин! Боги, Деллин, детка!

Голос Рианнон, еще недавно казавшийся чарующим, сейчас словно звучал прямо в голове, болезненно давя на каждую извилину.

– Что… о… о, Деллин, милая, идем скорее! Ты в порядке? Ты вся в крови, ты ранена?

– Нет. Нет, наверное, это кровь Рана. Я только ушиблась…

– Я понятия не имею, что здесь произошло, но каждый, кто к этому причастен, ответит за все! Тебе нужно лечь…

– Нет, я должна найти Кеймана и…

– Магистр Крост оказывает помощь раненым.

– А Бастиан?

– Ди Файр? – Рианнон нахмурилась. – Не видела этого юношу.

У меня вырвался короткий отчаянный стон. Только бы он был жив! Что этот парень творит?!

– Сейчас отведем тебя в кабинет, приляжешь.

– Я хочу в гостиницу… – Язык заплетался, и выговаривать нужные слова получалось не сразу.

– Ты никуда не уйдешь до тех пор, пока тебя не осмотрит лекарь! Опасность миновала, тот маг сбежал, обрушив декорации и часть потолка в зрительном зале, но опасности разрушения нет. Я распоряжусь, чтобы лекари занялись тобой, как только закончат с тяжело ранеными.

– Много погибло?

– Пока неизвестно. Сюда стянуты все свободные силы королевской стражи. Все происходит под личным контролем его величества, он тоже здесь. Идем, вот сюда…

Поддерживая меня под руку, Рианнон открыла одну из дверей в административной части театра. В этом крыле все было тихо, словно мы и не пережили столкновение с темным богом. Умиротворение и дух древнего здания с его слегка потертыми

ковровыми дорожками в коридорах и массивными дверьми с золочеными выцветшими табличками.

В кабинете директора было пусто, но лежала чья-то одежда, сумки, обувь.

– Сюда приносят все ценные вещи, которые находят при пострадавших. Я их сортирую и записываю. В переговорной есть диван, сейчас мы тебя уложим.

Я едва не застонала, когда опустилась на небольшой, но мягкий и теплый диван в небольшой комнате, примыкающей к кабинету директора театра. Здесь весело трещал камин, бросая оранжевые всполохи на стены и темную обивку мебели. Пламя напоминало о погибшем огневике. Он даже не успел ничего сообразить и оказался совершенно бессилен перед темной магией Акориона. Кто еще погибнет из-за меня?

Если шансов на победу нет, пусть бы уже скорее он добился своего. Невыносимо заносить в мысленный список жертв все новые и новые имена. Их на моем счету и так уже куда больше, чем друзей и близких.

Рианнон принесла чай и коробку с бинтами и зельями. Кое-как, потому что сил идти умываться не было, я оттерла кровь и обработала ссадины, от боли закусив разбитую губу. Из коленки пришлось наживую вытащить несколько осколков, невесть откуда взявшихся на полу.

Потом я просто сидела, обеими руками сжимая кружку. Как зачарованная смотрела на танец огня в нише камина. Хотела бы молиться, да получалось, что и некому. У какого бога просить, чтобы все выжили? К кому обращаться с желанием еще хоть раз увидеть Бастиана и Кеймана?

Боги этого мира оказались не всемогущими существами, способными контролировать жизнь каждого смертного. Кажется, у этих богов и пороков-то было куда больше, чем у остальных, вместе взятых.

Иногда Рианнон уходила на разведку, возвращалась с новой кипой вещей и рассказывала, что творится внизу.

– Лекари уносят сначала самых тяжелых. Магистр Крост помогает, но все усложняет гроза.

– Гроза? – Я вскинула голову.

– Да, видимость почти нулевая. Очень сложно доставить в лекарские дома раненых…

Наступать на больную ногу было больно, поэтому до окна я допрыгала. Распахнула створки, вдохнула ледяной влажный воздух. Над Флеймгордом сгустились черные тучи, а с неба действительно валило нечто среднее между снегом и дождем.

– Деллин, не хватало еще простудиться! – воскликнула

Рианнон. – Закрой немедленно!

Но я уже тянула руку к небу. Сейчас это оказалось проще, чем в прошлые разы. Даже усталость не перебивала готовую выплеснуться ярость. Я бы могла убить кого-то… лишить жизни с той же легкостью, с какой Акорион лишил меня воздуха. Сжать кулак – и все. Так сильно мне хотелось отомстить за пережитые страх и унижение. Я ненавидела власть, которой обладал темный бог, но сейчас ненависть играла на руку.

Грозу можно создать, а можно уничтожить.

– Мне говорили, что ты сильная девочка, – задумчиво произнесла леди Найтингрин, когда над Флеймгордом на абсолютно чистом небе засияли три звезды.

Сильная девочка – все. Сил в ней осталось, только чтобы дойти до дивана.

Но сегодня судьба не была настроена дать мне отдохнуть. Роскошный ковер заглушил шаги, но слабый скрип двери выдал вошедшего. Я лишь подняла голову, чтобы посмотреть, кто это, и встретилась взглядом с Бастианом.

Кто первый сделал шаг навстречу друг другу? Наверное, я, только шаг этот получился неуверенным. Я пошатнулась и попыталась было схватиться за спинку дивана, но промахнулась и уже приготовилась снова встретиться коленками с полом и в полной мере ощутить боль, от которой в первый раз избавил обморок. Но непостижимым образом Бастиан в мгновение ока очутился рядом, подхватив под руки.

От него пахло знакомо и приятно: кофе с апельсином. Запах добил меня окончательно. Обвив его шею руками, я всхлипнула.

– Зачем?! Зачем ты приставил ко мне охрану?! Он его убил!

– Тихо, Делл. – Руки крепче прижали меня к горячему телу. – Все хорошо.

– Хорошо?! – в голос прорвались истерические нотки. – Хорошо?! Что хорошо, Бастиан, назови мне хоть что-то…

– Ты жива. Ты здесь.

Он склонился к моим губам.

– Ты моя.

Мягкий поцелуй вырвал новый всхлип, уже не отчаянный, вызванный сладким спазмом.

– Я не твоя…

– Моя. С первой минуты. С первой встречи в этом дурацком магазине ты моя, Деллин Шторм. Я больше не хочу делать вид, что между нами ничего нет.

– Ты помолвлен с принцессой…

– Мне нет дела до принцесс. Я сам выбираю себе королеву.

Кажется, нас тянет друг к другу магнитом. Разум кричит:

беги, оттолкни его, прекрати это немедленно! А пальцы самовольно скользят по спине, путаются в волосах, пока его губы вытворяют с моими что-то невообразимо нежное и чувственное. Это не влечение и не физическое желание, это связь, которая сильнее, чем любая магия.

Мне казалось, с каждой секундой поцелуев возвращаются силы. И вскоре я уже не смогла бы отпустить Бастиана даже если захотела бы всей душой, но правда в том, что я не хотела. И пусть он трижды помолвлен, да хоть четырежды женат, я больше не могу, я устала делать вид, что он мне не нужен.

Потому что нужен, сильнее, чем воздух. За мягкие успокаивающие прикосновения я готова продать душу. Хотя сколько она стоит, эта душа-то?

– Что здесь происходит? – услышали мы холодно-удивленный голос короля.

Я попыталась отстраниться, но не слишком убедительно. Бастиану даже не пришлось меня удерживать, он просто… не отпустил. Прижал к себе, чуть отвернувшись от вошедших, будто закрывая меня собой. Под ладонью, что лежала на его груди, билось драконье сердце.

Казалось, я смотрела на вошедших Сайлера, Кеймана, Катарину, Уотерторна и еще нескольких незнакомых человек с вызовом и совершенно лишней решимостью. Нутром чувствовала, что покой и чувство безопасности, появившиеся вместе с теплыми объятиями, сейчас попытаются отобрать.

– Леди Шторм? Лорд ди Файр? – Король едва сдерживал гнев. – Как это понимать?

– Это значит, Деллин Шторм жива, и я ее нашел. Вы ведь об этом переживали, верно?

– Нет. Не верно. Меня не интересует ее судьба, а вот оскорбление, которое вы сейчас нанесли моей дочери…

Кейман смотрел куда угодно, только не на меня. Он хмурился, смотря на Сайлера, словно готовился успокаивать друга.

– Мне жаль, ваше высочество, – Бастиан повернулся к бледной Катарине, – что наш разговор происходит при таких обстоятельствах. Видят боги, я хотел лично обсудить с вами помолвку после показа. Но непредвиденные… мм-м… события внесли в мои планы коррективы. Примите мои извинения, Катарина. Боюсь, наш союз становится невозможным.

– Да, это, несомненно, так, – горько усмехнулась Катарина. – Жаль, что школьное увлечение оказалось для вас важнее поддержки короны. Вы не производили впечатление человека, который способен поставить на карту благополучие своего рода

из-за…

Она смерила меня презрительным взглядом.

– Будьте уверены, ди Файр, вам это так просто не спустят. Готовьтесь из короля превратиться в изгоя, потому что…

– Лучше объясните, откуда стража знала о Даркхолде, – прервал его Бастиан. – Они попытались взять его прежде, чем он себя обнаружил, чего делать явно не собирался. Могу я задать вам вопрос, ваше величество, как именно глава стражи в компании лучших магов гарнизона оказался возле театра, где по случайному совпадению оказался Акорион?

Рианнон вскрикнула, а с лица Катарины сошла последняя краска. До них, само собой, слухи об истинной личности Даркхолда еще не дошли.

– Я не собираюсь отчитываться перед мальчишкой.

– Перед главой Дома Огня, чей начальник службы безопасности погиб, защищая девушку от психа, которого вы привели сюда! Подвергнув опасности жизни высшего общества Флеймгорда. Что это, ваше величество? Попытка избавиться от тех, кто не поддерживает ваше правление? Кто предпочел бы видеть на троне настоящего короля?

Сайлер медленно наливался краской. Когда Бастиан умолк, показалось, что короля сейчас разорвет от злости. Но он лишь прошипел:

– Ты с-с-смеешь мне дерзить, щ-щ-щенок… Мои люди бы взяли его, если бы вы не вели себя, как тупое стадо!

– От твоих людей осталась жалкая кучка!

– Господа, – вперед вышел Кейман, – давайте успокоимся, отбросим в сторону личные претензии и попробуем понять, как Акорион попал в театр и обошел все уровни моей защиты. Я полагаю, здесь не обошлось без помощи изнутри, и я хочу знать, кто именно нас предал.

И тут я все поняла. Посмотрела на Сайлера, на Бастиана, который не сводил глаз с короля, продолжая одной рукой крепко прижимать меня к себе. Вспомнила все, что говорил Акорион, и задохнулась от жуткой, но единственно возможной догадки.

– Это вы его провели… вы его позвали… вы сделали так, чтобы Акорион обошел защиту, вы знали, что он будет, и позвали стражу, надеясь его захватить! Что это?! – Я схватила валявшееся на диване приглашение. – Я этого не писала! Откуда оно у Даркхолда?!

– Сайлер? – Кейман повернулся к королю.

Тот смотрел волком. С отвращением, с ненавистью в серых глазах. Наверное, все эти чувства были продиктованы тем, что Бастиан все еще обнимал меня, но мне как-то резко стало

наплевать. Только голова раскалывалась.

– Никто не смеет держать в страхе мою страну! – наконец выпалил Сайлер. – Это мое королевство! И я решаю, кто и на что в нем имеет право!

– Вы в своем уме?! Вы подвергли опасности всех, кто был в театре! Свою дочь! Он – бог!

– Даже боги смертны!

– Ему несколько тысяч лет! – Я сорвалась на хриплый крик.

– А вам, Деллин, двадцать. Поэтому закройте свой рот, пока я не казнил вас за предательство короны! Хватит с вас измены. А вы… ди Файр. Можете попрощаться с короной и Домом Огня. Оставить во главе стихии малолетку было ошибкой.

Бастиан рассмеялся.

– Только не надо пытаться всех убедить, что ты здесь что-то решаешь.

– Не забывай, с кем ты говоришь!

– Тебе тоже следует помнить.

– Ты предал мою дочь! Знаешь, что бывает с теми, кто идет против меня?

– Ты сам предал свою дочь. Она могла погибнуть сегодня. Просто потому, что Акориону захотелось повеселиться. Ее бы пытали у тебя на глазах, а потом заживо сожгли, и твоей короной он бы подтерся. Ты свел ситуацию к открытой войне, чуть не убил Деллин…

– Да пусть бы и сдохла. Мир стал бы чище.

Бастиан выпустил меня из рук и чуть было не совершил совсем уж непоправимое. К счастью, я успела остановить его, схватив за локоть. Мельком взглянула на Катарину и поморщилась от укола совести. Принцесса выглядела расстроенной и отрешенной. Но потом взгляд вернулся к ее отцу, и снова захотелось рвать и метать.

– Так очистите мир. – Я вышла вперед и остановилась напротив Сайлера.

Казалось невероятным, что всего год с лишним назад он добродушно со мной флиртовал, искренне изумляясь сходству с Таарой, о котором я и не подозревала.

– Встань на колени, когда разговариваешь с королем.

– Вы были когда-нибудь в храме темных богов, Сайлер?

– Встань на колени!

Я медленно, не сводя взгляда с его лица, опустилась на колени. Ноздри вконец потерявшего самоконтроль короля широко раздувались от гнева. Он был на взводе, готовый начать метаться туда-сюда по комнате.

– Вам легче, Сайлер? Я на коленях. Вы перестали меня

бояться?

– Бояться девчонки? Остаток жизни ты проведешь в монастыре!

– Заставьте меня.

Я вскинула руку. Сайлер вздрогнул, тяжелые створки окон с грохотом распахнулись, впуская в комнату грозу. От первого раската вздрогнули все, кроме Кеймана, мрачно взиравшего на нас с королем. Молнии прорезали небо, ударили в купол театра, отчего по зданию прошла дрожь.

– Вы сами предали свое королевство и своих подданных. Решили, что умнее бога. Теперь на вашей совести несколько десятков жизней, как и на моей. А все, что вас волнует, – сорвавшаяся помолвка дочери.

– Она права, – подал голос Кейман. – Ты поставил нас на порог войны. Привел Акориона в бешенство и дал понять, что вся система безопасности Штормхолда не представляет для него угрозы. Ты практически открытым текстом сказал ему, что мы разобщены. Приходи – и бери. Сайлер…

– Меня мало интересуют умозаключения этой девки, – отрезал король. – Пусть скажет спасибо, что я не казнил ее, едва увидел.

Стоять на коленях и дальше было невыносимо, каждая клеточка тела вопила от боли. Я поднялась, отступив на шаг, но никто не собирался ко мне приближаться.

– Она не может просто так разбить помолвку моей дочери!

– Так запретите мне.

Борьба взглядов получилась короткой: король сдался почти сразу. Мысленно я пришла в ужас от впечатления, произведенного на него, Рианнон и Катарину. Поежилась от торжествующей улыбки Уотерторна, безуспешно попыталась поймать взгляд Кеймана. И хоть мы победили, – Сайлер, развернувшись на каблуках, вылетел прочь из кабинета, – все прекрасно понимали, что это только первый бой.

И теперь у нас далеко не один враг.

– Всех раненых увезли лекари, – Кейман повернулся к Рианнон, – здание хотят осмотреть стражники. Нужно всех вывести.

– Конечно, магистр Крост. Я все сделаю.

– Уотерторн. Ди Файр. Утром я хочу видеть вас в Школе Темных. Нужно понять, что делать дальше. Будь проклят Сайлер… самоуверенный болван! Он всерьез рассчитывал справиться с Акорионом силами стражи?

О да, он всерьез на это рассчитывал, иначе не привел бы так самоуверенно на шоу дочь. Не подверг бы ее опасности, если бы

по достоинству оценил угрозу.

– Рианнон, – повернулась я к леди Найтингрин, – вы не найдете для меня одежду? Я не знаю, где осталось пальто, но до кареты добегу, а вот без обуви и в ночной рубашке…

– Да, дорогая. Сейчас принесу.

Неожиданно в кабинете остались только мы с Бастианом. Как и куда делись остальные, я как-то пропустила, по большей части потому что смотрела на ди Файра и отрешенно думала, что будет дальше.

А дальше был еще один поцелуй, только уж очень болезненный: адреналин стих, напомнила о себе разбитая губа.

– Извини. Забыл.

– Бастиан, что ты творишь? Так нельзя.

– Можно.

– Нет! Нельзя бросать принцессу, нельзя идти против короля, Бастиан, подумай о последствиях! У тебя есть Брина, еще сестра, мама, нельзя ставить под удар семью.

– Деллин, – он несильно встряхнул меня, – король зависит от нас куда больше, чем мы от него. Реальная власть – в руках королей стихий, а не у напыщенного придурка, занявшего трон не без помощи бога. И этот бог, хоть и полный говнюк, не даст тебя в обиду. А если Сайлер попытается ставить мне палки в колеса, я пригрожу, что подниму цены на крупицы так, что его свои же на площади повесят.

Я вздрогнула: в голосе Бастиана промелькнули металлические нотки.

– Ты же этого не сделаешь…

– Нет, – взгляд смягчился, – но король об этом не знает. Моя репутация позволяет блефовать со вкусом.

– Если Акорион узнает…

– Я и так его мишень. Какая разница, из-за чего он захочет меня убить? Лучше умереть за тебя, чем просто за то, что однажды меня не получилось добить.

Не надо за меня умирать. Я больше не хочу чувствовать себя виноватой. Наверное, и не выдержу, потому что до сих пор помню смех Эйгена, удивительный талант летать Надин. И Рана Уэста теперь буду помнить.

– Все? Аргументов больше нет?

Он снова потянулся ко мне за поцелуем. Я настолько сильно хотела прикосновений, еще раз почувствовать щемящую нежность и медленно разгорающееся желание, что наплевала на разбитую губу и просто потянулась в ответ. Но горячие, огненно горячие, губы только скользнули по щеке и спустились к шее.

Я едва устояла на ногах и… черт, я определенно пропустила

самое приятное ощущение на свете. Дразнящие прикосновения губ, мягкое расслабление от пальцев, перебирающих волосы. И тепло, исходящее от тела. И запах, и голос, и взгляд… хотя во взгляде плясали веселые огненные чертики – отблески пламени камина.

Получил свое, гад. Получил, улыбается и теперь, кажется, может делать со мной все что захочет. Я как глина в теплых руках. Не могу больше сопротивляться.

Нас отвлекло тактичное покашливание Рианнон. Леди Найтингрин где-то чудом откопала одежду, в которой я пришла.

– Она слегка пыльная.

– Все хорошо. Спасибо, Рианнон. Мне жаль, что ваш показ сорвался.

Женщина отмахнулась. Следы усталости и пережитого стресса залегли глубокими морщинами на красивом лице. Рианнон будто бы постарела за ночь, но на самом деле, конечно, просто смыла косметику и провела адскую бессонную ночь.

– Вы красиво смотритесь вместе, – улыбнулась она.

Потом повернулась к Бастиану, игриво стрельнув глазами:

– В следующем году я подумываю о запуске мужской коллекции… Вы могли бы…

– Нет, – отрезал Бастиан. – И Деллин на вас тоже больше не работает.

– Как резво вы взяли на себя решения насчет судьбы Деллин. Не рановато ли, юноша?

– Каждый раз, когда вы оказываетесь рядом с ней, что-то происходит. Сначала ваш племянник устраивает бойню в школе. Потом вы приглашаете опасного малознакомого мага в дом, где живут Деллин и моя сестра, теперь вот это шоу… Давайте будем говорить как взрослые и деловые люди: обеспечить безопасность моей девушке вы не в состоянии, сообщить мне о работе сестры – тоже. Прячете контракты от моих законников.

– Бастиан, – я нахмурилась, – подожди, пожалуйста, меня внизу. Я хочу поговорить с Рианнон наедине.

Не без заминки, но Бастиан все же вышел. Едва дверь за ним закрылась, леди Найтингрин обеспокоенно спросила:

– Деллин, ты же не уйдешь от меня?

– Рианнон… я не могу иначе. Вы видели, что случилось. Даркхолд… он помешан на мне. Он убивает, запугивает, подставляет не потому, что у него есть какая-то цель, хотя она наверняка есть. Он как кот, который играет с мышкой, и он очень зол. Любая провокация с моей стороны приведет к новым жертвам. Любой показ, любой новый плакат. Он не остановится, пока я не сойду с ума. Я не могу рисковать.

– Деллин, но если ты спрячешься, то он победит! Оставит тебя без работы, без друзей…

– Рианнон, я люблю эту работу. Это как… как сказка о бедной горничной с Земли, которая вдруг попала в волшебный мир и превратилась в принцессу. Я благодарна, что вы меня в нее превратили. Я бы не ушла, если бы не была уверена, что так будет лучше.

Комок в горле мешал связно говорить.

– Может, однажды… когда… если мы выпутаемся из всей этой истории, вы дадите мне еще шанс. Если я еще буду достаточно красива для ваших платьев.

– Детка, ты всегда будешь для меня достаточно красива. Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. И что этот мальчик тебя защитит.

– Мы еще посмотрим, кто кого будет защищать.

Рианнон обняла меня на прощание, и стало еще тоскливее. Акорион лишил меня друга, работы, чуть не сломал мне челюсть и испортил шикарное платье для танцев на крыльях. Если его план удастся и Таара вернется, она просто обязана отомстить за нас обеих.

Леди Найтингрин проводила меня до самого выхода. Мне не удалось заглянуть в зрительный зал, где началась потасовка: всюду сновали стражники и зорко бдели, чтобы никто не оказывался в неположенных местах. То тут, то там под ногами валялись обломки и осколки. Были и капли крови, но, к счастью, редкие.

Какой же Сайлер придурок! Акорион даже не собирался никого убивать, он защищался, а если бы не давка, жертв было бы меньше. И ведь он планировал все это давно, настоял, чтобы я участвовала в показе. Кейман был с ним откровенен, а король использовал информацию, чтобы прослыть героем. Просто не верится.

– Разреши мне хотя бы прислать тебе подарок, Деллин, – напоследок попросила леди Найтингрин.

– Мы не прощаемся. Я обязательно буду писать, а если вдруг окажусь во Флеймгорде, загляну в гости. И сделаю все, чтобы однажды к вам вернуться.

– Если у тебя с этим мальчиком, Бастианом, все сложится, боюсь, тебя просто не отпустят.

– Я ему тогда хвост откушу.

– Удачи, Деллин. Береги себя. И прости меня за тот ужин. Ты, должно быть, ужасно испугалась.

– И вам всего доброго, Рианнон. Постарайтесь отдохнуть.

Я вышла на улицу, где снова началась метель, еще сильнее

предыдущей. Зима словно отыгрывалась за небольшой шторм, устроенный мной. Воспользовалась утихшей грозой и обрушила на Флеймгорд всю мощь стихии.

У театра стояло десятка два экипажей. В основном принадлежащих королевской страже: все они были запряжены абсолютно одинаковыми воздушными собаками. И еще два: огненные лисицы Бастиана и сотканный из тьмы конь Кеймана.

Я так и застыла на последней ступеньке театра. Они оба стояли у карет, и можно было, конечно, прикинуться, что я не понимаю, кого именно ждут. Но рано или поздно с тактикой черепахи придется заканчивать. От всех проблем в домик не спрячешься.

Странно было бы сейчас пройти мимо Бастиана, сесть в экипаж Кроста и спокойно улететь в школу. Да мне и не хотелось лететь без него. Кейман заслуживал объяснений, но, когда я сделала шаг в его направлении, словно понял все по глазам.

Он хорошо знал Таару, а я все же во многом уже была ею. От в миг изменившегося взгляда по коже прошел мороз. Кейман не стал дожидаться, когда я подойду. Развернулся и скрылся в карете, а в следующий миг экипаж резко взмыл в воздух, подняв клубы свежего снега. Когда мини-ураган улегся, а экипаж скрылся среди зимнего смога, я уныло побрела к огненным лисицам.

Глава 14

– Вообще-то я хотела полить сырники сиропом, а не твоим унынием, – сказала Брина. – Что с тобой?

– Ничего, – бесцветным голосом откликнулась я.

– Ага, сначала вы прилетаете с братом посреди ночи, потом сидите у тебя, а с утра ты выглядишь так, словно вернулась с похорон. Еще и вся побитая.

– Я с них и вернулась. Ты не слышала, что случилось на показе?

– Нет, я была… кхм, у мамы. Неважно. Хотела как раз с утра прочесть заметку в утренней газете, и тут вы.

Пришлось снова в деталях вспомнить события вечера и кратко пересказать их Брине. Опустив, правда, часть про Даркхолда. Бастиан сам решит, что именно рассказывать своей сестре. Весть о столкновении в театре скоро дойдет до всей школы, а вот явление Акориона явно еще можно скрыть. Если только он сам не объявит во всеуслышание, что снова с нами.

– Боги! – Брина покачала головой. – Как жаль, что меня не было…

– Что?!

– Ой! – Подруга густо покраснела. – Я имела в виду, что вы могли погибнуть, а я сидела в тепле и безопасности.

– И хорошо. Не хватало еще Бастиану дергаться из-за тебя. И я не хочу лишиться единственной подруги.

– Что сказал директор? Много жертв?

Я поморщилась. Напоминание о Кеймане острой иголкой укололо сердце.

– Мы не говорили. Он… прислал мне сегодня утром все вещи, которые я у него оставила. И не разрешил приехать на зимние каникулы. Написал, что мне лучше провести их в школе. Как и летние.

– Ого. – Брина окончательно потеряла аппетит и отодвинула тарелку в сторону. – Жестко он. Я не знаю, что сказать.

– Я понимаю, что предала его. Но теперь мне кажется, словно у меня больше нет дома.

Я пожала плечами и отвернулась к окну, где ночной снегопад все укрыл огромным белоснежным одеялом. Теперь эта школа – и дом, и тюрьма. А я даже не представляла, насколько ценны были вылазки в столицу, недели на Силбрисе и жизнь в огромном доме, в собственной комнате с гигантской ванной.

С другой стороны, меня пока что не выгнали из школы, и это несомненный плюс. Хотя, наверное, Кейману ничего не стоило

подписать приказ об отчислении. Какая разница, если Акорион больше не одержим мной?

– Я знаю, что фраза «не расстраивайся» в таких ситуациях приводит в бешенство, но… ты можешь приехать на лето к нам. И зимние каникулы мы с братом проведем в школе. Неужели мы бросим тебя без дома и подарков? Кстати, что бы ты хотела получить на день рождения?

– Я не успела никому ничего купить. Разрешение на поход в город мне теперь не подпишут. Вы с братом останетесь без подарков.

Об этом обстоятельстве я, конечно, забыла, и теперь утро стало еще более унылым.

– Да плевать, – отмахнулась Брина. – Бастиан найдет способ притащить в школу бутылку хорошего вина. Поужинаем, погуляем и вместе отпразднуем. И все-таки я спрашиваю не о зимних подарках, а о твоем дне рождения. За очередной двояк магистр Симон назначил меня в канцелярию, и я видела там дату.

– У меня все есть. – Я пожала плечами. – То, чего мне бы хотелось, нельзя купить даже в самом дорогом магазине Флеймгорда.

– Например?

– Ну…

Чтобы из-за меня перестали умирать люди. Чтобы Кейман перестал злиться на то, что я не влюблена в него. Чтобы сны и воспоминания перестали изводить, отбирая ночи.

– Ванну, например.

– Что?

– Я мечтаю о ванне. С пеной, солью, всякими цветными шипучками. Чтобы валяться в горячей воде столько, сколько захочется.

– О ванне?

– Да. – Я задумалась, как бы объяснить девочке из богатой семьи то, что понятно всем, кто жил бедно. – Ванна – это признак благополучия. В крошечных квартирках и студенческих общагах не бывает больших ванн. Они есть только у тех, кому не надо думать о завтрашнем дне. Это сложно объяснить, это такие вещи, которые ты не замечаешь, когда живешь в сытости и уюте. А когда лишаешься, вдруг понимаешь, что очень тоскуешь. Ты готовишь шикарный номер с видом на город, надраиваешь до блеска эту чертову джакузи, раскидываешь лепестки роз, проверяешь, чтобы шампанское в ведерке было холодным, – и уходишь, думая о том, как везет тому, кто просто махнет кредиткой – и окажется в сказке. Страх перед бедностью, наверное, неизлечим.

– Боюсь, если я подарю тебе ванну, директор не разрешит

установить ее в отдельной кабинке в душевой.

Я живо представила себе картину, как Брина в одиночку тащит здоровенного чугунного монстра на изящных бронзовых ножках, и фыркнула. На душе стало чуть легче. Есть не хотелось, и мы закончили завтрак до того, как толпа адептов в столовой начнет разносить слухи.

Школа преобразилась к Зимнему Празднику. В прошлом году я все пропустила, а в этом открыв рот смотрела, как несколько рабочих в прямом смысле заливают в холле каток и строят над ним мостики, чтобы можно было добраться до лестницы и перехода в соседний корпус.

Ледяные скульптуры, сверкающие всеми цветами радуги сосульки, мелодичные негромкие колокольчики и еще миллион украшений превратили Школу Темных в сказочный замок снежной королевы. Мы гуляли, наслаждаясь свободным временем. Брина думала о чем-то своем, я – зализывала раны, как физические, так и душевные. До сих пор болела скула и саднили коленки.

– Так значит, вы с братом теперь вместе, – лукаво улыбнулась младшая ди Файр, и я поняла, что она буквально изнывала от любопытства и сдерживалась как могла из уважения к пережитому мной на шоу.

– Да. Мы вместе.

– И поэтому ты надела шейный платочек, да? Настолько сходите друг по другу с ума, что оставляете засосы?

– Нет. Не поэтому.

Убедившись, что вокруг никого нет, я развязала тонкий платок, подаренный Рианнон с целью скрыть следы пальцев Акориона. Когда я очнулась и приходила в себя в кабинете, на коже виднелись лишь легкие покраснения. А наутро они обернулись сине-красными отпечатками.

Брина не удержалась от возгласа.

– Это… я… Делл!

Я пожала плечами. Выглядит страшнее, чем ощущается. Хотя я никому не пожелаю хватать ртом воздух без возможности его вдохнуть, как вчера делала я.

– А это что? – Брина заметила цепочку.

– А… это твой брат подарил.

Я нехотя вытащила из-под платка тонкую золотую цепочку с небольшим красно-оранжевым необработанным камнем – чистой магией огня с одного из первых месторождений Дома ди Файр.

– Красивая. О, а вот и засос!

Покраснев, я быстро вернула все на место. Вчера, в кабинете лекаря, Бастиан отвлекал от неприятных процедур как мог. И

странное, но волнующее сочетание обжигающей боли от заживляющего зелья и поцелуев слегка испугало. Точнее, испугала реакция на него.

– Я рада, что у Бастиана есть ты. – Брина улыбнулась. – И что у тебя есть он. Вы с ума друг по другу сходите все то время, что я тебя знаю.

– Ты так любишь говорить обо мне и брате, что закрадывается подозрение, будто сама многое скрываешь. Что с тобой происходит? Ты говорила с матерью о помолвке?

– Еще нет. Я… честно говоря, надеюсь, что все забудется.

– Так себе тактика.

– Другой пока нет.

– Поговори с братом.

– Мне нужно время, чтобы собраться с духом. И понять, чего я вообще хочу. Смерть Эйгена выбила из колеи. И я не хочу грузить праздник разговорами о браках, политике и нашей мамаше. Лучше давай о подарках и захватывающей любовной истории. Скажи мне, Деллин, насколько сильно ты влюблена в моего брата?

– А что? – Я с подозрением прищурилась.

– Так, интересуюсь. Вы… ну… спали?

– Ага, прямо в карете устроили задорную оргию.

– А что вы делали в твоей комнате полночи?

– Разговаривали, Брина! Черт… ну у тебя и вопросы. Откуда такой пристальный интерес к моей личной жизни?

– Я волнуюсь. Ты же в этих вопросах наивна, как я – в мечтах бедных сироток. Вдруг тебе нужна будет помощь?

– Не знаю, что тебе сказать. Об этой стороне отношений я как-то еще не думала. Хотя глупо думать, что в двадцать три Бастиану интересно гулять под луной за ручку.

– Вот-вот. Ты хотя бы знаешь, что делать, чтобы не порадовать директора известием о беременности?

Она расхохоталась, едва не сбив небольшую ледяную лань, украшавшую коридор.

– Видела бы ты свое лицо! Ты красная до самых кончиков ушей!

– А ты – бесцеремонная! А казалась такой интеллигентной аристократкой.

– Я отдаю долг судьбе. Когда мы с Эйгеном только начали встречаться, мне даже не у кого было спросить. Я помню свою растерянность того времени. Казалось, что если я не позволю Эйгену все, что он хочет, то непременно буду брошена и умру старой девой. А позволять было страшно.

– И как ты решила проблему?

– Рассказала все ему. Эйген всегда все делал за меня, решал все проблемы.

– Я по нему скучаю, – сказала я.

И по Аннабет. По ужинам втроем. По прогулкам по школьному саду. Даже по вечеру в часовне, когда Эйгена избили бывшие друзья, а я сбежала из пылающей подсобки.

– В общем, если не хочешь раньше времени родить наследника огненного Дома, то закажи в аптекарской лавке зелье и принимай по указаниям аптекаря. Правда, я предпочитаю варить его сама. Рецепт несложный, если внимательно отнестись к температуре и времени. Самодельное зелье хорошо тем, что можно замаскировать его под любое другое. Я, например, маскирую под зелье от кашля.

Я резко остановилась.

– Погоди. А зачем тебе зелье для предохранения? Ты ведь ни с кем не встречаешься.

Брина, поняв, что попалась, в сердцах хлопнула ладонью по перилам.

– Хорошо. Возможно, я кое с кем встречаюсь.

– С кем?

– Расскажу, когда буду готова.

– Брина!

– Что? Он живет в городе, не из нашей школы и… старше. Бастиан его не одобрит, ибо за душой ни фамилии, ни денег, ни силы. Но я просто не могу ему сопротивляться. Это как… меня тянет к нему, как магнитом.

– И ты не расскажешь мне, кто это?

– Расскажу. – Брина хихикнула. – На Празднике Земли. В этом году магистр Крост обещал устроить небольшую вечеринку, на которую можно будет позвать кого-то со стороны.

– Так не честно. – Я надулась. – Это жестокий секрет.

– Делл, ты – девушка брата. А он не стал волшебным образом братом мечты, заполучив свою темную принцессу. И все еще может одним махом разрушить мои отношения. Не злись! Ну, не злись! Я расскажу… обещаю!

– Я не злюсь. Просто у нас у всех так много секретов. Мне хочется хоть с кем-то быть полностью откровенной.

Пока получается только с Бастианом. Но он застрял у Кеймана, с утра прибыли Арен Уотерторн и еще несколько человек, мне не знакомых. Теперь в Штормхолде начнется настоящее противостояние.

Мы гуляли до самого обеда. Прошлись по саду, утопая в сугробах по колено, не одолев даже половины пути до часовни. Посмотрели, как заливают каток, и решили непременно сходить

на него вечером, благо тренер уже приготовил для всех желающих коньки. Попили кофе в комнате Брины, рассортировали вещи, присланные Кейманом. Вдвоем делать это было не так тяжело.

– Отправишь все лишнее в наш дом в городе. Там полно места и никому ничего не будет мешать. Комнаты и так крошечные, чтобы занимать их лишними вещами. Боги, сколько у тебя платьев!

Я с ностальгией перебрала наряды, что купил Кейман, едва мы попали во Флеймгорд. Померила платье с первого Бала Огня, спасенное зельем от пятна. Платье с выступления в конце года, платье с зимнего приема у Кеймана.

– Что наденешь в этом году? Я бы взяла это!

Брина потянулась к платью с Огненного Бала.

– Нужны же фиолетово-синие оттенки.

– Перекрасим!

– Рианнон сойдет с ума.

– Зато это платье с историей. Аннабет рассказывала, как вы спалили подсобку. Что вы там делали?

– Скандалили, – буркнула я.

– А покраснела-то как, покраснела! – захихикала Брина.

– Я его поцеловала. Точнее, сначала все загорелось и нас чуть не испепелило на месте. А потом я его поцеловала на глазах у половины факультета огня и сбежала.

– Когда закончишь школу, напишешь книгу. От ненависти до любви…

– Брина, – не выдержала я, – мы с твоим братом просто встречаемся. Не женимся, не умираем в один день, не клянемся на крови в вечной верности. Завтра его увлечет очередная Лорелей – и книгу будет писать не о чем.

– Не говори глупостей, – отмахнулась подруга. – Лучше идем обедать. Что-то я проголодалась.

На самом деле отсутствие Бастиана уже напрягало. Что можно обсуждать в кабинете Кеймана с самого утра? Хотя что – понятно. Почему меня не пустили на собрание?! Даже Уотерторн признавал, что я – не последняя фигура в партии с Акорионом. А Кейман даже слушать не захотел, чтобы я присутствовала. Это было несправедливо.

– Бастиан! – воскликнула Брина.

Я едва не подскочила на месте, но все же сдержалась. Хоть вся школа и разъехалась на каникулы, в столовую все равно ходило добрых три десятка адептов. Не хватало еще прыгать, как любвеобильной маленькой собачке при появлении хозяина.

Бастиан уже успел переодеться. Сейчас, когда все закинули

форму в шкафы до нового семестра, было так странно смотреть на Брину в темно-вишневом длинном платье или Бастиана в светлой рубашке. Ему шло.

– Как встреча? – спросила я, едва он подошел к столику и сел на свободное место.

– Самое бессмысленное занятие в жизни. Ни до чего не договорились, а еще я обозвал твоего опекуна идиотом. Так что вряд ли он разрешит звать его папочкой.

Брина права: лягушка, поцелованная мной, в принца не превратилась. То ли поцелуй не волшебный, то ли изначально лягушка вообще была… козлом.

Хотя желание обзываться пропало, едва Бастиан рукой накрыл мою, переплетая пальцы. Я бы много отдала, чтобы сидеть так бесконечно. До тех пор, пока столовая не опустеет и звездный свет не проникнет через большие окна, даря предметам причудливые тени.

– Ты теперь будешь сидеть с нами? – спросила Брина.

– Все уехали. Почему бы не посидеть здесь?

– А я думала, ради любви можно и столик сменить.

– Ты сначала до конца каникул со мной выдержи, а потом за столики бастуй, – фыркнул Бастиан. – Так, дамы. Я предлагаю ужинать в городе. Столовская еда изрядно задолбала.

– Ха-ха-ха. Мама не подписала разрешение на выход в город.

У него сделалось такое лицо, что я фыркнула в стакан с компотом. Ни дать ни взять у мальчика отобрали игрушку.

– В смысле не подписала?

– В прямом. Сказала, что для нашего блага лучше оставаться в школе.

– Вашу ж мать, я владею стихией, а меня не пускают погулять, потому что мама запрещает?! Я с ней поговорю. Они не могут не выпустить меня на заседание Совета. Там и загляну домой.

– Мне тоже не подписали разрешение, – сказала я.

– Тогда развлекаемся в школе. Мы с Делл идем кататься на коньках.

– Что-нибудь известно о пострадавших? – тихо спросила я.

– Троих погибших нашли сразу. Еще двое умерли в лекарском доме. Среди стражи потери не разглашаются. Король ушел в глухую оборону и отказывается придавать гласности произошедшее. На храмовой площади собрался народ и требует ответа. Так что мы просто ждем, когда его величество взвоет и попросит о помощи. Меня это, надо сказать, очень порадует.

Когда на столе появился кофе, Бастиан привычным жестом потянулся к вазочке с фруктами, чтобы бросить в него пару долек

апельсина. То же самое он проделал и с моей чашкой.

– Боги, какие вы до невозможности милые! – Брина сделала вид, что утирает слезы.

За что и получила под столом.

– Завтра идем тренироваться. Скоро магические бои. Надо брать реванш за профуканный флаг. Хотя тебе нет смысла волноваться, ты уложишь на лопатки почти любого. А вот Сайзерон и Берген мне не нравятся. В этот раз будем выбирать противника перед самым испытанием путем жребия. Для разнообразия – так сказала методистка. Поэтому придется тренировать всех. А еще…

– Брина, – услышали мы голос Аннабет, – твоя газета.

Я тут же выпрямилась и сбросила руку Бастиана со своей. Впрочем, вряд ли этот жест остался незамеченным.

Я обернулась, чтобы сказать привет, но наткнулась на абсолютное равнодушие и тотальный игнор. Нахмурилась и все же пробормотала что-то типа «здравствуй». Почему она даже не здоровается?

– Молчи, пожалуйста! – шепотом взмолилась я, когда поняла, что Бастиан вот-вот что-нибудь ляпнет.

– Я просто собирался сказать «привет». Что с тобой?

Аннабет дождалась оплаты – и ушла, точно так же бесшумно, как и раньше. Вот и кончилась дружба. Точнее, кончилась-то она давно, но сейчас окончательно сдохла надежда, что однажды Аннабет отойдет, и мы снова сможем сесть за завтраком вместе. Теперь на это нет ни малейшего шанса: я выбрала Бастиана и окончательно лишилась Кеймана и Аннабет.

– Ого… – Брина перелистнула газету и присвистнула. – Да вы, ребята, герои выпуска.

– Что? – Сердце пропустило удар. – Что они написали?

– Может, ну его?

– Читай! – потребовала я.

– Хорошо. Королю – королевскую игрушку. Еще совсем недавно Штормхолд с замиранием сердца следил за судьбой короля огня Бастиана ди Файра, а сейчас у поклонниц наследника великого Дома новое горе, ведь его сердце отныне не свободно. Новая избранница – модель модного дома Рианнон Найтингрин – хороша собой и сильна, а еще обладает важным качеством: она всегда под рукой. Ведь уже на протяжении двух лет Бастиан и Деллин Шторм вместе учатся в Высшей Школе Темных.

О леди Шторм мало что известно. Сирота, иномирянка, обладательница редкого темного дара. Ее портретами увешана вся столица, и уж поверьте редакции: там есть на что посмотреть.

Что же привлекло ди Файра в девушке из низов? Неужели раскрепощенность, позволяющая ей представлять то безумную богиню, то девушку легкого поведения в откровенных пеньюарах?

Ответ на этот вопрос получить не так-то просто, ведь все происходящее за стенами Школы Темных тщательно охраняется, а законники ди Файров испепелят любого, кто посмеет вторгнуться в личную жизнь их господина. Однако людскую молву сложно сдержать: говорят, в школе о Шторм и ди Файре ходят самые разные слухи. Кто-то утверждает, будто наши юные влюбленные ни на минуту не способны расстаться, а кто-то видит в этом союзе всего лишь обоюдную выгоду.

Чем обернется Деллин Шторм: порядковым номером в бесконечной веренице любовниц короля огня, расчетливой стервой, выгодно монетизирующей молодость и красоту, или истинной парой одного из самых богатых магов мира – покажет время. А мы с удовольствием расскажем вам.

– У меня ощущение, будто кто-то вылил ведро дерьма, – сквозь зубы процедила я.

– Да. – Бастиан криво усмехнулся. – Еще один минус нашей семьи.

– Я не дочитала, – мрачно сообщила Брина. – Материал подготовили штатный репортер Дриадна Монлер, внештатный репортер Аннабет Фейн.

Кружка выскользнула из пальцев, но к этому времени уже опустела.

– Что, сейчас мне тоже молчать? – Бастиан повернулся ко мне.

Вопрос был риторический, ибо, не дожидаясь ответа, он поднялся и рванул вдогонку за Аннабет. Переглянувшись, мы с Бриной вскочили следом.

Нагнали их в холле, на мостике надо льдом, где Аннабет как раз отдавала какому-то первокурснику его экземпляр газеты. От меня не укрылся его заинтересованный настороженный взгляд, и сразу стало ясно: весть о статье уже разнеслась по школе. Хорошо хоть, каникулы! Может, до начала семестра шумиха утихнет?

– Ты ничего не перепутала, сестренка? – Бастиан схватил Аннабет за локоть и практически силком оттащил в сторону.

Она всегда застывала перед ним как кролик перед удавом, но сейчас мне почему-то стало стыдно. Как будто я предала ее, влюбившись в того, кто одновременно и пугал, и восхищал Аннабет.

– Ты не забыла, о ком распускаешь сплетни?

– Бастиан… – Я вклинилась между ними. – Погоди. Аннабет, зачем ты это написала?

Если Бастиана бывшая подруга боялась, то меня – увы. Поняв, что никто не даст королю огня испепелить ее на месте, Аннабет гордо подняла голову и холодно улыбнулась.

– Прости. Задания дает редактор. Я не могла отказаться, это моя работа.

– Ты могла не называть меня в статье шлюхой.

– А я и не называла. Каждый видит то, что хочет.

– О, я очень хочу видеть тебя побирающейся на помойке, – сквозь зубы процедил ди Файр. – И скоро это устрою.

– Шторм! Ди Файр! Фейн!

К нам по лестнице спускался мрачный, как тысячи рогатых летучих мышек, Кейман. На меня он и не взглянул, но я даже начала к этому привыкать. Только Бастиан сорвался на ревнивый, но милый жест: взял меня за руку.

– Что у вас здесь происходит? Что за сборище?

– Обсуждаем новости, магистр, – лучезарно и обаятельно улыбнулась Брина.

– Я так и подумал. А давайте-ка вы обсудите новости где-нибудь… не там, где сейчас начнут устанавливать свет для катка. И, Фейн… – Он смерил Аннабет долгим взглядом, от которого стало не по себе даже мне. – Зайдите ко мне в кабинет. Немедленно. Тоже новости обсудим.

– Ох и попадет ей сейчас, – протянула Брина, наблюдая за удаляющимися понурой Аннабет и раздраженным директором.

– За что?

– За сплетни. Это одно из основных негласных правил школы. Здесь кто только не учится: дочки министров, советников, мэров, влиятельных магических домов. Если каждый начнет болтать с репортерами о происходящем в школе, то родители повесят всю администрацию, – сказал Бастиан. – Фейн не должна была писать статью под своим именем.

– Зачем она так со мной? Я не самая лучшая подруга, но неужели я так сильно ее обидела?

– Ревность – противная штука. – Брина пожала плечами. – В глазах Аннабет ты заполучила парня, о котором она мечтает второй год. А она все так же ищет способы жить получше… Расслабься. Ты не можешь из уважения к ее чувствам раздать деньги бедным, завалить сессию и уйти в монастырь. К тому же Аннабет дружит с Лорелей, а та едва не лопается от злости, что Бастиан ее бросил.

– Вот уж не знал, что моя сестра такая сплетница, – усмехнулся он. – А с Лорелей я еще побеседую.

– А ты можешь просто забыть и забить? – спросила я. – Как будто публикаций нет, мы никого не интересуем. Просто не

обращать внимание на дурацкие сплетни.

– Они превратят твою жизнь в ад, если сразу не поставить на место. Будут ловить каждый жест, каждое слово. Осуждать за неудачное платье или приписывать то, что ты не говорила. Выдумывать мои романы, твои романы, конфликты, измены, провоцировать на горячую сплетню.

– В ад мою жизнь превращают не они, а… ты знаешь, кто. Я не хочу тратить время на разборки с репортерами.

А еще через полгода Бастиан уйдет из школы, и мне останется только Брина. Если к тому времени и она не уйдет, испугавшись бед, которые меня постоянно окружают.

* * *

Зимняя школа – это великолепно, правда. Я даже не жалею, что Кейман не взял меня на каникулы. Ну, разве что чуть-чуть, но эта жалость совсем не связана с развлечениями или столицей. Просто я чувствую себя адски виноватой. И уставшей. И немного пьяной.

– Ладно, – фыркнул Бастиан, ставя меня на ноги у дверей комнаты. – Я признаю, каток был ошибкой. Сильно больно?

– Нет. Не сильно.

– Не знал, что ты умеешь так материться.

– Эй! – Я несильно пихнула его в плечо. – Я упала прямо на разбитые коленки. Не сдержалась. Интересно, Аннабет напишет завтра, что новая девушка огненного короля ругается как портовый грузчик и катается на коньках как корова на льду?

– После разговора с директором она максимум напишет: «Редакция приносит извинения леди Деллин Шторм и считает ее наипрекраснейшей из идеальнейших, а наш репортер уже спер плакат Найтингрин с площади и повесил над постелью, чтобы всегда об этом помнить».

– Иногда мне хочется тебя стукнуть.

– А мне тебя поцеловать.

– Долго мучаешься?

– С тех пор, как ты грохнулась и обогатила мой словарный запас. Боюсь.

– Да ну тебя! – Я даже обидеться толком не могла.

Мое первое свидание закончилось крахом в прямом смысле этого слова. Почему цивилизация Штормхолда изобрела крылья, но не смогла изобрести нормальные коньки? В моем мире придумали зубчики! А не изящные закругленные вензельки на носках лезвий, на полке выглядевшие эффектно, а на льду –

опасно.

Правда, после катания мы получили разрешение от магистра Ленарда похозяйничать на кухне, и я сварила офигенный глинтвейн. Он скрасил впечатления от падения. И Кейман куда-то уехал, так что развлекаться было проще.

Но теперь я пьяная, глупенькая и даже немножко счастливая. И целуюсь, частью себя все еще не веря, что делаю это с Бастианом. И что мне совсем не хочется расставаться. Я бы вечно стояла у двери, отвечала на поцелуи: от невесомых, едва ощутимых до глубоких и долгих. Как кошка тянулась к прикосновениям и задыхалась от обычного касания пальцами шеи, ключицы. Только сердце вряд ли выдержит так долго, слишком сильно бьется. А когда ладонь Бастиана скользнула под свитер, прошлась по животу и поднялась к груди, я подумала, что сама себя дернула током.

Неожиданная волна болезненного желания, как ни странно, отрезвила. Я осторожно отодвинулась, не сразу справившись с притяжением, которое почти физически не давало оторваться от его губ.

– Понял. – Бастиан поднял руки, сдаваясь, хотя потом нахмурился. – Хотя нет. Не понял.

– Прости. Я… не могу так быстро. У меня эмоциональная перегрузка. Прошли всего сутки, я…

Я превращаюсь в девочку-подростка. Внешне – девятнадцатилетняя кобыла с непомерной силой и ответственностью, а внутри неадекватная шестнадцатилетняя истеричка, которая орет: «А если я ему не дам, он меня бросит!»

Правда, истеричку внутри все же удалось заткнуть. И снова окунуться в мир нежных прикосновений, поглаживаний, горячей близости. Оказывается, этого очень не хватало. Как же давно меня не обнимали!

– Ну что ты опять загрустила?

– Ничего. Подумала, что скоро ты получишь диплом и будешь вспоминать школу как страшный сон.

– Так и слышу, как ты добавляешь «и меня», – усмехнулся Бастиан.

Я покраснела и отвернулась.

– Эй, я же не переезжаю в другой мир. В получасе ходьбы отсюда есть мой дом, помнишь? Я смогу приезжать на выходные. А на каникулы приезжать будешь ты.

– Мне нужно будет подыскать работу. Не у Рианнон… не публичную работу.

– Боги, ты хочешь лишить меня крох общения с тобой, пропадая на работе? Зачем она тебе?

– Бастиан, я не могу жить за твой счет. Иначе все эти газеты будут правы.

– Поня-я-ятно, – протянул он. – У нас все будет сложно, да?

Я хихикнула.

– Просто не бывает.

– Точно. Не с тобой.

– Что?! А кто наехал на меня в книжном магазине?

– А ты облила меня апельсиновым соком.

– И ты угрожал подать в суд!

– Я блефовал.

– Очень убедительно.

Он улыбнулся, и я в очередной раз, только уже не пытаясь ругать себя за подобные мысли, решила, что мне определенно нравится его улыбка. Жаль, что Бастиан редко улыбается. У него должны быть на это причины, но, кажется, он вряд ли сейчас о них расскажет.

– Ладно, Шторм. Раз ты не хочешь, чтобы я подул тебе на коленочки, иди спать. Завтра посмотришь за тренировкой с трибун, пока все не заживет.

– Да, ваше величество. Еще указания будут?

– Мм-м, – Бастиан сделал вид, что сильно задумался, – да, пожалуй.

Склонился к моему уху, опалив нежную кожу дыханием, и максимально бархатистым голосом произнес:

– Перед сном подумай обо мне и представь, от чего отказываешься.

Тут я уже не выдержала и совершенно позорно сбежала. Пожалуй, он бы мог меня остановить, но не стал этого делать, и на этом спасибо. Задыхаясь, спиной прижалась к двери и закрыла глаза. Еще чуть-чуть – и я грохнусь в обморок. Как будто в эмоциях снова кто-то покопался, вытащил все, что связано с возбуждением, нажал на кнопочку «Скопировать десять раз», и теперь я едва дышу.

Жизнь за одни сутки повернулась на сто восемьдесят градусов, и от поворота кружится голова.

И ноют коленки. Но это из-за полировки ими льда в холле.

Переодеваясь в пижаму, я снова загрустила. О работе на Рианнон можно забыть, и теперь мне было стыдно, что я ее не ценила. Делала вид, что мне совсем не нравится быть моделью, нервничала из-за каждой идеи Рианнон, спорила с Марьоном на Силбрисе. Теперь или придется подавать кофе в какой-нибудь таверне Флеймгорда, или жить за счет парня, с которым еще пару месяцев назад мы были готовы драться до первой (или последней) крови.

Но дело даже не в работе разносчицей. А в том, что по Рианнон, Марьону и Марьяне я буду безумно скучать. Будь проклят Акорион, методично и с улыбкой разрушающий мою жизнь! Как только я что-то строю, он тут же играючи это сносит!

Только бы с Бастианом все было в порядке. Неужели я снова совершаю смертельно опасную ошибку просто потому, что мне чего-то до ужаса хочется? Только отказаться от ди Файра сейчас это все равно что вырвать сердце наживую.

С этой мыслью я засыпала, и она же привела меня в замок Акориона. Снова.

– Зима.

Акорион не удивляется моему появлению в гостиной. Он сидит за воздушной арфой. Рядом опустошенный наполовину бокал вина.

– Люблю зиму. Она снегом скрывает все дерьмо окружающего мира. Ненадолго, правда.

– Жаль, что она не скрыла тебя.

– Зачем ты пришла, Деллин? Я не хочу видеть тебя.

– Это не от меня зависит. Будь моя воля, мы встретились бы в следующий раз на твоих похоронах. Я обязательно приду плюнуть на могилу.

Акорион усмехается. Чарующая мелодия разносится по гостиной. Я не могу чувствовать ни жара, ни холода, но почему-то мне зябко. Подхожу к окну, чтобы взглянуть на жутковатую апокалиптичную картину черных искореженных деревьев на фоне белоснежного пейзажа.

– Я действительно хотел остаться с тобой. Ты нравилась мне, Деллин. Ты была… яркой, невинной, утонченной и нежной. Я думал, может, мне стоит попробовать? Дать тебе шанс? То, как ты поступила…

Я прикусываю язык, чтобы ненароком не начинать объяснять, что я там совершенно ни при чем. Ну не начинать же оправдываться перед Акорионом, в самом-то деле? Хотя от его голоса становится жутко. Отныне я – его враг.

– Я верну свою сестру. Без сожалений о том, что тебе, Деллин Шторм, не найдется в этом мире места. Как только я найду способ, сразу же верну мою Таару.

Он поднимается, несколькими большими глотками допивает вино и подходит к окну, остановившись совсем рядом со мной.

– Она вернется, и все будет как прежде. Мы восстановим силы, получим безраздельную власть над миром. Насладимся агонией Кроста, а еще… отметим нашу свадьбу хорошей охотой. Возьмем твоего любовничка, его сестренку, эту Ясперу. Дадим им фору, возьмем оружие и будем охотиться.

– А может, лучше кусок торта продадите? Если дать им выбор, они на него скинутся.

Он хрипло смеется, хотя глаза остаются серьезными. Я чувствую какое-то странное обреченное спокойствие. Будто с души свалился камень, тянувший меня на дно.

– Мне жаль, что все так получилось, но ты сама в этом виновата. Ты первая объявила войну.

– Да, Акорион, – улыбаюсь я. – Ты совершенно прав. Это – война.

Глава 15

– А почему твоя комната больше, чем у остальных?

Я чувствовала себя ребенком, который отвлекает родителей от важных дел. Сидела на постели Бастиана, пока он, обложившись какими-то документами, работал прямо на полу. Вообще он выделил мне стол, но через час спина так устала, что мы с учебником переехали на кровать.

Плохая была идея заниматься вечерами вместе. Нам до жути много задали на каникулы, у Бастиана была работа, но при всем этом я хваталась за каждую возможность отвлечься, ибо дислексия никуда не делась и вчитываться в прыгающие буквы дольше получаса не представлялось возможным.

– Потому что я за нее заплатил.

– Заплатить готовы многие. А дали тебе.

– Когда умер отец, встал вопрос: или я буду работать в школе, и тогда мне нужна комната побольше, или придется переходить на дневное обучение и после пар сматываться в город. Крост категорически отверг второй вариант и организовал мне комнату.

– Щедро.

– Угу.

– Я тебя отвлекаю. Прости.

– Я способен заниматься десятью делами одновременно, а уж тобой и подавно. Только ты мне скажи, ты вообще не собираешься учиться?

Я рассмеялась. Нашелся воспитатель! Я ему вторая Брина, что ли?

– Я всегда так учусь. Из-за дислексии трудно держать внимание, очень болят глаза. Поэтому я полчаса читаю и полчаса лежу кверху пузом и рассматриваю потолок. Ну а сегодня задалбываю тебя. Наверное, нам не стоит больше заниматься вместе.

Бастиан со вздохом отложил листы и расчистил внушительный кусок пола.

– Иди-ка сюда, – как-то нехорошо улыбаясь, произнес этот гад.

Я покраснела и в десятый раз пожалела, что надела пижаму. Нет, конечно, не самую откровенную из всех имеющихся, с длинными атласными штанами и рубашкой, но все же пижама казалась слишком личным нарядом, и в ней я чувствовала себя уязвимой. Учитывая довольно непрозрачные желания Бастиана и мои тормоза на этот счет, лучше бы я нарядилась в костюм лошади из гримерки театра, который видела, когда переодевалась

на показе.

Но упрямиться было бы странно, и я неуклюже слезла с кровати: тело затекло от долгого сидения в одной позе.

Бастиан снова рассмеялся.

– С учебником иди.

Вот чего я точно не ожидала, так это что буду сидеть на полу в обнимку с Бастианом и слушать, как он читает мне вслух параграф в учебнике. Хотя однажды он уже читал для меня, еще когда был призраком. Но тогда между нами было скорее раздражение. И расстояние: тогда драконье сердце не билось так близко.

– Ты меня вообще слушаешь?

– Слушаю, – вздохнула я.

– Тогда почему мне кажется, что засыпаешь?

– Задумалась.

– Я так понимаю, не о темной магии. Ну, давай поговорим. Не хочешь с ним объясниться?

– Хочу. Но боюсь.

– Чего?

– Не знаю. Это иррациональный страх.

– Все самое худшее уже случилось. Он тебя выгнал, игнорирует. Что еще Крост может сделать?

– Просто я по нему скучаю. По воспитательным речам. По шуточкам. С ним было спокойно. То есть… с тобой тоже, но… ты всегда вызывал противоречивые чувства, но совсем не детские. А Кейман порой казался отцом. Знаешь, из тех, кто, как бы ребенок ни косячил, отчитает, а потом пожалеет.

– Нет, Делл. – Бастиан покачал головой. – Не знаю. У меня был другой отец.

– Ты его не любил?

– Нет. И он меня. Но мы были вынуждены жить рядом, потому что оба знали, что рано или поздно я займу его место.

– Это грустно. Детям нужны родители.

И Тааре были нужны, и, возможно, даже Акориону. Но у них был только Крост, который с собой-то не разобрался, не то что с двумя весьма нестабильными близнецами.

– Или деньги. Деньги не заменяют родителей, но отлично компенсируют.

– Можно я кое-что спрошу?

– Ты весь вечер этим занимаешься. – Он пожал плечами. – Спрашивай. Но параграф я тебе все равно дочитаю.

Посмотрите, какой заботливый нашелся! Удивительно, как отличается публичный образ Бастиана от домашнего. Если бы он явил его раньше, я бы втрескалась быстрее. Хотя он и являл

порой… просто забывая выключать скотину по умолчанию.

– Почему ты так ненавидишь темных? Я же вижу. Яспера, Кейман… я.

– Я тебя ненавижу?! – Бастиан жестом, ставшим уже привычным, убрал мои волосы с затылка и принялся покрывать мелкими горячими поцелуями шею. – Как интересно я тебя ненавижу. Думаю, Акорион впадет в некоторую панику, если я начну так же его ненавидеть.

Я захихикала, хотя кожа покрылась мурашками и стала безумно чувствительной.

– Бастиан! Ты обещал ответить!

– Мм-м… нет. Я только разрешил спросить. Про ответы ничего не было.

– Это секрет?

С укоризненным вздохом он остановился. И мне стало как-то до ужаса обидно.

– Нет. Это не секрет. Это из-за отца, из-за настоящего отца. Он бросил нас с мамой. А ди Файр женился на ней, когда мне было два. И в брачном контракте было прописано, что, несмотря на фамилию рода огня и формальную принадлежность к Дому, я не наследую империю, наследство будет передано родному сыну ди Файра.

– Но… у тебя же сестры.

– Именно так, – Бастиан усмехнулся, – когда стало ясно, что сыновей у отчима не будет, соглашение быстренько переделали. И я стал наследником.

– Все что угодно, лишь бы не сажать в свое кресло женщину.

– Угу. Отношения с отцом всегда были деловые. Он – мне, я – ему. Внешне мы сильная магическая семья. А настоящий давно умер.

– Он был темным? Ты злишься за то, что он вас бросил?

– Он был королем, Делл. Прошлым королем Штормхолда, которого убили люди Сайлера.

Открыв рот, я сидела, не обращая внимания даже на подбирающиеся к пуговичкам рубашки руки Бастиана. Король! На первой паре у магистра Симона я изучала краткую историю Штормхолда. И читала про переворот. Значит, Бастиан был внебрачным ребенком короля… Тогда даже понятно, почему он так не любит Сайлера и заодно Кеймана.

– Все? Ты удовлетворила любопытство и я могу дальше читать?

– Читай. – Я устроилась в его руках поудобнее, прижав замерзший нос к теплой вкусно пахнущей шее.

– Предел резерва темной магии можно рассчитать при

помощи сложносоставной формулы, включающей в себя около двух десятков параметров, знать которые нужно с точностью до тысячной. Поэтому, как правило, резерв рассчитывается каждым магом лишь однажды, что создает немало опасностей. Так, резерв может уменьшаться под воздействием множества факторов и увеличиваться вследствие сложных магических воздействий.

– Скажи еще раз.

– Сложных магических воздействий?

– У тебя такой голос…

– Хочешь, скажу им кое-что неприятное?

– А приятное можешь?

– Приятное я могу руками. Голосом хотел тебе сказать, что к Кросту сходить все же придется.

– Зачем?

– Попроси разрешение на выход в город. Я могу и сам, но меня он скинет с лестницы с куда большей вероятностью. А тебе, пожалуй, не откажет.

– Это вряд ли.

– Он красноречиво дал понять, что не хочет тебя видеть. Так почему бы не отпустить девчонку на все четыре стороны? Попроси. Мне хочется провести твой день рождения не в стенах этой тюряги.

– Мой день рождения, – я против воли заулыбалась, – а что особенного в городе?

– Много будешь знать – скучно будет праздновать.

– Хорошо. Я схожу и попрошу разрешение.

– Вот видишь, как все просто. Хочешь прочесть еще один параграф?

Я бы, если честно, сидела так всю ночь и слушала. Пофиг что: деловые письма, параграф из учебника, очередную статью со сплетнями. Просто слушала, грелась и ни о чем не думала. Хотя вру… думала о том, что если Бастиан еще раз меня поцелует, то твердая решимость не торопиться с признаниями в любви и необдуманными шагами резко покинет вместе с остатками здравого смысла.

И он это, конечно, чувствовал.

Затылок, шея – поцелуи от мурашек до мелкой дрожи. Руки скользнули к пуговичкам рубашки, расстегнули парочку и принялись выводить на животе узоры, медленно, но верно подбираясь выше, к груди. От прикосновения я выгнулась, и только крепко сжимавшие руки не позволили высвободиться, когда можно было бы спокойно дышать, не чувствуя болезненной, но приятной тяжести внизу живота.

Мне кажется, как будто я совсем не темная, а… не знаю,

ледяная, таю, как кусочек льда в обжигающе горячих ладонях. Если бы мне хоть на минуту дали возможность прийти в себя, я бы непременно испугалась происходящего: откровенные чувственные ласки совсем не вязались с романтичными и почти пуританскими фантазиями об отношения, выстроенных на фильмах и прослушанных книгах. Но шансов на проблески рассудка не было.

Были только накатывающие одна за одной волны удовольствия, не успевавшие сменять друг друга. И запах. Кофе с апельсином как символ безопасности и бесконечной щемящей нежности, которой так не хватало.

У меня вырвался тихий стон, не то отчаянный, не то обессиленный. Я потерялась в ощущениях, не понимая, где руки Бастиана, как он простыми движениями умудряется довести меня до изнеможения и при этом еще успевает целовать.

Потом раздался стук в дверь, и в ди Файре промелькнули вполне себе человеческие эмоции: он разочарованно застонал сквозь зубы. Я закусила губу, потому что тело пронзила острая и яркая вспышка удовольствия. Совсем, черт подери, не вовремя! Я впервые испытывала такие ощущения, и они слегка напугали.

Нельзя иметь такую физическую зависимость от прикосновений чужого человека.

– Вот и молодец, – мурлыкнул Бастиан мне на ухо, – я готов читать тебе параграфы каждый вечер.

Настойчивый стук повторился.

– Бастиан, – мы услышали голос Брины, – я знаю, что ты там. Если ты с Делл, то я дам вам десять минут.

– Десять минут?! Ну вот! Меня не уважает даже собственная сестра. Десять минут! Шторм, ты это слышала?

Я вообще с трудом соображала, потому что наслаждение схлынуло, а руки кое-кто не убрал и все еще исследовал те изгибы тела, которые народу обычно не показывали.

– Бастиан, я серьезно! Ты успеешь жениться на Делл, а я не пойду замуж за Арена Уотерторна!

Вот тут-то ди Файр и выпустил меня на свободу. На холодную неприветливую и совсем не приятную свободу.

– Чего?!

– Мм-м… вам, кажется, надо поговорить, – пробормотала я.

– Я правильно понимаю, что Брина обломала мне вечер с девушкой, потому что мама нашла ей нового жениха?

– Ты же не отдашь Брину за Арена?

– Боги, Деллин, конечно, нет, он же полная мразь.

– Вот и славно. – Я чмокнула его в нос, что показалось странным после недавних… мм-м… действий. – Тогда я пошла

спать, а ты убеди в этом ее.

– Спокойной ночи.

Брина, когда я открыла дверь, смерила меня заинтересованным взглядом, явно оценила наспех застегнутую рубашку, румянец на щеках и колтун на голове. Но ничего не сказала. Наверное, свои проблемы показались в кои-то веки важнее моих отношений с ее братом.

Мне было до ужаса интересно, о чем они будут говорить, но, конечно, я не стала подслушивать. Отправилась к себе, а по дороге вспомнила, что забыла у Бастиана учебник. Хотя сейчас он все равно не пригодился бы. Я могла только упасть на кровать, спрятаться под одеялом и наедине с самой собой переживать новые грани любви к Бастиану ди Файру. Острые грани. Даже слишком.

Вот только когда Бастиан сказал, что все самое худшее уже случилось, он был ой как неправ.

* * *

Все хорошее имеет противное свойство заканчиваться. И каникулы подошли к логическому завершению так же неожиданно, как и я – к мысли, что Кейман бесповоротно вычеркнул меня из жизни. Необходимость разговора висела дамокловым мечом, и я все не решалась первой сделать шаг ему навстречу. А день рождения неумолимо приближался, вместе с первой парой в новом семестре.

Я твердо решила задержаться после пары и вытащить Кроста на разговор. Так твердо, что, когда шла на занятия, коленки предательски тряслись и руки леденели. Корви развлекался тем, кто кидался мелом во всех, кто проходил мимо кабинета, но даже попавший на чистое и выглаженное школьное платье кусок белой пачкающей фигни не вытащил меня из задумчивости.

Поэтому, когда в аудиторию зашла Яспера, я даже не сразу поняла, что происходит.

– А где магистр Крост? – загомонили парни.

Никому не хотелось писать конспект и отчитываться за почерк, у Кеймана всегда были интересные занятия.

– Магистр Крост занят, я его заменяю. У вас какие-то претензии по этому поводу?

– Нет, магистр.

– Вот и чудесно. Итак, я даю вам десять минут…

– На конспект, – хохотнул Корви.

– Нет. На то, чтобы справиться с таким сложным занятием,

как переписывание учебника, вам обычно требуется куда больше десяти минут. Некоторым – весь семестр.

Она холодно скользнула по мне взглядом.

– Сегодня практическое занятие, и я даю вам десять минут, чтобы взять верхнюю одежду и выйти на площадку перед воротами, где останавливаются экипажи. Кто опоздает – неуд в журнал и на отработку. Время пошло.

Нас дружно сдуло ветром. Практика у Ясперы? Что-то мне это не нравилось. У нее и теоретические занятия проходили с огоньком. И Кейман не пришел на пару… был занят или не хотел видеться со мной? Да нет, это какой-то бред! Неужели из-за одной студентки он забьет на единственную группу темных магов?

Я вышла за три минуты до окончания выделенного времени. Яспера и остальные уже стояли внизу. Парням-то не надо было переодеваться из платья в спортивную форму, им и в брюках было неплохо.

– Адептка Шторм, – мрачно вздохнула Яспера, – успели.

В воздухе повисло невысказанное «к сожалению».

А еще перед школой стояли небольшие незапряженные кареты, ровно одиннадцать штук. Глядя на них, я начала догадываться, что за практика нас ждет.

– Итак, сегодня вы будете облекать свою магию в форму, пригодную для упряжки. Так или иначе вам придется столкнуться с экипажами. Не всегда есть возможность нанять экипаж целиком, а поэтому нужно уметь перемещаться при помощи магии. Отдельный курс по магическому движению и его правилам вас ждет в следующем году, но к нему вы должны подойти во всеоружии. Поэтому будете практиковаться. Я показываю один раз, а затем вы сами должны создать магическую проекцию для полетов.

Яспера ловко сняла с браслета крупицу, взмахнула рукой в сторону ближайшей кареты – и черный туман неспешно принял облик черной кошки, запряженной в экипаж.

– Обычно нужны две или три проекции, но вам для начала хватит одной. Не привязывайтесь к образу. Летать может и корова, форма – это лишь внешнее проявление магии. Как правило, маг использует какую-то одну: она отнимает меньше сил и времени. Но нужный образ приходит не сразу. Сосредоточьтесь на том, что хотите увидеть. Представьте, как проекция поднимает экипаж в воздух. Как магическая энергия несет ее через облака. Напитайте ее вашим желанием взлететь, затем дайте форму – и вот ваша проекция для полетов готова. Здесь нет ничего сложного. Ни зелий. Ни заклятий. Ни артефактов. Просто

использование вашей же магии. Вы к этому уже готовы.

Подумав, она добавила:

– Хочется в это верить. Итак, разобрали по экипажу и практикуемся. В конце пары у каждого что-то должно получиться. Иначе…

– Неуд, – мрачно закончили мы почти хором.

– Поразительное взаимопонимание.

Яспера тут же потеряла к нам интерес, села на крылечке и открыла книгу. Иссиня-черные кудри красиво развевались на ветру. И как ей не холодно? На улице зима! Я даже в шапке на меху мерзла.

Хорошо. Надо сосредоточиться на проекции. Мы же читали о них в учебниках. Каждый маг, даже слабый, мог делать такие. Бастиан создавал огненных лисиц, Кейман – темных лошадей, Брина как-то упоминала, что обычно летает со змеями и ее мать это жутко бесит. На черных кошках Ясперы я даже успела прокатиться, ну а Флеймгорд вообще напоминал зоопарк из стихийной живности.

Но все же это оказалось не таким простым делом. Я в точности (мне так казалось, во всяком случае) копировала жест Ясперы, но получались только бесплотные черные тучки. Лишь один парень из группы, Марк кажется, с третьего раза создал симпатичного темно-синего волка. И был жутко горд собой.

– Понятно, – протянула Яспера, прохаживаясь туда-сюда вдоль шеренги экипажей. – Улететь вы можете разве что в колодец, если под ноги смотреть не будете. Ладно, меняем тактику.

Она подошла к Корви и протянула ладонь.

– Дай руку.

Тот, похабно ухмыляясь, вцепился в ладонь Ванджерии так, что я ей даже посочувствовала.

– Я ведь могу и оторвать, – мрачно сообщила ему магистр.

И так посмотрела, что Корви мгновенно сник.

– А теперь закрой глаза и сосредоточься на образе проекции для полетов. Представь ее. Почувствуй, как она поднимает тебя в воздух.

Корви не видел того, что случилось дальше, а мы замерли от удивления. Яспера сама сняла с браслета парня крупицу и вложила ему в руку. Она как будто направляла магию, и вместо бесформенного облачка черный туман рисовал фигуру оленя. Он задумчиво склонил голову, когда Корви открыл глаза, и замер, готовый к взлету.

С парня даже слетела привычная маска раздолбая и хама. Сейчас Корви выглядел как обычный, слегка шокированный

собственными способностями, студент.

Все время, пока очередь шла до меня, я размышляла, почему Яспера не хочет преподавать. Могу еще понять пары со мной: ненависть к Тааре, ревность к Кейману, общая стервозность. Но ведь студенты за много выпусков до моего поступления на ее парах только и делали, что переписывали учебники.

Может, перед предстоящим уходом Яспера расслабилась и теперь работает не в обязаловку, а в удовольствие? Напоследок, так сказать. Но еще пара таких занятий, и адепты начнут упрашивать ее не уходить.

– Шторм. – Ванджерия остановилась возле меня.

Вот черт. Я была почти уверена, что она пропустит мою очередь. И хоть на красивом лице женщины читалась неприязнь, она протянула руку, и мне ничего не оставалось, как дать ей запястье с крупицами. Ну и закрыть глаза.

Представить проекцию… обратить мысли в образ… направить магию… кто бы знал, как это сложно! Едва я велела себе расслабиться, как тут же в голову полезли идиотские мысли. Я снова расстроилась, что Кейман не пришел на пару, а ведь нейтрализацию я не посещаю и, если не решусь зайти к нему сегодня, то не увижу до следующей недели в лучшем случае. Зацепилась за воспоминание о нейтрализации и вспомнила мышку, которую было жалко до слез. Потом зачем-то в голову полезли воспоминания о Земле, обо всяких эпидемиях из-за летучих мышей, переносящих бешенство.

Я вдруг задалась вопросом: а в этом мире бывают пандемии? И что за болезни здесь в ходу?

– Шторм, соберись! – рыкнула Яспера. – Ты не одна здесь.

Она легонько сжала мое запястье, и нечеловеческим усилием воли я отбросила посторонние мысли. Обратить мысли в образ… направить магию.

– Ну и что это за хрень? – услышала я Ясперу и открыла глаза.

Хрень смачно чихнула, чем вызвала смех однокурсников. А еще она подозрительно напоминала летучую мышь-переростка с рогами и мультяшным дьявольским хвостом. То, что мышь была соткана из черно-серого тумана, мрачности и серьезности ей не придавало.

– Ну-у-у…

Я беспомощно развела руками. Впервые в жизни Яспера не язвила, не оскорбляла меня и не кривилась! Подозреваю, потому, что находилась в совершенном шоке и просто молча смотрела на мышь. А та все чихала. Прекрасно, я сделала коронавирусную летучую мышь. Полетим распространять заразу, юхуху!

– Ну, если ОНО летает, то теоретически…

А сейчас в Ванджерии, кажется, проснулся интерес естествоиспытателя. Она махнула мне рукой, и ничего не оставалось, как послать в мышь очередной заряд магии с целью заставить ее взлететь.

Магию зверюга получила, лететь отказалась, зато прибавила пару размеров и стала жирной мышью. Чихнула еще раз, облизнулась и вяло помахала крылышками, поведя в мою сторону ухом. Мол, хозяйка, я пыталась.

Парни уже почти лежали.

– Понятно. – Яспера закусила губу, пытаясь удержаться от смеха. – Потрясающие способности. Вы, Шторм, надежда человечества.

– Мыша, чихни на нее, – пробормотала я.

– Развейте это чучело, пока вся школа не сбежалась смотреть на ваш позор. Это на моей памяти самая бездарная…

Она осеклась. Корви решил не дожидаться преподавательского указания и самостоятельно отправил оленя в полет. Тот взмыл вместе с каретой над площадкой и, опасно пошатываясь, куда-то полетел.

– Корви! – рявкнула Яспера.

Но было поздно. Олень, набрав скорость, радостно несся прямо в стену школы. Туда, где поблескивали в лучах дневного зимнего солнца окна преподавательских кабинетов. Корви патологически везло: из всех окон олень выбрал именно окно Кроста! И со всей дури въехал в него, устроив град из осколков. Карета была хоть и небольшой, все же не прошла через оконный проем. Врезалась в каменную стену, оставив глубокие трещины, и с оглушительным грохотом свалилась на землю.

– Нет. Вот это – самая бездарная проекция.

Из окна высунулся изрядно удивленный и не сказать чтобы сильно обрадованный Кейман. Укоризненно покачал головой и скрылся в кабинете.

Что ж, зато директор точно был на месте. Успею заскочить после обеда…

Когда после я все это рассказывала Брине, она хохотала на всю столовую.

– Боги, ты – нечто невероятное, Деллин Шторм! Чихающая мышь…

– Очень смешно. Я не справилась с заданием, которое тебе дается с десяти лет.

– С девяти, – серьезно поправила Брина и снова хихикнула. – Но все равно забавно. Да не бери в голову, Делл. Получится в другой раз. Все же многое зависит от преподавателя. Меня учил

Бастиан, я любила его. А вы с Ванджерией на ножах. Неудивительно, что твоя магия в ее присутствии ведет себя странно.

– Вот этому меня и учили. Контролировать эмоции.

Я снова погрустнела, вспомнив о дополнительных занятиях с Кростом. Теперь о них не шло и речи.

– Как твой роман? – спросила я Брину. – Когда явишь нам избранника?

– Никак. – Она равнодушно пожала плечами. – Мы расстались. Он сказал, что между нами пропасть.

– О… Брина, почему ты не сказала? Мне жаль.

– Я не люблю рассказывать, как меня бросили. Но, ты знаешь, все к лучшему. Когда между девушкой и мужчиной такая разница в достатке, силе и положении, ничего хорошего не выйдет. Ой, Деллин, я не имела в виду тебя! Вы с братиком идеальны. К тому же ты потенциально богата – стоит тебе вернуться к Найтингрин, известность обеспечена.

Я нахмурилась. Впервые за все время в словах Брины почудилась фальшь. Она как будто специально переводила разговор на меня и Бастиана, уклоняясь от острых тем. Я испытывала нечто похожее в детстве, когда приходилось врать маме. Не хотелось кормить ее откровенной лапшой, поэтому я старалась как можно скорее перевести тему.

И что скрывает Брина ди Файр? От брака с Уотерторном ее спасли, роман закончился… а закончился ли? И был ли вообще? Черт, как у нас у всех все сложно!

Пожалуй, причин откладывать поход к Кейману не осталось. Хотя бы для того, чтобы перестать надеяться на то, что взгляд опекуна хоть однажды потеплеет, стоило прояснить все раз и навсегда. Но, честное слово, как же меня трясло! Как будто я не к опекуну в кабинет собиралась, а в пасть крокодилу. Или в замок Акориона…

– Ты уверена, что в порядке? – спросила Брина, ей надоело смотреть, как я ковыряюсь в тарелке. – Расстроилась из-за Ванджерии? Или снова мучаешься сомнениями?

– Ты о чем?

– О вас с братиком. Вы переспали или нет?

Я отмахнулась.

– Нас с первого же дня завалило учебой, а его особенно – экзамены скоро. Твой брат, между прочим, хочет диплом.

– И тебя. Но диплом у него получить в обозримом будущем шансов больше.

– Брина, займись личной жизнью, тогда исчезнет желание лезть в чужую!

Лицо подруги удивленно вытянулось, и я тут же пожалела, что рявкнула. Невольно покосилась в сторону столика, где теперь сидела Аннабет. Не хватало еще лишиться единственной подруги!

– Извини. Просто мне нужно к Кейману сегодня.

– Поэтому на тебе нет лица? Боги, Делл, я, конечно, знаю, что твой опекун не одобряет вас с Бастианом, но неужели настолько?

Что я ей могла ответить? Только рассказать всю историю, но этого мне, во-первых, не хотелось, а во-вторых, было запрещено. Кейман хоть и превратился в последнее время в снежного короля, не снимал с себя обязанностей по защите и не отменял запреты на откровения. По крайней мере, не говорил мне об этом прямо. Оно и хорошо, если честно. Вероятность лишиться еще и Брины будет выше, если она узнает, какой капец творится вокруг меня.

– Ладно, я больше не съем ни кусочка. Пойду к нему сейчас. Раньше приду, раньше уйду.

– Удачи.

Мне бы пригодилась не удача, а крошечная капелька… не знаю, понимания, что ли? Впервые с того момента, как оказалась в школе, я ощутила что-то более-менее похожее на счастье. Я с удовольствием просыпалась, шла на завтрак, готовилась к новому семестру и дню рождения, не думая о том, что еще сотворит Акорион.

Опасность все еще висела над нами, но с тех пор, как темный бог возненавидел меня, будто стало легче дышать. Я не замирала в ожидании нового кошмара или очередной посылки. Знала, что удар обязательно последует, но оказалось, что смотреть в лицо грозящей беде куда полезнее для нервной системы, чем прятаться в углу и каждую минуту ждать, когда из темноты выскочит неведомая тварина.

И мне бы хотелось, чтобы эту призрачную радость разделил человек, который вроде как стал опекуном и наставником. Но мое счастье, казалось, обернулось для Кроста бедой.

Я осторожно постучала в дверь его кабинета.

– Войдите.

– Привет.

Кейман оторвался от документов и хмуро кивнул.

– Я занят. Зайди позже.

– Не могу. Я пятнадцать минут сидела в коридоре, не решаясь постучать.

Он никак не мог оторваться от документов. Хотя скорее не хотел, я словно вошла в ледяную пещеру. И это было никак не связано с окном, которое, пока мы сидели на артефакторике и обедали, уже восстановили.

– Рад, что ты не дотянула до ночи. Сон тоже не станет

оправданием, раз тебе НАДО, так?

Я поморщилась. Сейчас он говорил как Аннабет.

– Кейман, я так больше не могу. Ты наказываешь меня за то, что я не в состоянии контролировать. Разве мне запрещено влюбляться?

– Я не наказываю тебя. Но неужели ты ждешь, что благословлю вас? Ты никогда меня не слушала и ни во что не ставила мое мнение.

– Это неправда. Боги, Кейман, чего ты от меня хочешь?! Чтобы я слушалась тебя беспрекословно? Бросила Бастиана? Тебе будет приятнее, если я буду одна? Снова вернусь к тому, от чего ушла зимой: к кошмарам, бессонным ночам, блужданиям по лесу? Я устала. Я не идеальный человек, но мне хочется немного… не знаю, заботы, нежности, спать по ночам, ходить на свидания. Я все равно цель номер один для Акориона, больше нет смысла бояться каждого шага.

– Я просто удивлен, как быстро ты забыла травлю и насмешки ди Файра и бросилась к нему в постель.

Я сжала зубы и испытала острое желание развернуться и навсегда исчезнуть из жизни Кроста. И сейчас сильнее, чем когда бы то ни было, понимала Таару. Этот его осуждающий разочарованный взгляд был способен вытащить душу, изрезать ее на кусочки и засунуть обратно.

– Я не забыла, – глухо ответила я. – Но мы все меняемся. Бастиан едва не погиб, превратился в дракона, несет ответственность за Дом Огня. Глупые студенческие выходки не должны становиться клеймом.

– Я пока не вижу, чтобы они прекратились.

– Ты не хочешь смотреть. А я не знаю, что будет дальше. Может, я ошибаюсь в нем, может, Бастиан – все еще Бастиан и однажды я пойму, что день, когда села в его карету, был черным. Но я не могу заставить себя разлюбить его и влюбиться в тебя. Даже если тебе очень хочется исправить ошибки в воспитании жены.

– Не смей говорить о моих ошибках! – рявкнул Кейман так, что я подскочила на месте.

И документы стали не такими уж важными. Он выругался сквозь зубы и посмотрел в окно, где начиналась метель.

– Хватит, Деллин. Ты выбрала свой путь, я не одобряю его и не поддерживаю, а значит, ты теперь самостоятельная. Живи, люби, работай, делай что хочешь. От Акориона я закрою и тебя, и этого гаденыша так, как смогу. Остальное вы сами.

– Я не хочу терять тебя.

– Нет. Ты не хочешь терять покровительство, которое

позволяет тебе творить все, что вздумается, без последствий.

– Неправда!

– Да? – Кейман усмехнулся. – Тогда зачем ты пришла сейчас?

Я закусила губу. Хотелось вцепиться ему в хвост и откусить ухо! За что так со мной?

– Поговорить. Ты мне даже «прощай» не сказал.

– Я прислал тебе вещи. Так зачем ты пришла, Деллин?

Закрыла глаза. Досчитала до десяти. Почти развернулась, почти ушла, но…

– Мне нужно разрешение на выход в город. Я хочу отпраздновать день рождения.

– Вот видишь. Тебе плевать на потери. Ты просто страдаешь по упущенной выгоде. Вот.

Кейман достал из папки небольшой желтый листок и что-то размашисто на нем написал.

– Отдашь Яспере – и гуляй. Твое разрешение. А теперь извини, мне надо работать.

Вот и поговорили. Я сжала в руке разрешение, почувствовала, как глаза наполняются слезами, и поняла, что не хочу демонстрировать слабость. За годы, что меня травили из-за дислексии, я поняла одно: указывают на дверь – уходи. Ни Аннабет, ни Кейман больше не хотели видеть меня рядом.

А еще – есть один хороший анекдот. Он звучит примерно так: если третий муж бьет по роже, то дело не в мужьях, а в роже. Помню, он сильно меня возмущал, ведь как же можно оправдывать домашнее насилие! А сейчас я поняла: он не о мужьях и не о насилии. И если второй человек отказывается со мной общаться, выбрасывает, как блохастого прибившегося котенка, то проблема все же во мне.

И как ее исправить?

Я доплелась до спальни, не испытывая по поводу полученного разрешения никакой радости. Да, я пойду в день рождения в город. Проведу его с Бастианом, и он наверняка найдет что-то, что поднимет настроение, но как прежде уже ничего не будет. Мне хотелось получить любовь, не жертвуя ничем взамен, а это оказалось невозможно.

Таре хотелось получить свободу, а вместо нее она получила безумие.

Я еще легко отделалась.

Надо было пойти к Бастиану и сообщить радостную новость о получении разрешения, но я смалодушничала и залезла под одеяло. Тоже как в детстве, с головой. Спряталась от себя же. Закрыла глаза, чтобы перестать видеть перед собой равнодушный холодный взгляд. И не заметила, как провалилась в сон. Мерзкий,

почти забытый, тревожный и выматывающий сон.

Хотя нет. Этот не тот же самый, он – другой.

В нем сейчас нет Акориона, в нем я стою в сокровищнице, а напротив стоит Таара. Ее силуэт немного дрожит, а еще кажется призрачным, подернутым сизой дымкой. Она красива, до безумия красива в своей тьме. Я словно смотрюсь в зеркало, что в миллион раз улучшает мое собственное отражение.

Она идеальна. И пугающа.

Тяжелые черные кудри падают на плечи. Черное платье провокационно облегает фигуру и приподнимает грудь. Она совсем не стесняется сексуальности и уж наверняка знает о том, что происходит между мужчиной и женщиной, побольше моего. Сложно представить, чтобы Таара боялась близости с любимым человеком.

– О, – вдруг улыбается она, – я боялась, поверь. Только время было другое. И страхи тоже.

– Ты ведь не реальна, да? – спрашиваю я.

– Как посмотреть. Что ты сама думаешь?

– Порой мне кажется, что ты – это я. А иногда я удивляюсь тому, насколько мы разные.

– И все же приятно поговорить с умным человеком, да? – Она смеется.

Не безумно, не зло, как-то очень заразительно.

– Ладно, и что ты собираешься со всем этим делать, Деллин Шторм? Деллин… ну и дурацкое имя. Шторм… о демоны, твоя мать была ужасной… как это на земном языке? Показушницей? Это ж надо придумать такой пафос. Шторм…

– Ты – часть меня, так? И снишься мне потому, что я боюсь в тебя превратиться?

Она грустно улыбается.

– Ты не можешь превратиться в меня, Деллин. Ты – и есть я. Просто ограничена в некоторых функциях. Но личность – не песня на твоем плеере. Нельзя стереть Таару и записать Деллин. Можно только сделать новую аранжировку. Понимаешь, о чем я?

– Честно говоря, не очень, – признаюсь я.

Таара зевает.

– Как ску-у-учно! Акорион… Крост… мне они больше нравились, когда молча делали свое дело. Знаешь, в постели они хороши. Не хочешь попробовать? Потренироваться перед своим драконом?

– Не очень.

– Зря. Хотя, может, оно и к лучшему. В невинной романтике, пожалуй, есть свое очарование. Но на самом деле мне всегда

хотелось у тебя спросить. Или у себя… как будет правильно?

Я вдруг обращаю внимание на шкаф, у которого она стоит, и сердце бьется чаще. Таара любовно поглаживает края витрины.

– Ты никогда не думала, что мир и без нас прекрасно существует?

Я кидаюсь к шкафу, дергаю ящик за ручку, но он заперт. Таара смотрит за моими тщетными попытками применить силу со снисходительным спокойствием.

– Помочь?

Протягивает ладонь, на которой в свете факелов блестит небольшой бронзовый ключик. Он легко входит в скважину, и, затаив дыхание, я вытаскиваю ящик из ниши.

– Оу… – Таара изображает удивление. – У моего мальчика серьезные игрушки.

Потом смотрит на меня и неожиданно тепло улыбается.

– А значит, однажды тебе придется сыграть.

Я смотрю в ящик, где на черной бархатной подушке лежит короткий меч из черного опала – чистой темной магии. Он блестит даже в полумраке сокровищницы, а еще мне чудится, будто на клинке я вижу засохшие капли черной крови.

Когда поднимаю голову, чтобы спросить Таару о внезапной догадке, ее уже нет.

Меня обступают черные тени. Страх накрывает волной, а сокровищница сменяется безжизненным зимним пейзажем. Хотя нет… это не снег, это пепел, он укрывает все теплым одеялом. Надгробия возвышаются над идеальной серой поверхностью. Я смотрю в небо, где сияет одна-единственная звезда, а потом перевожу взгляд на надгробия.

Онемевшими губами читаю имена.

– Аннабет Фейн. Брина ди Файр. Бастиан ди Файр. Яспера Ванджерия. Эйген Роял. Арен Уотерторн.

Останавливаюсь перед очередной.

– Покойся с миром, ангел шторма.

Я проснулась от того, что во рту дико пересохло, и жадно выпила целый графин воды. Но трясти не перестало, перед глазами все еще стоял ряд могил с одной и той же датой на конце. Этот сон не был похож на предыдущие, он оставил после себя противное ощущение липкого страха.

Не перед Акорионом. Перед будущим, которое может случиться. Я возненавидела себя за то, что испытала облегчение при виде собственной могилы. И поняла, что не хочу видеть гибель всех, кто был мне дорог.

А значит, надо выиграть. Таара сказала играть, а против

подсознания не попрешь. Но как одурачить опытного игрока на его поле?

Я не могла больше оставаться в комнате, в гнетущей темноте, напоминавшей о причудливых тенях и сыплющемся с неба пепле. Надеясь не попасться никому на глаза или в штормграм, обулась, выскользнула из комнаты и тенью добралась до двери Бастиана. Прислушалась, приложив ухо, но за дверью было тихо. Тогда я осторожно постучала, тихо-тихо, чтобы не разбудить соседей.

– Деллин? – Бастиан не выглядел сонным, а горящая свеча на столе намекала, что он снова работал допоздна.

– Привет. – Я нервно улыбнулась. – Я…

– Что случилось?

– Я добыла разрешение на выход в город.

– Умница. – Он улыбнулся. – Сильно жестил?

– Нет. Я…

Признаваться было стыдно, мы встречались всего несколько недель, и меньше всего на свете мне хотелось разрушать светлые первые чувства, но…

– Бастиан, я не могу спать. Мне снова снятся кошмары, я боюсь закрывать глаза. Можно я полежу у тебя? Когда ты рядом, я сплю. Если хочешь, можем…

Я отчаянно покраснела и отвела глаза. Черт, как же сложно это сказать! И еще сложнее решиться!

– Черт… ладно, прости! Забудь, я…

Он удержал меня за локоть в последний момент.

– Заходи.

Назад пути не было. Я предложила себя, отдала последнее, что еще хранила, доверилась окончательно и вычеркнула страхи, связанные с именем Бастиана ди Файра. Не он был кошмаром первого курса, не он умирал, из последних сил цепляясь за призрачное существование, не он пытался сжечь мои крылья. Забыть и вычеркнуть из жизни, а оставить только это.

– Ложись. – Бастиан откинул покрывало с постели и взбил подушку, а затем погасил свечу.

Я с удовольствием забралась под теплое одеяло, хотя руки мелко дрожали от страха. Что мне нужно делать? Он ведь не будет просто так лежать в одной постели, ему нужно то, что я сейчас должна дать…

– Спи.

Я оказалась зажата между стенкой и горячим обнаженным торсом. Торс мне нравился больше, свернуться клубочком рядом с ним, закрыть глаза и податься навстречу руке, перебирающей волосы, было восхитительно.

– А как же… – И снова покраснела!

– Делл… тебе нужно поспать. Ты вся измученная. Мне нужен секс, я хочу тебя, демоны, я очень тебя хочу, но не когда ты едва стоишь на ногах и трясешься от ночного кошмара. Закрой глаза и поспи. Я не пущу к тебе сны. А завтра…

– А завтра магические бои. – Я зевнула. – Утром, да?

– В десять.

– А если я проиграю?

– Тогда я проспорю Брине желание. И, подозреваю, она попросит не мороженое на палочке.

– Ты поспорил на меня?! Опять?!

Он мягко рассмеялся. Хотя разве можно злиться, когда твои волосы так перебирают?

– Да. Был такой факт в моей биографии. Но, если тебе интересно, спор не выиграл никто. Сначала все тормозили, потом Роял слил тебе все подробности и ты шарахалась от каждого парня, а потом как-то все сошло на нет. Видимо, когда главный спонсор спора помер, условия автоматически переигрываются.

Я пальцем провела по длинному тонкому шраму на его груди. Очень странное ощущение: внутри все сжалось от мысли, как это было больно.

– Ты почти победил в этом году.

– Я больше не спорю на тебя.

– Почему? – подняла голову.

– А вдруг кто-нибудь выиграет? Мне придется его убить.

– Дурак ты, Бастиан.

– Зато у меня в постели, между прочим, модель! Не какая-то там дочка министра, а модель!

– Звучит красиво. Только она же просто спит.

– Нет. Она не спит, она болтает, хотя у самой закрываются глаза. Спи, Деллин. Завтра длинный день.

Я сладко зевнула, отбросила все страхи окончательно и прижалась к этому парню-грелке. Порой казалось, что Бастиан сделан из тлеющих угольков. Всегда теплый, даже горячий. Если мы гуляли в саду, утопая по колено в снегу, рядом с ним все равно было тепло, и подозреваю, без магии огня здесь не обходилось.

Но рядом с ним я действительно спала без снов. Причины такой роскоши мне были неведомы, но уже ради этого стоило влюбиться в непростого и порой выводящего из себя огненного мальчика.

Глава 16

Какое шоу мы устроили всей школе!

Соревнования между адептами и магистрами обсуждали. Испытаний ждали, на них делали ставки. Габриэл снова модернизировал штормграмы, добавив магические свитки, и теперь вся школа была занята извечным интернетовским делом: срачами. Ругались на тему, кто победит, кто проиграет, порой писали такие анализы наших способностей, что мне казалось, проводить испытание уже незачем: все и так понятно.

А в день магических боев школа вывалилась на стадион за полчаса до начала, чтобы занять нужные места. Мы же в это время вместе с тренером Вингордом (который выглядел изрядно задолбавшимся в связи с этой затянувшейся игрой) собрались в спортзале, чтобы выслушать правила.

– Итак, господа, поскольку магически бои не входят в перечень спортивных секций школы… любой школы ввиду своей опасности, я должен рассказать вам о правилах. Итак, задача противников: магическим образом вывести из строя соперников. Выведенным из строя считается маг, который трижды упал, или не сумел подняться дольше десяти секунд, или получил достаточно серьезное ранение в ходе боя. Серьезность ранения оценивает судья, то есть я. И в качестве неофициального правила скажу так: любые раны, ожоги, переломы и вывихи становятся основанием для проигрыша. На царапины я не стану смотреть, но и не позволю калечить своих студентов.

– И магистров, – с улыбкой добавил Ленард. – Что же вы о нас забыли.

Обычно шутил Кейман. Но сегодня он стоял с каменным лицом, на котором виднелись следы усталости. Он явно работает над тем, чтобы одолеть Акориона, но и раньше не торопился рассказывать, как идут дела, а теперь и вовсе на меня не смотрел.

– И магистров, – с некоторым сомнением повторил тренер. – Запрещены: артефакты, зелья, в том числе восстанавливающие. Рукопашный бой под запретом.

Мне показалось или он при этом посмотрел на нас с Ясперой?

– На этот раз противников будем выбирать публичным жребием. Для интриги. В остальном все как обычно: я даю команду – бой начинается. Противник выведен из строя, я вновь даю команду – бой заканчивается. Есть вопросы?

Да. Если противника стошнит от волнения, можно будет потом «пересразиться»?

Надо успокоиться. Это всего лишь тренировка. Ну что может

случиться? Покидаюсь молниями, поуворачиваюсь от заклятий. Бастиан пару раз потренировал нас, и у меня получалось довольно неплохо. Хотя, подозреваю, меня он жалел, потому что Габриэл после тренировки отправился в больничное крыло лечить ожог, а мне даже волосы не подпалили.

– Ты два раза столкнулась с Ясперой, – сказал он однажды за ужином, – и выглядела очень неплохо. По сути, вы с ней устроили те же магические бои. Только не там и не тогда, когда нужно.

Я всерьез опасалась, что сейчас мы устроим эти же бои в третий раз.

– А нам обязательно биться на улице? Там же холодно! – шепнула я Бастиану.

Украдкой, пока никто не видит, он взял меня за руку, отогревая.

– Вообще, если не жалко помещение, то можно и внутри, если нет легковоспламеняющихся и магических штук. Но зрители. Отвести магию в замкнутом пространстве сложнее.

– Боги, мне жалко тренера Вингорда. Мы устроили ему геморрой.

– Зато это твое последнее испытание. На нейтрализацию тебя не пускают.

– Ты придумал отмазку?

– Пока нет. Посмотрим по итогам сегодняшнего.

Пока шли на поле, я прикидывала в голове расклад. Если мне достанутся Ленард, Уорд, Берген или Майлз, шансы теоретически есть. Все же темная магия сильнее прочих, а наследство Таары порой непредсказуемо. С Ясперой тоже остаются какие-то шансы, а вот…

Берген первый подошел к котелку, куда покидали бумажки с именами магистров, и вытянул…

– Ну да, конечно, – фыркнул Ленард. – Берген и Берген. С кем бы поспорить на деньги?

Он сказал это тихо, но я стояла рядом и с трудом подавила улыбку.

Следом вышел Марс и снова получил Уорда. Этот огневик, казалось, вообще не способен выражать эмоции.

А Бастиан не менялся. Трибуны зашлись в неистовом крике, когда он выходил к котлу и тянул бумажку с именем соперника. Я даже не знаю, боялась того, что ему попадется Кейман, или хотела – уж лучше ему, чем кому-то еще, Бастиан хотя бы способен с ним бороться.

– Яспера Ванджерия. – Бастиан прочитал имя сам, с фирменной усмешкой.

Демоница не осталась в долгу и почти оскалилась в ответ на

аплодисменты адептов.

– Адептка Шторм, – тренер кивнул мне, – прошу.

На негнущихся ногах я подошла к котелку. На любом экзамене это был самый волнующий момент: нужно было вытянуть билет. Потом я успокаивалась и пыталась вспомнить, что же знаю из ответов на вопросы, но вот этот момент…

Я прочитала имя в бумажке, и внутри все оборвалось.

– Кейман Крост, – провозгласил тренер, и нас оглушило ревом трибун.

На секунду я закрыла глаза, оставшись во всем мире одна. Это судьба так издевается? Мне не хотелось смотреть на Кроста, и я просто встала к своим. От меня не укрылось, с каким беспокойством взглянул Бастиан. Как ни странно, это чуть придало уверенности.

Для нас выделили две отдельные скамеечки, а первые противники – Берген и Берген-старший – уже готовились к бою.

– Ты как? – шепнул Бастиан.

– Нормально. Все будет нормально. Но ты же понимаешь, что шансов против Кроста у меня нет?

– Против него ни у кого нет шансов. Просто укуси его за одно место, и пойдем пить кофе и обниматься в гостиной. Хотя… раз у тебя есть разрешение, а сегодня выходной, не хочешь пообниматься в ресторанчике? Или у меня дома. Там есть камин и винный погреб.

– Тихо, – стараясь давить улыбку, сказала я, – начинают.

Уже через минуту я забыла о большей части страхов и просто сидела открыв рот. Все виденное ранее напоминало магические бои так же, как я напоминала прилежную отличницу и образцовую студентку – очень отдаленно.

Бой двух воздушников напоминал мини-ураган. Взметались клубы снега, воздушными потоками едва не сносило трибуны. Даже мы, сидевшие в отдалении, ежились от пробирающего до костей ветра. Большая воздушная птица несколько раз опрокинула Бергена-младшего навзничь, и все затаив дыхание ждали, когда же парень упадет в третий раз. Вполне вероятно, Берген-старший мог бы и жестче обойтись с сыном, но ведь всегда приятнее проиграть не всухую.

Наконец схватка закончилась: Берген не устоял перед небольшим, но весьма разрушительным смерчем и с улыбкой, уже зная, что проиграл, грохнулся на спину. Тренер ударил в гонг, и Берген-старший помог сыну подняться, что-то сказав.

– Магистр Уорд, адепт Марс, прошу на боле боя.

Уорд и Марс избрали другую тактику, и я поняла, насколько непредсказуемее и спонтаннее моя магия. Марс умело орудовал

огненным хлыстом, а Уорд, земельник по профилю, отбивал атаки вырывающимися из мерзлой земли хищными лианами. Они совсем не смотрелись учителем и учеником, двое опытных магов, прекрасно знающих свои возможности и в совершенстве ими владеющие.

Уорд был сильнее, но на стороне Марса оказалось преимущество: огонь наносил ущерб быстрее и больше. Хлыст только коснулся ноги магистра, разорвав штанину. Уорд вскрикнул от боли – и тренер дал команду заканчивать. Когда Марс повернулся к нам, я заметила, как торжествующе блестят его глаза.

– Реванш, – хмыкнул Бастиан. – Получил за шрам.

– Магистр Ванджерия, адепт ди Файр.

Я с трудом подавила желание закрыть глаза, а то и вообще спрятаться под скамейку.

Хотя ни Бастиан, ни Яспера не испытывали подобных терзаний. Им, кажется, даже нравилось. Я в очередной раз только удивилась трансформациям ди Файра. Когда хотел, Бастиан умел вести себя как последняя сволочь. Самоуверенная, неизменно вызывающая восхищение и одновременно раздражение. Кто бы мог подумать, что иногда он совершенно серьезно бывает занят работой, а порой совершенно несерьезно бесится с Бриной в снегу или целуется со мной на диване в комнате отдыха, отгоняя любопытных первокурсников.

Тьма и пламя слились в мешанине вспышек. Темная магия, сильная и непредсказуемая, против магии короля огня. Зрелище получилось что надо, и я бы им насладилась, если бы не так нервничала.

Их магии, и Бастиана, и Ясперы, не принимали формы, как у Бергенов или Марса и Уорда. Они сплелись двумя потоками в небе над полем боя, проникали друг в друга. Огонь выжигал тьму, а та в свою очередь пожирала пламя. Зрители, как единый организм, заворожено смотрели на ди Файра и демоницу, на то, как естественно и изящно они снимали с браслетов крупицы, как уклонялись от вспышек магии и отражали атаки друг друга.

Берген-старший жалел сына и дал ему проиграть не слишком позорно. Марсу повезло за счет форы в разрушительности магии. А вот Ясперу и Бастиана, пожалуй, можно было назвать равными противниками.

И никто не хотел уступать. Они словно изматывали друг друга, вынуждая совершать ошибки. И первой оступилась Яспера. Она заметила летящий в нее огненный шар в последний момент и чудом уклонилась, но потерянные секунды стали самыми драгоценными в схватке. Бастиан тут же воспользовался ее

замешательством.

Из сложенных крест-накрест ладоней огневика вырвалось темно-красное пламя и устремилось к Яспере. Она вскрикнула – и зрители ахнули вместе с ней. Такое пламя было способно не причинить вред, а дотла сжечь все на своем пути.

Кейман резко поднялся со скамьи магистров, Вингорд вскинул руку. И, когда пламя было почти рядом с Ясперой, Бастиан красивым и небрежным жестом его потушил. Но часть руки Ясперы все же опалило огнем: кожа покраснела и налился волдырь.

В сердцах она выругалась и сорвала с обожженного запястья браслет. Черные крупицы прожгли снег и превратились в темные искры. Аплодисменты, встречающие победителя, наверняка слышали даже во Флеймгорде.

Бастиан и Яспера стояли друг напротив друга, словно продолжая поединок, только уже взглядами. И я ощутила противный укол ревности, вдруг подумав, что между ними есть какая-то химия. И они бы шикарно смотрелись рядом: огонь и тьма, оба сильные, оба с непростым характером, оба готовые насмерть стоять за свои желания, наплевав на условности.

Боги. Я следующая. Как же страшно! Я ведь знаю, что проиграю, так почему меня так трясет?

– На поле боя приглашаются адептка Шторм и магистр Крост! – провозгласил тренер.

Я с шумом сглотнула и поднялась. Какая там магия! Сил и решимости хватало, только чтобы, выпрямив спину, выйти на поле и остановиться у отметки начала боя. Чувство тревоги в районе солнечного сплетения – самое мерзкое чувство на свете.

Я ждала, что хоть сейчас, оказавшись со мной один на один, Кейман снова станет Кейманом. Съязвит, или подмигнет, или… не знаю. Я не ждала игры в поддавки, но и того, что произошло после сигнала, не ожидала.

Холодный, даже скорее ледяной, совершенно равнодушный взгляд. Замершие в нетерпеливом ожидании трибуны. Моя взметнувшаяся вверх рука – и удар черного дыма, выбивший из легких весь воздух. Я с силой грохнулась прямо на спину. В грязь, подняв тучи брызг, совершенно ошеломленная быстротой.

Несколько секунд понадобилось, чтобы прийти в себя. Потом я поднялась, и не прошло и секунды – снова упала. Из глаз посыпались искры, я до крови закусила губу и, пошатываясь, поднялась во второй раз.

Показалось, я вижу перед собой совершенно незнакомого человека. У меня не было сил даже изобразить подобие магии. Я просто поднялась, выпрямилась и посмотрела на Кроста – на это

ушли все силы. Мне казалось, он не ударит. По крайней мере, не так.

Но из его руки вырвался очередной сгусток дыма. Как в замедленной съемке, я видела, как он приближается, сердце билось сумасшедшим темпом. Перед ударом я закрыла глаза и даже тогда ждала, что в последнюю секунду он передумает.

Кажется, на несколько секунд, ощутив удар о землю, я отключилась. Как будто свет выключили и включили вновь. Для меня бой длился бесконечность, а для зрителей не больше минуты. Удар, второй, третий – и после третьего я не могу подняться, да что там подняться, я и дышу с трудом, морщась от боли.

– Э-э-э… кхм… – Вингорд откашлялся. – Что ж, поздравляем магистра Кроста с безоговорочной победой.

Я видела, поднимаясь, как Кейман размеренным ровным шагом неторопливо покидает поле боя. Не взглянув ни на меня, ни на трибуны, ни на команду. Просто уходит, не оборачиваясь.

Медленно, вложив остатки сил и решимости, я поднялась. Накатила такая волна тошноты, что я вдруг испугалась: а если сотрясение?

Никто не спешил хлопать, трибуны сидели в изумлении. Даже на лице Ясперы застыло странное задумчивое выражение. Выпрямиться, отряхнуться и с трудом виновато улыбнуться зрителям – вот все, на что меня хватило. Это стоило кусочка души и абсолютно всей гордости.

Бастиан первым оказался возле меня.

– Я его убью! – процедил он сквозь зубы.

– Давай уйдем, пожалуйста.

Пока я еще способна стоять и улыбаться, делая вид, что единственная моя эмоция – это всего лишь легкая досада. Я ведь проиграла в магическом поединке директору. Темному магистру. Богу, пусть об этом никто и не знал. Проиграть ему не зазорно, и даже так, как получилось у меня. Только проблема была в том, что все знали: Кейман – мой опекун. И сейчас на глазах всей школы разворачивалась настоящая сериальная драма, обсуждать которую будут еще долго.

– Тебе нужно к лекарю.

– Не надо, я в порядке. Я хочу… мне надо немножко побыть одной. Пожалуйста, давай уйдем.

Формально нас никто не держал. Но никто, даже тренер, не вышел из ступора до тех пор, пока мы не скрылись в школе. Мне стоило немалых усилий идти спокойно и медленно, не прихрамывая и не сутулясь.

Я знала, что на нас все смотрят. Всю дорогу от поля битвы до

школы убеждала саму себя, что должна выглядеть пусть раздосадованной, смущенной, но не вконец убитой. Перед поворотом к лестнице Бастиан настойчиво потянул меня дальше – в его комнату.

– Я не хочу тебя оставлять. Если скажешь уйти – уйду. Но хочу, чтобы ты была в зоне досягаемости.

– Как будто тебе может помешать мой замок, – слабо улыбнулась я.

Нет, мне не хотелось, чтобы Бастиан уходил. Я хотела, чтобы он меня обнял и не отпускал до самого вечера, мне нужна была уверенность, что я не одна, потому что у меня больше не было лучшей подруги и опекуна, и если однажды мы с Бастианом поймем, что роман стал ошибкой, то я просто сойду с ума от тоски, и, наверное, Акориону станет проще.

Иронично, что Яспера взывала к голосу разума Кеймана, убеждая, что мне нужны друзья и нужно спасти Аннабет, и теперь ни ее, ни Кроста в моей жизни больше нет.

Когда мы оказались одни в комнате Бастиана, я разрыдалась. Как будто сердце вытащили и порезали на куски, а потом сшили и вставили обратно. Вцепилась в его спину ногтями, и как ни пыталась заставить себя расслабиться, только сильнее прижималась, уже даже не надеясь остановить поток слез.

– Делли… не плачь. Тебе больно? Давай я схожу к лекарю сам и попрошу что-нибудь от боли.

– Зачем он так? Я думала, он поймет. Злится, но остынет.

– Может быть, он понял. Но не хочет принимать. Иногда характер сильнее здравого смысла. И ты безумно влюблен, но ненавидишь в себе это чувство и вместе с ним человека.

– Тебе двадцать. С хвостиком. А ему… сколько ему лет вообще?!

– Он устал?

Размеренный мягкий голос успокаивал, хотя слезы откуда-то все появлялись и появлялись. Как будто за все два года только сейчас удалось как следует прореветься, лежа на коленях у Бастиана.

– Столько лет прошло. Он устал разочаровываться. Ты не должна жертвовать собой, чтобы Кросту стало хорошо. Мы все повторяем свои ошибки. Я думаю, он хотел быть другим с тобой, но когда в дело вступают эмоции, все намерения быстро забываются.

– Дело ведь не только в нем. Во мне. Я отталкиваю тех, кто меня любит. Аннабет. Кеймана. Катарина и король меня ненавидят. Я просто чувствую, что делаю все неправильно. Но не понимаю, как нужно. Не понимаю, как стать хорошей.

– Делли… ты хорошая. Ты не представляешь, как мне хотелось, чтобы ты смотрела с желанием.

– Дело же не в красоте.

– А я не о красоте говорю. Помнишь, мы встретились в магазине? Ты уже тогда была готова сражаться. У тебя невероятные глаза.

– Мне так страшно, – прошептала я. – Страшно стать ею. Причинить вам боль.

– Я тебе не позволю. Не отпущу тебя и никогда не приму ее. Что бы ни случилось, мне нужна Деллин Шторм. Та самая, которая поливала меня соком в столовой, целовала в подсобке, возвращала из мертвых. Я готов быть королем только рядом с тобой, Делл.

– Из меня неважная королева.

– Ты не видела себя со стороны там, в театре. Когда ты опустилась на колени, Сайлер едва не наложил в штаны. Все пройдет, и мы победим. А если нет, то в любом случае отправимся в Хаос, так какая разница, если вместе? Мы с тобой связаны до последних секунд жизни. С того момента, как увидели друг друга в магазине.

– Я подумала, что ты невыносимый придурок.

А сейчас думаю, что люблю. Но сил сказать об этом не осталось.

– Хочешь чуть-чуть поспать? Тебе точно не нужен лекарь?

– Нет. Я просто устала.

– Ты меня испугала. Так плакала Китти, когда умер отец. Она его любила. Больше всего ненавижу, когда плачут брошенные дети.

– Все будет хорошо. – Я вытерла слезы. – Я справлюсь.

От неудобной позы начала болеть голова, и я села на постели. В небольшом зеркальце на дверце шкафа отражалась жуткая и жалкая картина: взъерошенные спутанные волосы, красный нос, опухшие от соленых слез губы, слипшиеся ресницы. Но помимо собственного отражения я еще вдруг увидела Бастиана. Он показался непривычным, обеспокоенным. Таким он был, когда волновался за Брину, – поняла я.

Сейчас переживал за меня.

– Что ты улыбаешься?

– Вспомнила, что Яспера задала очередной параграф. Думала предложить тебе позаниматься.

Глаза Бастиана опасно блеснули. Мы оба вспомнили вечер, когда пришла Брина и обломала весь кайф. А сейчас я бы с удовольствием перенеслась туда и снова растворилась в теплых руках, изучающих тело.

– Собирайся. Есть идея.

– Что? Куда? – Я удивленно моргнула.

И слегка расстроилась: идти куда-то не хотелось, даже если это будет лучшее место на земле. Разве что полетать с Бастианом-драконом… но слишком холодно, крылья не рассчитаны на мороз, именно поэтому соревнования по крылогонкам проходят поздней весной.

– В город. В мой дом. Надоело здесь сидеть, идем и проведем выходные у камина, с вином, фруктами и абсолютной тишиной.

– Но… нам же нужно вернуться в школу к четырем. Осталось три с половиной часа!

– Я имею право уехать на выходные домой. Пусть попробует хоть что-то сказать, после сегодняшнего он должен молиться, чтобы с ним хотя бы здоровались. Идем, Делл. Я хочу ужинать в тишине и покое, хотя бы один раз.

– Но безопасность…

– Мой дом охраняет десяток огневиков, которым дано прямое указание впускать только меня, Брину и тебя. Если что-то случится, мы успеем смыться. Я превращаюсь за доли секунды. Как думаешь, быстро Акорион придет к мысли, что лучше свалить, чем быть сожранным?

– Хорошо. – Я улыбнулась. – Идем.

Благо куртка валялась здесь же, я и не заметила, как Бастиан ее с меня снял.

– Погоди! А ты не хочешь узнать, как прошло соревнование и кто победил?

– Плевать. Как бы то ни было, я уже давно получил все, что хотел от этого соревнования.

– Так нельзя. Ребята старались. Нельзя их бросить. И впереди еще нейтрализация.

– А толку? – Бастиан раздосадованно махнул рукой. – Тебя на ней не будет, мы в численном меньшинстве.

– Я буду, – вдруг сказала я.

Бастиан удивленно обернулся.

– Мне плевать, кто и что поймет обо мне. Я ввязалась в соревнование, и я буду соревноваться. Хочет Крост этого или нет. Он сам сказал, что, раз я выбрала тебя, я самостоятельная. Значит, нужно быть рядом с тем, кого выбрала.

– Делл…

– Мне нужна практика. Скоро соревнование превратится в войну, и я хочу хотя бы примерно представлять, с чем столкнусь, потому что даже если Кейман отчислит меня или… я не знаю, уговорит Сайлера лишить гражданства, я все равно окажусь на передовой и встречусь с Акорионом. Я хочу чему-то научиться.

Защищать меня уже поздно.

– На месте Акориона…

Бастиан склонился к моим губам, и в комнате стало до ужаса жарко.

– Я бы уже драпал отсюда как можно скорее.

– Даже не знаю, – улыбнулась я, потянувшись в ответ на поцелуй, – хорошо, что ты не на его месте, или плохо.

К тому, что нас увидят, я была готова. После трех довольно жестких падений тело неприятно ныло, но я старалась держаться как можно непринужденнее. Хотя от десятков любопытных взглядов было не по себе. Кто-то смотрел сочувственно, кто-то торжествуя, кто-то просто с любопытством. Правда, народ быстро терял интерес: драма закончилась, а гордые и несломленные девочки никого не интересуют.

– Вывели на ничью, – довольный, но уставший Габриэл встретил нас в холле. – Парни у Бергена, празднуют. Было сложно, жаль, что вы ушли. Я, конечно, продул Ленарду почти всухую, хотя казалось: вот-вот – и… эх-х-х. Но Кристоф молодец, еле вывернулся и двинул Майлзу прямо в нос. Причем говорит, что случайно. Так что. Вы с нами?

– Нет, нам надо в город, – ответил Бастиан.

– Жаль. А то мы одновременно и с горя, и с радости.

– Почему с горя? – удивилась я. – Ничья ж. Не всухую.

– Так все равно общий счет проиграли. Две ничьих, одна победа, два проигрыша. На нейтрализации нам ничего не светит.

– О, – Бастиан усмехнулся, – это вряд ли. Деллин весьма хороша в этом.

– Правда? – Габриэл с сомнением на меня посмотрел.

Я не удержалась и скорчила рожу, отчего водник покраснел и поспешил ретироваться.

– Еще злишься? – спросил Бастиан. – А на меня?

– Да просто из вредности. А может, и злюсь. Не знаю. Смотри, снова снег. Красиво.

Невольно подумалось, что Акорион в чем-то был прав. Снег действительно скрыл всю мрачность места, где стояла школа, превратив мрачноватый старинный замок в снежную сказку. Если бы я умела рисовать, то непременно бы вдохновилась зимним пейзажем и бросилась к бумаге.

Но раз уж таким талантом меня все же обделили, пришлось наслаждаться видом. И морозным чистым воздухом. И прогулкой без любопытных глаз и шепотков. Как же давно я не была в городе! Казалось, что целую вечность. Правда, прогуляться пешком, как раньше, не получилось: у ворот уже ждали три экипажа, Бастиана и охраны.

– Вольные деньки закончились, – пояснил он. – Теперь без охраны выходить нельзя ни мне, ни тебе. Давай ты не будешь обижаться на это?

– Не буду, – улыбнулась я.

– Хорошо, потому что хоть ехать всего ничего, я успею…

Он потянул меня к скамейке. И да, за всю дорогу я так и не смогла насладиться пейзажами. Зато насладилась поцелуями, ну и немного ласками, но с удовольствием от лезущих куда ни попадя рук Бастиана всегда рука об руку шли дурацкие страхи и неуверенность.

А сейчас мы вообще направлялись в его дом. Обида и тоска по неслучившемуся родительско-детскому счастью с Кростом сменилась типично девичьей паникой на тему секса и сопутствующих. А что делать? А зелье точно работает? А я вся в синяках, и, наверное, это не очень эстетично выглядит.

– Шторм! – Бастиан помахал передо мной рукой. – Ты куда? Вернись ко мне. Мне больше нравилось, как ты стонала.

Я покраснела и отодвинулась, пригладив волосы. Экипаж подъезжал к городу, сбавлял скорость, чтобы маневрировать на узких центральных улочках. Интересно, неужели нам даже нельзя пройтись по улицам из соображений безопасности?

В последний раз я была здесь при не самых приятных событиях. При виде холла и лестницы на второй этаж, возле которой мы нашли ящик с драконьим сердцем и портал на Землю, по коже пошел мороз. Но добрый десяток охранников-огневиков, проверявших дом, и еще трое, вышедших нам навстречу, слегка успокоили. Потом я вспомнила погибшего Рана Уэста, поняла, что голова сейчас взорвется, и решила проблему радикально: перестала думать сразу и обо всем. Только нетерпеливо ждала, когда гвалт в доме стихнет и мы останемся одни.

Какой безумно длинный день! И год… кажется, будто я куда-то бегу, а цель все удаляется и удаляется.

Наконец все стихло. Я чувствовала себя старшеклассницей, пришедшей в гости к мальчику, и так оно, по сути, и было. С интересом рассматривала красивый, богато обставленный, но совершенно не обжитый дом. Бродила по комнатам, пока Бастиан разжигал камин и что-то там делал в кабинете. Рассматривала старинные портреты и в одной из комнат наткнулась на большое полотно, с которого смотрели все ди Файры.

Отец Бастиана был крупным мужчиной с квадратной челюстью, которая придавала облику суровости. Пожалуй, если бы я увидела его до того, как Бастиан рассказал о родном отце, то усомнилась бы, что у такого непривлекательного внешне мужчины мог вырасти такой красивый сын. Хотя, с другой

стороны, у него выросла Брина… вот уж кого нельзя назвать страшненькой. Обычно младшая ди Файр не появлялась на публике без косметики и прически, но пару раз мне удавалось поймать ее не при параде, и вот что хочу сказать: она идеальна! И еще красивее, когда выглядит естественно.

На портрете Брине было шестнадцать, но она все равно была красоткой. И счастливо улыбалась художнику, еще не зная, что скоро ее брат едва не погибнет, а магия выйдет из-под контроля и приведет в Высшую Школу Темных.

Помимо Брины на портрете были изображены довольно красивая женщина лет сорока и маленькая светленькая девочка с косичками, вероятно, младшая сестра Бастиана.

– А, – он заглянул в комнату, – ты нашла этот образец рукожопства.

– Зря ты так. Довольно красивый портрет.

– Да ладно. – Бастиан махнул рукой. – Папа был не таким страшным.

– Зато ты хорошо получился.

Он подошел сзади и обнял меня, а я откинула голову ему на плечо и закрыла глаза, вдыхая любимые кофе и апельсин. Уж сколько у Бастиана было парфюмов, я все равно обожала именно это сочетание. Сегодня утром, перед испытанием, я проснулась от того, что со стола упал блокнот. Бастиан уже сидел за бумагами, а рядом стояла чашка с кофе и двумя плавающими в нем апельсиновыми дольками.

Я сидела в его постели, смотрела на заснеженный лес за окном, слушала скрип пера и чувствовала себя совершенно счастливой. И как здесь отдать предпочтение модным парфюмам?

– Я разжег камин. Управляющая нарезала сыр, приготовила ростбиф, достала из погреба бутылку вина. И еще у меня есть для тебя подарок.

– В честь чего это?

– Вообще, в честь дня рождения. Но я решил, что сегодня тебе не помешает порадоваться. А на день рождения придумал кое-что другое.

– Нельзя так, Бастиан. Нельзя закидывать меня подарками.

– Можно и нужно. К тому же я приготовил полезный подарок.

Он посмотрел на портрет.

– А еще летом тебе нужно приехать ко мне, чтобы познакомиться с мамой.

– С мамой? – Я встрепенулась. – А если я ей не понравлюсь?

– О, ты ей обязательно не понравишься. Ей никто не нравится. Но познакомиться нужно.

– А может, мы ей ничего не скажем?

– И как долго ты планируешь все скрывать?

– Ну… – Я задумалась и фыркнула. – Ребенка в школу отправим – расскажем.

Бастиан расхохотался, явно представив эту комическую картинку. Мама, это Деллин, моя жена. А это наша дочка. А это внучка. А это мой слуховой аппарат.

Потом я вспомнила, что замуж меня никто не звал, и смутилась.

– Кстати о детях. Возможно, нам придется отправить ребенка в школу чуть раньше, чем ты думаешь.

– У тебя что, есть ребенок от Лорелей? – Я подавилась воздухом и закашлялась.

– Боги, Делл, нет, конечно. У меня есть племянница, которую я взял домой. Ее родители погибли, папины двоюродные брат и сестра. Мелкая Белль осталась одна, и я ее забрал.

Я смотрела на этого Бастиана и не узнавала. Вот этот вот парень, работающий с утра до поздней ночи, забравший на воспитание осиротевшую племянницу и потрясно целующийся – он точно тот самый, который мечтал выкинуть меня из школы?

– У вас в семье все имена на букву Б?

– Нет. Китти – исключение. Когда она родилась, ее назвали Брайла, но через года полтора Брина притащила в дом котенка, а папа его выкинул. Она так его и называла – «китти», котенок. И с тех пор требовала называть себя так. Папа умер, и мы переименовали ее в Брайл-Кейт ди Файр. Ну а Китти называем дома. И вот ей ты понравишься, это точно.

– Мне было бы интересно познакомиться с твоей семьей.

– Тогда идем готовиться.

В одной из комнат уютно трещал камин, на невысоком столике перед которым нас ждали вино и закуска. Я, только увидев аппетитные кусочки сыра, поняла, как голодна. И, пока Бастиан не видел, ухватила пару кусочков.

– Держи. – Он протянул мне небольшую коробку. – Это – извинение Найтингрин за то, что втянула мою сестру в позирование. Она предлагала компенсацию, но я предложил обмен. Она сделала специально для тебя. Второго такого нет. Правда, я все равно за него заплатил. Но Найтингрин не делает под заказ, ты же знаешь.

Он дождался, когда я открою коробку и взору предстанет синяя, чуть отливающая фиолетовым перламутровым блеском ткань.

– Так, в качестве компенсации за то, что обломал тебе пошив к первому балу.

Я достала из коробки платье и затаив дыхание провела рукой

по изящному кружеву на телесной ткани. Цвет ткани точь-в-точь повторял цвет моей кожи, поэтому казалось, что блестящее кружево из хрустальных темно-синих мельчайших бусин было выложено прямо на голом теле. Длинная темно-синяя юбка спадала на пол, удлиняя силуэт. Платье полностью открывало плечи, а вырез был ужасно глубоким, но на удивление не смотрелся пошло или вульгарно. Я не удержалась и примерила. Смотрела на себя в зеркало, методично и по одному искореняя комп– лексы.

– Пойдешь со мной на выпускной? – спросил Бастиан, подарив короткий поцелуй в голое плечо.

– Ты специально сначала подарил, а потом спросил, да?

– Я же управляю огненной империей. Что я, с девчонкой, что ли, не справлюсь?

Пихаться в платье с длинной юбкой было неудобно и страшно – вдруг порву или испачкаю раньше времени? Но для профилактики я все же царапнула Бастиана электричеством на кончиках пальцев. Он смешно зачесался и взъерошился. Тут же захотелось пригладить светлые волосы, но я не успела.

– И еще кое-что. Иди сюда, встань здесь. Так. Глаза закрой.

Я послушно зажмурилась. Бастиан взял меня за руку.

– Идем.

Идти было неудобно и чуть-чуть страшно, ибо я и в нормальном-то состоянии сбивала все косяки. Но определенно замок огненного короля мне нравился намного больше замка темного бога. Здесь было тепло, уютно, дарили подарки и…

Налили гигантскую ванну. С пеной, корзинкой цветных бомбочек на бортике, запотевшим бокалом игристого вина. Одним бокалом, что навело на интересные мысли.

– Я… тебе Брина сказала!

– Признаю, – Бастиан усмехнулся, – моя сестра – жуткая сплетница. Но согласись, что в этот раз ее пристальное внимание к нашей личной жизни сослужило хорошую службу.

– Возможно.

Я как-то растерялась при виде ванны. Часть меня возликовала, а другая часть испугалась слишком уж стремительного развития событий.

– Развлекайся. – Бастиан почти невинно чмокнул меня в нос. – А я напишу пару писем.

Пока я, открыв рот, стояла посреди ванной, как дурочка, в вечернем платье, он вышел и тихо закрыл за собой дверь, оставив меня наедине с абсолютной умиротворяющей тишиной, в которой был слышен лишь едва различимый шорох оседающей пены.

Уставшее и слегка побитое тело настойчиво требовало

немедленно воспользоваться королевским подарком и нырнуть в пену с головой. Решив, что я все равно зашла достаточно далеко, чтобы теперь скромно стесняться принять ванну в доме парня, с которым иду на выпускной.

Гигантская ванная была залита светом от небольших кристаллов вдоль потолка. Раздеваясь, я рассматривала интерьер, идеально чистые блестящие крючки на стене, живые цветы на стойке напротив двери, свечи на бортиках. Осторожно потрогала рукой воду и с наслаждением опустилась в душистую пену.

Боги… я едва не замурчала, как кошка, получившая ведро сметаны. Как, оказывается, устала спина! И как болела поясница, на которую я сегодня трижды как следует грохнулась. И вообще, усталость вдруг навалилась разом нереальным грузом. Глаза сами собой начали закрываться, но мне не хотелось просто и банально уснуть.

Я потянулась к бокалу с шампанским и поскользнулась на идеальной поверхности ванны. Уцепилась в последний момент за этажерку, которая тут же с грохотом свалилась на пол. Бокал рассыпался на тысячу осколков, шампанское разлилось по полу. Ну а я от стыда ушла под воду и решила сидеть там как можно дольше.

Под водой было тепло, тихо, хорошо. Один минус: воздуха не хватало. Пришлось явить себя миру. Или одному очень веселому огневику, который уже убрал последствия моей разрушительности и даже налил новый бокал игристого.

– Прости. – Я виновато вздохнула. – Отвлекла?

– Повеселила. Я надеялся, ты позовешь потереть тебе спинку. А ты позвала вытереть пол.

– Ну хва-а-ати-и-ит, – я простонала и снова спряталась в клубах пены. – Я потянулась за вином.

Перед носом очутился бокал, из которого я тут же сделала два хороших глотка. Прохладный сладковатый напиток с медовым ароматом, горячая вода, совсем не остывающая – мы же в доме огненного короля, в конце концов. Ароматная пена и блуждающий по телу подернутый поволокой взгляд, от которого еще жарче.

Наши взгляды встретились, и я крепче сжала ножку бокала, отстраненно подумав, что если сломаю его и осколки попадут в воду, то купанию придет конец.

Медленно, не сводя с меня глаз, Бастиан обошел ванну и остановился так, чтобы быть у меня за спиной. Убрал мокрые волосы с груди, обнажив чуть больше, чем скрывала пена. Пальцами прошелся по ставшей чувствительной не то от пара, не то от близости коже на шее.

Мне показалось, будто я очутилась в одном из тех хороших снов.

– Несколько раз, – я поразилась тому, как хрипло звучал голос, – мне снился человек, лица которого я никогда не видела. С ним было так хорошо и спокойно.

Его пальцы спустились ниже, коснулись воды. Обрисовали контуры груди, будто случайно задев напряженные чувствительные соски. Я выгнулась, закрыв глаза, отдаваясь ощущениям и совсем забыв, что еще недавно нервничала, достаточно ли хорошо выгляжу.

– Ты почти никогда не пускала меня к себе в сон, – вдруг произнес Бастиан.

Я широко распахнула глаза.

– Это был ты?! Но… я… откуда…

– Мой отец был темным. Считается, что магия хоть и зависит от наследственности, не бывает двойственной. Так оно и есть, но и бесследно сильный темный маг в родне не проходит. Способность создавать проекции и связывать сны у меня есть. Очень слабая, поэтому мне удалось всего пару раз поймать тебя.

– Тогда почему ты сказал, что тебя еще не существует?

Он долго молчал прежде, чем ответить. Водил руками по моему телу, разжигая внутри огонь. Как будто точно знал, как именно и где нужно прикасаться, чтобы из головы вынесло все мысли, оставив только мольбу: «Не останавливайся».

– Я не был уверен, что выживу. Если бы умер, ты бы не узнала, что во сне был я, и ждала кого-то, с кем будет так же хорошо.

Когда я думаю о том, что он тогда мог умереть, мне почти физически плохо. А сейчас одновременно было и плохо, и хорошо, я потерялась и вообще перестала понимать, что происходит. Только еще сильнее выгнулась, подставляясь под дразнящие ладони, поймала губами невесомый поцелуй и тихо всхлипнула в надежде на большее. Бортик ванны больно впился в шею.

В темных глазах, куда я успела заглянуть прежде, чем рука Бастиана скользнула под воду, полыхал огонь. Я не была к нему готова, до дрожи боялась сгореть в пламени короля, которого почти не знала.

– Делл… поцелуй меня, – выдохнул Бастиан мне в губы. – Когда ты целуешь, мне почти не больно…

Мы целовались, пока в легких не закончился воздух. Не было ни сил, ни возможности отстраниться. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он снял дурацкую рубашку и залез в чертову ванну, ощутить тяжесть тела, провести ладонями по рельефному

горячему торсу с пересекающим его шрамом, почувствовать сильное биение сердца. Но Бастиан не спешил, а мне не хватило смелости.

Силы закончились вместе с накатившей волной удовольствия, а на смену возбуждению пришли усталость и смущение. За то, что забыла об отсутствии одежды, за то, что подавалась навстречу рукам, позволяла касаться так, как ему хочется, забыв обо всем, что должна помнить.

Я лишь не слишком уверенно потянулась к полотенцу, когда Бастиан одним движением посадил меня на бортик. Но до полотенца было слишком далеко, и пришлось ждать, когда он сам закутает меня в мягкую и белоснежную ткань.

– Не хочу, чтобы это заканчивалось, – сказала я.

Получилось почему-то грустно.

– Эй, Делли, – он улыбнулся, – ты что? У нас все выходные впереди.

– Я знаю. Просто мне почему-то страшно.

– Ты боишься меня?

– Нет, – покачала головой. – Остаться без тебя.

– Хочешь, покажу фокус?

Смерив парня подозрительным взглядом, я кивнула. Тогда Бастиан подхватил меня на руки и вытащил из теплой, наполненной паром ванной в холодную темную спальню. Под одеяло.

Сердце забилось чаще, и я в очередной раз попыталась было задуматься о собственной готовности к серьезным шагам, а потом обругала себя на чем свет стоит. О какой готовности вообще можно думать после таких водных процедур? Я не такая, я жду трамвая?

Я думала, смутные воспоминания Таары мне помогут. А оказалось, все шишки приходится набивать самостоятельно.

Опуститься на мягкую подушку было так безумно приятно, что я зевнула и на секундочку закрыла глаза. Сквозь плотные шторы в комнату не проникал ни один луч занимающегося заката.

– Фокус, – почувствовала осторожный поцелуй в висок.

И уснула. Уже отрубаясь, все хотела спросить, в чем именно фокус, а потом дошло. Но впереди были целые выходные, на которые мы сбежали из школы… а еще дальше маячили день рождения, выпускной, летнее знакомство с семьей.

И все вроде бы стало хорошо. Если очень захотеть, можно было даже поверить…

Сначала я ощущаю слабое дуновение ветерка, непривычную

свежесть, незнакомый запах. Приятный, но немного тревожный. Он чем-то напоминает тот особый запах метро. Я чувствую себя совершенно счастливой, но почему ж так хочется выть на три луны, а на одну – особенно громко? Не хочу снова в кошмар! Как я от них устала!

Потом включается зрение. И первое, что я вижу, – Кейман. Он смотрит на меня все тем же холодным взглядом, с которым бросил одну, не добившись взаимности.

– Что происходит? – онемевшими губами спрашиваю я.

Крост криво усмехается.

– Поздравляю. Ты научилась контролировать сны. Это – мой.

Это вот так выглядит контроль? Без объявления войны закинуть меня в очередной кошмар? Я не хочу!

– Где мы?

Я осматриваюсь. Низкие своды пещеры давят, внушают иррациональную тревогу, хотя все вокруг спокойно. Лишь красноватый свет исходит от небольших скоплений кристаллов, разбросанных по земле то тут, то там. Однако я нутром чувствую, что мы очень глубоко. Там, куда не забрести смертному.

– Это подземный мир?

– Почти. Идем.

Кейман решительно направляется по каменному коридору куда-то вглубь пещер, и мне ничего не остается, как последовать за ним.

Мы идем так быстро, что в конце, там, где тоннель расширяется и переходит в большую, даже, я бы сказала, огромную пещеру, нагоняем Таару. Я ужасаюсь виду богини: под глазами залегли темные круги, руки исцарапаны, длинное черное платье, некогда бывшее роскошным, превратилось в лохмотья. Таара идет пошатываясь, с трудом переступая босыми ногами и едва заметно морщась от острых камней, попадающихся на пути. Демонические перепончатые крылья безвольно висят, волочась за ней по земле.

– Что это… что… – Меня посещает жуткая догадка.

– Да. Это та ночь, когда я убил ее, – подтверждает Крост.

Меня захлестывает паникой. Той, которая мгновенно отключает любую решимость, от которой накатывает тошнота.

– Я не хочу смотреть.

– Придется.

– Что с ней?

– Она безумна.

– Не понимаю… я не знаю ничего о жизни Таары после… после вашего с Акорионом соглашения. Что привело ее к этому?

– Не что. А кто. Акорион знал, что делает. Его устраивала безумная сестра. Он просто подталкивал ее шаг за шагом.

Придумывал для нее все новые ритуалы. Знаешь, как зависимый подсаживается на дурман? Как увеличивает дозу, раз за разом догоняя кайф, который дарит зелье? С хаосом все то же самое. Самый откровенный секс, граница которого каждый раз сдвигается. Самые опасные ритуалы, кровавость которых нарастает. Самые жуткие эксперименты. Нет ничего плохого в том, чтобы выйти к людям, верно? Стать для них богиней, получить порцию обожания и уважения.

Таара останавливается, опирается о стену и закрывает глаза. Искусанные губы с запекшейся черной кровью что-то беззвучно шепчут.

– А потом кажется, что нет ничего плохого в том, чтобы получать дары от смертных. Потом тебе нужна свита, ведь сила растет, и величие тоже. Только принцессы достойны богини и только страшная смерть смиряет их с ее абсолютной властью. Они должны прислуживать из страха перед ничтожной частичкой мук хаоса, которые успели испытать в его пламени.

– Ты говоришь ужасные вещи.

– Не я. Акорион. Он создавал свою богиню. Когда я возненавидел ее, он любил, оберегал, превращал в идеальную Таару. Она сходила с ума, а он стоял за ее спиной. Она хохотала, когда гибли миллионы смертных. Так же, как ты движением руки вызываешь грозу, Таара уничтожала города. И тогда я понял, что обида, заставившая меня уйти, бросить ее с братом, была самой большой моей ошибкой. Я вступил в войну с ней и почти победил.

– Ты ее так?

– Я.

– И что теперь?

– Она идет к хаосу. К самому краю мира мертвых.

Я задыхаюсь от странного иррационального ужаса, когда вижу гигантскую расщелину в пещере. Там клубится тьма. Не дым, не черная жидкость, а самая настоящая тьма во всех ее проявлениях. Как черные опалы в коллекции украшений Таары, на краях расщелины поблескивают пучки кристаллов чистой магии. Смертоносными змеями из расщелины вырывается черный туман. Там же будто в вакууме плавают капли переливчатой жидкости. А еще пылает черное пламя, от которого даже на расстоянии жарко. Земля чуть дрожит, а Таара останавливается, вытянув руку в сторону хаоса, и закрывает глаза.

– Что ты творишь?! – раздается рык Кроста, но не того, что стоит рядом со мной.

Прошлый Крост непривычно коротко подстрижен и тоже изрядно потрепан. На темно-красной льняной рубашке расплылось кровавое пятно. Рука сжимает меч, в котором я сразу же узнаю

оружие, способное убить богиню. Меч из чистой темной магии, что Акорион хранит под замком.

– Таара, что в этом мире такого, что ты готова его уничтожить?!

– Я не хочу больше их слышать. Они успокоятся, если хаос все поглотит.

– Нет, и ты это знаешь. Мы станем частью хаоса, мы присоединимся к тем, кто сейчас воет из его глубин. Остановись. Если в тебе еще есть что-то от той девочки, что я любил, остановись.

– Любил… – эхом повторяет она.

– Люблю.

Оборачивается, рука срывается – и дрожь земли становится сильнее.

– Нет, – смеется, качая головой.

Безумный, дикий смех. Жестокий, от него кровь стынет в жилах.

– Нет, Крост. Ты скажешь все что угодно, чтобы я не выпускала хаос, но…

Она смотрит на тьму за спиной, на медленно тянущиеся лоснящиеся от стекающей магии щупальца.

– Уже поздно. Он чувствует меня. Он почти свободен.

– Ты глупая девочка.

Крост подскакивает к ней, сжимает плечи и как следует встряхивает.

– Очнись же, хотя бы на минуту! Таара! Что он с тобой сделал…

– Кто я, Крост? – равнодушно и грустно спрашивает она. – Для чего я здесь? Почему только мы трое?

– Я не знаю. Ты думаешь, я никогда не спрашивал себя? Мы просто есть.

– Я не хочу быть.

– Уничтожить все – не выход. Выпустить хаос тоже. Таара! Я обещаю, я исправлю все. Придумаю что-нибудь, вылечу тебя, я…

– Я не больна, Крост. Это всего лишь я.

– Нет! Эту девушку я не знаю. Моя девочка умерла в тот день, когда он заполучил твою душу. Но она еще может вернуться. Я же вижу. Вспомни себя, вспомни то время, когда ты билась в клетке, которую я создал. О чем ты мечтала? Чтобы все сожрало темное пламя? Чтобы мир захлебнулся в крови? Обречь нас всех на муки? Или о свободе? О том, чтобы летать с драконами…

Она закрывает глаза, из которых на щеки проливаются две дорожки слез.

– Их больше нет. Там… там теперь властвуют другие

существа. Их сделала я.

– Не ты, Таара, твой брат!

– Я. Я – мать всех жутких тварей, которые превратили Штормхолд в кровавую баню. Я придумывала для них ядовитые шипы. Острые клыки. Щупальца. Лапы. Ты не представляешь, что я создала!

– Мы все исправим. Уничтожим порождения тьмы, вместе восстановим мир…

– Я слышу их. Тех, кто умирает. Хаос для них не мука, а спасение. То, что происходит наверху, в миллионы раз страшнее!

– Таара… я прошу, остановись. Мы вместе создадим твоих любимых драконов. Штормхолд снова станет таким, как ты любишь. Я не убью твоего брата, мы запрем его и придумаем, как вылечить вас обоих. Таара… я дам тебе свободу. Захочешь жить без меня – и никогда не услышишь больше мой голос. Остановись, я умоляю. Я очень сильно люблю тебя, я так и не выжег из сердца любовь к тебе, порой мне кажется, что я не могу без нее существовать, но идем со мной, и я никогда к тебе не прикоснусь. Прости меня.

Она поднимает на него полные слез глаза. Сейчас Таара совсем не выглядит безумной богиней, скорее потерянной девочкой. За ее спиной все больше выплескивается хаос, и… о демоны, Крост видит это, и с каждой секундой надежда в его глазах угасает.

– Я не должен был так мучить тебя.

Она грустно улыбается не то его словам, не то собственным мыслям. Раскрывает ладонь, и на ней появляется крошечный шарик, сплетенный из молний. Я не понимаю смысл этого жеста, но Кейман – тот, что стоит рядом со мной, – отворачивается. А Крост из прошлого сжимает рукоять меча с такой силой, что на темную землю капает кровь.

– Я думал, мы не можем иметь детей…

– Мы ведь не знаем, откуда и как мы появились. Быть может, дети появляются, когда рождается любовь? Мне бы хотелось быть рожденной любовью…

Шарик поднимается вверх, он крепнет и сияет все ярче.

– Я не могу выпустить нашу дочь в мир, который создала.

– Но уничтожить его – не выход.

– Как бы ты назвал ребенка?

– Думаешь, это мальчик?

– Нет, – улыбается она мечтательно. – Девочка. Красивая девочка с каштановыми волосами. Деллин… я бы назвала ее Деллин. Я всегда хотела, чтобы меня так звали. Это имя одной из принцесс… она так и не покорилась. Отправилась в хаос.

Бездна издает дикий вопль. От него я подскакиваю на месте, а

Таара в ужасе прижимается к груди Кроста. Женский крик, полный ужаса, боли и ненависти, потрясает меня до глубины души. Деллин… Таара все повторяет ее имя, а бездна кричит, словно подхватывая ее страхи и воспоминания.

Свободной рукой Крост прижимает девушку к себе. Я вижу в темных глазах слезы. Он носом утыкается в макушку любимой, все еще сжимая в руке меч. И, когда щупальца почти касаются платья Таары, меч с пугающей мягкостью входит в ее грудь, прямо в сердце. Она оседает наземь, и Крост вместе с ней, а бездна взрывается тысячей криков.

Впрочем, они вскоре стихают. По мере того, как тускнеет взгляд богини, хаос возвращается в свою расщелину.

Изо рта Таары вытекает черная кровь.

– Прости. Ты знаешь, что иначе хаос не усмирить. Прости меня, родная. Я обещал защитить тебя.

– Крост… скажи… тогда, когда ты отдал меня ему… ты еще любил меня? Ты правда до сих пор… любишь?

Крост молчит. Держит ее на руках и молчит, вглядываясь в ее… в мое лицо. Сейчас Таара как никогда похожа на себя в новом воплощении.

– Ну же, скажи… – шепчу я.

Мне и самой нужно, чтобы он ей ответил.

Она смотрит умоляюще, а он молчит.

– ДА СКАЖИ ТЫ ЕЙ! – рычу я, бросаясь к ним.

Но успеваю увидеть, лишь как взгляд Таары гаснет навсегда.

А потом Крост и хаос сливаются в одном диком, полном боли вое.

Хаос оплакивает свою богиню. Крост – любимую.

Я оплакиваю себя.

Стены пещеры идут легкой рябью, пережитое потрясение готово вырвать меня из кошмара. И сейчас впервые проявляется контроль: я сжимаю кулак, не позволяя сну развеяться. Хочу увидеть Кеймана, хочу понять, что он чувствует.

Он молча стоит у самой границы расщелины, неотрывно глядя вниз. И что видит там? Я не хочу знать.

– Мне жаль, что я появилась в твоей жизни и все испортила, – говорю я. – Нужно было убить меня на Земле. Было бы проще.

– Я убивал тебя тысячи раз. Находил на Земле. Срывался в школе. Каждый раз, когда закрывал глаза, сразу видел твои, угасающие. Не только тебя мучают кошмары, Деллин.

– Кейман, я…

– Уходи.

– Не прогоняй меня. Пожалуйста. В прошлом году ты сказал, что не хочешь меня терять. Мне бы так хотелось, чтобы это было

правдой.

– Я сказал так, чтобы ты себя не убила.

– Не оставляй меня, пожалуйста, – шепотом прошу. – Я без тебя не справлюсь. Я не знаю, что делать, как с ним сражаться. Как справиться с силой.

– Я тоже не знаю, Деллин. – Кейман качает головой. – Я пытался дважды. Больше нет ни сил, ни желания. Возвращайся к нему. Попробуй этот путь, потому что прошлый привел тебя в бездну. И если этому мальчику не придется собственноручно оборвать твою жизнь, значит, он уже лучше меня. Уходи.

– Нет, Кейман, подожди!

Но он тоже обладает колоссальной силой. И может оборвать сон в один момент. Он ведь не мой, кошмар этот. Совсем не мой…

Я открыла глаза резко, вынырнув из сна, как из воды. Хватнула ртом воздух, поняла, что ресницы слиплись от слез. В комнате царила тьма. Мерное дыхание спящего рядом Бастиана немного успокоило, но сердце все равно бешено колотилось. Я полежала несколько минут, уговаривая себя успокоиться, но там, где в Таару вошел нож, неприятно ныло. И я поняла, что не смогу сейчас уснуть даже рядом с Бастианом. Мне нужен воздух… или немного воды. Посидеть в одиночестве, осмыслить увиденное. Пережить потрясение.

Я бросила взгляд на Бастиана. Он крепко спал на соседней подушке. Без своей привычной полуулыбки. От одного взгляда на него теплело все внутри, но сейчас этого тепла было мало. Когда я вылезла из постели, руки мелко дрожали.

Еще минута ушла на то, чтобы найти одежду, но она осталась где-то в комнате, где я переодевалась в платье. Комнату я не нашла, пришлось вернуться в ванную и найти подарок Бастиана, заботливо сложенный на полку рядом с чистыми полотенцами. Странно, конечно, было спускаться за водой в вечернем платье, но еще страннее было бы спуститься к охране голой или в коротеньком полотенце.

Я старалась ступать бесшумно, но пару раз лестница все равно предательски скрипнула.

Охранник у дверей почтительно кивнул. Ну и работка: просто стоять и дежурить в доме хозяина. Всю ночь напролет, без права отлучиться. Хотя им наверняка платят бешеные деньги.

Я с трудом нашла кухню, а спрашивать постеснялась. Поэтому когда наконец нашла столовую, за которой виднелась нужная дверка, с радостью туда устремилась, не заметив поначалу фигуру у больших часов с красивым бронзовым маятником в виде язычка пламени.

Потом вздрогнула, когда тень вышла на свет.

– Брина! Боги, ты меня напугала!

– Здравствуй, – каким-то странным голосом отозвалась подруга.

– Ты в порядке? Что ты здесь делаешь? Тоже сбежала из школы?

– Я искала тебя. Ты не должна была уходить на ночь.

– Да. Я знаю. Прости, что не предупредила. Я так хотела сбежать от обсуждений случившегося, что… прости.

– Я искала тебя по всей школе.

Она схватилась за голову.

– Брина! – Я подскочила к ней. – Тебе больно? Я сейчас позову Бастиана!

– Нет! – Она неожиданно резко и крепко схватила меня за запястье.

Посмотрела мне в глаза, и по коже прошел мороз: сейчас Брина выглядела так, словно не спала несколько недель. Темные круги под глазами, опухшее лицо, искусанные потрескавшиеся губы.

– Я устала, Делл… я так устала. Прости меня.

– Брина, что случилось?! Объясни мне, наконец!

– Он… это какая-то колдовская власть. Он во мне. В моей голове. В моем мире. Он – мир.

Она как будто обезумела, бормотала что-то, терла висок свободной рукой.

– Хорошо. Успокойся. Сейчас разбудим твоего брата, он…

– Он предупреждал, что или ты будешь принадлежать ему, или никому на этом свете.

– Что? – у меня упало сердце.

– Прости, Деллин.

Она покачала головой. Я вскинула руку, но Брина перехватила мою руку, отрезав доступ к браслету с крупицами. В слабом свете трех лун сверкнула сталь. В последний раз я дернулась, пытаясь увернуться от острого ножа, но Брина с неожиданной для хрупкой девушки силой дернула меня на себя.

Когда длинный нож входит в тело – это совсем не больно в первые секунды. Боль приходит потом, вместе со вкусом крови на губах. Я увидела свое отражение в абсолютно пустых и отрешенных глазах Брины. Успела вознести молитву единственному богу, который еще мог меня услышать, чтобы с Бастианом ничего не случилось.

Потом закрыла глаза. Как всегда, когда отправлялась в царство кошмаров. Теперь я останусь там навсегда.

* * *

Ну, здравствуй, хаос.

Не надеялась же ты, Деллин Шторм, что после смерти снова отправишься на Землю? Хотя было бы забавно. И Бастиан, повзрослев, превратившись в циничного, опытного и саркастичного мага, заберет тебя в Штормхолд, чтобы не позволить Акориону снова добиться своего.

Хотя я бы предпочла забвение, наверное. Стать частью магии, провалиться в вечную тьму. Но никто и не сомневался, что такую душу, как наша с Таарой, ждет вечная мука.

Я уже знаю дорогу, Крост подсказал ее. Бреду по тоннелям подземного мира, жалея, что некому проводить меня, как Таара провожала души. Некому рассказать о том, что ждет дальше.

И о том, что осталось наверху.

Хотя… я вижу у самого края бездны фигуру. Она кажется смутно знакомой, но не принадлежит ни Тааре, ни Кросту. Это женщина в темно-сером плаще. Она стоит, склонившись над расщелиной, и до меня доносится негромкое пение.

Знакомая до боли колыбельная.

Фигура оборачивается.

– Мама?!

– Деллин, детка, – ласково улыбается она. – Как жаль видеть здесь тебя. Я не думала, что все так обернется.

– Мама, ты же умерла! Это какой-то бред, это что, сон?!

– Ну, детка, не нужно так пугаться. У тебя даже голос дрожит. Это не сон, к сожалению. Это смерть, Деллин. Я – смерть.

– О чем ты говоришь?

Она грустно вздыхает и делает несколько шагов в моем направлении, но я испуганно отшатываюсь.

– Деллин, меня не нужно бояться. Я всегда была твоей матерью. И я люблю тебя очень сильно.

– Тогда объясни, что происходит! Кто ты?

– Это сложно. Уставшей душе незачем причинять себе еще большую боль. Идем, – она протягивает руку, – я провожу тебя.

– Я никуда не пойду!

– Но ты не можешь остаться. Ты умерла, Деллин. Время уйти.

Я пытаюсь прислушаться к ощущениям, поймать рваный ритм сердца, найти в себе слезы, но чувствую только нечто очень похожее на сухую обжигающую боль разочарования. От того, что не успела.

Не успела сказать Бастиану, что он – единственный парень, в которого я влюбилась.

Не успела сказать Аннабет, как сильно я бы хотела снова с

ней дружить.

Не успела и не смогла защитить Брину.

Не сказала Кейману, как он мне дорог.

Не спасла их всех от Акориона.

Не успела попрощаться.

– Это несправедливо. Я ничего не успела!

– Мне тоже очень жаль, Деллин. Ты была чудесной девочкой. Лучшим из моих творений.

– Твоих творений?

Это все какой-то бред умирающего мозга.

– Значит, ты – моя настоящая мать? И никакая не смертная женщина, спасшая ребенка, убежавшая с ним на Землю? Ты всегда притворялась… для чего?

Она вновь поворачивается к расщелине. Мне чудится в протянутой к тьме руке какая-то грусть.

– Все живое умирает. Мертвое становится живым. Таков порядок, Деллин. Закон, который выше смертных. Выше богов. Выше хаоса и смерти. Мы обеспечивали порядок миллионы лет.

– Мы?

– Хаос. – Мама улыбается бездне. – И смерть. Ты – наша дочь, которая должна была прийти на смену. Крост – душа Штормхолда, возрождающаяся вместе с каждым новым рождением жизни. Идеальная пара, такая же, как и мы. Живое. И мертвое. Бог жизни. Богиня смерти.

– А Акорион? Он как затесался в твой идеальный пантеон?

– Даже высшие сущности ошибаются, Деллин. Акорион – моя ошибка. Твой брат, которого не должно было случиться. Темная энергия, вырвавшаяся в мир смертных в тот момент, когда я создала тебя. Подойди, детка.

Я не двигаюсь с места.

– Не бойся. Он не причинит тебе вреда. Подойди.

Я останавливаюсь рядом с ней, у самого края расщелины. Мама наклоняется, зачерпывает горсть черного тумана.

– Миром правит баланс. Черное и белое. Зима и лето. День и ночь. Жизнь и смерть. Крост и Таара. Учитель и воспитанница. Муж и жена. Я не знала, что в Штормхолд вырвался кусочек хаоса. Он принимает любые формы. Подстраивается под окружающий мир. Хаос губителен и для живого, и для мертвого. Конечно, он стал таким, как моя Таара. Ее братом. Половинкой ее души. Они вместе были созданы, и его влияние оказалось колоссальным. Больше всего на свете я мечтала уйти в хаос, стать его частью, оставив Штормхолд вам с Кростом. И потерпела поражение.

– Почему ты просто не можешь уйти? Почему тебе так важно

оставить кого-то вместо себя?

– Все любят своих детей. Штормхолд – мое детище, заботливо выращенное. Я – смерть, а значит, если умрет он, умру вместе с ним.

– Но если я мертва, то… что? Все начинать с начала? Акорион уничтожит Штормхолд!

– Да. Это так. Твой брат не имеет души, а значит, если победит, уничтожит и Штормхолд, и Землю.

– Тогда я должна вернуться… я не знаю, выжить, как-то снова… ты же сказала, что должен быть баланс! Крост совсем один!

– Я не могу вмешиваться в законы мироздания. Не могу повернуть смерть вспять.

– И что, это конец? Я отправлюсь на муки в хаос, а Акорион уничтожит все, что мне дорого? Какой смысл в таком порядке? Должен быть выход!

– Да, Деллин. Порядок нельзя нарушить. Живое умирает. Мертвое становится живым, – напоминает мама.

Я закрываю глаза.

– Ты не можешь вернуться. Твой путь окончен. Вернуться должна Таара.